

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

2024. Том 11, № 4

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2024

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» (Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya) – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала «Гуманитарные и юридические исследования» – способствование развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследия западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информацию о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала: Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право; уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена. Дата выхода в свет текущего номера: 27.12.2024.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.
E-mail: gujournal@ncfu.ru; сайт: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

Адрес издательства Научной библиотеки ФГАОУ ВО «СКФУ»:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

Материалы журнала открытого доступа в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License, которая разрешает их использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы.

Авторское право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

ISSN 2409-1030

2024. Volume 11, No. 4

Published four times a year

Stavropol
2024

“Humanities and law research” journal

“Humanities and law research” journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of “Humanities and law research” journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of research articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and All-Russia conferences. An important area in the journal’s activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

“Humanities and law research” journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal “Legal research” (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name “Humanities and law research”

Circulation: 500 copies

Free price. Publication date of the current issue: 12.27.2024.

Postal code 94078 “Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines”.

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office and publisher: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

E-mail: gujournal@ncfu.ru; website: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

The address of the publishing house of the Scientific Library of the NCFU:

1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Journal content is an open access under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 License, which permits use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

Copyright for the original layout and design belongs to the journal,
copyright for the articles belongs to the authors

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научно-теоретический журнал

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет

Исмаил Тогрул – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор, профессор, заведующий отделом политологии и международных отношений Университета Кахраманмараса Сутчу Имама (г. Мерсин, Турция);

Мамонов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);

Мелконян А. А. – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);

Мюллер В. – д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);

Репина Л. П. – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);

Саваи Ф. – д-р ист. наук, профессор, профессор института истории Реформатского университета Кароли Гаспара (г. Будапешт, Венгрия);

Фролов Д. Д. – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор, Бард-колледж (Аннандейл-он-Гудзон, США);

Анисимов А. П. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);

Артамонова Е. А. – д-р юрид. наук, доцент, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, профессор (г. Ставрополь, Россия);

Бакаева О. Ю. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Беликов А. П. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Блинов А. Г. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Борисова Т. Г. – д-р. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, Россия);

Бредихин С. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Булыгина Т. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гладышев А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);

Грязнова В. М. – д-р. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гусаренко С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Демченко Т. И. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Дроздова А. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ежова Е. Н. – д-р. филол. наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каменский М. В. – д-р филол. наук, доцент, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каширина Т. В. – д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия);

Клюковская И. Н. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Клычников Ю. Ю. – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);

Колесникова М. Е. – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Краснова И. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Кузьминов П. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);

Ласкова М. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Мехди Хоссейни Тагиабад – доцент факультета права и политических наук Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);

Мирошниченко Н. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);

Мухачёв И. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Навасардова Э. С. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Позднышов А. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Попов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Радбиль Т. Б. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);

Рыженков А. Я. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);

Савина В. С. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия);

Серебрякова С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Старилов Ю. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия);

Цихорацкий П. – д-р. ист. наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);

Чаннов С. Е. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Чичман Л. – д-р. полит. наук, профессор университета Иштвана Сечени (Дьер, Венгрия) (Будапешт, Венгрия);

Шварц И. – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);

Шебзухова Т. А. – д-р ист. наук, профессор, директор Пятигорского института (филиал) Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск, Россия);

Щербакова Л. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Шибкова О. С. – д-р филол. наук, профессор, заместитель декана факультета международных отношений, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ширяева Т. А. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск, Россия).

Переводчик-редактор

Марченко Т. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education "North-Caucasus Federal University"

Editor-in-Chief

Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief

Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor

Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of Russian History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council

Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Professor, Head of the Department of Political Science and International Relations at Kahramanmaraş Sutcu Imam University (Mersin, Turkey);

Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);

Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Armenia);

Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);

Lorina P. Repina – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor, Institute of History, Károly Gaspar Reformed University (Budapest, Hungary);

Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board

Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Bard College (Annandale-on-Hudson, USA);

Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);

Elena A. Artamonova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Russian History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandr G. Blinov – Doctor of Law, Professor, Head of Criminal and Criminal Executive Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Tatiana G. Borisova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Native Languages and Linguodidactics Department Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia);

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);

Violetta M. Gryaznova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandra M. Drozdova – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Elena N. Ezhova – Doctor of Philology, Professor, Head of Advertising and Public Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mikhail V. Kamenskii – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana V. Kashirina – Doctor of History, Professor, Head of International Relations and Foreign Policy of Russia Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);

Irina N. Klyukovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Yurii Yu. Klychnikov – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);

Marina E. Kolesnikova – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Irina A. Krasnova – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Petr A. Kuzminov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);

Marina V. Laskova – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Nadezhda V. Miroshnichenko – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);

Igor V. Mukhachev – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mehdi Hosseini – Associate Professor, Faculty of Law and Political Science, University of Tehran (Tehran, Iran);

Eleonora S. Navasardova – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexey N. Pozdnyshov – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);

Vasilii V. Popov – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Timur B. Rudbil – Doctor of Philology, Professor, Head of theoretical and applied linguistics Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia);

Anatolii Ya. Ryzhenkov – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);

Victoriya S. Savina – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);

Svetlana V. Serebriakova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Saratov, Russia);

Yurii N. Starilov – Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law Department, Voronezh State University (Voronezh, Russia);

Piotr Cichoracki – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wrocław, Poland);

Sergey E. Channov – Doctor of Law, Professor, of Information Law and Digital Technologies Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

László Csicsmann – Doctor of Political Sciences, Professor István Széchenyi University (Győr, Hungary) (Budapest, Hungary);

Iskra Schwarcz – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);

Tatiana A. Shebzuhova – Doctor of History, Professor, Director of the Pyatigorsk Institute (branch) of the North Caucasus Federal University (Pyatigorsk, Russia);

Ludmila M. Shcherbakova – Doctor of Law, Professor; Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Oksana S. Shibkova – Doctor of Philology, Professor, Vice Dean, Faculty of International Relations, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana A. Shiryaeva – Doctor of Philology, Professor, Head of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

Translator-editor

Tatiana V. Marchenko – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акопян В.З., Акопян З.В., Ермаков В.П. К истории Пятигорского Лермонтовского народного университета	619
Амбарцумян К.Р., Труфанова В.М. Преступность как элемент постреволюционной повседневности малого города южной провинции	629
Бедрик А.В., Войтенко В.П. Исторические диаспоры и консолидация полиэтнического социума Юга России	639
Евдокимова Т.В. «Зеленые» ФРГ «первого часа»: социальные особенности электората	644
Каширина Т.В. К вопросу о факторах трансформации современных международных отношений	651
Козлова Д.Ю. Губернер Моррис и салоны революционной Франции	656
Лазарян С.С., Клычников Ю.Ю. Человеческое измерение в повседневной жизни православного священничества в условиях северокавказского фронта первой половины XIX века	661
Николаенко Н.Д., Рутковская М.В. Служебная деятельность незаслуженно забытого офицера Николая Петровича Беклемишева	668
Огаркова И.В., Рыкун Г.Н. Исторические предпосылки формирования социальной политики в Испании в конце XIX – начале XX вв.	680
Пантюхина Т.В. Нефтяной вопрос в контексте англо-русского экономического соперничества в Персии на рубеже XIX – XX веков	687
Покотилова Т.Е., Судавцов Н.Д. Ставропольская дума и благотворительность (на материалах XIX – XX веков)	696
Покотилова Т.Е., Шебзухова Т.А. Дворянство и благотворительность на Ставрополье в XIX – начале XX вв.	704
Туфанов Е.В., Яхутль Ю.А. Партийные организации РКП(б)–ВКП(б) Юго-Востока России 1920-е гг.: организационно-кадровый потенциал	715
Чикаева К.С. Военная служба как системообразующий фактор в жизни дворянства императорской России	723
Чомаев З.А. Ибн аль-Джаузи: основные вехи жизненного и творческого пути багдадского ученого (XII в.)	729

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Галицкая Н.В. Правовое регулирование обеспечения продовольственной безопасности в России в XVIII–XIX вв.	737
Гуныкин Ю.И. К вопросу об общественной опасности преступлений, совершаемых организованными группами	743
Идрышева С.К. Договоры возмездного оказания услуг по законодательству России и Казахстана	750
Краснощеков А.А. Стадии процедуры лицензирования в сфере высшего образования	758
Навасардова Э.С., Буркин Д.О. Риск-ориентированная оценка проведения эксперимента по взиманию курортного сбора на Кавказских Минеральных Водах	765
Шатохин Е.В. Коррупция как фактор формирования переходного государства	773

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бондарчук Г.Г., Горожанов А.И. Репрезентация категории наименований одежды в американской лингвокультуре (корпусное исследование)	780
Гусаренко С.В., Гусаренко М.К. Функционально-семантические, макроструктурные и пресуппозиционально-прагматические параметры сгенерированных русскоязычных текстов в лингвистических нейросетях GigaChat, ChatGPT Марти и Яндекс Алиса	788
Смирнова И.В. Стратегия апелляции к смущению/чувству вины	802

РЕЦЕНЗИИ

Коробкина И.А., Вартумян А.А. Иванов А.Г. Мюнхенское соглашение – 1938 г.: анатомия предательства: монография / А.Г. Иванов; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. Ун-т, 2023. 154 с. 500 экз.	809
--	-----

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Кудрявцев А.А., Судавцов Н.Д. Научно-практические мероприятия СКФУ 2023–2024 гг., приуроченные к юбилейным датам со дня подписания международных договоров как фактор сохранения исторической памяти у учащейся молодежи	812
---	-----

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Akopyan VZ, Akopyan ZV, Ermakov VP. On the history of Pyatigorsk people's university named after M.Y. Lermontov	619
Ambartsumyan KR, Trufanova VM. Crime as an element of post-revolutionary everyday life in a small town in the Southern province	629
Bedrik AV, Voytenko VP. Historical diasporas and consolidation of the polyethnic society of the South of Russia	639
Evdokimova TV. The "Greens" of the "first hour" in the Federal Republic of Germany: social characteristics of the electorate	644
Kashirina TV. On the factors of transformation of modern international relations	651
Kozlova DYU. Gouverneur Morris and the salons of revolutionary France	656
Lazaryan SS, Klychnikov YuYu. The human dimension in the everyday life of the Orthodox priesthood in the conditions of the North Caucasus frontier in first half of the 19th century	661
Nikolaenko ND, Rutkovskaya MV. The official activity of the undeservedly forgotten officer Nikolai Petrovich Beklemishev	668
Ogarkova IV, Rykun GN. Historical background of the formation of social policy in Spain in the late XIX - early XX centuries	680
Pantyukhina TV. The oil issue in the context of the Anglo-Russian economic rivalry in Persia at the turn of the XIX-XX centuries	687
Pokotilova TE, Sudavtsov ND. Stavropol Duma and charity (based on the materials of the XIX-XX centuries)	696
Pokotilova TE, Shebzukhova TA. Nobility and charity in the Stavropol region in the 19th – early 20th centuries	704
Tufanov EV, Yahutl YuA. Party organizations of the RCP(b)–the CPSU(b) of the South-East of Russia in the 1920s: organizational and personnel potential	715
Chikaeva KS. Military service as a system-forming factor in the life of the nobility of Imperial Russia	723
Chomaev ZA. Ibn al-Jawzi: the main stages of life and creative path of the Baghdad scholar (12th century)	729

LEGAL SCIENCES

Galitskaya NV. Legal regulation of food security in Russia in the 18th – 19th centuries	737
Gunkin Yul. On public danger of crimes committed by organized groups	743
Idrysheva SI. Contracts for the provision of chargeable services under the legislation of Russia and Kazakhstan	750
Krasnoshchekov AA. Stages of the licensing procedure in the field of higher education	758
Navasardova ES, Burkin DO. Risk-based assessment of the experiment on collecting resort fees in the Caucasian Mineral Waters	765
Shatokhin EA. Corruption as a factor in the formation of a transitional state	773

PHILOLOGICAL SCIENCES

Bondarchuk GG, Gorozhanov AI. Representation of the category of clothing names in American linguoculture (corpus-based research)	780
Gusarenko SV, Gusarenko MK. Functional-semantic, macrostructural and presuppositional-pragmatic parameters of generated Russian-language texts in the linguistic neural networks GigaChat, ChatGPT Marty and Yandex Alice	788
Smirnova IV. The fraudulent discourse: strategy of appeal to confusion / guilt	802

REVIEW

Korobkina IA, Vartumyan AA. Ivanov A.G. Munich Agreement – 1938: Anatomy of Betrayal: monograph / A.G. Ivanov; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Kuban State University. – Krasnodar: Kuban State University, 2023. 154 p. 500 copies	809
--	-----

SCIENTIFIC REVIEW

Kudryavtsev AA, Sudavtsov ND. Scientific and practical events of NCFU 2023-2024, timed to the anniversaries of the signing of international treaties, as a factor in preserving historical memory among students	812
---	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES



Научная статья

УДК 94(470.61)"1920/1930" (047)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.1>

К ИСТОРИИ ПЯТИГОРСКОГО ЛЕРМОНТОВСКОГО НАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Виктор Завенович Акопян^{1*}, Завен Викторович Акопян², Виктор Павлович Ермаков³^{1, 2, 3} Пятигорский государственный университет (д. 9, пр-кт Калинина, Пятигорск, 357352, Российская Федерация)¹ Кандидат исторических наук, доцент
zaven2005@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4734-1905>² Аспирант
zvakopyan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9759-7733>³ Кандидат исторических наук, профессор
ermakov@pgu.ru; <https://orcid.org/0009-0001-7460-7871>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Представленная статья посвящена актуальной и малоизученной теме в региональной историографии – истории возникновения и деятельности Пятигорского Лермонтовского народного университета (ПЛНУ). Несмотря на важную административную, курортно-санаторную и культурную роль Пятигорска в Северо-Кавказском регионе, наличие значительного интеллектуального потенциала, здесь только весной 1918 г. был образован Пятигорский народный университет имени М.Ю. Лермонтова. **Анализ.** В статье рассматриваются два этапа в деятельности Лермонтовского университета: до занятия региона Вооруженными силами Юга России под командованием Деникина (май 1918 – январь 1919 г.) и после восстановления советской власти на Тереке весной 1920 г., когда возобновилась деятельность ПЛНУ (май 1920 – июнь 1922 г.). Основное внимание обращается на второй этап истории учебного заведения, когда его возглавляли известные в тот период деятели образования и культуры Н.И. Проферансов и Н.Г. Виноградов – люди, далекие от идей, провозглашенных большевиками. В стенах ПЛНУ обучались в будущем выдающиеся деятели науки, культуры, образования, разных профессий, признававшие особую роль, которую сыграл Лермонтовский университет в их жизни. По своему профессорско-преподавательскому составу ПЛНУ превосходил некоторые обычные вузы. Однако слушателям, окончившим соответствующие курсы, не выдавались документы об образовании. **Материалы и методы.** В процессе работы над темой авторы применяли принципы объективности, историзма и системного подхода. При подготовке исследования были использованы историко-генетический и историко-

сравнительный методы. Основное внимание обращено на использование материалов из региональной периодики рассматриваемого времени. **Результаты.** По итогам проведенного исследования авторы сделали вывод о том, что объединение Лермонтовского университета с Пятигорским политехникумом (что фактически означало ликвидацию народного университета) объясняется не только экономическими причинами, но, прежде всего, политико-идеологическими, так как, в отличие от ПЛНУ, политехникум рассматривался властями как «чисто пролетарское учебное заведение». Авторы рассматривают основанный в 1939 году в Пятигорске педагогический институт – нынешний Пятигорский государственный университет наследником и преемником Лермонтовского народного университета.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кавказские Минеральные Воды, Терская губерния, народный университет, факультеты, учебный процесс

Для цитирования: Акопян В. З., Акопян З. В., Ермаков В. П. К истории Пятигорского Лермонтовского народного университета // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 619–628. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.1>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Research article

ON THE HISTORY OF PYATIGORSK PEOPLE'S UNIVERSITY
NAMED AFTER M.Y. LERMONTOVViktor Z. Akopyan^{1*}, Zaven V. Akopyan², Viktor P. Ermakov³^{1, 2, 3} Pyatigorsk State University (9 Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357352, Russian Federation)¹ Cand. Sc. (History), Associate Professor
zaven2005@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4734-1905>² Postgraduate student
zvakopyan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9759-7733>³ Cand. Sc. (History), Professor
ermakov@pgu.ru; <https://orcid.org/0009-0001-7460-7871>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article studies an urgent and little-studied topic in regional historiography – the history of the establishment and the activities of the Pyatigorsk People's University named after M.Y. Lermontov (PLPU). Despite the important administrative, spa and cultural role of Pyatigorsk in the North Caucasus region, and the presence of significant intellec-

tual potential, it was only in the spring of 1918 that the Pyatigorsk People's University named after M.Y. Lermontov was established. **Analysis.** The article examines two stages in the activities of Lermontov University: before the occupation of the region by the Armed Forces of Southern Russia under the command of Denikin (May 1918 – January 1919) and after the restoration of

the Soviet power on the Terek in the spring of 1920, when the activities of the PLPU (May 1920 – June 1922). The main attention is drawn to the second stage of the history of the educational institution, when it was headed by the well-known figures of education and culture at that time, N.I. Proferansov and N.G. Vinogradov, were people far from the ideas proclaimed by the Bolsheviks. In the future, outstanding figures of science, culture, education, and various professions studied at PLPU, recognizing the special role that Lermontov University played in their lives. In terms of the teaching staff, PLPU surpassed some ordinary universities. However, students who completed the relevant courses were not given educational documents. **Materials and Methods.** In the process of working on the topic, the authors applied the principles of objectivity, historicism and a systematic approach. Historical-genetic and historical-comparative methods were used in the preparation of the study. The main attention is paid to the use of materials from the regional periodicals of the time under consideration. **Results.** According to the results of the study, the authors concluded that the unification of Lermontov University with Pyatigorsk Polytechnic (which actually meant the liquidation of the People's University) was explained not only by

Введение. Роль и статус города-курорта Пятигорска, нынешнего административного центра Северо-Кавказского федерального округа, как в прошлом, так и в настоящее время, не соответствовали его сравнительно небольшой численности. Накануне русской революции 1917 г. в городе-курорте проживало около 40 тыс. жителей.

С момента приобретения Пятигорском статуса города и своего нынешнего названия в 1830 г. город-курорт выполнял функцию регионального административного, курортного и культурного центра. Однако в досоветский период в Пятигорске и на всем Северном Кавказе (если не считать эвакуированный в 1915 г. из Варшавы Ростовский университет) не было ни одного высшего учебного заведения. Несмотря на значительную роль Пятигорска в Северо-Кавказском регионе, наличие значительного интеллектуального потенциала, здесь только весной 1918 г. советскими властями был образован Пятигорский народный университет им. М.Ю. Лермонтова (ПЛНУ). Его деятельность на первом этапе прервалась в период пребывания в регионе властей ВСЮР (январь 1919 – март 1920 г.). После восстановления советской власти на Тереке весной 1920 г. деятельность ПЛНУ (второй этап) возобновилась и продолжалась до лета 1922 г.

Если не считать воспоминания краеведа М.В. Бердникова о преподавательском составе народного университета, некоторых документов и воспоминаний ряда слушателей Лермонтовского народного университета опубликованных в «Сборнике избранных статей членов историко-революционной секции Пятигорского Краеведческого общества на Кавминводах (1970–1973 гг.)» (составитель Н.Д. Ныренкова) [2], история ПЛНУ не стала объектом самостоятельного рассмотрения.

В настоящей статье основное внимание уделяется второму, основному, этапу в деятельности Пятигорского Лермонтовского народного университета.

economic reasons, but, above all, by political and ideological ones, since, unlike PLPU, the polytechnic was considered by the authorities as a «purely proletarian educational institution». The authors consider the Pedagogical Institute founded in 1939 in Pyatigorsk, the current Pyatigorsk State University, to be the heir and successor of the Lermontov People's University.

Keywords: North Caucasus, Caucasian Mineral Waters, Tersk province, People's University, faculties, educational process

For citation: Akopyan VZ, Akopyan ZV, Ermakov VP. On the history of Pyatigorsk people's university named after M.Y. Lermontov. Humanities and law research. 2024;11(4):619-628 (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.1>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 15.04.2024.

The article was approved after reviewing: 18.05.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

Материалы и методы. В целях проведения объективного исследования, соблюдения принципа историзма и всестороннего изучения проблемы автор опирался на комплекс архивных материалов, которые ранее опубликованы не были. Наряду с документами краевых архивов Ставропольского края, широко использовались материалы периодической печати начала 1920-х годов (например, газета «Терек»), сборники документов и воспоминания современников.

Анализ. Изначально деятельность народных университетов, возникших в Западной Европе в первой половине XIX в., а в России в конце этого же века. После прихода большевиков к власти многие народные университеты были закрыты, а наиболее успешные из них «перепрофилированы» в государственные вузы и техникумы. В редких случаях они сохранились в системе государственных органов народного образования, однако без права выдачи дипломов по соответствующей специальности.

Потребность в кадрах для системы образования, здравоохранения, курортного сервиса требовала привлечь «старую» интеллигенцию, лояльно настроенную к советской власти, но далекую от идей, заявленных правящей партией. Создание в Пятигорске народного университета, с привлекательным неидеологическим названием, позволило сосредоточить в университете качественный преподавательский состав.

В статье анализируется особенность функционирования Пятигорского Лермонтовского народного университета и выясняются причины его закрытия путем слияния с государственным учебным заведением рангом ниже.

Народные университеты (далее – н.у.) – это образовательные заведения для взрослых людей, которые по разным причинам не могли учиться в традиционных вузах из-за своего социального положения, отсутствия финансов и полного базового образования. Впервые они возникли в Дании в первой половине XIX в., а

затем распространились во всей Западной Европе. Слушатели после окончания н.у. могли получить свидетельство, не имевшее статус вузовского диплома. Обучение финансировалось частными лицами и символической платой самих слушателей.

В России первый н.у. организовало столичное Педагогическое общество в 1897 г. Большинство российских н.у. существовало непродолжительное время. Исключение составляли немногие *вольные* н.у., признававшиеся государством в качестве частных учебных заведений. Они находились в ведении местных городских дум, которые не несли расходы на их деятельность. Вольные народные университеты основывали меценаты. Например, в Москве н.у. содержался на средства, завещанные Альфонсом Шаньявским (1837–1905) [3].

Деятельность н.у. основывалась на принципах демократизма, доступности и открытости. Их слушателями становились мотивированные люди, которые учились там не для диплома, а для получения знаний. Слушатели народного университета могли подобрать себе курсы по различным предметам или записаться на один или несколько курсов. Занятия в н.у. проходили по вечерам, так как большинство обучающихся днем работали.

После прихода большевиков к власти многие н.у. были закрыты, а наиболее успешные из них «перепрофилировали» в государственные вузы и техникумы. Лояльных к советской власти преподавателей и сотрудников н.у. приняли на работу в государственные учебные заведения.

В первые годы советской власти «старые» народные университеты, подвергшиеся огосударствлению, осуществляли свою деятельность, перестроившись на соответствующие идеологические рельсы, и хоть находились в системе органов народного образования, но без права выдачи слушателям дипломов или свидетельств. К такому типу учебных заведений относился ПЛНУ.

В досоветский период город-курорт Пятигорск располагал первоклассными специалистами, в том числе известными медиками, архитекторами, биологами, геологами, инженерами, краеведами, среди которых было немало ученых-исследователей, вполне могущих составить достойный профессорско-педагогический коллектив хорошего вуза, не говоря уже о народном университете. Проживавшая на курорте интеллигенция активно вела просветительную деятельность среди курортников, местных жителей и всего региона. К тому же на курорты для отдыха, лечения и сезонной работы периодически приезжали известные специалисты, в частности в области медицины.

Известным научным и просветительным объединением стало историко-краеведческое «Кавказское Горное общество» (КГО), созданное в 1902 году в Пятигорске с целью популяризации

горного туризма на Кавказе [8]. Деятельность созданного в 1918 г. народного университета и КГО настолько переплеталась, что их можно было рассматривать как одно культурно-просветительное и научное объединение.

Еще раньше КГО профессором С.А. Смирновым в 1863 г. было основано Русское бальнеологическое общество (РБО). В обществе состояли ученые-медики, которые вполне могли сами стать инициаторами открытия народного университета. Более того, ученые РБО, внесшие огромный вклад в становление и развитие бальнеологии как науки, предприняли практические шаги по созданию в центре КМВ самостоятельного Бальнеологического института. Ученые-медики – члены РБО активно участвовали в деятельности созданного в 1918 г. народного университета. В мае 1920 г. одновременно с народным университетом был создан Бальнеологический институт, первым директором которого стал ученый-гидрогеолог, профессор А.Н. Огильви. Маститые ученые-бальнеологи, например, известный российский гидрогеолог Н.Н. Славянов (1878 – 1958), регулярно выступали с лекциями в Пятигорском Лермонтовском университете [7].

В средних и начальных учебных заведениях Пятигорска разного уровня и принадлежности работало немало профессиональных преподавателей, способных вести занятия в заведении высшего образования или по типу народного университета. К среднему звену образовательного процесса относились мужская классическая и женская гимназии.

История ПЛНУ непосредственно связана с Евдокимовской женской гимназией, располагавшейся по улице Графской (ныне ул. Университетская, 6) в особняке генерал-адъютанта графа Николая Ивановича Евдокимова (1804–1873) и его жены Александры Александровны. В 1895 году Евдокимова свой дом подарила Пятигорскому городскому самоуправлению при условии организации в нем учебного заведения. В сентябре того же года начались занятия в женской прогимназии, содержавшейся в первое время только на проценты от денег, завещанных графиней. Вскоре прогимназия была преобразована в женскую евдокимовскую гимназию. В начале XX века в гимназии обучалось более 330 учениц, которым преподавало 20 учителей, в числе которых был биолог Михаил Антонович Гремяцкий (1887–1963), преподававший в 1918 – начале 1919 г. в народном университете [1].

Таким образом, в начальный период гражданской войны, когда на короткое время в Пятигорске установилась советская власть (март 1918 – январь 1919 г.), был образован народный университет в здании бывшей евдокимовской гимназии. Одновременно в городе был основан и политехникум, вошедший в состав ПЛНУ.

Благодаря поискам краеведа М.В. Бердниковой, в распоряжении которой оказались вос-

поминания некоторых слушателей, преподавателей и других современников, было установлено предположительное время открытия народного университета [2]. В письме от 17 октября 1970 г., полученном ею от бывшего секретаря народного университета А.М. Лысенко, говорится, что н.у. и рабочий политехникум при нем были организованы в мае 1918 г. по инициативе его брата Виктора Михайловича Лысенко (1889–1921) и при одобрении руководителей пятигорского совдепа Г.Г. Анджиевского и Ф.И. Пашенко.

Из-за «дефицита» источников пока трудно однозначно утверждать, что идея создания народного университета принадлежала первым советским властям Пятигорского округа, а не, например, членам КГО, РБО или отдельным представителям интеллигенции. Важно отметить, что в числе преподавателей ПЛНУ в 1918 – начале 1919 г. были специалисты, весьма далекие от идей диктатуры пролетариата и мировой пролетарской революции, например, профессор-медик В.К. фон Анреп, до революции работавший директором Медицинского департамента МВД [11]. Не случайно в официальных материалах начала 1920-х гг. первый этап истории ПЛНУ замалчивается [6, л. 14–15].

У организаторов ПЛНУ вызывало смущение далеко не пролетарское название улицы, где находилось здание евдокимовской гимназии. Ректор В.М. Лысенко обратился в Пятигорский Совдеп с просьбой разрешить переименовать улицу Графскую на Университетскую. Такое решение было принято без задержки [5, л. 18–19]. Эта улица до настоящего времени носит такое название, и многие коренные пятигорчане даже не знают причины такого ее наименования.

Краевед М.В. Бердникова свидетельствует, что была знакома с первым ректором В.М. Лысенко, членом РСДРП(б) с 1918 г., молодым человеком 28 лет, окончившим Харьковский университет по специальности биолога [2, с. 267].

Зимой 1919 г. завершается начальный этап в истории ПЛНУ.

19–20 января 1919 г. части генерала А.Г. Шкуро заняли Пятигорск. Народный университет в период пребывания у власти правительства ВСЮР генерала А.И. Деникина не функционировал. Ректор университета В.М. Лысенко покинул Пятигорск с частями Красной армии. По дороге он заболел тифом и попал в руки белогвардейцев. Находясь в тюремной больнице, он совершил оттуда побег. После освобождения Кавминвод он работал заведующим культпросветработой на Минераловодском стекольном заводе. В октябре 1921 г. в возрасте 30 лет он умер и похоронен на старом Пятигорском кладбище [5, л. 20].

16 марта 1920 г. кавалерийский дивизион XI армии под командованием В.И. Кучуры вошел в Пятигорск. В апреле 1920 г. город Пятигорск был

объявлен центром Терской области (с 1921 г. – губернии), с 1924 г. – Терского округа.

В докладной записке ректора Лермонтовского народного университета начальнику Терского губкомитета госсооружений, подготовленной в сентябре 1921 года, говорилось, что 15 мая 1920 г. открылся Пятигорский народный университет им. М.Ю. Лермонтова. Уточним – возобновил свою деятельность.

В его состав входили рабочий факультет им. Карла Маркса, состоявший из общеобразовательного факультета и подготовительного отделения. Учебный процесс на факультете состоял из четырех триместров, каждый из которых продолжался три месяца. За неполные полтора года обучение на факультете прошло 3900 слушателей. На сентябрь 1921 г. число слушателей составляло 200 человек, причем запись в университет продолжалась. Слушатели посещали занятия по русскому языку и литературе, медицине и гигиене, философии, политической экономии, пению, ораторскому и драматическому искусству. Ежедневно с 16 до 23 часов проводилось не менее 18 лекций. При согласовании с преподавателями и слушателями занятия проходили и по воскресеньям. Посещаемость слушателей составляла 94%. При университете находился клуб, в рамках которого также проводилась научная работа [6, л. 14–15].

Университет, докладывал ректор, сумел поставить дело на должную высоту. В Пятигорск приезжали представители Владикавказского, Ростовского и Ставропольского факультетов, чтобы познакомиться с методами работы университета. В настоящее время в регионе «университет является единственной лабораторией, в которой куется образование рабочекрестьянских масс». Рабочий факультет им. К. Маркса, сообщается в Записке, существует фактически, но «юридически не утвержден ввиду того, что пока в Центре не выработана сеть Рабфаков во всей республике» [6, л. 14–15].

В докладе перечислялись многочисленные проблемы, решение которых также зависело от городских и губернских властей. Особенно остро стоял вопрос с отоплением. «Слушатели проводят в стенах университета семь непрерывных часов, – говорится в Записке. – Одеты в подавляющем большинстве настолько не по-зимнему <...>, что, проведя семь часов в холоде, слушатели либо заболевают, либо покидают университет» [6, л. 15].

Докладная записка ректора заканчивается просьбой: «На основании изложенного университет просит отпустить единовременную ссуду для краткого, самого необходимого ремонта печей, рам, стекол, дверей, приобретения лампочек тридцать миллионов рублей, каковых денег хватит до мая 1922 года» [6, л. 15].

Необходимые меры были приняты, так как, несмотря на углублявшийся экономический кри-

зис в стране, ПЛНУ осенью 1921 – зимой 1922 г. не только продолжил свою деятельность, но и значительно расширил ее: за счет открытия новых факультетов значительно увеличился контингент слушателей, улучшилось качество учебного процесса, в котором участвовали известные в стране ученые и деятели культуры. В их числе всемирно известный физиолог академик Х.С. Коштоянц (1900–1961), выпускник Пятигорской мужской классической гимназии, обучавшийся и одновременно работавший лаборантом в ПЛНУ в 1918 – начале 1919 г., гидрогеолог Н.Н. Славянов, химик В.А. Кистяковский, биолог М.А. Гремяцкий, профессор Н.В. Вавилов, артист и драматург Б.С. Ромашов и другие. В ПЛНУ преподавали лучшие врачи курортов КМВ.

При Лермонтовском университете были организованы физический и химический кабинеты, оснащенные необходимыми инструментами и приборами. Имелся также естественно-исторический кабинет, организованный из экспонатов музея Кавказского Горного общества. Он помещался в усадьбе музея «Домик Лермонтова». Кроме того, при ПЛНУ работала школа по ликвидации безграмотности (ликбез), в которой обучались грамоте женщины-домохозяйки. Занятия в ликбезе вела учительница Ульяна Цаликова [2, с. 270].

Среди слушателей университета М.В. Бердникова называет известные в Пятигорске фамилии: В.П. Ржаксинского, первых комсомольцев Пятигорска Б.А. Адмиральского и М.И. Журавель, А.М. Тамаридзе, А.К. Сокольниковой, Н.И. Бокиной, З.В. Александровой, З.С. Саноян [2, с. 271].

Заметной фигурой на рабфаке являлся Я.И. Фролов (1885 – 1979), активный член КГО, работавший учителем в школах Пятигорска в досоветский период. Его увлечением стал альпинизм, ставший для него и объектом научных исследований. С 1920 г. он работал помощником декана и преподавателем рабфака ПЛНУ. С 1921 г. Фролов вел занятия и в политехникуме, в котором он числился помощником ректора по учебной части [9].

В конце 1921 – начале 1922 г. жизнь в Лермонтовском университете значительно расширилась. Кроме обычных ежедневных занятий на Рабфаке, в предшествующий период составлявшем основное ядро университета, с 6 января 1922 г. начались занятия на вновь открытых специальных факультетах: медицинском, сельскохозяйственном, искусств и общественных наук [17]. Обсуждался также вопрос открытия юридического факультета на основе открывшихся 20 декабря 1921 года терских губернских юридических курсов [21].

Медицинский факультет начал свою работу в начале января, однако его официальное открытие состоялось 1 февраля в 19 часов. Торжественное открытие факультета происхо-

дило в присутствии представителей губернского и городского руководства, здравоодела, Управления КМВ, слушателей (около 200 записавшихся) и лекторов факультета: П.Г. Абозина, М.И. Аствацатурова, Н.В. Вавилова, И.Л. Баумгольца, Волгунова, В.А. Кистяковского, М.Ф. Лаврова, Р. Мельникова, С.И. Мамулянца, К.В. Пшеничевского, М.А. Собиева, Соколова, Ф. Фукса. После торжественной части для слушателей были проведены лекции М.А. Собиева по ботанике и декана факультета Б.А. Дробного по анатомии [19; 20].

М.В. Бердникова особо выделяла доктора В.М. Губина, читавшего лекции по медицинской микробиологии. «Слушатели учились у него правильно пользоваться микроскопом, а микроскопов было в достаточном количестве. Лектор своей сочной речью умело доводил до слушателей множество незабываемых остроумных примеров» [2, с. 268].

Учебный курс на медицинском факультете был рассчитан на два года. Профессорско-преподавательский состав медфака (2 профессора и 10 врачей, из которых семь – доктора медицины) не уступал многим медицинским вузам. В связи с этим во время торжественного открытия факультета ректором Н.Г. Виноградовым от имени ПЛНУ было предложено «просить Центр о предоставлении права окончившим такой факультет – поступления на 3-й курс государственного медицинского института». Корреспонденция об открытии факультета в губернской газете завершалась следующими словами: «В своей деятельности медицинский факультет будет приравниваться к курсу высших медицинских учебных заведений» [20].

24 января состоялось торжественное открытие *факультета искусств*. К этому моменту на факультет записалось 40 человек, хотя набор продолжался. Газета «Терек» сообщала: «Преподавателями факультета были сам ректор Н.Г. Виноградов – талантливый литератор и режиссер, Б.С. Ромашов (Эрбе), Аракчеевская и др. Читают лекции по истории театра, литературы и т.д.» [18].

После набора основного контингента слушателей начались занятия и на *сельскохозяйственном факультете*. Губернская газета по этому поводу сообщала: «В воскресенье 29 января в массовой аудитории Лермонтовского университета состоялась первая лекция из сельскохозяйственного цикла, намеченная на январь-февраль 1922 г. Докладчиками являлись: т. Мельников – заведующий Терским губземотделом, выступивший по вопросу о подготовке к весенней посевной кампании, инженер Микус – о подготовке сельхозинвентаря к весеннему севу и агроном Богдасаров – семена и посев. Присутствовало до 50 человек слушателей, проявивших значительный интерес. Следующее занятие 5 февраля» [17].

Факультеты были рассчитаны на 2-годичную программу, так построенную, что обучение должно было дать студентам одновременно и

академические знания, необходимые для поступления на соответствующие факультеты вузов, и познания прикладного характера, отвечающие насущным потребностям жизни Терского региона: медицинский факультет первые семестры подготовлял сестер и братьев милосердия, последующие – лекпомов (помощников врача, фельдшеров); сельскохозяйственный – выпускал инструкторов по специальностям сельского хозяйства; факультет искусств готовил инструкторов и работников по классам: литературный (журналистика, искусство, проза, стихи, драма), ораторский, драматический и изобразительного искусства; факультет общественных наук «давал всестороннее научно-философское образование, отвечающее духовным запросам. Практическое значение этого факультета – дать государству честных работников с широким научным кругозором и подготавливать на соответствующий факультет государственных университетов» [17].

Учебные занятия на факультетах проходили с 17 до 20 часов, причем администрация планировала в ближайшем будущем, в зависимости от пожеланий учащихся, перенести часы занятий на всех факультетах на более раннее время [17]. К маю 1922 г. количество слушателей превышало 300 человек. В прессе утверждалось, что «некоторые отделения требуют даже разгрузки» [23].

Остановимся на личности ректора и преподавателя ПЛНУ Николая Глебовича Виноградова (1893–1967). В 1914 г. он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. С началом войны отправился добровольцем на фронт. В гражданскую войну служил в Красной армии и руководил «Театрально-драматургической мастерской Красной армии».

Лучшему пониманию личности Виноградова помогает содержание письма наркома просвещения А. Луначарского к Н.Г. Виноградову (1919) по поводу пьесы «Царь Петр Великий». Члены жюри М. Горький, Ю.М. Юрьев и Ф.И. Шаляпин заинтересовались этой трагедией, а репертуарная секция Наркомпроса рекомендовала ее для постановки на сценах театров. Луначарский высоко оценил талант автора, но высказал опасения в связи с выбором темы пьесы и оценки личности Петра I. Опасаясь брать на себя ответственность за разрешение постановки пьесы, нарком предложил собрать самых известных режиссеров, актеров, журналистов и политических деятелей, которые заслушают доклад автора о пьесе, после чего должна состояться «широкая дискуссия» [14, л. 65–66].

Краевед М.В. Бердникова, в 1920-е годы работавшая в библиотечном отделе Бальнеологического института, вспоминала, что библиотека была богата научной литературой, и в нее «приходили не только научные сотрудники института, но и многие преподаватели школ города

и народного университета». Здесь она и по-встречалась Н.Г. Виноградовым, которого характеризовала, как «человека разносторонних общекультурных мероприятий. Он был журналистом, артистом, мастером художественного слова, активным деятелем и организатором литературных вечеров, диспутов...» [2, с. 267].

Губернская газета, информируя своих читателей о назначении в апреле 1922 г. Н.Г. Виноградова заведующим культотделом Управления КМВ, давала такую ему характеристику: «Товарищ Виноградов состоял режиссером Петроградского Передвижного и Государственного театров в 1918 – 1919 гг., где осуществил ряд интересных постановок. Им сделан первый в России опыт постановки «массового действия» на площади в Петрограде в 1919 г. Кроме того, он заведовал театральным отделением Петроградского отдела Наркомпроса и театральной секцией Р.К.К.А. в качестве литератора (драматурга). Т. Виноградов премирован на Всероссийском конкурсе в 1920 г. за трагедию «Российский Прометей». В Пятигорске он известен как руководитель литературного техникума, ректор Народного университета» [22].

В годы начинавшегося нэпа Н.Г. Виноградов привлекал к чтению лекций в ПЛНУ, в первую очередь на факультет искусств, свободомыслящих людей, в том числе далеких от идей, провозглашаемых компартией. Он учил слушателей думать самостоятельно, стремился проводить занятия в форме дискуссий. Даже в этот период круг его знакомств был достаточно велик, о чем свидетельствует обширная переписка с известными деятелями культуры страны [4]. Н.Г. Виноградов приглашал на проведение открытых лекции или просто на встречи со слушателями известных писателей, поэтов, драматургов, приезжавших на курорты КМВ. Например, по его предложению в ПЛНУ выступал со своими произведениями Велимир Хлебников (1885 – 1922) – русский поэт и прозаик, один из крупнейших деятелей русского авангарда, входивший в число основоположников русского футуризма; реформатор поэтического языка, экспериментатор в области словотворчества. На КМВ поэт находился незадолго до своей кончины. В Пятигорске Хлебников несколько месяцев работал в губернском отделении РОСТА. Здесь он написал поэмы «Ночь перед Советами», «Председатель Чеки» и ряд других сочинений.

Виноградов незадолго до своей кончины написал два воспоминания: «Велимир Хлебников в Пятигорске» и «Б.С. Ромашов в Пятигорске» (1965).

Второе воспоминание Виноградова посвящено Б.С. Ромашову, преподавателю факультета искусств и актеру Пятигорского театра, использовавшему псевдоним Эрбе по первым буквам его фамилии и имени.

Ромашов родился 18 июня 1895 г. в Петербурге, в артистической семье. Его отец умер в 29 лет. Его мать Екатерина Мещерская переехала в Киев, где выступала в театральной труппе. В 1915 г. Борис окончил киевскую гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета. Однако его влекло к литературе и искусству. В 1920 г. он переехал в Пятигорск, где становится актером и режиссером городского театра. В городе-курорте он открыл театральную студию, писал статьи для газеты «Терек» и пьесы. Одна из них, «Федька-есаул», посвящена событиям Гражданской войны, участником которой был сам автор. Эту пьесу в 1924 г. поставили в Малом театре. Многие пьесы Ромашова удостоились высоких советских наград [10].

М.В. Бердникова о нем вспоминала: «Очень колоритной фигурой среди преподавателей народного университета был Борис Сергеевич Ромашов. Он возглавлял факультет литературы и искусства... и в те годы был артистом Пятигорского городского театра. По образованию и таланту это больше был артист, чем преподаватель. Во время ознакомления слушателей с искусством Генриха Ибсена, Ф. Достоевского, А. Островского и других авторов Ромашов так увлекался обрисовкой характеров героев, что нередко входил в роль и, незаметно для себя, переходил на артистическую игру» [2, с. 269].

В воспоминаниях М.В. Бердниковой нет упоминания о деятелях культуры, имевших отношение к Пятигорску и региону, в свое время достаточно известных, но которые преследовались за инакомыслие.

В качестве примера приведем только две фамилии: Николай Иванович Проферансов – преподаватель и ректор ПЛНУ после возобновления его деятельности в 1920 г. и Яков Трофимович Чага – слушатель факультета искусств. Оба преследовались царскими, а затем и советскими властями.

Николай Иванович Проферансов (1885 – 1934) – русский анархо-мистик, историк, литератор, редактор, член Ордена тамплиеров. Родился в Бобруйске Минской губернии, сын оружейного мастера. Образование высшее – историк-литератор. В 1920 – 1922 гг. работал в ПЛНУ. После закрытия Лермонтовского университета Проферансов переехал в Москву, где возглавлял отдел социалистического движения в институте Маркса-Энгельса и работал техническим редактором Большой советской энциклопедии.

Результатом его увлеченности стала принадлежность к рыцарям-тамплиерам – членам «Ордена света», своеобразному неформальному историческому клубу-Братству. Н.И. Проферансов был один из наиболее компетентных в истории и традициях Ордена. В Ордене тамплиеров состояли известные деятели искусства: Аполлон Карелин, Сергей Эйзенштейн, Юрий Завадский, Михаил Чехов, о. Павел Флоренский

и др. За принадлежность к подпольной анархо-мистической организации и руководство ею 14 августа 1930 г. арестован в Новой Мацесте органами ОГПУ. Находясь под следствием, Н.И. Проферансов представил заявление в Коллегию ОГПУ с информацией о своей революционной деятельности с просьбой учесть при вынесении приговора [13, с. 124].

Во время следствия Проферансов вел себя достойно, отказывался сообщать следствию что-либо о других людях. Несмотря на огромные заслуги перед революцией, решением коллегии ОГПУ от 13 января 1931 г. Особым Совещанием Коллегии ОГПУ в числе других членов рыцарского братства Н.И. Проферансов осужден к пяти годам тюрьмы [13, с. 165–166]. Часть срока ему была заменена спецпоселением в Киргизскую АССР. В Киргизии талантливый литератор до своей кончины работал сотрудником газеты «Советская Киргизия».

О кавминводском периоде своей жизни Николай Иванович на допросе на Лубянке сообщал следующее: в Народном университете читались лекции и доклады «на исторические, историко-литературные и философские темы. Читал Николай Глебович Виноградов, академик Кистяковский, читал я, читал Малышев. Я читал два доклада по философии истории и о Толстом. Основной контингент посещавших лекции были слушатели Народного университета, и посещала всякая желающая публика» [13, с. 120]. На другой день допроса он говорил следователю: «В дополнение к моей автобиографии. После революции я бывал на Северном Кавказе, в Пятигорске, с 1920 по 1921 г. семья жила в Кисловодске <...>, работал лектором в партшколе, на Коммунистических курсах и в Народном университете. <...> Знакомых у меня по Кисловодску не было; в Пятигорске были – Виноградов Николай Глебович, сейчас живет в Ленинграде, заведует театром, профессор Огильви, живет в Пятигорске, затем Фролов, товарищ председателя горного общества, живет в Пятигорске» [13, с. 123].

Лекции Н.И. Проферансова, Н.Г. Виноградова и других преподавателей факультета искусств посещал Я.Т. Чага.

Яков Трофимович Чага (1880/82 – после 1949 г.) – сельский учитель, последователь учения Л.Н. Толстого. Родился в семье рыбопромышленника в г. Ейске. В 1902 г. на собственных землях под с. Маргаритовка Ростовского уезда Чага вместе с другим толстовцем В.И. Скороходовым организовал вольную земледельческую общину. После этого учительствовал под Туапсе и в районе Нальчика, где открыл нелегальную школу среди сектантов, затем среди сектантов Ставропольской губернии. Молодой солдат Алуштинского батальона г. Ейска в 1903 г. за отказ от воинской повинности по религиозным убеждениям был судим и выслан в Якутскую об-

ласть на 18 лет. О судьбе Чаги узнал Л.Н. Толстой [25].

Между Л.Н. Толстым и Чагой завязалась переписка. Всего Толстой написал ему 12 писем. Благодаря Льву Николаевичу в апреле 1905 г. Я.Т. Чага был амнистирован и выехал в Пятигорск. В 1907 г. за пособничество революционерам подвергся аресту и высылке на два года в Астраханскую губернию. В 1907 г. вернулся в Пятигорск, где жил до 1924 г., продолжая интересоваться темой и собирать материалы о сектантах. В 1921 г. в Пятигорске Я.Т. Чага познакомился с Н.И. Проферансовым, который организовал религиозно-философский кружок. После 1924 г. Чага жил в Черноморском округе. В Новую Мацесту к нему приезжали знакомые теософы и антропософы из разных городов, снабжая духовной и мистической литературой. В Красной Поляне организовал кружок мистического «Братства Святого Духа», где изучалась литература и использовался тамплиерский ритуал [12, с. 326–327].

8 августа 1930 года Чага был арестован на квартире в Мацесте с женой Н.З. Дешевой и остановавшимся у них Н.И. Проферансовым. При обыске изъяты различные документы и рукописи. Осенью того же года он был препровожден на Лубянку, где находились и другие подследственные, обвиняемые в участии в нелегальной анархо-мистической организации и антисоветской пропаганде. 28 февраля 1931 г. Коллегией ОГПУ Чага был приговорен к пяти годам лагерей. В 1934 г. Я.Т. Чага был освобожден вместе с женой, однако 22 февраля 1949 г. снова арестован. Дальнейшая судьба неизвестна [12, с. 327].

На допросе Чага свидетельствовал, что группа «свободных христиан» существовала в Пятигорске в 1921 г. Для нее он написал часть уставных положений. Эта группа существовала легально и принадлежала к «Северо-Кавказскому Совету религиозных общин и групп» [12, с. 335–336].

Чаге также был задан вопрос о научно-философском кружке в Пятигорске. Он сообщал следователю следующее: «Кружок был организован при Народном университете в 1921 г. Кто был его организатором, я сказать не могу, знаю только, что активное участие в нем принимал Николай Иванович Проферансов, который в то время был ректором Пятигорского Народного университета. Я стал посещать этот кружок в 1922 г., руководителем кружка был тогда Проферансов, направление этого кружка в то время, насколько я помню, было в духе идеалистической философии. После отъезда Н.И. Проферансова из Пятигорска в Батум руководителем этого кружка остался Виноградов Николай Глебович, со времени его начала руководства кружок приобрел направление религиозно-философское с уклоном в сторону философии

Соловьева, затем с конца 1922 и в 1923 г. руководил кружком я. Во время моего руководства кружок занимался главным образом разбором восточной религиозной философии; в составе этого кружка было около 10 человек, из них я помню Корохова Василия, Егорова Василия Ивановича, он был секретарем кружка (и занимал должность секретаря Отдела народного образования), Надежда Захаровна Дешевая¹. В 1921–1923 гг. кружок собирался вне рабочего времени в Народном университете, в 1922–1923 гг. в армянской школе, т.к. Народный университет был закрыт» [12, с. 335].

Таким образом, в ПЛНУ, вопреки желанию властей, присутствовал дух свободомыслия, разумеется, насколько это можно было в условиях того времени. Лекции и доклады штатных и приглашенных преподавателей факультета вызывали интерес не только у студентов ПЛНУ, но и у широкого круга жителей и гостей КМВ, учащихся других учебных заведений города и региона [17].

В одном из последних репортажей о ПЛНУ в губернской газете подводился своеобразный итог его более чем двухлетнего существования (не считая 1918 – начало 1919 г.). «Каждый, кто помнит университет в первый год его существования, – отмечает автор статьи, – не забыл, конечно, того бодрого настроения, той любознательности жажды, которая охватывала всех. Трудно было университету: с одной стороны – отсутствие регулярных средств, материальной помощи, с другой стороны – недостаток в лекторах и в пособиях; но это не помешало ему сосредоточить в своих стенах все видные педагогические силы, известные не только Пятигорску, но и России, и поддержать высокий уровень учебной жизни» [23]. Инициатива нового ректора т. Виноградова, говорится в статье, «укрепила сотрудничество с литературным техникумом, организованным политпросветом, и это в значительной мере помогает устройству литературных вечеров, диспутов, чтений. Затем вводятся особые “воскресные” лекции для массовой аудитории. Задачей лекций является пропаганда и популяризация последних научных открытий и теорий. Университет, кроме того, дает возможность вести занятия в философском кружке и театральной студии. Силами учащихся выпускается стенная литературная газета и проводятся драматические и литературные вечера» [23].

Результаты. Потребность в кадрах, например, для развития здравоохранения и курортно-

¹ Н.З. Дешевая, жена Я.Т. Чаги. В 1919–1922 гг. работала врачом в Пятигорском военном госпитале, после демобилизации, в 1922–1924 гг. заведовала службой скорой помощи в Пятигорске. Входила в основанное ее мужем христианское мистическое «Братство», примыкавшее к «Ордену Тамплиеров». Постановлением Коллегии ОГПУ от 28.2.1931 г. приговорена к пяти годам лагерей. Освобождена 20.05.1934 г. [12, с. 354, 365].

го обслуживания потребовала привлечь «старую» интеллигенцию, далекую от идей, заявленных большевиками. Создание Лермонтовского народного университета, формально независимого, имеющего очень привлекательное «неидеологическое» название, позволило сосредоточить в нем качественный профессорско-преподавательский состав.

В стенах ПЛНУ обучались в будущем выдающиеся деятели науки, культуры, образования, разных профессий, признававших особую роль, которую сыграл Лермонтовский университет в их жизни. Однако слушателям, окончившим соответствующие курсы, свидетельство о квалификации не выдавалось. Такие заветные «корочки» выдавали «статусные» учебные заведения, значительно уступавшие по уровню преподавания в ПЛНУ. К такому учебному заведению, например, относился Пятигорский политехникум, основанный в 1918 г. в составе ПЛНУ и после перерыва возобновивший свою деятельность в 1920 г. как самостоятельное учебное заведение [16].

Автор газетной заметки «Внимание рабочему политехникуму» В. Р-ский подчеркивал, что половина обучающихся – рабочие и крестьяне. «В своей энергичной и упорной работе, – пишет автор, – политехникум встречал до сего времени весьма мало поддержки <...>. Нет сомнения, однако, что, в конце концов, местные административные и губернские органы придут на помощь политехникуму, как чисто пролетарскому учебному заведению, которому предстоит большая будущность» [16].

В мае 1922 г. – Лермонтовский университет решено было «слить» с «чисто пролетарским учебным заведением». В прессе появилась информация о том, что в результате «слияния» политехникум вполне может считаться вузом. В ноябрьском номере «Терека» читаем: «В Терской губернии *имеется только один ВУЗ* – Пятигорский рабочий техникум» [24]. Выделено курсивом нами.

После закрытия Народного университета в его здании размещалась армянская школа № 8. Впоследствии на месте снесенного дома генерала Евдокимова, представлявшего архитектурную ценность, возведено стандартное здание средней школы № 6.

В мае 1922 г., когда судьба Лермонтовского университета уже была предрешена, в печатном органе губкома РКП(б) и Губисполкома сообщалось: «Обозревая трехлетнее его [ПЛНУ] существование, нельзя не сожалеть о столь печальной необходимости, как всемерное сокращение, и можно верить, имея первый опыт организации в Пятигорске университетской жизни, что в недалеком будущем она возродится в более надежных для существования формах» [23].

Такое будущее наступило в 1939 г., когда решением Наркомпроса РСФСР Пятигорское педучилище было преобразовано в Пятигорский государственный педагогический институт (ПГПИ) – нынешний Пятигорский государственный университет – наследник Лермонтовского Пятигорского народного университета.

Литература

1. Айрих А. А. Записки краеведческого общества. Вып. 1. Пятигорск: б.и., 1970. 127 с.
2. Бердникова М. В. Воспоминания краеведа о преподавательском составе народного университета // Сборник избранных статей членов историко-революционной секции Пятигорского Краеведческого общества на Кавминводах (1970-1973 гг.). Книга 1. Пятигорск: б.и., 1973. С. 267–269.
3. Веникова М. С. Институционализация и образовательная деятельность народных университетов в императорской России // Genesis: исторические исследования, 2017. № 10. С. 70–78.
4. Виноградов-Мамонт Н. Г. (1893–1967) – драматург, режиссер. URL: <https://libinfo.org/index/index.php?id=113202> (дата обращения: 17.05.2024).
5. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.Р-1141. Оп.1. Д. 358.
6. ГАСК. Ф.Р-1317. Оп. 1. Д. 75.
7. Ефименко Н. В., Тер-Акопов Г. Н., Глухов А. Н. К 100-летию со дня основания Пятигорского научно-исследовательского института курортологии. Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2020. № 97 (6). С. 72–80.
8. Кавказское Горное общество: Избранная публицистика за 1904–1916 гг. сборник / Н.В. Маркелов, С. Н. Пармонов. Пятигорск: СНЕГ, 2009. 288 с.
9. Коваленко А., Кругликов А. Фролов Яков Иванович // Вестник Кавказского горного общества. № 9. Пятигорск: Севкавгипроводхоз, 2006. С. 19–20.
10. Лавринович Е. С. Драматургия Б. С. Ромашова на сцене Ленинградской Госдрамы // Общество. Среда. Развитие. 2022. № 3. С. 91–94.
11. Назаров В. Ю. Профессор Василий Константинович фон Анреп // Судебно-медицинская экспертиза. 2016. №59 (4). С. 65–68.
12. Орден российских тамплиеров. Том I. Документы 1922–1930 гг. Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А. Л. Никитина. М.: Минувшее, 2003. 419 с.
13. Орден российских тамплиеров. Том II. Документы 1930–1944 гг. Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А. Л. Никитина. М.: Минувшее, 2003. 376 с.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 142. Оп. 1. Д. 159.
15. Сапон В. П. Русский либертариум А. А. Карелин // Отечественная история. 2008. № 2. С. 160–169.
16. Терек. 1922. 28 января.
17. Терек. 1922. 29 января.

18. Терек. 1922. 31 января.
19. Терек. 1922. 1 февраля.
20. Терек. 1922. 5 февраля.
21. Терек. 1922. 1 марта.
22. Терек. 1922. 12 мая.
23. Терек. 1922. 7 апреля.
24. Терек. 1922. 25 ноября.
25. Толстой Л. Н. Письма. Я. Т. Чаге. 1904 г. 20 января // Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1984. Т. 20. С. 560–561.

References

1. Ayrich AA. Notes of the local history society. Issue 1. Pyatigorsk: s.n.; 1970. 127 p. (In Russ.).
2. Berdnikova MV. Memoirs of a local historian about the teaching staff of the National University in Collection of selected articles by members of the historical and revolutionary section of the Pyatigorsk Local History Society on Kavminvody (1970-1973). Book 1. Pyatigorsk, s.n.; 1973. P. 267-269. (In Russ.).
3. Venikova MS. Institutionalization and educational activities of national universities in Imperial Russia. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2017;(10):70-78. (In Russ.).
4. Vinogradov-Mammoth Nikolai Glebovich (1893-1967) – playwright, director. URL: <https://libinfo.org/index/index.php?id=113202> (accessed: 17.05.2024). (In Russ.).
5. The State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F.R-1141. Inv. 1. D. 358. (In Russ.).
6. GASK. F.R-1317. Inv. 1. D. 75. (In Russ.).
7. Efimenko NV, Ter-Akopov GN, Glukhov AN. On the 100th anniversary of the founding of the Pyatigorsk Scientific Research Institute of Balneology. *Voprosy kurortologii, fizioterapii i lechebnoj fizicheskoy kul'tury*. 2020;97(6):72-80. (In Russ.).
8. Caucasian Mountain Society: Selected journalism for 1904-1916. collection. NV Markelov, SN Paramonov. Pyatigorsk: SNEG; 2009. 288 p. (In Russ.).
9. Kovalenko A, Kruglikov A. Frolov Yakov Ivanovich. *Vestnik Kavkazskogo gornogo obshchestva*. 2006;9:19-20. (In Russ.).
10. Lavrinovich ES. Dramaturgy of B.S. Romashov on the stage of the Leningrad State Drama. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye*. 2022;(3):91-94. (In Russ.).
11. Nazarov VYu. Professor Vasily Konstantinovich von Anrep. *Sudebno-medicinskaya e'kspertiza*. 2016;59(4):65-68. (In Russ.).
12. The Order of the Russian Templars. Volume I. Documents of 1922–1930. Publication, introductory articles, comments, index by AL Nikitin. Moscow: Minuvshee; 2003. 419 p. (In Russ.).
13. The Order of the Russian Templars. Volume II. Documents of 1930–1944. Publication, introductory articles, comments, index by AL Nikitin. Moscow: Minuvshee; 2003. 376 p. (In Russ.).
14. The Russian State Archive of Socio-political history (RGASPI). F. 142. Inv. 1. D. 159. (In Russ.).
15. Sapon VP. Russian libertarian AA Karelin. *Otechestvennaya istoriya*. 2008;(2):160-169. (In Russ.).
16. Терек. 1922. January 28. (In Russ.).
17. Терек. 1922. January 29. (In Russ.).
18. Терек. 1922. January 31. (In Russ.).
19. Терек. 1922. February 1. (In Russ.).
20. Терек. 1922. February 5. (In Russ.).
21. Терек. 1922. March 1. (In Russ.).
22. Терек. April 7. (In Russ.).
23. Терек. 1922. May 12. (In Russ.).
24. Терек. 1922. November 25. (In Russ.).
25. Tolstoy LN. Letters to Ya.T. Chage. 1904, January 20 in Tolstoy LN. Collected works in 22 vols. Vol. 20. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1984. P. 560–561. (In Russ.).



Научная статья

УДК 94(470)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.2>

ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ МАЛОГО ГОРОДА ЮЖНОЙ ПРОВИНЦИИ

Каринэ Размиковна Амбарцумян^{1*}, Виктория Максимовна Труфанова²

^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

¹ Кандидат исторических наук, доцент

¹ karina-best21@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

² Ассистент

² vt_01@vk.com; <https://orcid.org/0009-0007-5909-598X>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В данной статье анализируется влияние последствий Революции и Гражданской войны на деформацию представлений о морали и нравственности в коллективном бессознательном на примере города Георгиевск. Рост преступности в условиях малого города южной провинции стал частью городской повседневности в 1920-х гг. как реакция общества на исторический кризис. Новая социальная реальность предполагала изменения повседневности не только обывателей, но и тех, кто должен был бороться с криминализацией общества. **Материалы и методы.** В статье проанализирован делопроизводственный материал: служебные переписки, рапорты и распоряжения Георгиевской уездной милиции по борьбе с бандитизмом в 1920-х гг., исходя из междисциплинарного подхода, в рамках истории повседневности и новой локальной истории с применением общенаучных методов, а также конкретно исторических методов, методов исторической антропологии и контекстного анализа документов. **Анализ.** В работе исследован процесс криминализации общества в постреволюционный. На примере Георгиевска начала 1920-х гг. удалось рассмотреть рост уровня городской преступности, проанализировать локальные особенности и связь с повседневной жизнью горожан, а также попытки государства по преодолению проблемы социальных девиаций. В статье подробно освещаются мероприятия по борьбе с преступностью и бандитизмом, проводимые молодой советской властью. В это время центральная власть в первую очередь была заинтересована в преследовании «контрреволюционной деятельности», в то время как практика местной власти в большей ориентировалась на решение конкретных проблем, которые могут нарушить обычную жизнь в провинции. Также, в 1920-е гг. начнется процесс формирования новых подходов в деятельности местных отделов милиции. Уделено внимание влиянию постреволюционного кризиса в стране на психологическое состояние населения в Георгиевске, что повлияет на их повседневную жизнь и восприятие окружающей их новой исторической действительности. В свете этого, список общественных пороков в 1920-е гг. претерпел значительные изменения и расставил новые акценты. Так, довольно частые виды преступлений вроде: пьянства, самогеноварения, преступлений против личности, буйства, служебных и имущественных преступлений, в мирное время пополняются военными преступлениями и преступ-

лениями против новой власти (так называемыми «контрреволюционными преступлениями»), на которые местная власть будет обращать особое внимание. **Результаты.** Общественное бессознательное реагировало на исторические изменения и политические кризисы 1920-х гг., что приводило к деформации социальных норм, моральных установок и традиционных ценностей. Вместе с тем, социальные и политические потрясения 1920-х гг. привели к необходимости принятия решительных мер со стороны государства и местных органов милиции для защиты общественного порядка и борьбы с преступностью. В исследовании выявлена связь Георгиевском и сельскими районами, где совершались преступления и формировались банды преступников, но последствия данных процессов ощущались и в городской жизни.

Ключевые слова: город Георгиевск, городская повседневность, социальные девиации, малый город, постреволюционный период, советское общество, криминогенная ситуация, новая локальная история

Для цитирования: Амбарцумян К. Р., Труфанова В. М. Преступность как элемент постреволюционной повседневности малого города южной провинции // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 629–638. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.2>

Конфликт интересов: один из авторов статьи – кандидат исторических наук, доцент Амбарцумян Каринэ Размиковна является ответственным секретарем журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-20073 «Городская повседневность южной провинции. Эволюция массового сознания и повседневные практики горожан Ставрополя и Кавказских Минеральных Вод в 1920-е - 1930-е гг.», <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.09.2024.

Статья принята к публикации: 25.11.2024.

Research article

CRIME AS AN ELEMENT OF POST-REVOLUTIONARY EVERYDAY LIFE IN A SMALL TOWN IN THE SOUTHERN PROVINCE

Karine R. Ambartsumyan^{1*}, Victoria M. Trufanova²

^{1, 2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017, Stavropol, Russian Federation)

¹ Cand. Sc. (History), Associate Professor

¹ karina-best21@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

² Assistant

² vt_01@vk.com; <https://orcid.org/0009-0007-5909-598X>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article analyzes the impact of the Revolution and Civil War consequences on the deformation of ideas

about morality and ethics in the collective unconscious by the example of the city of Georgievsk. The growth of crime in a small town in

the southern province became part of everyday life in the 1920s as a reaction of society to the historical crisis. The new social reality implied changes in the everyday life of both ordinary people and those who had to fight against the criminalization of society. **Materials and Methods.** The article analyzes office material: official correspondence, reports and orders of Georgievsk district police on the fight against banditry in the 1920s. It is based on an interdisciplinary approach, within the framework of the history of everyday life and new local history with the use of general scientific methods, as well as specifically historical methods, methods of historical anthropology and contextual analysis of documents. **Analysis.** The work examines the process of criminalization of society in the post-revolutionary time by the example of Georgievsk in the early 1920s. It was possible to consider the growth of the urban crime rate, analyze local characteristics and connections with the everyday life of citizens, as well as the attempts on the part of the state to overcome the problem of social deviations. The article specifies the measures to combat crime and banditry carried out by the young Soviet government. At that time, the central government was primarily interested in prosecuting "counter-revolutionary activities", while the practice of local authorities was more focused on solving specific problems that could disrupt ordinary life in the provinces. Also, in the 1920s, the process of forming new approaches in the activities of local police departments will begin. Attention is paid to the influence of the post-revolutionary crisis in the country on the psychological state of the population in Georgievsk, which will affect their everyday life and perception of the new historical reality surrounding them. In light of this, the list of social vices in the 1920s underwent significant changes and placed new accents. Thus, fairly common types of crimes such as drunkenness, moon-shining, crimes against the person, rowdiness, official and property crimes, in peacetime will be supplemented by war crimes and crimes against the new government (the so-called "counter-revolutionary crimes"), to which local authorities will pay special attention. **Results.**

Введение. 1920-е гг. оказались сложными для российского общества, как центральных городов, больших индустриальных центров, так и небольших провинциальных городков, т.н. «малых городов». Данный период для только формирующегося и ещё не до конца утвердившегося государственного строя стал временем преодоления последствий Гражданской войны, утверждением советской власти в регионах и временем серьёзных испытаний для социальных норм и социального благополучия российского общества. Частью повседневной жизни южной провинции стала криминализация, которая была связана как с преступлениями против новой власти, так и с нарушением общественного спокойствия. В данной статье речь идет о Георгиевске, ставшем символом завоевания и освоения Российской империей Кавказа, так как именно здесь в 1783 г. был подписан русско-грузинский Георгиевский трактат. В марте 1920 г. город заняла Красная Армия и с этого момента начался отсчёт нового периода в его истории – советского. В течение 1920-х гг. неоднократно менялся административный статус Георгиевска. С 1921 по 1923 гг. Георгиевск имел окружной статус, затем стал районным центром Терской губернии. В данный момент г. Георгиевск и Георгиевский район являются частью Ставропольского края и прочно ассоциируются со Ставрополем.

Материалы и методы. В заголовок статьи мы намеренно вынесли социологическую дефиницию «малый город». Как отмечают исследователи, любая власть не обращала особого внима-

The public unconscious responded to historical changes and political crises of the 1920s, which led to the deformation of social norms, moral principles and traditional values. At the same time, the social and political upheavals of the 1920s led to the need for decisive measures by the state and local police to protect public order and combat crime. The study revealed a connection between Georgievsk and rural areas, where crimes were committed and gangs of criminals were formed, but the consequences of these processes were also felt in urban life.

Keywords: Georgievsk, urban everyday life, social deviations, small town, post-revolutionary period, Soviet society, crime situation, new local history

For citation: Ambartsumyan KR, Trufanova VM. Crime as an element of post-revolutionary everyday life in a small town in the Southern province. Humanities and law research. 2024;11(4):629-638. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.2>

Conflict of interest: one of the authors of article – Karine R. Ambartsumyan, Cand. Sc. (History), Associate Professor, is an executive editor of journal "Humanities and law research". The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this manuscript.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Acknowledgments: the study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-20073 "Urban Everyday Life of the Southern Province. Evolution of Mass Consciousness and Everyday Practices of the City Residents of Stavropol and the Caucasian Mineral Waters in the 1920s - 1930s", <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

The article was submitted: 15.07.2024.

The article was approved after reviewing: 18.09.2024.

The article was accepted for publication: 25.11.2024.

ния на малые города, из-за чего они традиционно вырабатывали свои механизмы адаптации к изгибам и крутым поворотам социального процесса. В современной России малые города по градостроительным нормам определяются численностью населения менее 50 тыс. [21]. Есть версия, что число жителей может быть и до 100 тыс. [17]. Однако первый критерий более просторен. Одной из особенностей малых городов является их меньшая подверженность маргинализации в сравнении с крупными. Некоторая устойчивость объясняется тем, что сюда не стекались люмпенизированные элементы со всей страны. В условиях глубоких системных кризисов, когда население оказывается на грани выживания, рост девиаций и преступности будет связан не с приезжими, а местными жителями.

Следует оговорить еще один важный момент – помещение проблематики в контекст истории повседневности. Нам представляется интересной и применимой к теме позиция Ш. Фицпатрик, которая полагает, что повседневность может включать и стратегии выживания, используемые в специфических социально-политических условиях [30]. Данное свойство мы дополним особенностями проживания постреволюционного времени локальным сообществом Георгиевска. В этой связи методология исследования сформирована междисциплинарным принципом и подходами истории повседневности и новой локальной истории. Источниковая база сформирована архивными документами Государственного архива Ставропольского края, что

позволило не просто выявить особенности преступлений, совершаемых в Георгиевске в начале 1920-х гг., но и посмотреть, как в этих условиях жили обычные люди.

Анализ. Преступность в постреволюционный период становилась признаком новой социальной реальности, что связано не только с хозяйственным разорением и падением уровня жизни. Как отмечает российский историк В.П. Булдаков, революция и Гражданская война нанесли удар ещё и по психике [2, с. 13]. Периоды исторических переломов и переходов неизбежно связаны с феноменом деформаций норм и представлений о них. Однако при первом же столкновении с социальными, политическими или экономическими изменениями мы можем наблюдать совершенно иную картину: коллективное бессознательное подвергается серьёзной обработке, как целенаправленной со стороны большевистской власти, так и со стороны исторической турбулентности, предлагавшей народу адаптироваться к совершенно новой морали и нравственности. Отсюда следует полное изменение восприятия действительности. Подобная точка зрения о новых представлениях о норме и девиации встречается в работах В.П. Булдакова [1; 2]. Историк пишет о преступном характере большевистской власти. А.Г. Тепляков видит истоки волны преступности 1920-х в предреволюционном времени, так он отмечает, что в 1900 – 1913 гг. удвоилось число имущественных преступлений. Однако под влиянием событий Гражданской войны произошла архаизация социума, что сделало насилие типичным инструментом действий как властей, так и масс. Большое внимание в его работе уделено феномену красного бандитизма [28].

Бандитизм, преступность, пьянство и т.д., т.е. социальные девиации – вовсе не новые явления и уж точно не характерные исключительно для 1920-х гг. Речь идёт о заметном количественном увеличении случаев деструктивного социального поведения на фоне военных и революционных потрясений и преодолении власти и обществом их последствий.

Понимание того, что молодое советское общество не может преодолеть проблему социальных девиаций и криминализации, присущее уже современникам. Первые работы о преступности в раннесоветский период стали появляться в 1920-х гг. Для историка они важны не только как историографический факт, но и источниковый материал, так как написаны очевидцами изучаемых нами событий и времени. К такого рода трудам следует отнести работу А.А. Жижиленко¹ «Преступность и её факторы» [19] опубликованную в 1922 г. Во вступительном слове

редакции было пояснено издание монографии профессора А.А. Жижиленко злободневностью проблематики в «годы тяжелых переживаний Государства» [19]. Подробный анализ российского и европейского статистического материала представлен в работах [3; 4] российского правоведа М.Н. Гарнета² «Преступность и самоубийства во время войны и после неё» и «Моральная статистика». В статье Д.П. Родина [26] присутствует анализ преступлений в городской и сельской среде. Для нашей темы ценен вывод автора о том, что преступность «тем выше, чем более городской характер носит та или иная местность» [26, с. 94]. В городе преобладают экономические преступления или преступления против собственности (кражи, мошенничество, подделки, подлоги и прочее), в то время как в «грубой и тёмной деревне» преступность преимущественно будет направлена против личности [26, с. 95] (убийства, телесные повреждения и т.п.), что вызвано постоянно меняющейся экономической конъюнктурой города и относительной экономической стабильностью сёл и деревень. Вместе с тем в статье присутствует анализ городской и сельской преступности по гендерному признаку, сделан вывод о более высоком проценте женской преступности в сравнении с мужской в городах [26, с. 98-99]. Применительно к Георгиевску такая закономерность корректируется в связи с близостью сельской округи ее влиянием на городское пространство. Самому Георгиевску, укладу, менталитету и экономике были присущи сельские признаки.

В современной российской историографии теме раннесоветской преступности посвящено много работ историков и юристов, так как сама проблема имеет междисциплинарный характер [20; 22; 24]. Среди работ правоведов историки могут обнаружить довольно интересные подходы к классификации преступлений в Советской России 1920-х гг. Так, В.В. Никулин [23] пришел к выводу о том, что на начало периода преступления были насильственного характера, а ближе к концу увеличивается доля должностных и имущественных. Юрист Н.А. Эккельман обращается к феномену детской преступности в 1917 – 1920-е гг. Новизной отличаются исторические работы, привлекающие судебные материалы и судебную статистику. С.Е. Панин прослеживает взаимосвязь между ростом преступности и ростом потребления спиртных напитков, выделяя так называемые «пьяные» преступления как один из популярных видов преступлений в 1920-е [25].

¹ Жижиленко Александр Александрович – российский учёный-правовед, специалист в области уголовного права и криминологии.

² Гернет Михаил Николаевич — российский и советский учёный-правовед, криминолог и специалист по уголовно-исполнительному праву, доктор юридических наук, профессор.

Упомянутый выше Д.П. Родин¹ выделил категорию вынужденной преступности, которая является порождением целой группы факторов [26, с. 95-97]. Часто такого рода преступления становились естественной реакцией на состояние постреволюционного и поствоенного времени, когда произошло стирание границ между «правильным» и «неправильным», на разруху и разрушение социальных и политических конструкций, регулирующих общественное поведение. По данным Д.П. Родина, в 1922 г. на 1000 населения в среднем приходилось 13,9 % осуждённых по совершенным преступлениям (кражи, мошенничества, разбои и грабежи, тайное винокурение, телесное вредительство, убийство, конокрадство и т.п.), в 1923 г. процент осуждённых возрастает до 14,79 % [26, с. 96]. Наиболее часто совершаемыми преступлениями оказались военные преступления (растрата, порча, кража казённого имущества, неисполнение воинских приказаний и т.п.), нарушение трудовых правил, мошенничество, подделка государственных платёжных знаков и т.п. Процент осуждённых по упомянутым преступлениям колеблется в 1922 г. от 60,3 % до 75,7 %; в 1923 г. от 50,5 % до 86,2 %; в первой половине 1924 г. от 56,1 % до 90,8 % от общего процента осуждённых в рассматриваемый период [26, с. 97-98].

Говоря о попытках со стороны государства противодействовать росту преступности, заметим, что на общегосударственном уровне к концу 1918 г. существовало уже около 40 специальных уголовно-правовых декретов и 69 актов, определявших отдельные составы преступлений [20, с. 105]. В 1920-х гг. ещё одним ответом государства на рост бандитизма, хулиганства и подростковой беспризорности стало введение в действие нового Уголовного кодекса РСФСР от 1 июня 1922 г. [29], редакция которого была в 1926 г.

В целом, уголовное право в 1920-х гг. заботилось больше о государственных интересах, нежели общественной безопасности и наказывало жестче за преступления против власти и партии, за так называемую «контрреволюционную деятельность». Российский историк В.Н. Колемасов отмечает, что в 1920-е гг. шло формирование советского уголовного законодательства, поэтому к уголовным преступлениям относились снисходительно [20, с. 107].

Общая криминогенная обстановка в конце и после Гражданской войны определялась разгулом бандитизма всех оттенков, в том числе и красного. Южная окраина бывшей Российской империи, Терек и Ставрополье, также испытывали на себе все последствия постреволюционной архаизации.

Отступление белого движения из Георгиевска сопровождалась борьбой большевиков с их сторонниками. Декреты георгиевского Военно-революционного комитета интересны в связи с формированием определённого отношения к отступившим белогвардейцам. Новая власть криминализировала деникинцев, их пребывание в городе подавала как оккупацию. Классовая ненависть поддерживалась за счет формирования образа не просто эксплуататора, но и преступника, что зачастую соответствовало реальности: «Во время отступления из пределов Севкавказа контрреволюционных генералов Деникина, Эрдели, и др. выяснилось, что последние вывезли из всех касс, банков, казначейств и других кредитных учреждений всю наличность, оставив пустые кассы. В настоящий момент черносотенные генералы с награбленным народным достоянием скитаются у двери западноевропейских капиталистов, стараясь натравить буржуазные государства против рабоче-крестьянских масс освобожденной России. Советская власть, приступая к реорганизации финансового дела, может принять на себя ответственность за грабежи и явное расхищение народного достояния Деникинской сворой...» [5, л. 69]. Даже учитывая масштаб финансового коллапса, георгиевский ревком издал данный документ 22 мая 1920 г., на два месяца позже приказа о борьбе с пьянством (он был издан в марте), что свидетельствует о приоритизации социальной сферы над финансовой в политике местной власти и ситуативности принимаемых решений. Местные большевики реагировали на то, с чем в первую очередь сталкивались и что более всего мешало налаживать жизнь.

Из архивных документов мы узнаем о «бандитских группировках революционеров». В донесении дежурного по Георгиевскому уезду от 13 июля 1921 г. к начальнику георгиевской уездной милиции описан случай, когда на одного из милиционеров по пути из ст. Ново-Георгиевской в Георгиевск напали и ранили такие бандиты [9, л. 95]. 8–9 августа 1921 г. около реки Золки двумя вооружёнными неизвестными был привязан труп... [9, л. 96]. Все донесения и рапорты были адресованы начальнику Георгиевской уездной милиции для дальнейшего рассмотрения. Советская правоохранительная система только формировалась и поэтому было много задержек и проволочек. До того момента пока было дано разрешение открыть дело, преступники успевали скрыться. Обилие отчётов о мелких преступлениях или требующих строчной реакции тормозили работу губернского оперативного штаба. 25 декабря 1921 г. комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступностью по должности запросила возможность для начальников милиции на местах обращаться с рапортами, заявлениями, донесениями и т.п. к райуполномоченным оперштаба (районным уполномо-

¹ Родин Дмитрий Петрович – в 1928 г. был заведующим отделом моральной статистики Сектора социальной статистики ЦСУ РСФСР, впоследствии – сотрудником Института по изучению преступности.

ченным оперативного отдела штаба милиции на местах – *авт.*) на местах [15, л. 5 об.]. Таким образом местным отделам милиции была дана свобода для более быстрого реагирования на происшествия в их районах.

В 1922 г. в Георгиевском уезде действовала банда под красным флагом, именующая себя красноармейской частью. На территории самого Георгиевска их не было, при этом бандиты создавали угрозу городу достигая близлежащих сел [13, л. 16]. Властям удавалось удерживать эти формирования на расстоянии от уездного центра. Такие угрозы создавали и другие группировки в 1922 г. Георгиевский, Пятигорский и Прикумский уезды были самыми «угрожаемыми по бандитизму» [13, л. 20]. Если верить архивным документам, то на следующий год опасность существенно снизилась. 5 января 1923 г. состоялось заседание губернского Военного Совещания по борьбе с бандитизмом. Констатировалось, что бандитизм остается на высоком уровне. Как доложил один из участников, «главари банд Орлов, Тишков и Горчаров». Часть «гончаровцев» вступили в РККА. Терроризируя население и внося «разложение в красноармейскую среду», роняли авторитет советской власти [14, л. 2-2 об.]. По Георгиевскому уезду в 1923 г. местных банд не было. Однако были пришлые. Так, на уезд совершались набеги так называемой «затеречной банды» из Горской республики, которая угоняла лошадей (племенных и верховых, рабочих не брали) [14, л. 5]. В этот же период в Георгиевском уезде объявилась банда из демобилизованных красноармейцев, хорошо вооруженная и знакомая с местностью. Действовали они на территории станиц и сел, сведений о ее появлении в городе нет [14, л. 4]. При этом следует понимать, общая криминогенная обстановка в уезде влияла на город. Жители Георгиевска не могли чувствовать себя в безопасности, тем более что связь с сельской местностью была прочной. Например, 22 июля 1922 г. гражданин Лоцко выехал к станции Незлобной с пасекой и там стал жертвой бандитов, требовавших от него меда и хлеба. Такого рода случаи не были единичными и часто повторялись [10, л. 17]. Горожанин Колганов М.М. обратился в милицию после того, как 1 сентября 1922 г. рядом с железной дорогой неизвестные у него отобрали лошадь. При чем не просто забрали, а его здорового двухлетнего жеребца обменяли на коня двенадцати лет, измученного и с лысиной [10, л. 87].

24 апреля 1922 г. была издана инструкция Терского губернского военного совещания «О привлечение населения к самообороне и непосредственному участию к борьбе с бандитизмом», касалась она и Георгиевска, так как пункт 4 предусматривал охрану городов: «Каждый домком обязан не реже одного раза в две недели произвести политическую проверку лиц, проживающих в его доме, и в случае обнаружения

подозрительных лиц, немедленно передать властям и милиции. Каждый районный начальник милиции через своих агентов и лично контролирует действия домкома. В случае обнаружения в каком-либо доме политически или уголовно ненадежного лица домком несёт ответственного перед Рев<волюционным> Судом» [12, л. 8].

В самом городе Георгиевске советская власть пыталась жесткой рукой навести порядок и установить трудовую дисциплину. Намерения власти и практика, безусловно, расходились друг с другом. Интерес представляет одно из самых первых предписаний большевистской власти: касалось не банд, а пьянства и производства самогонки. Сам факт издания данного приказа 23 марта 1920 г., сразу же после установления советской власти, симптоматичен и свидетельствует о впечатляющих масштабах этих явлений: «Граждане Советской России должны раз и навсегда забыть кадетский разгул и беспорядок и привыкать к строгой революционно-трудовой Советской дисциплине...» [5, л. 13].

Одной из социальных язв постреволюционного Георгиевска были пьянство и самогоноварение. Военно-революционный комитет предписывал всем гражданам города не появляться в публичных местах в пьяном виде. В нарушение предусматривались общественные работы сроком до одного месяца. Задержанные нетрезвые горожане обязывались выдать места самогоноварения. А те, кто уличался в варке самогона – привлекались к общественным работам до двух лет. К сожалению, архивные документы не дают точного представления о том, как приводились в жизнь подобные чрезвычайные меры. В октябре 1923 г. в уездную милицию поступило сообщение из уездного управления Терского губернского отдела ГПУ, что на улицах и «в театрах» много пьяных [10, 153]. Общий опыт советской «чрезвычайщины» свидетельствует о невыполнении таких директив, что порождало новые приказы и распоряжения. Конкретно в условиях Георгиевска у власти не было возможности для выполнения собственных такого рода приказов, тем более приказа военного совещания по борьбе с бандитизмом. Состояние милиции оставляло желать лучшего, о чем будет сказано ниже.

Самогоноварение было делом прибыльным и помогало заработать в условиях хозяйственного расстройств. В правоохранительные органы поступали доносы о самогонщиках. Например, в 1921 г.¹ было сообщено, что в Георгиевске по улице Кумской проживает гражданин Давыдов, который занимается араковарением: «В начале лета у него не было ничего и жил он очень плохо, но вот у него появилась пара лошадей хороших и бричка – утверждали граждане, что это он всё украл... В настоящее время он варит араку и

¹ Точная дата не проставлена на самом документе.

у него собирается разный сброд и солдаты, которые залаживают вещи» [11, л. 227].

Милицией в городе практиковались проверки и облавы с целью проверки документов. Сама процедура позволяла выявить тех, кто не имел удостоверений личности советских граждан и не был зарегистрирован в адресно-паспортном столе. Таким образом еще выявлялись мелкие преступники. Согласно рапорту начальника уездной милиции Волкова в народном доме Георгиевска 18 августа 1922 г. была проведена «облава». Причиной стала пропажа кошельков у многих посетителей. Проверка документов имела целью скорее выявить карманников среди присутствующих на спектакле в этот вечер. При этом любопытны не сколько итоги этого мероприятия, а именно поведение участников. Заместитель начальника гарнизона отказался «в категорической форме» проводить таковую в связи с поздним временем: «Время уже два часа каковое всецело в моем распоряжении». На этой почве между милицией и военными разгорелся скандал. Проверка документов и поимка карманников была сорвана, за спором между представителями уездной милиции и военного штаба наблюдала публика. Жалобы на командирский состав со стороны милиции, если судить по рапорту были явлением обычным: «Причем присовокупляю, что при каждой облаве по проверке документов у граждан все <чаще> бывает тормозов со стороны Комсостава гарнизона, каковой старается провести барышень за своих жен или сестер, каковые по выяснению оказываются “барышнями” легкого поведения кои бывают без документов и подлежат задержанию для составления протоколов за нарушение приказа отдела Управления за № 67, но за этих барышень вступает Комсостав гарнизона» [10, л. 26]. Дело в том, что у военнослужащих проверка документов не производилась, что давало им больше свободы относительно других горожан.

Что касается милиции, то на особенностях ее работы в условиях малого города следует остановиться отдельно. В соответствии с Декретом ВЦИК и СНК от 10 июля 1920 г., утвердившим положение «О рабоче-крестьянской милиции» [18], обеспечение безопасности городского населения и противодействие бандитизму, возлагалось на городскую и уездную милицию, входившую в состав Рабоче-Крестьянской Милиции (РКМ) [27]. Считаясь вооруженным исполнительным органом РКМ могли быть привлечены в действующую Красную Армию [18], что в рассматриваемый нами период было довольно актуально. Разумеется, г. Георгиевск в 1920 гг. в вопросе формирования местных правоохранительных органов не стал исключением. Вместе с тем, штат работников городской и уездной милиции провинциального города был довольно ограничен.

Возможности георгиевской милиции были ограничены не только тем, что советская право-

вая система и уголовное право находились в стадии оформления, но и другими обстоятельствами. В рапорте начальника милиции первого района г. Георгиевск от 14 сентября 1921 г. адресованного к начальнику уездной милиции в освещается ситуация с полученным от последнего устного распоряжения о необходимости формирования караула, на что начальник милиции первого района г. Георгиевск вынужден был дать отказ ввиду малочисленности команды милиции, входящей в его подчинение.

В том же рапорте выясняются и куда менее приятные обстоятельства состояния уездной милиции в 1921 г.: обеспечение сотрудников даже предметами первой необходимости оставляло желать лучшего. О компетентности и профессионализме кадров говорить было сложно, так как прежде всего постреволюционная повседневность малого города была связана с преодолением бытовых проблем. Так в рапорте мы находим банальную нехватку одежды и обуви как причину невыполнения служебных поручений: «... мною было донесено поручение старшему по команде о высылке милиционеров для несения наряда, но милиционеры отказываются от несения караула ввиду того, что у одного были рваные ботинки, а другой был полураздет» [9, л. 165]. Однако, учитывая последующие комментарии начальника милиции первого района города, дает понять, что отсутствие одежды и обуви не всегда принималось в качестве уважительной причины неисполнения поручений начальства: «... но несмотря на все это, мною был произведен арест таковых, после чего вскорости милиционеры исполнили моё приказание пойти в караул» [9, л. 165 об.]. Следует понимать, что подобный подход вряд ли мог гарантировать качество несения службы по охране правопорядка в городе. В милицию шли не по призванию, а по нужде. Так, один из георгиевских жителей¹, служивший в РККА с 1918 г., просил принять его на службу в милицию, так как он остался без «должности» и у него не средств на дальнейшее существование [16, л. 5]. Ротация кадров происходила по совсем упрощенным критериям, например, по таким: «в араковарении и пьянстве мною лично он не был замечен, а также во взяточничестве» [16, л. 3]. Далее практика показала, что борьба с араковарением затруднялась тем, что самогон употребляли сами милиционеры: «В отношении борьбы с араковарением делается конечно так, кто угостит милиционера, тот свободно может гнать араку» [10, л. 147].

В 1922 г. ситуация в милиции и возможности ее сотрудников по борьбе с уголовными преступлениями оставались скромными. Во-первых, работа велась «в пьяном виде», во-вторых, штат был малочисленный, в-третьих, отсутствовала дисциплина: «Иногда бывает так, что бросают канцелярию отделения без дежурного и всякий сторонний мо-

¹ Фамилия в заявлении написана неразборчиво

жет зайти и забрать имеющееся там оружие». В четвертых, не было лошадей, а за имеющимися никто не присматривал [10, л. 147].

Возвращаясь к вопросам мер противодействия преступности, отметим, что востребованными методами оставались посты и караулы, состоящие из 2 – 3 сотрудников уездной милиции, которые регулярно проверялись специальными комиссиями. Например, в Протоколе №1 комиссии по сокращению караулов и постов при гарнизоне города Георгиевска Терской губернии от 26 апреля 1921 г. говорится о сокращении караулов только в тех местах города, которые не считались более значимыми с военной и государственной точек зрения [9, л. 25].

Эти меры не гарантировали успех в борьбе с преступностью. В отчёте от 16 ноября 1921 г. отмечаются учащающиеся случаи попыток ограблений в общественных местах, таких как Георгиевский рынок: «В последнее время участились случаи неизвестными лицами покушения на взлом лавок и кражу из них товаров, при этом неизвестные лица угрожали расправиться с нашим наёмным сторожем, если он будет поднимать тревогу. Если грабежи ещё не приняли таких широких размеров, то это произошло благодаря случайным присутствиям на базаре частных товарищей или самих торгующих» [8, л. 283]. Сторож имел опыт работы на бакинском газопроводе и Гулиевской мельнице, но при этом был безоружен. В этой связи заявители, видимо те, чьи лавки пострадали, просили выдать ружье сторожу и брали на себя ответственность за его сохранность [8, л. 283].

В архиве часто встречаются документы, подтверждающие необходимость для новой власти обращаться к добровольцам и организации самообороны. Непонимание и недостаточная осознанность населения в деле возложенной на них ответственности мешали результативности самообороны. Даже среди военных возникали подобного рода проблемы, как, например, в ситуации с жителем Георгиевска Константином Деевым – часовым второй терской батареи. В январе 1921 г., в 3 часа ночи он решил сообщить напарнику о пересменке с помощью вверенного ему оружия, совершив несколько выстрелов [9, л. 7]. Подобное действие было воспринято нарушением правопорядка, т.к. использование огнестрельного оружия не по назначению в 1920-х гг. в соответствии со статьей 207 УК РСФСР считалось порчей казённого военного имущества и наказывалось лишением свободы сроком не менее года [29].

В рассматриваемый нами период термин «бандитизм» охватывал довольно широкий перечень противоправных и наказуемых действий. В отличие от «спокойного» времени, в 1920-х гг. список преступлений, подходящих под данный термин, расширится, следуя за изменениями исторической и политической действительности.

Заметим только, что в отчётах георгиевской городской милиции мы найдём лишь повторение структурированных на государственном уровне преступлений. Так, в г. Георгиевск, к числу преступлений, которые могли бы послужить основанием для ареста по обвинению в бандитизме, включались такие поступки как воровство, убийство [9, л. 7], незаконное хранение оружия, взаимодействие с бандитскими группировками, злоупотребление служебными полномочиями, саботаж, коррупция, спекуляции, беспорядки и злоупотребление алкоголем [9, л. 30 об.], так и преступления против советской власти, идей коммунизма и нового порядка [9, л. 30].

Расследованию подлежал довольно широкий спектр преступлений, начиная с бытовых, вроде кражи 13 кур [9, л. 5] или игнорирования предупреждений милиции о запрете грызть семечки и распивать алкогольные напитки в общественных местах [9, л. 256], и заканчивая более серьёзными преступлениями (нанесение увечий или убийство). Возьмём для примера случай 4 июня 1921 г., когда в общественном месте, на Ярмарочной улице г. Георгиевск, «персиянин» Мансут Манат зарезал свою супругу [9, л. 69]. Подобные скачки от мелких злодеяний до уголовно наказуемых преступлений характерные провинциальному городу Георгиевск, очевидно, были вызваны не только реакцией общества на изменения политической действительности, но и не всегда успешными попытками новой власти сдерживать эту самую реакцию (активизацию преступности и хулиганства), что и провоцировало появление куда более широкого перечня видов преступлений, к которым так или иначе прибегали горожане в 1920 гг.

Особого внимания заслуживали работники и их добросовестность в исполнении рабочих поручений. Подобные нюансы также волновали новую власть и подлежали рассмотрению как один из видов бандитизма: халатность или злоупотребление полномочиями. Самым ярким примером подобной проблемы стал Георгиевский детский дом, прославившийся своими воспитанниками, блуждающими по городскому базару. Дети были плохо одеты и недоедали. Архивные документы передают разговор с этими детьми, в ходе которого становится известно о халатности служащих и воровстве продукции, выданной для нужд детского дома. Самих детей работники посылали на местный базар, чтобы те просили «ту или иную подачку», чем и кормили бы себя [6, л. 16].

Если халатность и воровство подтверждались – в качестве последствий наступало как наказание, так и ограничения для работы и социальной жизни нарушителя. Это могло быть не только ограничение свободы, но и своего рода «характеристики», которые учитывались при попытках устроиться на работу или при взаимодействии с государственными структурами. Например, текст выписки уездного отдела народного

образования (УОНО): «Губоно доводит до сведения, что в Терскую губ. Выехал из Калачинска уволенный за растрату и мошенничество Александр Николаевич Смирнов, рассчитывающий устроиться в Терской губ. В районе Моздока. Означенному гр-ну ни в коем случае нельзя предоставлять работы в УОНО» [6, л. 8].

Наряду с бандитизмом, воровством и прочими преступлениями, сталкиваемся с ещё одним общественным пороком молодой советской власти: взяточничество и коррупция. Гражданские начальники, а не только правоохранительные органы, вовлекались в борьбу с данной неприглядной стороной советской социальной реальности. В отдельных ведомствах проводилась политика по искоренению взяточничества. Так, начальник Георгиевского губернского земельного управления издал циркулярное письмо¹: «Болезнь застарелая – хроническая, полученная от царского режима; болезнь особенно сильно расцветшая махровым цветом в наших Советских аппаратах с введением НЭП» [7, л. 1]. Он предписывал организовывать «тройки» из работников с хорошей репутацией, которые будут проводить как наблюдение за коллективами, так и разъяснительную работу [7, л. 1].

О том, какие предпринимались меры борьбы с коррупцией можно делать вывод из краткого руководства по составлению отчётов Комиссии при областном экономическом совещании (Обэконо) и Губернском экономическом совещании (Губэконо) по борьбе со взяточничеством [6, л. 24]. Комиссия стремилась создать общую и единую форму для отчётов о проделанной работе: рекомендовалось комментировать работу по организации мероприятий и деятельности ведомственных комиссий, наблюдению за группами и организациями, что наиболее подвержены взяточничеству, использованию прессы, вовле-

чению партийных и профессиональных организаций, а также наблюдению за особо яркими судебными процессами [6, л. 24]. Тем самым конкретизируя свою сферу контроля и определяя потенциально подверженные коррумпированию должности и мероприятия.

Результаты. Таким образом, социальные и политические потрясения 1920-х гг. требовали принятия серьёзных мер по установлению контроля над общественным порядком и борьбой с бандитизмом в период послереволюционной нестабильности. В условиях провинциального Георгиевска мы наблюдаем следующие особенности: влияние сельской округи на городское пространство, поэтому бандитизм и преступления в селах и станицах влияли на жизнь горожан; частью городской повседневности становится аракварение и как следствие попытки властей преодолеть проблему пьянства, в городской среде были распространены в большей степени такие преступления как воровство и карманные кражи. Правоохранительные органы были созданы довольно быстро с приходом советской власти. Однако создание новых структур правопорядка не могло дать безоговорочной гарантии эффективного противодействия преступности. Работа сотрудников милиции и военнослужащих была связана с городской повседневностью, и они были ее частью. Ежедневная рутина милиционеров была связана не только со службой, но и выживанием в связи с нехваткой как оружия, одежды, обуви, так и кадров. Имеющиеся сотрудники демонстрировали дефицит профессионализма и опыта. Вместе с тем, необходимо учитывать экономическую дестабилизацию и общий кризис в управлении государством.

¹ Письмо не датировано, предположительно 1923 – 1924 гг.

Литература

1. Булдаков В. П. Механизм катастрофы. Курс лекций «Жить по понятиям» URL: <https://web.archive.org/web/20191227164003/https://www.litres.ru/vladimir-buldakov-18568706/mehanizm-katastrofy-42820995/> (дата обращения: 23.10.2024).
2. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть: Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2012. 759 с.
3. Гарнет М. Н. Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств): Пособие для статистиков и криминалистов. М.: Центр. стат. упр., 1922. 269 с.
4. Гарнет М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после неё: второй выпуск «Моральной статистики». М.: ЦСУ СССР, 1927. 270 с.
5. ГАСК. Ф. Р1167. Оп.1. Д. 16.
6. ГАСК. Ф. Р1270. Оп.1. Д. 1.
7. ГАСК. Ф. Р1271. Оп.1. Д. 1.
8. ГАСК. Ф. Р1275. Оп.1. Д. 2.
9. ГАСК. Ф. Р1275. Оп.1., Д. 8.
10. ГАСК. Ф. Р1275. Оп.1. Д. 9.
11. ГАСК. Ф. Р1296. Оп.1. Д. 2.
12. ГАСК. Ф. Р1302. Оп.1. Д. 1.
13. ГАСК. Ф. Р1302. Оп.1. Д. 3.
14. ГАСК. Ф. Р1302-с. Оп.1. Д. 9.
15. ГАСК. Ф. Р1302. Оп.1, Д. 10.

16. ГАСК. Ф. Р1302. Оп.1. Д. 12.
17. Горнаева Л. А. Малый провинциальный город в социальной структуре современного российского общества: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2002. 20 с.
18. Декрет о рабоче-крестьянской милиции (положение) от 10.07.1920 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/901974513> (дата обращения: 23.10.2024)
19. Жижиленко А. А. Преступность и её факторы. Пб.: Мир знаний, 1922. 66 с.
20. Колемасов В. Н. Советская уголовно-правовая политика в 1917–1928 годах // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 1. С. 105–108.
21. Лысова Н. Ю. Малый исторический город: культурные параметры и актуальные проблемы // Регионология. 2008. № 2. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/125> (дата обращения: 21.11.2024)
22. Мигущенко О. Н. Карательная (уголовная) политика Советского государства в 20-30-е годы XX в. // История государства и права. 2010. № 19. С. 23–26.
23. Никулин В. В. Преступность как социально-правовое явление в 1920-е годы: тенденции и состояние // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 2. С. 55–60.
24. Павлов А. Н. Борьба милиции с преступностью в годы нэпа // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 135–144.
25. Панин С. Е. «Пьяная» преступность в России в 1920-е годы // Социологический журнал. 2002. № 4. С. 92–102.
26. Родин Д. П. Городская и сельская преступность // Право и жизнь. М.: Право и жизнь, 1926. Кн. 2 – 3. С. 94–101.
27. Становление ставропольской милиции в 20-е годы XX века // Из века в век служу закону: очерки истории органов внутренних дел Ставропольского края. Ставрополь: Изд-во «Сервисшкола», 2005. 578 с. URL: https://26.xn--b1aew.xn--p1ai/guvask/istoriya/istoriya_sk/ (дата обращения: 13.11.2024).
28. Тепляков А. Г. Криминал и власть в эпоху становления советской государственности // Новый исторический вестник. 2015. № 3(45). С. 44 – 64.
29. Уголовный кодекс РСФСР от 01.06.1922 URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 21.11.2024)
30. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОСПЭН, 2008. 336 с.

References

1. Buldakov VP. The mechanism of disaster. Lecture course "Living by concepts" URL: <https://web.archive.org/web/20191227164003/> (accessed: 10.23.2024). (In Russ.).
2. Buldakov VP. Utopia, aggression, power: Psychosocial dynamics of the post-revolutionary period. Russia, 1920-193. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSPEN); 2012. 759 p. (In Russ.).
3. Gernet MN. Moral statistics (criminal statistics and suicide statistics): Handbook for statisticians and criminologists. Moscow: Central Statistical Office; 1922. 269 p. (In Russ.).
4. Garnet MN. Crime and suicide during the war and after it: the second issue of "Moral statistics". Moscow: CSU of the USSR; 1927. 270 p. (In Russ.).
5. GASK. F.1167. Inv.1. D. 16. (In Russ.).
6. GASK. F.1270. Inv.1. D. 1. (In Russ.).
7. GASK. F.1271. Inv.1. D. 1. (In Russ.).
8. GASK. F.1275. Inv.1. D. 2. (In Russ.).
9. GASK. F.1275. Inv.1. D. 8. (In Russ.).
10. GASK. F.1275. Inv.1. D. 9. (In Russ.).
11. GASK. F.1296. Inv.1. D. 2. (In Russ.).
12. GASK. F.1302. Inv.1. D. 1. (In Russ.).
13. GASK. F.1302. Inv.1. D. 3. (In Russ.).
14. GASK. F.1302-S. Inv.1. D. 9. (In Russ.).
15. GASK. F.1302. Inv.1, D. 10. (In Russ.).
16. GASK. F.1302. Inv.1. D. 12. (In Russ.).
17. Gornaeva LA. A small provincial town in the social structure of modern Russian society: abstract of thesis. Saratov; 2002. 20 p. (In Russ.).
18. Decree on the Workers' and Peasants' militia (regulation) of 07.10.1920 in Electronic Fund of legal and regulatory documents: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901974513> (accessed: 10.23.2024). (In Russ.).
19. Zhizhilenko AA. Crime and its factors. Peterburg: Mir znaniye; 1922. 66 p. (In Russ.).
20. Kolemashov VN. Soviet criminal law policy in 1917-1928. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta*. 2008;(1):105-108. (In Russ.).
21. Lysova NYu. Small historical city: cultural parameters and current problems. *Regionologia*. 2008;(2). URL: <https://regionsar.ru/ru/node/125> (accessed: 11.21.2024). (In Russ.).
22. Migushchenko ON. Punitive (criminal) policy of the Soviet state in the 20-30s of the XX century. *Istorija gosudarstva i prava*. 2010;(19):23-26. (In Russ.).
23. Nikulin VV. Crime as a socio-legal phenomenon in the 1920s: trends and state. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2009;(2):55-60. (In Russ.).
24. Pavlov AN. The struggle of the police against crime in the years of the NEP *Voprosy istorii*. 2004;(10):135-144. (In Russ.).
25. Panin SE. "Drunken" crime in Russia in the 1920s. *Sociologicheskij zhurnal*. 2002;(4):92-102. (In Russ.).
26. Rodin DP. Urban and rural crime in Law and life. Moscow: Pravo i zjizn, 1926. Books 2-3. P. 94-101. (In Russ.).

27. The formation of the Stavropol militia in the 20s of the XX century in "From century to century serving the Law" – an essay on the history of the internal affairs bodies of the Stavropol Territory (the official date of formation of the internal affairs bodies of the Stavropol Territory is June 10, 1920). Stavropol: Servisshkola; 2005. 578 c. URL: https://26.xn--b1aew.xn--p1ai/guvask/istoriya/istoriya_sk/ (accessed: 11.13.2024). (In Russ.).
28. Teplyakov AG. Crime and power in the era of the formation of Soviet statehood. *Novyj istoricheskij vestnik*. 2015;3(45):44-64. (In Russ.).
29. The Criminal Code of the RSFSR dated 06/01/1922 URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (accessed: 11.21.2024). (In Russ.).
30. Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. The social history of Soviet Russia in the 30s: gorod. Moscow: ROSSPAN; 2008. 336 p. (In Russ.).



Научная статья

УДК 316.4 + 314.7

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.3>

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДΙΑСПОРЫ И КОНСОЛИДАЦИЯ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО СОЦИУМА ЮГА РОССИИ

Андрей Владимирович Бедрик^{1*}, Валерия Петровна Войтенко²

^{1, 2} Южный федеральный университет (д. 160, ул. Пушкинская, 344006, Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

¹ Кандидат социологических наук, доцент
abedrik@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7549-4629>

² Кандидат философских наук, доцент
leravvp@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5727-4692>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Представленная статья посвящена актуальной проблеме, связанной с исторической ролью диаспорных сообществ в последовательной консолидации социального пространства Юга России. В традиционной контактной зоне с переходным фронтиром дифференцированные этнические группы, не имеющие автохтонного происхождения, формировали значимый опыт системной интеграции, обеспечивающей постоянное сохранение исходной идентичности. Региональные диаспоры традиционно находились в исследовательском фокусе отечественной и зарубежной науки, ориентированной в приоритетном порядке на комплексную реконструкцию национального своеобразия, не всегда представлявшую органичный фундамент для культурного консенсуса. **Материалы и методы.** Источниковую базу представленного исследования сформировали как референтные результаты известных переписей российского населения, так и разнообразные нарративы официального и личного характера. Методологическую основу исследовательской практики образуют традиционные подходы, связанные с компаративным анализом социокультурного взаимодействия локальных сообществ. Значимые результаты были достигнуты и в результате осознанного применения междисциплинарных технологий, органично интегрирующих профильные методы этнической социологии, прикладной конфликтологии и микроисторической эпистемологии. **Анализ.** Миграционные потоки, стимулируемые геополитическими процессами, способствовали последовательному формированию на Юге России широкого круга этнических диаспор, постепенно вписывавшихся в региональные экономические, социальные, политические и культурные процессы. Естественный процесс пространственной и ментальной адаптации позволили сконструировать устойчивые механизмы внутреннего взаимодействия диаспорных структур и автохтонного населения, опираю-

щиеся как на исторический опыт, так и на практическое восприятие динамичной общественной жизни. Практическое регулирование складывающихся взаимоотношений нередко осуществлялось властными структурами, использовавшими силовые методы и сформировавшими глубокие ментальные травмы, влияющие и на современное состояние межэтнических контактов. **Результаты.** Значимую роль в рамках целенаправленной гармонизации диаспорного функционирования на Юге России играет превентивная медиация, опирающаяся как на проверенные стереотипы индивидуального и массового сознания, так и на актуальные результаты исследовательской практики отечественных специалистов.

Ключевые слова: диаспора, этнос, перепись, депортация, миграция, взаимодействие, мобилизация, регион, локация, эволюция

Для цитирования: Бедрик А. В., Войтенко В. П. Исторические диаспоры и консолидация полиэтнического социума Юга России // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 639–643. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.3>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Благодарность: статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда №23-28-01721 «Диаспорные институты в интеграции и дезинтеграции полиэтнического сообщества Юга России».

Статья поступила в редакцию: 17.06.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.08.2024.

Статья принята к публикации: 25.09.2024.

Research article

HISTORICAL DIASPORAS AND CONSOLIDATION OF THE POLYETHNIC SOCIETY OF THE SOUTH OF RUSSIA

Andrei V. Bedrik^{1*}, Valeria P. Voytenko²

^{1, 2} Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation)

¹ Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor
abedrik@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7549-4629>

² Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor
leravvp@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5727-4692>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article highlights the current problem related to the historical role of diaspora communities in the consistent consolidation of the social space of the South of Russia. In the traditional contact zone with the transitional frontier, differentiated ethnic groups that do not have autochthonous origin formed a significant experience of systemic integration, ensuring the constant preservation of the original identity. Regional diasporas have traditionally been in the research focus of domestic and foreign science, focused on a priority comprehensive reconstruction of national identity, which did not always represent an organic

foundation for cultural consensus. **Materials and Methods.** The source base of the study was formed by both the reference results of well-known censuses of the Russian population and a variety of official and personal narratives. The methodological basis of the research practice is formed by traditional approaches related to the comparative analysis of socio-cultural interaction of local communities. Significant results were also achieved due to interdisciplinary technologies, integrating the specialized methods of ethnic sociology, applied conflictology and microhistorical epistemology. **Analysis.** Migration flows, stimulated by geopolitical

processes, contributed to the consistent formation of a wide range of ethnic diasporas in the South of Russia, gradually fitting into regional economic, social, political and cultural processes. The natural process of spatial and mental adaptation made it possible to construct stable mechanisms of internal interaction between diaspora structures and the autochthonous population, based both on historical experience and on the practical perception of dynamic social life. Practical regulation of the emerging relationships was often carried out with the use of forceful methods on the part of authorities. It formed deep mental traumas that affect the current state of interethnic contacts. **Results.** Preventive mediation plays a significant role in the context of targeted harmonization of diaspora functioning in the South of Russia, based both on proven stereotypes of individual and mass consciousness, and on the current results of research practice of domestic specialists.

Keywords: diaspora, ethnicity, census, deportation, migration, interaction, mobilization, region, location, evolution

Введение. Вопросы межэтнических отношений сегодня остаются важной частью общественно-политической повестки, особенно в полиэтнических регионах, таких как Юг России. Южный регион России представляет собой уникальный пример культурного взаимодействия и сосуществования этнических групп, но одновременно характеризуется особым уровнем риска межкультурной коммуникации. История учит нас, что мирное сосуществование различных этнических и культурных групп требует осознанного подхода и постоянного диалога. Исторический опыт формирования многонациональных сообществ, включая периоды сотрудничества и конфликтов, является основой для понимания современных процессов. В этом смысле возрастает гносеологическая актуальность исследования роли исторических диаспор в сохранении стабильности межнациональных отношений и воспроизводстве паттернов общегражданской консолидации.

Материалы и методы. Научная литература по теме исторических диаспор Юга России обширна и включает работы, посвященные как общим вопросам этнонациональных отношений, так и анализу специфики отдельных групп в конкретном региональном пространстве, в локальных условиях того или иного социума. Например, исследования В.А. Тишкова освещают проблемы консолидации полиэтнических обществ в России, подчеркивая важность интеграционных механизмов и исторического опыта сотрудничества этнических групп [13, с. 322–323]. О необходимости вовлечения исторического опыта доверия в межэтнических отношениях как факторе гражданской консолидации поликультурного социума рассуждает в своих работах и М.Н. Губогло [7, с. 78–80]. Целая серия историко-диаспоральных исследований осуществляется Н.Ф. Бугаем, который на примере конкретных этнокультурных общностей демонстрирует характер развития национальной политики в России и опыта преодоления/нагнетания межэтнических конфликтов [4, с. 432–434]. Институциональное участие диаспорных организаций в решении проблем по сохранению этнической культуры группы и одновременно её гражданской консолидации с представителями этниче-

For citation: Bedrik AV, Voytenko VP. Historical diasporas and consolidation of the polyethnic society of the south of Russia. *Humanities and law research*. 2024;11(4):639-643. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.3>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Acknowledgments: the article was carried out within the framework of the Russian Science Foundation Project No.23-28-01721 "Diaspora institutions in the integration and disintegration of the multi-ethnic community of the South of Russia"

The article was submitted: 17.06.2024.

The article was approved after reviewing: 18.08.2024.

The article was accepted for publication: 25.09.2024.

ского большинства рассматривается в работах А.В. Дмитриева [9]. Исследовательские усилия по компаративистскому анализу процессов гражданской интеграции представителей исторических этнических меньшинств и новых мигрантских сообществ предпринимаются в работах В.С. Малахова [11, с. 73–75], Е.А. Варшавера [5, с. 380–381] и др. Отдельным комплексом исследований межэтнических отношений и роли диаспор и их институтов в гражданской консолидации поликультурного российского социума являются работы региональных исследователей и исследовательских групп, среди которых публикации В.А. Авксентьева [2, с. 450–452], М.А. Астацатуровой [3, с. 67–69], Ю.Г. Волкова [12, с. 136–140], Р.Д. Хунагова [6, с. 373–388] и др. Отдельного внимания заслуживают труды, посвященные историческим травмам и коллективной памяти диаспор. Исследования Н. Аблажей, Г. Харатяна [1, с. 129–137], Л. Гудкова [8, с. 34–44] по теме депортаций и историческим этнофобиям раскрывают долгосрочные последствия репрессивных инструментов национальной политики, а также влияние исторических конфликтов на современность.

Анализ. Вместе эти исследования дают основание для комплексного понимания межэтнических отношений на Юге России. Так, в контексте изучения вовлеченности диаспорных сообществ в межэтнические коммуникации исторический (или временной) критерий становится ключевым элементом анализа. Данный аспект позволяет провести межпоколенческое исследование, выявить степень интеграции диаспор в российское общество, а также определить их роль в локальных и региональных структурах. Таким образом, в данной работе под историческими диаспорами автором понимаются этнические сообщества, проживающие на определенной территории в течение значительного периода времени – не менее 100–150 лет. Этот длительный временной отрезок способствует формированию устойчивой идентичности, которая балансирует между привязанностью к территории современного проживания и сохранением эмоциональной связи с исторической родиной. Подобные группы в значительной степени ассоциируют себя с местной культурной и соци-

альной средой, что делает их важным элементом межэтнического взаимодействия.

Юг России традиционно был регионом с интенсивными миграционными потоками, что способствовало формированию уникальной структуры диаспор. Исторические диаспоры региона характеризуются высокой степенью интеграции, что выражается в их участии в социально-экономической, культурной и политической жизни. Вместе с тем, эти группы сохраняют языковые, религиозные и культурные особенности, которые обогащают общий социокультурный ландшафт региона. К данной категории диаспор на Юге России отно-

сятся следующие этнические группы: армяне, греки, евреи, немцы, поляки. Данные группы в наибольшей степени подвержены ассимиляционному тренду, пережили несколько эмиграционных волн, крупнейшая из которых пришлась на постсоветский период, а в демографической структуре этих этносов преобладают представители старших возрастов, в том числе пожилые люди. Согласно данным Всероссийской переписи населения, представленной в таблице 1, отображено количественное распределение представителей диаспор, проживающих в полиэтнических регионах Юга России.

Таблица 1 / Table 1
Распределение национального состава населения по регионам Юга России, Всероссийская перепись населения 2021 г. [10] / Distribution of the national composition of the population by regions of the South of Russia, All-Russian Population Census 2021 [10]

Регион	Армяне	Греки	Евреи	Немцы	Поляки
Ростовская область	86265	1146	1686	1699	402
Краснодарский край	211132	13117	1607	5678	843
Республика Крым	7717	1616	1655	922	1145
Республика Адыгея	14810	926	131	440	68
Ставропольский край	135384	23943	1583	1893	289
Севастополь	1299	175	482	220	259

На основе представленных данных видно, что наибольшая группа армянской диаспоры наблюдается в Краснодарском крае, где проживает более 200000 тысяч армян. Греческая диаспора наиболее представлена в Ставропольском крае с численностью около 24000 человек. Интересным представляется то, что примерно одинаковое количество представителей еврейской общины проживают в Ростовской области, Краснодарском крае и Республике Крым (около 1600 человек). Польская и немецкая диаспоры имеют наибольшее распространение в Краснодарском крае и Республике Крым, однако их численность значительно ниже по сравнению с другими этническими группами.

На основании проведенного эмпирического социологического исследования в период 2023–

2024 гг. была установлена степень воздействия исторического фактора на состояние многоуровневой идентичности исторических диаспор региона и степень их гражданской консолидации с региональным социумом. Исследование осуществлялось методом стандартизированного анкетного опроса проведено исследование среди пяти этнических групп из числа исторических диаспор региона Юга России и в пяти субъектах Российской Федерации. Этническая структура опрошенных: 6 657 респондента из числа армян, 206 респондентов из числа поляков, 951 респондентов из числа греков, 462 респондента из числа немцев и 285 респондента из числа евреев. Региональное распределение респондентов представлено в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2
Распределение респондентов по этнической принадлежности и региону проживания, 2023 / Distribution of respondents by ethnicity and region of residence, 2023

Регион	Армяне	Греки	Евреи	Немцы	Поляки
Ростовская область	1445	89	62	54	78
Краснодарский край	1228	275	96	356	53
Республика Крым	1890	416	64	31	55
Республика Адыгея	1217	143	22	9	5
г. Севастополь	877	28	41	12	15

Однако история этих групп связана не только с интеграцией, но и с трагедиями, включая депортации, конфликты и этнические преследования, что делает вопрос их консолидации особенно важным в современном контексте. Исторические травмы представляют собой коллективный опыт страданий, несправедливости и насилия, которые в течение поколений передаются через культурные, социальные и политические механизмы. Наиболее актуальными триггерами исторической

памяти являются такие явления, как: депортации, межэтнические конфликты, геноциды, укрепившиеся этнофобии, а также проекции международных отношений на локальные взаимодействия.

Депортации этнических групп в советский период стали одними из самых глубоких исторических травм, оставивших неизгладимый след в памяти народов. Для многих диаспор Юга России, таких как немецкая диаспора, подвергшаяся массовому переселению из-за обвинений в коллабо-

рационализме. Это событие не только уничтожило традиционные сообщества немцев, но и привело к утрате их культурного наследия. Подобные травмы до сих пор актуальны для представителей многих диаспор, так как до сих пор продолжается борьба за признание исторической несправедливости и восстановления своих прав. Воспоминания о депортациях часто актуализируются в современной политической риторике, что способствует их сохранению в коллективной памяти.

Юг России, как регион с высокой этнической плотностью, имеет долгую историю межэтнических конфликтов. Войны на Кавказе, конфликты между казачеством и историческими народами, напряженные отношения между армянами, азербайджанцами формируют устойчивые образы «своих» и «чужих». Данные конфликты стали важным элементом идентичности, определяющим восприятие современных межэтнических взаимодействий. Эти события зачастую интерпретируются как свидетельства исторической несправедливости, что усложняет процесс интеграции и взаимодействия с другими этносами.

Геноциды и массовые репрессии, такие как геноцид армян в Османской империи, также формируют важный аспект исторической памяти. Для армянской диаспоры на Юге России этот трагический опыт является центральным элементом идентичности и предметом культурной и политической мобилизации. Его последствия проявились не только в демографических потерях, но и в изменении стойкой исторической памяти, которая до сих пор оказывает влияние на изучение международных отношений. Кроме того, еврейская диаспора сохраняет память о Холокосте, который стал символом всемирной трагедии. Память об этих событиях находит отражение в культурных и образовательных инициативах, направленных на предупреждение повторения подобных явлений.

Историческая память многих диаспор также подпитывается устойчивыми формами этнофобий, такими как антисемитизм, мигрантофобия, исламофобия или русофобия. Эти явления стали не только наследием прошлого, но и продолжают влиять на современную политику и общественное мнение. Например, еврейская диаспора сохраняет память о многовековых преследованиях, погромах и дискриминации, что усиливает восприятие современных проявлений антисемитизма как повторения исторических тенденций. Невозможно не отметить, что мигрантофобия проявляется в устойчивых стереотипах и предубеждениях и крайне усложняет развитие деятельности новых мигрантов в полиэтническом обществе. Так, для армянской диаспоры подобные настроения становятся шкалой социальной напряженности, с одной стороны, увеличивая их сплоченность, но одновременно, усложняя взаимодействие с другими этносами.

Кроме того, триггером становятся и современные проекции международных отношений. Так, современные международные конфликты, такие

как, противостояние на Украине или армяно-азербайджанский конфликт, также усиливают взаимное недоверие и враждебность между представителями диаспор, которые идентифицируют себя с одной из сторон. Эти проекции создают дополнительные барьеры для построения межэтнического диалога в регионе.

Итак, исторические травмы, заложенные в прошлом, часто находят отражение в современных международных и внутригосударственных отношениях, формируя напряженность, конфликты и взаимное недоверие. Коллективная память о несправедливости передается из поколения в поколение, становясь основой для мобилизации людей в борьбе за права и ресурсы. На региональном уровне эти исторические травмы также играют ключевую роль в отношениях между этносами внутри государств. Одним из ярких примеров является недавний кризис в Дагестане. В конце октября 2023 года в Дагестане произошли антисемитские волнения, вызванные сочетанием исторических, социальных и политических факторов. Так, после Второй мировой войны антисемитская политика (например, «дело врачей») и ограничения на участие евреев в государственной жизни) коснулась и горских евреев, вылившаяся в стереотипизацию диаспоры. И хотя антисемитские стереотипы в России постепенно ослабевали за последние 30 лет, скрытые предубеждения особенно активизировались в период общественного возбуждения. В Дагестане, с его сложной этнической и религиозной структурой, эти предубеждения могли быть усилены в силу обострения конфликта между Израилем и ХАМАСом. Данная ситуация вызвала сильную эмоциональную реакцию и волну сочувствия к палестинцам среди мусульманского населения Дагестана. Эти события стали ярким примером того, как исторические травмы и современные международные конфликты могут спровоцировать этнические напряжения на региональном уровне.

Еще одним примером современных конфликтогенных ситуаций является межэтническая конкуренция. Например, армяне на Кубани являются одной из самых крупных этнических общин в регионе, с богатой историей и значительным вкладом в развитие местной культуры и экономики. Однако определенное недовольство у представителей других этнических групп вызывают представления о «монополизации» экономических возможностей и ресурсов представителями армянского этноса. Данная ситуация является источником напряженности в регионе и подкрепляется стереотипами и предвзятым отношением к диаспоре. Так, некоторые представители местного населения могут воспринимать армянскую диаспору как «замкнутую» или «чрезмерно влиятельную» в местной политике и экономике, что усиливает недоверие.

Результаты. Приводимые события показывают, что историческая память в полиэтнических регионах могут являться факторами современных конфликтогенных ситуаций, природа которых пер-

воначально обусловлена экономической конкуренцией и/или социальной и культурной дистанцией сообществ. Это подчёркивает необходимость разработки и внедрения программ интеграции, направленных на укрепление межэтнического и межрелигиозного согласия, включения элементов истории народов в изучение регионального курса истории, развития открытых диалоговых площадок по преодолению культурных и исторических границ между отдельными компонентами поликультурного палитры регионального социума, профи-

лактики исторических фобий в коллективной памяти этнических групп и нивелирования подобных факторов в деятельности этнокультурных институтов. Отсутствие таких программ может привести к эскалации конфликтов, особенно в регионах с многонациональным населением. Данные аспекты служат напоминанием о важности комплексного подхода к решению социальных и этнических проблем, учитывающего как исторические травмы, так и современные вызовы.

Литература

1. Аблажей Н. Н., Харатян Г. Армянская депортационная кампания 1949 г.: попытка персонализации и мемориализации массовой репрессии // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 129-137.
2. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д. Северный Кавказ: факторный анализ и прогнозы динамики региональной ситуации // Регионология. 2023. № 3. С. 442-458.
3. Аствацатурова М. А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). Ростов-на-Дону-Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002. 628 с.
4. Бугай Н. Ф. Проблемы национальной политики Российской Федерации: состояние изучения, опыт регулирования этнических процессов (1990-е – 2015 гг.). М.: Аквариус, 2022. 696 с.
5. Варшавер Е. А. Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2023. № 2. С. 377-396.
6. Волков Ю. Г., Курбатов В. И., Хунагов Р. Д. Интеграция в полиэтническом обществе: пути, современные тренды и проблемные узлы // Социология. 2022. № 1. С. 373-388.
7. Губогло М. Н. Антропология доверия. Этносоциологические и этнополитические очерки. М.: Издательский до ЯСК, 2016. 544 с.
8. Гудков Л. Параметры антисемитизма. Отношение к евреям в России, 1990-1997 гг. // Мониторинг. 1998. № 2. С. 34-44.
9. Диаспоры и землячества в современной России: факторы воспроизводства традиционных ценностей в инокультурных средах / Под ред. А. В. Дмитриева. М.: ЛЕНАНД, 2017. 120 с.
10. Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 08.08.2024).
11. Малахов В. С. Политика различий: культурный плюрализм и идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 288 с.
12. Национальная политика России: возможность имплементации зарубежного опыта / отв.ред. Ю. Г. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. 422 с.
13. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

References

1. Ablazhey NN, Kharatyan G. The Armenian deportation campaign of 1949: an attempt to personalize and self-actualize mass repression. *Istoricheskij kur'er*. 2018;(1):129-137. (In Russ.).
2. Avksentiev VA, Gritsenko GD. North Caucasus: factor analysis and forecasts of the dynamics of the regional situation. *Regionologija*. 2023;(3):442-458. (In Russ.).
3. Astvatsaturova MA. Diasporas in the Russian Federation: formation and management (North Caucasus region). Rostov-on-Don-Pyatigorsk: SKAGGS Publishing House; 2002. 628 p. (In Russ.).
4. Bugai NF. Problems of national policy of the Russian Federation: the state of study, the experience of regulating ethnic processes (1990s – 2015). Moscow: Aquarius; 2022. 696 p. (In Russ.).
5. Varshaver EA. Integration of migrants through the prism of a constructivist approach to ethnicity. *Vestnik RUDN. Serija: Politologija*. 2023;(2):377-396. (In Russ.).
6. Volkov YuG, Kurbatov VI, Hunagov RD. Integration in a multiethnic society: ways, modern trends and problematic nodes. *Sociologija*. 2022;(1):373-388. (In Russ.).
7. Guboglo MN. The anthropology of trust. Ethnosociological and ethnopolitical essays. Moscow: YASK Publishing House; 2016. 544 p. (In Russ.).
8. Gudkov L. Parameters of anti-Semitism. Attitude towards Jews in Russia, 1990-1997. *Monitoring*. 1998;(2):34-44. (In Russ.).
9. Diasporas and communities in modern Russia: factors of reproduction of traditional values in foreign cultural environments. Ed by AV Dmitriev. Moscow: LENAND; 2017. 120 p. (In Russ.).
10. The results of the VPN 2020. Volume 5. National composition and language proficiency in Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (accessed: 08.08.2024). (In Russ.).
11. Malakhov VS. The Politics of differences: cultural pluralism and identity. Moscow: New Literary Review; 2023. 288 p. (In Russ.).
12. The national policy of Russia: the possibility of implementing foreign experience. Ed. YuG Volkov. Moscow: Socio-humanitarian knowledge; 2016. 422 p. (In Russ.).
13. Tishkov VA. The Russian people: the history and meaning of national identity. Moscow: Nauka; 2013. 649 p. (In Russ.).



Научная статья

УДК 94(430)087

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.4>**«ЗЕЛЕННЫЕ» ФРГ «ПЕРВОГО ЧАСА»: СОЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАТА****Татьяна Васильевна Евдокимова**

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (д. 27, пр-кт им. В.И. Ленина, Волгоград, 400005, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

eva_tan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0017-1363>

Аннотация. Введение. В настоящее время возросший интерес к германской партии «Союз 90 / Зеленые», связанный с ее трансформацией из «бабочки-однодневки» в «зеленого монстра», делает актуальным обращение к истокам этой партии и ставит вопрос о правомерности сравнения ранних и современных «зеленых». **Материалы и методы.** основополагающими принципами исследования являются принципы историзма и достоверности, следование которым позволяет создать «портрет» «зеленых» на этапе их организационного оформления и первоначального этапа развития. С помощью историко-генетического и историко-сравнительного методов представлена социальная составляющая электората «зеленых» и их кандидатов. Хронологические рамки статьи выходят за рамки традиционного рассмотрения истории партии, от ее создания в 1980 году, и расширяются до 1978 года. Источниковой базой исследования являются результаты выборов в ландтаги Западной Германии (1978), Европарламент (1979), бундестаг (1980, 1983), содержащиеся в периодической печати, и опросы общественного мнения. **Анализ.** Историко-социологический анализ приведенных данных позволяет констатировать, что ранние «зеленые», преимущественно выражали интересы «новых средних слоев» общества (интеллигенции, работавшей по найму, близкого к ней составу служащих, занимавших средние руководящие посты) и студенчества. В основном избирателей «зеленых» и самих «зеленых» отличали относительно молодой

возраст, высокий образовательный уровень и приверженность к постматериальным ценностям, под которыми понималась потребность в свободе и творческой самореализации. Выступая за сохранение человеческой жизни в условиях экологической и ядерной опасности, «зеленые» активизировали наиболее мобильную часть общества, готовую к переменам. **Результаты.** Партия «Зеленые» стала индикатором социально-экономического, политического и социокультурного развития ФРГ на рубеже 1970-х – 1980-х гг. Конкретная внешнеполитическая ситуация в мире и внутривнутриполитическая ситуация в стране предопределяли задачи и программные установки формирующейся партии.

Ключевые слова: ФРГ, избирательные списки «зеленых», «пестрых», «альтернативных»; ландтаг, бундестаг, Европарламент, партия «Зеленые», электорат «зеленых» «первого часа»

Для цитирования: Евдокимова Т. В. «Зеленые» ФРГ «первого часа»: социальные особенности электората // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 644–650. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.4>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 19.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.03.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Research article

THE “GREENS” OF THE “FIRST HOUR” IN THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY: SOCIAL CHARACTERISTICS OF THE ELECTORATE**Tatyana V. Evdokimova**

Volgograd State Social and Pedagogical University (27, V.I. Lenin Ave., Volgograd, 400005, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

eva_tan@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0017-1363>

Abstract. Introduction. Currently, the increased interest in the German party “Union 90 / The Greens”, associated with its transformation from a “one-day butterfly” into a “green monster”, makes it relevant to turn to the origins of this party and raises the question of the legitimacy of comparing the early and modern “greens”. **Materials and Methods.** The fundamental principles of the research are the principles of historicism and authenticity, following which allows one to create a “portrait” of the “greens” at the stage of their organizational design and initial stage of development. Using historical-genetic and historical-comparative methods, the social component of the electorate of the Greens and their candidates is presented. The chronological scope of the article goes beyond the traditional consideration of the history of the party, from its creation in 1980, and extends to 1978. The source base of the research is the results of the elections to the Landtags of West Germany (1978), the European Parliament (1979), the Bundestag (1980, 1983), contained in the periodical press, and public opinion polls. **Analysis.** The historical and sociological analysis of the above data allows us to state that the early “greens” mainly expressed the interests of the “new” middle strata of society (the intelligentsia, who worked as hired employees, the staff close to it, who held average leadership positions) and students. The voters of the Greens and the Greens themselves were distinguished by their relatively young

age, high educational level and commitment to post-material values, which meant the need for freedom and creative self-realization. Advocating for the preservation of human life in conditions of environmental and nuclear danger, the “greens” have activated the most mobile part of society, ready for change. **Results.** The Green Party became an indicator of the socio-economic, political and socio-cultural development of the FRG at the turn of the 1970s-1980s. The specific foreign policy situation in the world and the domestic political situation in the country predetermined the tasks and programmatic guidelines of the emerging party.

Keywords: FRG, electoral lists of the “Greens”, variegated, alternative; Landtag, Bundestag, European Parliament, the Green Party, the electorate of the “first hour” of the “Greens”

For citation: Evdokimova TV. The “Greens” of the “first hour” in the Federal Republic of Germany: social characteristics of the electorate. Humanities and law research. 2024;11(4):644–650. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.4>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 19.12.2023.

The article was approved after reviewing: 18.03.2024.

The article was accepted for publication: 25.06.2024.

Введение. Вхождение представителей «Союза 90 / Зеленые» (далее – «Зеленые») в состав коалиционных правительств Г. Шредера и О. Шольца, выдвижение кандидатуры А. Бербок на пост бундесканцлера Германии в 2021 г. свидетельствовали о постоянном росте авторитета партии. Но последние выборы в землях (2023) и Европарламент (2024), а также опросы общественного мнения свидетельствуют не просто о снижении роли «Зеленых», но и о т.н. «зеленом фашизме» [3]. «Бабочка-однодневка», какой считали партию «Зеленые» в момент ее создания, превратилась в «зеленого монстра», угрожающего установлением «зеленой диктатуры» [14, с. 135]. Германский политолог Лео Энзель обратился в редакцию EADaily с письмом-некрологом германским «зеленым» [4].

Материалы и методы. Среди многих факторов, которые способствовали такой трансформации, важным являлась эволюция социального состава «зеленого» электората. И, если в последнее время в отечественной литературе и встречались отдельные научные публикации по «Зеленым» [1; 2; 5], то среди представленных в них проблем анализу раннего «зеленого» движения и его электорату (1978–1983 гг.) практически не уделялось внимания. Цель данной статьи заключается в том, чтобы, опираясь на историко-социологический анализ результатов выборов «зеленых» в ландтаги в 1978–1982 гг., Европарламент в 1979 г., в бундестаг в 1980 и 1983 гг., опросы общественного мнения ФРГ, используя историко-генетический и историко-сравнительный методы, рассмотреть электоральный состав германских «зеленых» на этапе становления партии и их «отцов-основателей», что позволит наглядно показать сторонников «ранних» «зеленых».

Анализ. Как отмечал Р. Фогт, один из отцов-основателей партии «Зеленые» (ПЗ), «...Час "зеленых" – это более длительный час, чем первоначально это можно себе представить, с разными временными промежутками» [12, s. 23]. Этим и объясняется необходимость расширения хронологических рамок начала формирования ПЗ, с 1978–1979 гг., а не с 1980 г. В 1978 г. появились первые избирательные списки «зеленых» на земельных выборах в ФРГ; в 1979 г. было создано «Особое политическое объединение «Зеленые» (ОПОЗ) с целью баллотироваться в Европейский парламент.

Именно конференцию во Франкфурте-Зидлинге в марте 1979 г. правомерно считать началом создания ПЗ [12, s. 66], где собрались, по мнению одного из участников, «маленькие миссионеры, множество эгоцентриков, чудаков и идиотов» [26]. Вплоть до победы ПЗ на выборах 1983 г. в СМИ нередко встречались суждения о «зеленых» как о «беспочвенной, свободно парящей в пространстве смеси пацифистов, нейтраллистов, защитников окружающей среды, юнцов, враждебно настроенных в отношении истеблишмента,

людей, которые еще не скоро определяют свое идеологическое направление» [28, p.16].

Можно согласиться с характеристикой пестроты «зеленых», но говорить о них как о конгломерате, не имеющем под собой никакой почвы, неправомерно. Партия «Зеленые» – это «детище Федеративной Республики Германии» [16, s. 1]. И как справедливо заметила германская исследовательница ПЗ Сильке Менде, «основатели "зеленых" обозначили важные сдвиги в политико-идеологической системе координат Федеративной Республики, для которой они были одновременно индикатором, триггером и следствием» [21, 12].

Подтверждением тому, что зеленые стали «индикатором» сдвигов в системе координат, является анализ социальной структуры электората «зеленых».

Первое, на что следует обратить внимание, так это изменение социальной структуры германского общества в 1960-х – 1970-х гг. и его взаимосвязь с электоратом «ранних» «зеленых». В этот период в ФРГ наблюдалось падение удельного веса традиционных средних слоев и рост «новых средних слоев». Так, отечественный исследователь П. Демец на основе данных западногерманской статистики рассчитал, что в 1961 г. в классовой структуре общества доля городской и сельской мелкой буржуазии составила 19,7 %, в 1970 г. – 15,4%, в 1980 г. – 11,9%. Противоположная тенденция наблюдалась среди «новых» городских слоев (интеллигенция и средний руководящий состав): в 1961 г. на них приходилось 6,9 %, в 1970 г. – 6,0%, в 1980 г. – 11,5%. То есть, резкий скачок в росте, более чем в 1,5 раза, произошел в 1970-х гг. [6, с. 250].

Учитывая, что к «средними слоям» относятся «широкий диапазон социальных групп» [6, с. 270], необходима их четкая дифференциация на «традиционные средние слои» (мелкие собственники города и деревни) и «новые средние слои» (большинство интеллигенции и части служащих). В основном, это служащие средней категории, сохранившие сравнительно привилегированные позиции, лица свободных профессий (частнопрактикующие врачи, юристы и др.), мелкие собственники в сфере духовного производства, студенчество.

«Новые средние слои» приобрели большой вес в обществе. Интеллигенция и служащие не только располагали знаниями и являлись социальной силой научно-технического прогресса, но и с их деятельностью были связаны инженерно-техническое и административно-управленческое обеспечение современного производства и обмена. Они были заняты в системе и институтах идейно-политического и морально-психологического воздействия на массы. Без них не мог функционировать государственный аппарат. Интеллигенция и служащие превратились в наемную рабочую силу, которая продавала свой интеллект. Положение простых исполнителей воли

руководства явно не удовлетворяла новые средние слои, что и привело в движение эту категорию населения. Они-то то и составили основу новых социальных движений вообще и движения «зеленых» в частности.

Если рассматривать избирательные списки «пестрых», «зеленых», «альтернативных» на первоначальном этапе развития движения «зеленых» в ФРГ, то в определенной мере их поддерживали жители небольших городов и сельских общин, среди которых необходимо выделить такую категорию населения, как «эко-крестьяне», выступавшие против строительства в их местности дорог, АЭС, баз, военных полигонов и стартовых площадок для новых американских ракет. Наиболее показательной в этом отношении оказалась Бавария, где региональные пределы «зеленых» лежали преимущественно в небольших городах и сельских местностях: во Фрейсинге – 4,2 %, в Ладхауте – 2,9 %. Или, например, в Гамбурге «пестрые списки» получили наибольшее количество голосов в тех местностях, которые застраивались объектами, угрожавшими окружающей среде и человеку (Ольштедт, Альтенвердер – от 5 до 10 %) [23, с. 150].

Но по мере развития движения «зеленых» все больше активизировались представители «новых средних слоев», что проявилось уже в ходе выборов в ландтаги и крайстаги в 1978–1979 гг. Западногерманский исследователь Х.Д. Ренш вычислил коэффициент корреляции между социальной структурой избирателей и числом голосов, поданных за «пестрые» и «зеленые» списки. Полученные результаты свидетельствовали о том, что искомое соотношение было преимущественно отрицательным для «пестрых» и «зеленых» среди избирателей, занятых в традиционных сферах производства (ремесло, торговля, транспорт), и положительным среди служащих (услуги) [22, с. 40].

Подобная тенденция проявилась и во время выборов в Европарламент в 1979 г. и в бундестаг в 1980 г. [19, с. 177–181]. «Зеленые» имели поддержку среди лиц, занятых в сфере услуг, служащих промышленных предприятий, чиновников и служащих административного аппарата. Наиболее слабые связи существовали между «зелеными» и рабочими; «зелеными» и наемными лицами, занятыми в сфере торговли и на транспорте; «зелеными» и ремесленниками. То есть, позиции «зеленых» среди «старых» средних слоев, занятых в традиционных сферах производства, оказались слабее, а связи с «новыми средними слоями» – сильнее.

По опросам, проведенным Институтом по изучению общественного мнения в Билефельде, за 1978–1982 гг. число служащих, готовых отдать свои голоса за «зеленых», увеличилось с 20 % до 31 %; число чиновников возросло с 13 % до 30 % [17, с. 101]. Примечательным является и то, что среди служащих и чиновников наибольшие сим-

патии к «зеленым» были среди неруководящего состава или руководства среднего уровня (41 %), чем среди руководящего состава служащих и чиновников (16 %) [10, с. 111].

Большинство выходцев из «новых» средних слоев не только голосовали за «зеленых», но и представляли ПЗ на выборах в бундестаг. Сравнительные данные профессионального происхождения кандидатов в депутаты бундестага, выдвинутых в октябре 1980 г. от всех партий, в том числе от ПЗ, свидетельствовали о том, что, как и в других партиях, кандидаты «зеленых» были представлены преимущественно лицами, занятыми в сфере услуг (60,6 %). Но, в отличие от кандидатов других партий, у них был самый низкий процент административных работников, занимавших руководящие должности, – 2,3 % (ХДС/ХСС – 22,2 %, СДПГ – 28,8 %, СвДП – 12,5 %) и самый высокий процент лиц, работавших в сфере высшего и специального образования, – 25,2 % (ХДС/ХСС – 14,6 %, СДПГ – 19,3 %, СвДП – 22,6 %). [18, с. 106].

На выборах в бундестаг в марте 1983 г. число кандидатов от ПЗ, занятых в сфере услуг, увеличилось. Из 318 кандидатов в депутаты их число составило 210 человек, то есть 66 % [11, с. 3].

Вышеприведенные данные свидетельствовали о том, что «новые средние слои» приобрели большой вес в обществе. Интеллигенция и служащие превратились в наемную рабочую силу, которая продавала свой интеллект. Их явно не удовлетворяло положение простых исполнителей воли руководства, что и привело в движение эту категорию населения. «Старые», или «традиционные, средние слои общества» (торговцы, ремесленники, большая часть крестьянства и фермерства) также испытывали на себе негативное влияние системы; но все же они олицетворяли прошлое в развитии общества и традиционный уклад. В силу своих условий жизни они были более консервативны. Однако это не исключало их участия в движении «зеленых» на первых порах, когда тон задавали консервативные «экологи» (например, Г. Груль, К. Хазенклевер).

Второй особенностью избирательного состава «зеленых» являлось то, что они рекрутировались преимущественно из молодежи. По данным опроса общественного мнения, проведенного западногерманским журналом «Штерн» в 1978 г., 73 % молодых людей жаловалось, что не могут получить желаемой профессии; 70 % сетовало, что не имеют работы; 40 % – что зачастую не видят смысла своего существования [26, с. 7–8]. Поэтому в «зеленых» они увидели альтернативу политике существующих партий.

Уже выборы в ландтаги в 1978–1979 гг. ясно показали, что «пестрые», «зеленые», «альтернативные» избирались, прежде всего, молодыми людьми. В Гамбурге избиратели в возрасте от 18 до 25 лет составляли 18,2%, причем 44% из них проголосовало за списки «пестрых»; в Гессене,

хотя «зеленые» получили всего 2% голосов, молодые избиратели отдали им чрезвычайно большое количество голосов – 79%; в Западном Берлине за «Альтернативные списки» проголосовало 70% лиц в возрасте от 18 до 30 лет [23, s. 148].

В момент образования списков «зеленых» (1978 г.) среди избирателей пожилого возраста преобладала негативная оценка «пестрых», «зеленых» и «альтернативных». Опросы общественного мнения свидетельствовали о том, что по мере увеличения возраста число избирателей, которые приветствовали образование партий протеста, падало (с 67 % в группе лиц в возрасте от 18–23 лет до 28 % среди избирателей старше 65 лет) и соответственно росла категория людей, которые «не приветствуют образование партий протеста» (с 13 до 37 %) [23, s.147].

Данная тенденция наблюдалась также на выборах в Европарламент в 1979 г., и в бундестаг в 1980 г. [19, s.175].

На выборах 1980 г. ПЗ имела самый высокий процент молодых избирателей в возрасте до 35 лет (70 %) [19, s.175]. У «зеленых» были самые молодые кандидаты в депутаты бундестага. Если у традиционных партий число кандидатов в депутаты в возрасте от 18 до 29 лет колебалось от 3,5 до 5,5 %, то у «зеленых» оно составляло 32,1 % [18, s.106]. Во время выборов в бундестаг в марте 1983 г. у традиционных партий число кандидатов в возрасте от 18 до 34 лет колебалось от 7 до 12 %; у «зеленых» их доля составила ровно 50 % от общего числа депутатов [11, s. 3].

Нельзя не отметить и ту отличительную особенность, присущую электорату «зеленых» и их депутатам, как довольно высокий образовательный уровень. Реформы в области образования, проводимые правительством в условиях научно-технического прогресса, значительно способствовали росту образовательного уровня населения в целом, особенно интеллигенции, среднего руководящего состава служащих и молодежи. Западногерманский исследователь В. Бюрклин писал даже о так называемой «революции в образовании», под влиянием которой указанные слои общества начали лучше ориентироваться на политические события [24, s. 361].

Как свидетельствовали опросы общественного мнения, по мере роста уровня образования рос и потенциал протеста: среди групп населения, характеризовавшихся высоким и средним потенциалом протеста, 84 % имело высшее образование [23, s. 149]. Для ФРГ эти данные конкретизировались результатами, полученными в период выборов в ландтаги и крайстаги 1978–1979 гг. Например, в Гамбурге списки «пестрых» сумели добиться большего успеха в университетских районах (Ротенбаум – 11,6 %, Клостерштерн – 11,2 %) и в районе Аймсбюттель, с относительно высоким уровнем образования среди средних слоев населения. Итоги выборов показали, что в Нижней Саксонии 41 % студентов университета Брауншвейга

избрали списки «зеленых»; в Гессене – 13 % гимназистов. В районах Западного Берлина – Кройцберг и Шенеберг, где проживало большое количество студентов, «альтернативные списки» получили соответственно 6,9 и 6,5 % [15, s. 27].

Образовательный уровень избирателей ПЗ на выборах в бундестаг в 1980 г. был также достаточно высоким: 74 % избирателей «зеленых» имели среднее и высшее образование (ХДС/ХСС – 36 %, СДПГ – 33 %, СвДП – 61 %) [9, s.13].

Данные выборочного опроса общественного мнения, проведенного Алленбахским институтом в 1982 г., говорили о том, что тенденция связи между высоким уровнем образования и симпатиями к «зеленым» сохранилась. Процент сторонников «зеленых» со средним и высшим образованием (60 %) был значительно выше, чем по стране в целом (36 %) [10, s. 111].

Сфера деятельности, возраст и образование сторонников зеленых и их представителей предопределили другую характерную черту электората «зеленых». Это приверженность так называемым «постматериальным ценностям», под которыми понимается критическое отношение к непосредственным благам, определенный аскетизм, простота жизни, приоритет обеспеченного надежного будущего человечества посредством предотвращения экологической или военной катастрофы, отказ от идей прогресса, поворот от представлений об авторитарном порядке к самоопределению, политическому соучастию в решении важных проблем и т.д. Как показали результаты опроса общественного мнения, проведенного в марте–апреле 1982 г., среди сторонников ПЗ оказался самый высокий процент «постматериалистов» (35 %) и самый низкий процент «материалистов» (3 %) [7, s. 11].

Склонность избирателей «зеленых» и самих «зеленых» к постматериальным ценностям объяснялась тем, что средние слои общества, материально обеспеченные, в силу своего образования и развитого чувства собственного достоинства страдали от превращения в простой придаток воли, прежде всего, государства и его органов, с которыми им приходилось сталкиваться в первую очередь. Поэтому они пытались участвовать в решении важных политических задач.

С другой стороны, молодое поколение ФРГ выросло в совсем иных условиях, чем старшее поколение Западной Германии. М. Денхофф, обозреватель газеты «Die Zeit», в беседе с «зелеными» заметила: «Мое поколение гордилось «экономическим чудом» и его достижениями. Сегодняшние тридцатилетние мало что знают об отчаянном напряжении сил, которые были необходимы для восстановления Германии; у них сильно развита потребность отказаться от устаревших форм жизни, которые устанавливались с таким трудом» [13, s. 9].

Политолог Х. Майер, наряду с доверием старшего поколения к традиционным партиям, в

период правления которых в Западной Германии свершилось «экономическое чудо» (промышленный подъем в ФРГ 1950-х – начала 1960-х гг., принесший значительное повышение уровня материального благосостояния – Т.Е.), назвал также и такой ценностный ориентир для старых немцев, как приверженность к стабильности. У старшего поколения, пережившего страх 1933 г. в связи с расколом партийно-политического механизма и сокращением демократических структур, данный критерий стоял на одном из первых мест. Всякий новый политический феномен, каким представлялись «зеленые», вызывал опасение: возникали ассоциации с неожиданными победами «феномена» нацизма на выборах в рейхстаг 1930, 1932 гг. в Веймарской Германии [20].

Однако дело было, скорее всего, не в «черной неблагодарности» молодежи, которая не пережила трудностей разрухи послевоенной Германии и не оценила усилий традиционных партий по подъему материального уровня западного немца. И даже не только в недооценке молодежью критерия «стабильности», который в ее возрасте не столь значителен. Поддержка «зеленых» молодежью явилась ответной реакцией на «потребительское общество», то самое общество «всеобщего благоденствия», которое создавалось руками старшего поколения и которое не могло обеспечить их ни работой, ни духовной пищей. Со старшим поколением связывалось и нацистское прошлое Германии. Поэтому молодежь и стала отвергать те ценностные ориентиры, которых придерживались традиционные партии и государство, обрушив на них свой гнев. События 1968 года имели для молодежи Германии далеко идущие политические и социокультурные последствия, с точки зрения выбора форм и методов борьбы за свои права [25].

Но, выделяя эту основную тенденцию в развитии социальной структуры электората «зеленых», необходимо отметить, что, оставаясь выразителями преимущественно средних слоев населения, «зеленые» вобрали в себя также и протест других слоев населения. Так среди рабочих, особенно в первоначальный период существования избирательных списков, популярность «зеленых» была чрезвычайно низка, главным образом, из-за программных установок «чистого экологизма». Как показало изучение общественного мнения, проведенное Алленбахским институтом в 1982 г., среди сторонников «зеленых» было 12 % подсобных рабочих средней квалификации и 22 % квалифицированных рабочих; 41 % служащих и чиновников, пролетаризированных и ориентированных на профсоюзы [10, S. III]. По данным института прикладных социальных наук (на март – май 1982 г.), у ПЗ имелся самый высокий процент безработных – 6 % (для сравнения: ХДС/ХСС – 2 %, СДПГ – 3 %, СвДП – 0 %) [7, s. 11]. Но данную тенденцию не следует преувеличивать. Внутри самых «зеленых» довольно широко была распро-

странена точка зрения, согласно которой рабочий класс изжил свое революционное значение, и на смену ему должна прийти новая сила, преобразующая мир, – средние слои общества.

Определенный процент голосов на март-май 1982 г. ПЗ получила от домохозяек (10 %), пенсионеров (6 %), но по сравнению с другими партиями – ХДС/ХСС (19 и 23 %) и СДПГ (20 и 24 %) соответственно – их процент был незначителен [7, S.11].

Результаты. Таким образом, «зеленые» – это не «беспочвенное» явление, свободно парящее в воздухе. Их возникновение в 1970-х гг. связано с глубокими изменениями, происходившими в социальной структуре общества в условиях научно-технического прогресса, и породившими рост влияния интеллигенции, служащих, студенчества. По выражению западногерманского исследователя Й. Хубера, «в партии «зеленых» символическими фигурами являются не каменщики и рабочие рудников, а учителя и лица, занятые в социальной области» [8, s. 33]. «Зеленые» «подобно магниту» притягивали к себе молодых избирателей, разочаровавшихся в политике традиционных партий. Повышенная критика государственных органов и официальных партий со стороны молодежи объяснялась разницей между образовательным и достигнутым профессиональным статусом, что привело ее к статусу необеспеченности. Сказывались также высокий политический интерес у молодежи и высокий уровень информации в обществе.

Научно-технический прогресс, реформы в области образования повысили образовательный уровень этих слоев общества, их духовные потребности. Но культивируемый государством «всеобщего благоденствия» «вещизм» обделял людей простым человеческим общением. Поэтому произошел определенный поворот в сознании – от материальных потребностей к постматериальным, сторонниками которых были «зеленые». Они были лишены не благ, необходимых для жизни, а самостоятельности, потребности общения, пространства и времени, которые стали привилегией «меньшинства». Эта современная «бедность», за некоторым исключением, касалась не столько имущества, сколько «бытия». Она затрагивала целостность и достоинство личности, ущемленные западногерманским государством. Эти особенности социального состава электората «зеленых» и позволили объединиться вокруг «зеленой тематики» различным силам ФРГ партийной и непартийной принадлежности.

Вхождение ПЗ в бундестаг в 1983 г. свидетельствовало о гибкости партийно-парламентской системы ФРГ, умевшей адекватно реагировать на вызовы времени. По выражению Петры Карин Келли, одного из лидеров партии того времени, «зеленые» «боролись за надежду», надежду выжить в условиях экологического кризиса и ядерной гонки вооружений. Экологическая проблема и

вопрос о размещении американских ракет в Европе в начале 1980-х гг. появились в повестке правительства ФРГ не без влияния «зеленых». Однако ПЗ, заявившая о себе как «анти-партия», со временем постепенно была интегрирована в традиционную политическую систему и стала ее

неотъемлемой частью. Объединение Германии и мировой процесс глобализации не могли не сказаться на программных установках партии.

Литература

1. Вититнев С. Ф., Курков Н. В. «Зеленые» в ФРГ как политический феномен и его осмысление в немецкой историко-политологической литературе конца XX – начала XXI веков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 261–272.
2. Власов Н. А. «Зелёные» в ФРГ: новая «народная партия»? // Современная Европа. 2019. № 2. С. 118–128.
3. Волков В. Зелёное лицо современного фашизма. URL: <https://regnum.ru/article/3643973> (дата обращения: 10.03.2024).
4. Лео Энзель: письмо-некролог германским «Зеленым». 24 сентября 2021. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/09/24/leo-enzel-pismo-nekrolog-germanskim-zelenym> (дата обращения: 10.03.2024).
5. Пушкарёва В. В. Новая роль зеленых в политической жизни Германии // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2020. Т. 4. Вып. 1. С. 63–74.
6. Федеративная Республика Германии / отв. ред. В. Н. Шенаев, Д. Е. Мельников. М.: Мысль, 1983. 430 с.
7. Aus Politik und Zeitgeschichte. 1984. No. 11.
8. Aus Politik und Zeitgeschichte. 1983. No. 29.
9. Aus Politik und Zeitgeschichte. 1984. No. 35–36.
10. Capital. 1982. No. 9.
11. Das Parlament. 1983. No. 8–9.
12. Die Gründungsgeneration der Grünen. Acht Interviews. Berlin: Heinrich-Böll-Stiftung, 2018. 176 s.
13. Die Zeit. 1980. 18 Juli. No. 30.
14. Güllner M. Die Grünen. Höhenflug oder Absturz? Freiburg im Breisgau: Herder, 2012. 180 s.
15. Forschungsgruppe Wahlen. 1978. No. 5.
16. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1983. 9 März. No. 57.
17. Gewerkschaftliche Monatshefte. 1983. No. 2.
18. Kaase M., Klingemann H.-D. Wahlen und politische System: Analysen aus Anlass der Bundestagswahl 1980. Berlin: Westdeutscher Verlag, 1983. 656 s.
19. Marxistische Studien. 1981. No. 4.
20. Meier H. Parteien und Programme: Eine vergleichende, themenbezogene Gegenüberstellung programmatischer Aussagen der Parteien in der Bundesrepublik Deutschland: CDU, CSU, FDP, DKP, NDP, Die Grünen. München: Heyne, 1980. 320 s.
21. Mende S. "Nicht rechts, nicht links, sondern vorn". Eine Geschichte der Gründungsgrünen. München: Oldenbourg Verlag., 2011. 541 s.
22. Mez L. u. a. Die Qual der Wahl: ein Wegweiser durch die Parteienlandschaft zur Bundestagswahl 1980. Berlin: Olle und Wolter, 1980. 167 s.
23. Murphy D., Rubart F., Müller F., Raschke J. Protest: Grüne, Bunte und Steuerrebelln. Ursachen und Perspektiven. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt, 1979. 190 s.
24. Politische Vierteljahresschrift. Wiesbaden. 1981. No. 4.
25. Schily O. „Ich bin kein typischer Achtundsechziger“. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/otto-schily-ich-bin-kein-typischer-achtundsechziger-100.html> (accessed: 04.08.2024).
26. Sontheimer M. Pfarrer, Grafen und Bauern mit Sonnen (-Blume) // <https://www.spiegel.de/geschichte/die-gruenen-sind-40-wie-die-partei-1979-gegruendet-wurde-a-1257396.html> (accessed: 04.07.2024).
27. Stern. 1980. 27 März.
28. The Guardian Weekly. 1982. No. 16. Vol.127.

References

1. Vititnev SF, Kurkov NV. "The Greens" in Germany as a political phenomenon and its understanding in German historical and political literature of the late 20th – early 20th centuries. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Istorija i politicheskie nauki*. 2018;5:261-272. (In Russ.).
2. Vlasov NA. The Greens in Germany: a new "people's party"? *Sovremennaja Evropa*. 2019;(2):118-128. (In Russ.).
3. Volkov V. The green face of modern fascism. URL: <https://regnum.ru/article/3643973> (accessed: 10.03.2024). (In Russ.).
4. Leo Jenzel: obituary to German "Greens". 24 sept. 2021. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/09/24/leo-enzel-pismo-nekrolog-germanskim-zelenym> (accessed: 10.03.2024). (In Russ.).
5. Pushkareva VV. The New Role of the Greens in German Politics. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologija. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2020;4(1):63-74. (In Russ.).
6. Federal Republic of Germany / ed by VN Shenaev, DE Mel'nikov. Moscow: Mysl'; 1983. 430 c. (In Russ.).
7. Aus Politik und Zeitgeschichte. 1984. No. 11. (In Germ.).
8. Aus Politik und Zeitgeschichte. 1983. No. 29. (In Germ.).
9. Aus Politik und Zeitgeschichte. 1984. No. 35-36. (In Germ.).
10. Capital. 1982. No. 9.
11. Das Parlament. 1983. No. 8-9. (In Germ.).
12. The founding generation of the Greens. Eight interviews. Berlin: Heinrich Böll Foundation; 2018. 176 p. (In Germ.).
13. Die Zeit. 1980. 18 Juli. No. 30. (In Germ.).
14. Güllner M. The Greens. Soaring or crashing? Freiburg im Breisgau: Herder; 2012. 180 p. (In Germ.).

15. Forschungsgruppe Wahlen. 1978. No. 5. (In Germ.).
16. Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1983. March 9. No. 57. (In Germ.).
17. Gewerkschaftliche Monatshefte. 1983. No. 2. (In Germ.).
18. Kaase M, Klingemann H-D. Elections and the political system: analyses on the occasion of the 1980 federal election. Berlin: Westdeutscher Verlag; 1983. 656 p. (In Germ.).
19. Marxistische Studien. 1981. No. 4. (In Germ.).
20. Meier H. Parties and programs: A comparative, topic-related comparison of programmatic statements of the parties in the Federal Republic of Germany: CDU, CSU, FDP, DKP, NDP, The Greens. Munich: Heyne; 1980. 320 p. (In Germ.).
21. Mende S. "Not right, not left, but ahead". A history of the founding Greens. Munich: Oldenbourg Verlag; 2011. 541 p. (In Germ.).
22. Mez L et al. The agony of choice: a guide through the party landscape for the 1980 federal election. Berlin: Olle and Wolter; 1980. 167 p. (In Germ.).
23. Murphy D, Rubart F, Müller F, Raschke J. Protest: Greens, colorful and tax rebels. Causes and perspectives. Reinbeck near Hamburg: Rowohlt; 1979. 190 p. (In Germ.).
24. Politische Vierteljahresschrift. Wiesbaden. 1981. No. 4. (In Germ.).
25. Schily O. "I am not a typical 1968er". URL: <https://www.deutschlandfunk.de/otto-schily-ich-bin-kein-typischerachtundsechziger-100.html> (accessed: 04.08.2024). (In Germ.).
26. Sontheimer M. Priests, counts and farmers with suns (-flowers). URL: <https://www.spiegel.de/geschichte/die-gruenen-sind-40-wie-die-partei-1979-gegruendet-wurde-a-1257396.html> (accessed: 04.07.2024). (In Germ.).
27. Stern. 1980. March. (In Germ.).
28. The Guardian Weekly. 1982. No. 16. Vol. 127.



Научная статья

УДК 327

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.5>

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Татьяна Владиславовна Каширина

Московский государственный лингвистический университет (стр. 1, д. 38, ул. Остоженка, Москва, 119034, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор

Kashirina73@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4361-7778>

Аннотация. Введение. В статье представлен анализ процесса формирования и трансформации Вестфальской системы международных отношений. Особое внимание уделено трансформации ее последней модификации – Ялтинско-Потсдамской подсистемы в постбиполярный период. Дана авторская оценка процессу оформления современного миропорядка особенно после ухудшения отношений коллективного Запада с Россией в контексте специальной военной операции на Украине. Представлен анализ факторов коренной перестройки современного миропорядка, наиболее существенными из которых определены концептуальный переосмотр Россией своей внешней политики, укрепление связей с Китаем и странами Глобального Юга и объективное усиление незападных стран в политическом и экономическом плане. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе российской и зарубежной историографии по проблеме Вестфальской системы международных отношений, официальных документов МИД России и администрации США, российской и зарубежной прессы. Был использован системный комплексный подход, конкретно-исторический и сравнительно-исторические методы. **Анализ.** Вестфальская система международных отношений развивалась циклично. Периоды ее развития перемежались с этапами определенной однополярности и последующим стремлением к коллективному решению международных вопросов. Определяющую трансформацию Ялтинско-Потсдамской подсистемы вызвали распад СССР и биполярного устройства мира. На современном этапе триггером стали укрепление внешней политики России в контексте отстаивания своих национальных интересов, особенно на постсоветском пространстве.

Политика Запада по дальнейшему расширению НАТО стала одной из причин начала Россией специальной военной операции. **Результаты.** Сделан вывод о трансформации Вестфалья в Ялтинско-Потсдамской вариации, но не о полном его сломе. Коренная перестройка происходит под влиянием новых факторов мироустройства – Россия, как евразийское государство-цивилизация, является одним из центров мирового развития, активно отстаивающем свои национальные интересы; существенно возросла роль Китая как мировой державы и повышается политическое и экономическое значение стран Глобального Юга.

Ключевые слова: международные отношения, Вестфальская система, Ялтинско-Потсдамская подсистема международных отношений, трансформация миропорядка, внешняя политика России, евразийское государство-цивилизация, специальная военная операция

Для цитирования: Каширина Т. В. К вопросу о факторах трансформации современных международных отношений // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 651–655. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.5>

Конфликт интересов: один из авторов статьи – доктор исторических наук, профессор Каширина Татьяна Владиславовна является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.04.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Research article

ON THE FACTORS OF TRANSFORMATION OF MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

Tatyana V. Kashirina

Moscow State Linguistic University (38, building 1, Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

Kashirina73@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4361-7778>

Abstract. Introduction. The article analyzes the process of forming and transforming the Westphalian system of international relations. Special attention is paid to the transformation of its latest modification – the Yalta-Potsdam subsystem in the post-bipolar period. The author gives an assessment of the process of shaping the modern world order, especially after the deterioration of relations between the collective West and Russia in the context of a special military operation in Ukraine. The analysis of the factors of the fundamental restructuring of the modern world order is presented, the most significant of which are the conceptual revision of the foreign policy of Russia, strengthening ties with China and the countries of the Global South and the objective strengthening of non-Western countries in political and economic terms. **Materials and Methods.** The research is based on the analysis of Russian and foreign historiography on the problem of the Westphalian system of international relations, official documents of the Russian Foreign Ministry and the US administration, Russian and foreign press. A systematic integrat-

ed approach, concrete historical and comparative historical methods were used. **Analysis.** The Westphalian system of international relations developed cyclically. The periods of its development were interspersed with stages of a certain unipolarity and the subsequent desire for a collective solution to international issues. The decisive transformation of the Yalta-Potsdam subsystem was caused by the collapse of the USSR and the bipolar structure of the world. At the present stage, the trigger has become the strengthening of the foreign policy of Russia in the context of defending its national interests, especially in the post-Soviet space. The policy of the West to further expand NATO has become one of the reasons for the launch of a special military operation by Russia. **Results.** The conclusion is made about the transformation of Westphal into the Yalta-Potsdam variation, but not about its complete breakdown. Radical restructuring is taking place under the influence of new factors of the world order - Russia, as a Eurasian state-civilization, is one of the centers of world development, actively defending its national interests; the role of China as a

world power has significantly increased and the political and economic importance of the countries of the Global South is increasing.

Keywords: international relations, Westphalian system, Yalta-Potsdam subsystem of international relations, transformation of the world order, Russian foreign policy, Eurasian state-civilization, special military operation

For citation: Kashirina TV. On the factors of transformation of modern international relations. Humanities and law research. 2024;11(4):651-655. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.5>

Введение. Основу Вестфальской системы международных отношений, как известно, составили Мюнстерское и Оснабрюкское соглашения, заключенные в октябре 1648 г., после окончания Тридцатилетней войны между католиками и протестантами. Вестфальская система опиралась на принципы государственного суверенитета, национального государства, баланса сил, международного права и дипломатии.

На протяжении более чем трехсотлетнего существования Вестфаль претерпел последовательные модификации – «Венский концерт», Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская подсистемы, в результате чего первоначальные принципы были уточнены, дополнены и по сути легли в основу норм международного права, межгосударственного общения и дипломатии.

Материалы и методы. Исследование построено на анализе российской и зарубежной историографии по проблеме Вестфальской системы международных отношений, официальных документов МИД России и администрации США, российской и зарубежной прессы. Был использован системный комплексный подход, конкретно-исторический и сравнительно-исторические методы.

Анализ. Глобальные изменения в функционировании Ялтинско-Потсдамской системы внес распад Советского Союза, последовавшее за этим «стратегическое отступление» России с позиций, закрепившихся в результате победы СССР во Второй мировой войне, потеря бывших советских союзников, концентрированность российской внешней политики на отношениях с США, считавших себя победителями в холодной войне.

На изменение современного миропорядка после окончания холодной войны повлиял целый ряд факторов. Во-первых, глобализация и регионализация. Глобализация охватывала до недавнего времени процессы экономизации (развития мирового рынка), информатизации (ИКТ, Интернет), культурной стандартизации и ценностной универсализации. Во многом глобализация шла по пути вестернизации – распространения американских стандартов потребления и западных либеральных ценностей демократии.

Регионализация стала обратной стороной глобализации, позволив сплотиться странам вокруг региональных лидеров с целью выдер-

Conflict of interest: one of the authors of article – Tatyana V. Kashirina, Dr. Sc. (History), Professor, is a member of Editorial Board of journal "Humanities and law research". The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this manuscript.

The article was submitted: 15.12.2023.

The article was approved after reviewing: 18.04.2024.

The article was accepted for publication: 25.06.2024.

жать конкуренцию с ведущими западными странами и сохранить свой суверенитет и культуру.

Во-вторых, в мире произошел подъем новой мировой державы – Китая и региональных центров – Индии, Бразилии, Ирана, Израиля, ЮАР и др. Этот процесс свидетельствует о системном кризисе Запада в условиях формирующейся многополярности, западной модели развития мира, о невозможности нести «бремя ответственности» одной стране, коей себя мнили Соединенные Штаты.

Согласно Стратегии национальной безопасности США 2022 г., Соединенные Штаты беспокоит экономическое укрепление Китая, его сближение с Россией, обладание Пекином разнообразными ресурсами и ядерным оружием. Вашингтон называет КНР самым серьезным геополитическим вызовом для Америки [9].

В-третьих, происходит нарастание неравномерности развития стран и регионов, углубление социального неравенства между ними, усиление известного противостояния между богатым Севером и бедным Югом.

В-четвертых, нарастают глобальные проблемы – экологические, климатические и др. Серьезным испытанием для межгосударственных отношений стала пандемия Covid-19. С одной стороны, она, несмотря на в целом трагический характер ее протекания, способствовала укреплению роли государств на мировой арене. Современные страны, несмотря на созданные союзы и коалиции, были вынуждены в одиночку противостоять глобальной проблеме и принимать меры эпидемиологического, социального и политического характера в отношении здоровья своих граждан. Поэтому недавно ведущиеся дискуссии об отмирании современного государства как актора международных отношений отошли несколько в прошлое. Да, и, к сожалению, международные организации, прежде всего ВОЗ, не смогли справиться со своими прямыми задачами в условиях пандемии.

Ее одним фактором, существенно влияющим на трансформацию Ялтинско-Потсдамского миропорядка, является выход на международную арену государств, не участвовавших в формировании не только Вестфалья, но и послевоенного мироустройства. Как известно, в складывании действующего миропорядка (после Второй мировой войны) участвовали довестфальские страны (государства премодерна) и вестфальские образования (государства мо-

дерна), т.е. государства, существовавшие до и на момент заключения Вестфальского мира. В результате освобождения от колониальной зависимости, распада поствестфальских государств (СССР, Югославия) на мировую арену XX века вышли государства постмодерна, имеющие особенности своего нациестроительства и иные ценностные установки. Причем, на сегодняшний момент, довестфальских и поствестфальских государств – большинство [2].

Под влиянием глобализации в постхолодный период происходит «транснационализация» - на международную арену стали активно выходить транснациональные корпорации, транснациональные банки, а с усилением хаотизации межгосударственных отношений международные террористические структуры – Аль-Каида, ИГИЛ. Произошло усиление роли негосударственных акторов на мировой арене, причем, как видим, и экстремистского толка.

Еще одной стороной «транснационализации» стало развитие информационно-коммуникационных технологий, расширивших информационное поле познания, культуры, способствующих развитию бизнеса, связанного с мировым рынком. Но, с другой стороны, этот фактор стал существенно влиять на дестабилизацию политической жизни стран, сделав его инструментом обработки сознания людей с целью формирования протестных настроений против своего правительства и государства.

Буквально до недавнего момента – до активизации России на сирийском направлении, до воссоединения Крыма с Россией, начала взаимной санкционной войны, начала российской СВО на Украине, пересмотра Москвой своего участия в российско-американских договорах по разоружению – Вашингтон пытался сохранить международные процессы в рамках америкоцентричной системы мира, основанной на американской однополярности и так называемых «правилах поведения», определяемых США от случая к случаю.

Сегодня встает вопрос, что происходит с Ялтинско-Потсдамской подсистемой – полностью прекратила свое существование, произошли ее «обрушение», «осыпание» или «великая пересборка», то бишь трансформация.

В данном контексте концептуальное значение имеет выступление российского президента В.В. Путина на второй день Петербургского международного экономического форума-2019, в котором были четко обозначены новые внешнеполитические подходы нашего государства. Россия бросает тотальный вызов англосаксонской системе и западной/западноевропейской неокOLONIALной политике, открыто объявив, что в мире теперь существует два блока - «коллективный Запад – не-Запад» [7]. Эти концепты легли в основу российских документов стратегического планирования - Стратегии нацио-

нальной безопасности 2021 г. и Концепции внешней политики 2023 г. [1].

Сегодня существенным фактором, влияющим на международные отношения, является подъем стран Глобального Юга и укрепление их роли на мировой арене. Происходит процесс консолидации стран-единомышленников вокруг России и Китая, призывающих к формированию нового порядка, отражающего многообразие планеты, строящегося на принципах справедливого, демократического миропорядка, основанного на международном праве, суверенитете, равенстве [4; 5; 6]. Особенностью этого процесса является то, что стран Глобального Юга большинство в мире, усиливается их экономическая, а постепенно и политическая роль. Укрепляется суверенитет и увеличиваются конкурентные возможности незападных мировых держав и региональных стран-лидеров [1]. По сути, происходят коренные изменения существующего миропорядка.

Еще одним фактором, влияющим на современный миропорядок, стало окончание поиска Россией своего места в мире. Наша страна осознала и концептуально подтвердила свою роль евразийского и евро-тихоокеанского государства-цивилизации, объединяющего ядра для европейских и азиатских стран, одного из суверенных центров мирового развития, выполняющего исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы [1].

Происходящие, в целом благоприятные, изменения вызывают, тем не менее, неприятие у ряда государств, привыкших мыслить согласно логике глобального доминирования и неокOLONIALизма. Серьезное давление оказывается на ООН и другие многосторонние институты, предназначение которых в качестве площадок для согласования интересов ведущих держав искусственно обесценивается. Усиливается кризис экономической глобализации. Повышается роль фактора силы в международных отношениях, в ряде стратегически важных регионов расширяется конфликтное пространство. Дестабилизирующие наращивание и модернизация наступательных военных потенциалов, разрушение системы договоров в сфере контроля над вооружениями подрывают стратегическую стабильность. Использование военной силы в нарушение международного права, освоение космического и информационного пространства в качестве новых сфер военных действий, стирание грани между военными и невоенными средствами межгосударственного противоборства, обострение в ряде регионов застарелых вооруженных конфликтов увеличивают угрозу всеобщей безопасности, усиливают риски столкновений между крупными государствами, в том числе с участием ядерных держав, повышают вероятность эскала-

ции таких конфликтов и их перерастания в локальную, региональную или глобальную войну. Закономерным ответом на кризис мироустройства становится укрепление сотрудничества между государствами, подвергающимися внешнему давлению [1].

В рамках объективных, неизбежных процессов, происходящих в международных отношениях и усиления дестабилизирующих факторов для национальных интересов России наша страна с целью их защиты была вынуждена начать Специальную военную операцию на украинском направлении. Согласно Концепции внешней политики России, «рассматривая укрепление России в качестве одного из ведущих центров развития современного мира, считая ее самостоятельную внешнюю политику угрозой западной гегемонии, Соединенные Штаты Америки (США) и их сателлиты использовали принятые Российской Федерацией меры по защите своих жизненно важных интересов на украинском направлении как предлог для обострения многолетней антироссийской политики и развязали гибридную войну нового типа. Она направлена на всемерное ослабление России, включая подрыв ее созидательной цивилизационной роли, силовых, экономических и технологических возможностей, ограничение ее суверенитета во внешней и внутренней политике, разрушение территориальной целостности. Такой курс Запада приобрел всеобъемлющий характер и закреплён на доктринальном уровне» [1].

Президент Путин как верховный главнокомандующий определил следующие цели специальной военной операции на Украине. Во-первых, демилитаризация Украины. Украина должна юридически закрепиться в статусе нейтрального государства. Это значит, что страна должна отказаться от цели вступить в НАТО и не сможет размещать на своей территории ракетные комплексы альянса. Однако Россия не требует, чтобы взамен Украина вступила в ОДКБ.

Во-вторых, денацификация Украины. Это значит, что русскому языку будет придан статус второго государственного, а дискриминация русскоязычных жителей Украины и русского языка прекратится. Власти Украины откажутся от гонений на Украинскую православную церковь (УПЦ) и православных верующих страны. А также полностью запретят неонацистские организации и движения, политические партии, которые руководствуются идеями нацизма и фашизма.

В-третьих, выход Украины за границы Донецкой и Луганской народных республик, которые в Киеве упорно считают своими областями, несмотря на результаты референдума 2014 года [3].

В конце октября 2022 года Владимир Путин назвал две главные причины начала спецоперации на Украине. Во-первых, это расширение НАТО, а значит, наращивание возможной угрозы для России на востоке Европы. Во-вторых, признание независимости республик Донбасса

наложило на Россию обязательства – нельзя было просто так бросить их, заявил президент. Официальная Москва не начинала войну, подчеркнул Путин, а решила завершить восьмилетнюю войну Украины с Донбассом [3].

Реакция коллективного Запада на начало российской СВО стала триггерным фактором ускорения коренной перестройки системы международных отношений.

Результаты. В заключение необходимо ответить на ряд вопросов, поставленных в статье. Во-первых, продолжает ли существовать Вестфальская система международных отношений в её последней Ялтинско-Потсдамской модификации или произошёл её полный слом? О полном сломе Ялты и Потсдама, пожалуй, говорить рано [8]. Функционирует ООН как стрессовая основа послевоенного устройства мира; в неизменном виде остаётся состав постоянных членов Совета Безопасности ООН; продолжают действовать международные суды; снизилась, но сохраняется роль дипломатии и дипломатических средств решения международных вопросов, причём чаще в новом цифровом формате; несмотря на различные глобализационные процессы, национальные государства сохраняют роль основных акторов международных отношений, а в условиях борьбы с пандемией COVID-19 их внешняя и внутренняя суверенизация усилилась; сохраняются и развиваются структуры региональной безопасности (например, ОДКБ); на международном уровне поддерживается стремление к уважению прав и свобод человека; продолжает действовать и усиливается концепция ядерно-силового сдерживания, но в условиях пошатнувшейся стратегической стабильности [9,10]. Причём Россия, провозглашая принципы нового формирующегося миропорядка, по сути, стоит на сохранении принципов Вестфалья, но в контексте объективных международных процессов.

Во-вторых, происходит ли трансформация Вестфальской системы? Да, безусловно, происходит ее коренной пересмотр. Под влиянием ряда факторов: распада СССР и биполярной структуры мира, глобализации, регионализации, появления новых негосударственных акторов мировой политики, повышающейся роли региональных держав, появления новых угроз международной и национальной безопасности и др. Вестфаль, а точнее Ялтинско-Потсдамская система, не может не трансформироваться, но при сохранении базовых основ и принципов.

В-третьих, каково направление современной трансформации Вестфалья? Вестфальская система международных отношений развивалась циклично, пройдя этапы относительной однополярности: власти папы римского и Священной Римской империи германской нации до середины XVII в.; англо-французского соперничества за колонии в XVII–XVIII вв.; наполеоновских войн, франко-

германского соперничества в XIX – начале XX в., результатом чего стала Первая мировая война; германского реваншизма во Вторую мировую войну; плюралистической однополярности США в конце XX – начале XXI в. Попыткой ослабить власть государства-гегемона как раз и было установление относительно многополярного Вестфальского мира и его модификаций «Венского концерта», Версальско-Вашингтонской системы. Ялтинско-Потсдамская система формировалась на основе сотрудничества в антигитлеровской коалиции, но на практике развивалась как биполярная. Исходя из логической цикличности Вест-

фаля, мы видим, что плюралистическая однополярность, а по сути, стремление Запада во главе с США доминировать в мировой политике, меняется многополярной формой международных отношений, в которой Россия, как евразийское государство-цивилизация, является одним из центров мирового развития, существенно возросла роль Китая как мировой державы и повышается политическое и экономическое значение стран Глобального Юга. Это подтверждают указанные выше факторы, влияющие на трансформацию современных международных отношений.

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 15.09.2023).
2. Каширина Т. В. Факторы трансформации современной системы международных отношений // *Обозреватель - Observer*. 2020. № 8 (367). С. 22–29.
3. Начало специальной военной операции (СВО) России на Украине: причины и цели, хронология первых дней. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/02/24/nachalo-svo/> (дата обращения: 12.10.2023).
4. Путин заявил о необратимом характере формирования нового миропорядка. URL: <https://tass.ru/politika/22097943> (дата обращения: 12.10.2023).
5. Путин: РФ, КНР и страны глобального Юга выступают за справедливый миропорядок URL: <https://www.pnp.ru/politics/putin-rf-kitay-i-strany-globalnogo-yuga-vystupayut-za-spravedlivyy-miroporyadok.html> (дата обращения: 12.10.2024)
6. Тушков А. А. Эмпатия постбиполярного мира vs десигнат поствестфальского правопорядка // *Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение*. 2023. № 6. С. 2–18.
7. Цветкова Н. А. Почему не состоялась ревизия Ялтинско-Потсдамского порядка? // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 255–259.
8. National Security Strategy. 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-CombinedPDF-for-Upload.pdf> (accessed: 04.10.2023).
9. United States nuclear forces, 2020. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00963402.2019.1701286> (accessed: 04.10.2023).

References

1. The concept of the foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation VV Putin on March 31, 2023). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed: 15.09.2023). (In Russ.).
2. Kashirina TV. Factors of transformation of the modern system of international relations. *Obozrevatel - Observer*. 2020;8(367):22-29. (In Russ.).
3. The beginning of Russian special military operation in Ukraine: causes and goals, chronology of the first days URL: <https://lenta.ru/articles/2024/02/24/nachalo-svo/> (accessed:12.10.2023). (In Russ.).
4. Putin declared the irreversible nature of the formation of a new world order <https://tass.ru/politika/22097943> (accessed: 12.10.2023). (In Russ.).
5. Putin: Russia, China and the countries of the global South stand for a just world order. URL: <https://www.pnp.ru/politics/putin-rf-kitay-i-strany-globalnogo-yuga-vystupayut-za-spravedlivyy-miroporyadok.html> (accessed: 12.10.2023). (In Russ.).
6. Tushkov AA. Empathy of the post-bipolar world vs the designation of the post-Westphalian law and order. *Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voennopravovoe obozrenie*. 2023;(6):2-18. (In Russ.).
7. Tsvetkova NA. Why was the Yalta-Potsdam order not revised? *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019;12(2):255-259.
8. National Security Strategy. 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-CombinedPDF-for-Upload.pdf> (accessed: 04.10.2023). (In Russ.).
9. United States nuclear forces, 2020. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00963402.2019.1701286> (accessed: 04.10.2023). (In Russ.).



Научная статья

УДК 94(44)|17|+929 [Моррис]

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.6>

ГУВЕРНЕР МОРРИС И САЛОНЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ

Дарья Юрьевна Козлова

Саратовский Национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (д. 83, ул. Астраханская, Саратов, 410012, Российская Федерация)

Лаборант-исследователь НОЦ «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи»
daryaostapkovitch@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-8423-6365>

Аннотация. Введение. Французская революция способствовала стремительной политизации общества, что не могло не повлиять на уже к тому моменту традиционную салонную культуру, создающую уникальную атмосферу слияния частного и публичного. Салон, прежде всего – беседа, свободный обмен мнениями, в том числе, и по политическим вопросам. Дискуссионным остается вклад хозяек салонов, дам влиятельных и часто небезызвестных, в революционное дело, а также спектр идей и политических настроений, которые транслировали салоны в данный период, особенно в столичных кругах. **Материалы и методы.** Ключевым источником о «салонных коммуникациях» Г. Морриса становятся его дневниковые записи, которые он вел в течение всего пребывания в Париже. Моррис преимущественно посещал салоны роялистов, которым историки уделяли мало внимания, делая в основном акцент в его записях о политических событиях и непосредственном участии в революционных событиях (в качестве дипломата). **Анализ.** В статье рассматривается общественная активность Губернера Морриса (1792-1794 гг.), который прибыл во Францию с началом Революции как частное лицо, а затем стал официальным полномочным представителем США. Одним из главных для Морриса источников информации, которую он фиксировал в своем дневнике и переправлял потом Вашингтону, стали парижские салоны, где ему удавалось найти не только ценные

знакомства в приятном обществе светских дам, но и получать ценные сведения о делах в столице и за ее пределами. **Результаты.** Моррис регулярно посещал самые известные салоны Парижа; это и было основной формой его политической активности в начале Революции. «Мир салонов» не умер в 1788 г., начинается его бурная политизация. Морриса можно было встретить и среди роялистов, и среди либералов. Его критические заметки демонстрируют взгляд со стороны на политические дискуссии в салонах времен Революции и, в то же время, свидетельствуют о значимости салонов в политической жизни Франции 1789-1793 гг.

Ключевые слова: Губернер Моррис, салоны, дамы-хозяйки, дневниковые записи, Французская революция

Для цитирования: Козлова Д. Ю. Губернер Моррис и салоны революционной Франции // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 656–660. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.6>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-18-00113

Статья поступила в редакцию: 13.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.06.2024.

Статья принята к публикации: 25.07.2024.

Research article

GOUVERNEUR MORRIS AND THE SALONS OF REVOLUTIONARY FRANCE

Daria Yu. Kozlova

Saratov National Research State University named after. N.G. Chernyshevsky (83, Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation)
Laboratory research assistant at the REC "Regional Historical and Cultural Heritage and Cross-Cultural Relations"
daryaostapkovitch@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-8423-6365>

Abstract. Introduction. The French Revolution contributed to the rapid politicization of society, which could not but affect the traditional salon culture by that time, creating a unique atmosphere of merging private and public. The salon, first of all, is a conversation, a free exchange of opinions on different topics, including political ones. The contribution of salon hostesses, influential and often well-known ladies, to the revolutionary cause, as well as the range of ideas and political sentiments that salons broadcast during this period, especially in metropolitan circles, remains debatable. **Materials and Methods.** The key source of Mr. Morris's "salon communications" are his diary entries, which he kept during his entire stay in Paris focusing mainly on his notes on political events and direct participation in revolutionary events (as a diplomat). **Analysis.** The article examines the social activity of Gouverneur Morris (1792-1794), who arrived in France at the beginning of the Revolution as a private citizen, and then became the official plenipotentiary representative of the United States. One of the main sources of information for Morris, which he recorded in his diary and then forwarded to Washington, became the Paris salons, where he managed to find not only valuable acquaintances in the pleasant society of fashionable ladies, but also to receive valuable information about affairs in the capital and beyond. **Results.** Morris regularly visited the most

famous salons in Paris; this was the main form of his political activity at the beginning of the Revolution. The "World of Salons" did not die in 1788, its rapid politicization begins. Morris could be found among both royalists and liberals. His critical notes demonstrate an outside view of the political discussions in salons during the Revolution and, at the same time, testify to the importance of salons in the political life of France in 1789-1793.

Keywords: Gouverneur Morris, salons, lady hostesses, diary entries, French Revolution

For citation: Kozlova DYU. Gouverneur Morris and the salons of revolutionary France. Humanities and law research. 2024;11(4):656-660. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.6>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Acknowledgements: the work was supported by the Russian Academy of Sciences in the framework of scientific project No. 20-18-00113

The article was submitted: 13.12.2023.

The article was approved after reviewing: 18.06.2024.

The article was accepted for publication: 25.07.2024.

Введение. Французская революция дала толчок стремительной политизации общества и свободе слова. Революционные события породили споры, а слова порождали революционные события. Общественная активность приобрела многообразные организационные формы: местами общественной активности были кофейни, «ложи», «кружки», «клубы».

Являясь скорее ритуалом общения, чем политической организацией как таковой, салоны продолжали связывать близких по духу и убеждениям людей, стоит отметить, что их начали регулярно их посещать еще до того, как политические разногласия могли побудить разделиться по политическим клубам. Следовательно, хотя клубы, как правило, имели однородное членство и четкую идеологическую окраску, салоны оставались более неоднородными, часто связывая разные слои общества.

Свое место среди этих объединений занимали и «салоны». Клод Дюлон отметил, что само слово *salon* появилось только в конце XVIII в. [4, л. 407], но как явление салоны появились гораздо раньше¹. Салонная культура, как считается, возникает во Франции в XVII в. и переживает свой расцвет в XVIII в. Салон не просто одна из форм аристократического досуга [5, л. 104], сам салон – это кружок избранных лиц, допускающий социальное или имущественное смешение участников. Салон, прежде всего – беседа, свободный обмен мнениями, в том числе, и по политическим вопросам. Салоны находились как бы на границе частного и публичного: собирались в частном доме, но нередко в присутствии государственных чиновников, военных, депутатов и обсуждали политические вопросы.

Почти все салоны устраивались женщинами. «Салоньерки» (*salonnières*) определяли список гостей и, в большинстве случаев, повестку дня и характер бесед в салоне [7, л. 86]. Это были женщины состоятельные и образованные. К 1780-м гг. Париж и Версаль могли похвастаться десятками модных салонов. Салон обычно имел определенную ориентацию – либеральную или консервативную, дворянскую или буржуазную, – но дама-хозяйка могла легко справить свое общество дополнительным разнообразием, удлинив список гостей. Однако стремление сохранить со всеми гостями приятные отношения не позволяли салоньерам принимать чью-либо сторону: догматизм считался невежливым, кружки были менее привлекательными для слоев общества, и приходилось приспосабливаться к мгновенной политической известности, как и всеобщий поиск связей. В большинстве из них

преобладали женщины дворянства и высшей буржуазии (а не только из аристократии, как это иногда представляют). Некоторые сами по себе стали знаменитостями. В салонах мадам Ролан или мадам Кондорсе политики из противоборствующих лагерей могли поспорить друг с другом в непринужденной обстановке. В определенных условиях салон мог играть и важную стратегическую роль. Ранние салоны были скорее социокультурной формой проведения досуга, которая подразумевала игры и легкие беседы, однако с началом Революции салоны стали более политизированными².

Вклад «салоньерок» в Революцию уже давно обсуждается как современниками, так и историками. При этом историографию салонов 1789–1793 гг. отличает стремление акцентировать внимание либо на роли салонов как коммуникационных узлов и площадок для распространения революционных идей, и настроений, либо на роли салонов в политической эмансипации женщин. Но были и роялистские, и контрреволюционные собрания, которые долгое время ускользали от внимания историков, что связано с общими тенденциями исследования проявлений роялизма [2].

Материалы и методы. Предметом нашего сегодняшнего внимания станут «салонные коммуникации» «самого откровенного националиста среди отцов-основателей» США Губернера Морриса (1752–1816) [19, л. 115], который присутствовал в Париже с 1789 г. сначала как частное лицо, а затем как полномочный представитель США, а главным источником будут дневники и письма самого Г. Морриса [16]. В работах, посвященных Губернеру Моррису вопрос о систематическом и отдельном изучении его салонных связей не ставился, хотя, конечно, упоминания о его «визитах» встречаются [8]. С момента прибытия Морриса во Францию салоны становятся для него главным источником информации и ключевой сферой его политической активности. В большинстве случаев это были салоны, которые условно можно отнести к «роялистским» [Об амбивалентности понятия «роялизм» см.: 1].

Анализ. Моррис регулярно упоминает в своих записях то чаепития, то ужины под председательством модных и интеллектуальных дам, на которых можно было обсуждать все, от любви до философии. И хотя, по его мнению, аристократические круги в 1789 г. уже начали терять свою ауру «возбуждения и силы», светские дамы – хозяйки салонов в условиях политической напряженности сохраняли свое влияние над обществом. Моррис выделяет главную особенность салонов периода Революции: все эти дамы принимали роль политических «информато-

¹ Оливье Блан, со своей стороны, указывает, что слово «salon» использовалось в XVIII в. применительно к художественным выставкам, да и сегодня «salon» ассоциируется с утонченностью и элегантностью всех видов, игнорируя реальности периода Революции [10, л. 63].

² Оливье Блан прямо пишет, что, например, знаменитый «Salon Français» был не просто светским кружком, как его представил Антуан Литти, а клубом контрреволюционных активистов [15].

ров», часто используя свое влияние для личной выгоды [11, л. 110].

Один из первых салонов, где Моррис был радушно принят, был салон Мадам де Шастеллюкс, очаровательной ирландки, фрейлины и доверенного лица герцогини Орлеанской. Мадам де Шастеллюкс стала хорошим другом Морриса, так как незадолго до этого скончавшийся ее супруг, был лично знаком с Гувернером еще по Америке [18, л. 180–182]. Из всех салонов, что посещал Моррис, салон де Шастеллюкс покажется ему самым уравновешенным: здесь было можно спокойно за чашкой чая побеседовать о политике [16, л. 62].

Через мадам де Шастеллюкс Моррис познакомился с герцогиней Орлеанской, женой Филиппа Эгалите, придерживающейся относительно либеральных взглядов. Сначала она ему не понравилась, и он держался отчужденно, будучи неуверенным, сумеет ли «поладить с членами королевской семьи». Герцогиня, однако, увлеклась американцем, неоднократно расспрашивала о нем. Как пишет Моррис, это весьма польстило ему, и он остался искренне верен ей [16, л. 43]. Таким образом, он оказался вхож к ней в дом, где собиралась компания «исключительно аристократическая и находящаяся в восторге от короля» [16, л. 105].

Еще один салон, который часто посещал Моррис в 1789–1790 гг. – салон мадам де Тессе, дочери 4-го герцога де Ноай, тетушки Лафайета по родне своего мужа и светской львицей, которая переписывалась с самим Томасом Джефферсоном. В салоне г-жи де Тессе, которая, по словам братьев Гонкуров, в течение двадцати лет формулировала планы конституционной монархии, «самые передовые мнения» распространялись среди тех, кого Гизо позже назовет «маленькой группой с элегантными манерами» [14, л. 47].

Мадам де Тессе с первых дней Революции интересовалась работой Национальной Ассамблеи, присутствовала на ее заседаниях и организовывала у себя дома обсуждение политических вопросов. Моррис оставил запись от 5 марта 1789 г. о посещении ее салона: «Салон мадам де Тессе – республиканцы первой величины. Графиня, очень разумная женщина, сформировала свои представления о правительстве способом, который, я думаю, не соответствует ни ситуации, ни обстоятельствам, ни расположению Франции» [16, л. 142]. Другой раз он упоминает ее салон в записи от июля 1792 г.: «Мадам де Тессе глубоко вовлечена в политическую дискуссию. Я нахожу, что высокопоставленные демократы начинают немного остывать, и я думаю, что постепенно они почувствуют опасность, хотя и не поймут ее причины» [16, л. 533].

В отличие от спокойных бесед в салоне мадам Шастеллюкс, собиравшаяся в салоне мадам де Тессе публика вела дискуссии более шумно и

эмоционально. Моррис, наблюдая за собиравшейся у Тессе публикой, слушая их рассуждения республиканского толка, пришел к выводу, что французы, яростно обсуждая светлое республиканское будущее, на деле сильно отвлечены от реальности и к республике не готовы. Он начинает уставать и скучать от постоянных и однообразных политических дискуссий и несколько раздраженно отмечает: «республиканизм был абсолютным моральным гриппом, от которого не могут уберечь ни титулы, ни должности» [16, л. 35].

В 1789 г. Моррис посещает и известные литературные салоны, которые, впрочем, уже мало походят на свой прежний облик, всё более погружаясь в политические перипетии. Так в Версале, в салоне мадам Кабанис, жены знаменитого философа и терапевта Пьера Жан-Жоржа Кабаниса, близкого друга Мирабо, Моррис впервые познакомился с писательницей мадам де Флао, подругой Монтескье и епископа Отенского. Как описал ее Моррис: «Она была в это время молода и привлекательна, с легкой ноткой грусти и сочувствия ко всем и вся на лице, что дополняло прекрасный философского склада ум и, что все вместе давало ей власть над мужчинами» [16, л. 110].

Вплоть до 1792 г. писательница собирала небольшой круг друзей в своем поместье. Этот салон для Морриса был наиболее щедр на информацию о правительственных делах: мадам де Флао была хорошо посвящена в секреты правительства, главным образом, благодаря своей близости с членом Конституционного комитета Национальной ассамблеи Ш.-М. Талейраном. Именно на ее вечерах Моррис получал одним из первых важную информацию о придворных делах и настроении королевской семьи. Мадам де Флао было суждено при помощи Морриса спастись бегством в 1793 году [11, л. 160].

Одним из самых известных салонов своего времени был салон швейцарской писательницы мадам Сюзанны Неккер (1737–1794), матери знаменитой Жермены де Сталь. Министр финансов Франции Жак Неккер, разделяя многие прогрессивные идеи эпохи Просвещения, лояльно относился к данной форме светской жизни и часто присутствовал на вечерах, устроенных его женой. В этом салоне бывала писательница мадам Манон Ролан, жена экономиста и министра внутренних дел Франции Ж.-М. Ролана де ла Платьера, у которой был собственный салон, и которая сумела оказать влияние на ряд видных политиков того времени, убедив их не доверять королю [О ней см.: 17]. Бывала у мадам Неккер и еще одна писательница и опять-таки хозяйка салона – маркиза София де Кондорсе, известная своими переводами Томаса Пейна и Адама Смита. Главной заботой мадам Неккер всегда была политическая карьера ее мужа. Неккеры отдавали предпочтение ситуативным союзам с представителями разных политических групп [6, л. 47].

Моррис, имевший рекомендательные письма от Вашингтона, Франклина, посланника Франции в Америке графа де Мустье и репутацию одного из «отцов-основателей» США был приглашен и в салон мадам Неккер, где он стал завсегдатаем. Он писал о первой встрече с хозяйкой: «Она кажется разумной женщиной и мужественной по характеру, хотя и очень похожа на горничную» [16, л. 43]. При первом же посещении салона Моррис знакомится и самим Неккером, оставив также не самую льстивую запись о нем: «У него внешность и манеры бухгалтера, и, его расшитый бархатный халат сильно контрастирует с его ликом. Его поклон, его обращение и т.д. говорят о превосходстве. Он сильно измотан, а мадам постоянно получает письма от разных людей, и создает видимость суеты и занятости» [16, л. 46].

Ведущая роль в салоне была отведена хозяйке дома – Сюзанне Неккер. Жак же представлял в образе ее благородного и просвещенного супруга. Это позволило скрыть от широкой общественности его реальные политические цели и амбиции. Главной заботой мадам Неккер всегда была политическая карьера ее мужа. Неккеры отдавали предпочтение ситуативным союзам с представителями разных политических групп.

Кажется, более высокого мнения Моррис был о дочери супругов Неккер Жермене. Хотя в дневнике и записал, что никогда в жизни не видел «такого безудержного тщеславия», какое она проявляла по отношению к своему отцу – «самому заурядному человеку, которого потрясения того времени на мгновение выдвинули вперед как самого выдающегося человека Франции» [18, л. 173]. Впервые он встретился баронессой Жерменой де Сталь после волнующей дискуссии в Ассамблее по поводу финансов, где она пришла в восторг от мудрости Ассамблеи поддержав именно то, что сказал Неккер [18, л. 174]¹.

После падения министерства Неккера и эмиграции в 1790 г. Сюзанны Неккер в Швейцарию, салон их дочери становится местом притяжения Парижа. В 1791 г. Моррис пишет о салоне мадам де Сталь: «первым салоном Парижа в то время председательствовала мадам де Сталь. Ее обычный ужин по вторникам, когда накрывалось не более дюжины или пятнадцати мест и избранные друзья допускались в маленькую гостиную, был главным событием недели, здесь, при погашенных свечах, аббат Жак Делиль декламировал свои «Катакомбы» и здесь Станислас Клермон-Тоннерр впервые прочел свою критическую речь, прежде чем выступить с ней публично. У камина стоял Неккер, развлекаая

епископа Отенского» [16, л. 188]². Когда Моррис вошел в этот «зачарованный круг», он обнаружил, по его словам, что чувствует себя очень глупо в этой компании, которая постепенно расходуется по углам, оставляя Жермену с ним наедине [16, л. 189]. По словам Морриса, салон мадам де Сталь был долгое время далек от реальной политики, насущные проблемы редко понимались в этих беседах, хозяйка всё больше любила говорить о несбыточных мечтах новой Франции. Этот кружок «близких друзей» собирался вплоть до конца 1791 года. И мадам де Сталь, и сам Моррис часто помогали приговоренным к гильотине, рискуя своей жизнью. В 1792 г. мадам де Сталь бежит в Англию, и судьба сведет их с Моррисом лишь в 1794 г., когда он не раз будет ее приглашать поселиться у него в «Моррисании» и обрести покой.

Результаты. Моррис регулярно посещал самые известные салоны Парижа; складывается впечатление, что это и было основной формой его политической активности в начале Революции. Он был завсегдатаем и либерального салона семьи Неккер и, одновременно, ходил в гости к ближайшей подруге королевы мадам Жюли де Полиньяк [16, л. 123, 124], которая поддерживала монархическую партию и немало способствовала отставке Неккера. Роль салонов в политической жизни Франции первых лет Революции благодаря таким историкам XIX в., как Мишле или таким литераторам, как Сент-Бёв и братья Гонкуры, представляется как незначительная и даже анекдотичная. Роль салонов, если не принимать в расчет особенности менталитета французского общества к. XVIII в., на первый взгляд малозаметна, но реальна. Однако дневниковые записи и письма Г.Морриса, как и дневник Вильгельма фон Гумбольдта [12], подчеркивают ту важную роль, которую играли эти салонные собрания в парижском революционном обществе.

«Мир салонов» не умер в 1788 г., начинается его бурная политизация. Посещавшая якобинский клуб Мадам Фелисите де Жанлис никогда не скрывала от современников своего восхищения английской политической моделью, и события 6 октября 1789 г., приведшие к переезду королевской семьи из Версаля в Тюильри, были восприняты ультрароялистами как заговор Орлеанов, сторонники которого собрались в доме мадам де Жанлис [13]. Иногда салоны становились клубами политической оппозиции, которая не имела парламентского представительства и/или преследовалась. Например, Женеви́ева де Граммон (1751 –

¹ Еще пятнадцати лет от роду Жермен написала замечания к знаменитому финансовому «Отчёту» своего отца, к которому была очень горячо привязана.

² Публичные приемы в салоне мадам Неккер проводились по четвергам, а по вторникам организовывался литературный салон. Но и в этот вечер после 11 часов слуг отпускали, и при закрытых дверях обсуждались политические вопросы. Некоторые депутаты Учредительного собрания читали там речи, которые должны были произнести на следующий день. [См. Подробнее: 9, л. 121–129].

1794), имевшая репутацию дамы властной и влиятельной, продолжала вплоть до своего ареста активно участвовать в политике. В ее салоне вынашивались контрреволюционные планы, в том числе и план вывоза из страны королевской семьи весной и в начале лета 1792 года, в чем Моррис пытался принять участие [16, л. 556–558].

Салонная политическая жизнь продолжалась до принятия закона о подозрительных (17

сентября 1793 г.) и запрета женщинам организовывать собрания и кружки (3 ноября 1793 г.), когда большинство «салонов», по-видимому, прекратили свое существование, хотя некоторые все же остались. Моррис больше не упоминает в дневнике о своей салонной жизни, он освободил дипломатический пост, который долго спасал его от ареста, и уехал в Англию, так и не застав парижский салонный ренессанс 1795 года.

Литература

1. Бовыкин Д. Ю. Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 719 с.
2. Гладышев А. В. «Свои» и «Чужие»: Франция перед лицом вторжения в 1814 году. М.: РОССПЭН, 2023. 301 с.
3. Дюлон К. От беседы к творчеству // История женщин на Западе: в 5 т. Т. 3. СПб.: Алетейя, 2008. С. 412–415.
4. Дмитриева Е. Е. Французские салоны: от социального ритуала к литературной практике // Шаги / Steps. Т. 8. № 2. 2022. С. 102–123.
5. Носко К. Г. Патронаж во Французских салонах // Вестник ДонНУ. Сер. Б: Гуманитарные науки. 2020. С. 44–50.
6. Носко К. Г. Образ хозяйки французского салона XVIII в. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2015. № 2(56). С. 82–87.
7. Остапкович Д. Ю. Гувернер Моррис и Французская революция // История и историческая память. Саратов, 2022. № 25. С. 36–46.
8. Actes du Troisième Congrès national 1er-3 juin // Etudes de littérature étrangère et comparée. Dijon, 1960. 1236 p.
9. Blanc O. Cercles politiques et «salons» du début de la Révolution (1789-1793) // Annales historiques de la Révolution française. 2006. № 344. P. 63–92.
10. Brookhiser R. Gentelman Revolutionary: Gouverneur Morris, the Rake Who Wrote the Constitution. N.Y.: Free Press, 2003. 272 p.
11. Humboldt W. Journal parisien (1797-1799). N.Y.: ACTESS SUB, 2001. 368 p.
12. Harmand J. Madame de Genlis: sa vie intime et politique, 1746-1830, Paris, Perrin, 1912, 557 p.
13. Kale S. French salons. High society and political sociability from the Old Regime to the Revolution of 1848. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2004. 320 p.
14. Litti A. Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIII^e siècle. Paris: Fayard, 2005. 568 p.
15. Morris G. The Diary and Letters of Gouverneur Morris, ed. Anne Cary Morris. N.Y.: Charles Scribner's Sons. 2 vols. Vol. 1. 1888. 598 p.
16. Reynolds S. Marriage and Revolution: Monsieur and Madame Roland. Oxford: OUP Oxford, 2012. 352 p.
17. Roosevelt T. Gouverneur Morris. Boston, N.Y.: Houghton, Mifflin and company., 1888. 398 p.
18. Wright, Robert K., MacGregor, Morris J. Soldier-statesmen of the Constitution. Washington: Center of Military History, 1987. 316 p.

References

1. Bovykin DYU. A King Without a Kingdom. Louis XVIII and the French Royalists in 1794–1799. Moscow: Political Encyclopedia; 2016. 719 p. (In Russ.).
2. Gladyshev AV. "Us" and "Them": France in the Face of the Invasion of 1814. Moscow: ROSSPEN; 2023. 301 p. (In Russ.).
3. Dyulon K. From Conversation to Creativity in History of Women in the West in 5 vol. Vol. 3. St. Petersburg: Aleteia; 2008. P. 412-415. (In Russ.).
4. Dmitrieva EE. French Salons: From Social Ritual to Literary Practice. Steps. 2022;8(2):102-123. (In Russ.).
5. Nosko KG. Patronage in French salons. Vestnik of DonNU. Series B: Humanities. 2020. P. 44-50. (In Russ.).
6. Nosko KG. The image of the hostess of the 18th century French salon. Journal of historical, political and international studies. 2015;2(56):82-87. (In Russ.).
7. Ostapkovich DYU. Gouverneur Morris and the French Revolution in History and Historical Memory. Saratov, 2022;(25):36-46. (In Russ.).
8. Proceedings of the Third National Congress June 1-3. Studies in foreign and comparative literature. Dijon; 1960. 1236 p. (In French).
9. Blanc O. Political circles and "salons" at the beginning of the Revolution (1789–1793).. Annales historiques de la Révolution française. 2006;(344):63-92. (In French).
10. Brookhiser R. Gentelman Revolutionary: Gouverneur Morris, the Rake Who Wrote the Constitution. New York: Free Press; 2003. 272 p.
11. Humboldt W. Parisian newspaper (1797–1799). New York: ACTESS SUB; 2001. 368 p. (In French).
12. Harmand J. Madame de Genlis: her private and political life., 1746-1830, Paris, Perrin; 1912, 557 p. (In French).
13. Kale S. French salons. High society and political sociability from the Old Regime to the Revolution of 1848. Baltimore: The Johns Hopkins University Press; 2004. 320 p.
14. Litti A The world of salons. Sociability and worldliness in Paris in the 18th century.. Paris: Fayard; 2005. 568 p. (In French).
15. Morris G. The Diary and Letters of Gouverneur Morris, ed. Anne Cary Morris. New York.: Charles Scribner's Sons. 2 vols. Vol. 1. 1888. 598 p.
16. Reynolds S. Marriage and Revolution: Monsieur and Madame Roland. Oxford: OUP Oxford; 2012. 352 p.
17. Roosevelt T. Gouverneur Morris. Boston, New York: Houghton, Mifflin and company; 1888. 398 p.
18. Wright, Robert K, MacGregor, Morris J. Soldier-statesmen of the Constitution. Washington: Center of Military History; 1987. 316 p.



Научная статья

УДК 94 (470.6) "18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.7>

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОГО СЯЩЕННИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ФРОНТИРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Сергей Степанович Лазарян^{1*}, Юрий Юрьевич Клычников²

^{1,2} Пятигорский государственный университет (дом 9, пр-кт Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, профессор
aflost@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2440-7118>

² Доктор исторических наук, профессор
klichnikov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Авторы статьи, оттолкнувшись от концепта «фронтир», предложенного в своё время американским исследователем Ф.Д. Тёрнером для описания пограничных территорий Северной Америки и характера развивавшихся там процессов вмененной трансформации, производимой европейскими переселенцами на базе архетипов англо-саксонского наследия, использовали его в качестве установочной модели для рассмотрения преобразовательных действий, производившихся со стороны Российской империи на Северном Кавказе в первой половине XIX века. Выявив параллели и указав на отличия северокавказского фронта и его участников от фронта североамериканского, авторы сосредоточили своё внимание на антропологических аспектах, совершавшихся процессов в пограничном пространстве социокультурной переходности, выбрав в качестве репрезентативного объекта священнослужителей Русской Православной церкви в силу важности исполняемой ими роли. **Материалы и методы.** Исследование производилось на основе аналитического осмысления большого ряда работ отечественных и зарубежных историков-кавказоведов, этнологов и политологов, изучавших феномен пограничья и обстоятельств инкорпорации Северного Кавказа в состав Российской империи в первой половине XIX века, и основывалось на принципах историзма и научной объективности. Обращение к научному творчеству конкретных ученых обуславливалось, прежде всего, глубиной и всесторонностью их проникновения в существо исторического пространства, в рамках которого реализовывался северокавказский фронт. **Анализ.** Опираясь на представленные трактовки Т.М. Баррета, С.М. Маркедонова, Д.И. Олейникова, авторы определили сущность северокавказского фронта как приграничной, порубежной контактной зоны межкультурного взаимодействия различных этносоциальных и этноконфессиональных групп, находившихся в конкурентных отношениях с Российским государством. Точка зрения Е. Копарева и Ф.М. Ласкеева на роль военного духовенства дала возможность выявить не только познавательный потенциал, содержащийся в их работах, но осветить и выявить общее и особенное в

целесолагании предписанного священнического служения в условиях столкновения и противоборства, пропитавшего чрезвычайностью пространство Северного Кавказа в названную эпоху. Опираясь на мнение протоиерея И. Беляева, были выявлены необходимые качества человеческой природы и её нравственных принципов, обязательных для предназначенного священнического поприща на Кавказе. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно констатировать, что разные и многочисленные факторы северокавказского фронта отражались в биографиях священнослужителей самым причудливым образом, вопреки вменённым им обязанностям и исполняемым поприщам. Для одних священнослужителей вышеописанная ситуация становилась фундаментом их нравственного героизма, тогда как для других – дорогой нравственного умопомрачения и деградации.

Ключевые слова: северокавказский фронт, священники, духовное служение, нравственные установления, неустойчивый быт, факторы влияния, социальные инверсии

Для цитирования: Лазарян С. С., Клычников Ю. Ю. Человеческое измерение в повседневной жизни православного священничества в условиях северокавказского фронта первой половины XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 661–667. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.7>

Конфликт интересов: один из авторов статьи – доктор исторических наук, профессор Клычников Юрий Юрьевич является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.01.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 21.03.2024.

Статья принята к публикации: 25.05.2024.

Research article

THE HUMAN DIMENSION IN THE EVERYDAY LIFE OF THE ORTHODOX PRIESTHOOD IN THE CONDITIONS OF THE NORTH CAUCASUS FRONTIER IN FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Sergey S. Lazaryan^{1*}, Yury Yu. Klychnikov²

^{1,2} Pyatigorsk State University (9, Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (History), Professor
aflost@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2440-7118>

² Dr. Sc. (History), Professor
klichnikov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The concept of "frontier" was proposed by the American researcher F.D. Turner to describe the border territories of North America and the nature of the processes of imput-

ed transformation that developed there, carried out by European settlers on the basis of the archetypes of the Anglo-Saxon heritage. The authors of the article used the concept as a setting model for

© Лазарян С. С., Клычников Ю. Ю., 2024

considering the transformative actions carried out by the Russian Empire in the North Caucasus in the first half of the 19th century. Having identified parallels and pointing out the differences between the North Caucasian frontier and its participants from the North American frontier, the authors focused their attention on the anthropological aspects of the processes taking place in the border space of sociocultural transition. The clergy of the Russian Orthodox Church was chosen as a representative object due to the importance of the role they played. **Materials and Methods.** The research was carried out on the basis of analytical understanding of a large number of works by national and foreign Caucasian historians, ethnologists and political scientists who studied the phenomenon of the borderland and the circumstances of the incorporation of the North Caucasus into the Russian Empire in the first half of the 19th century. The study was based on the principles of historicism and scientific objectivity. The appeal to the scientific creativity of specific scientists was determined, first of all, by the depth and comprehensiveness of their penetration into the essence of the historical space within which the North Caucasian frontier was realized. **Analysis.** Based on the presented interpretations given by T.M. Barrett, S.M. Markedonov and D.I. Oleynikov, the authors defined the essence of the North Caucasian frontier as a border contact zone of intercultural interaction of various ethnosocial and ethnoconfessional groups that were in competitive relations with the Russian state. The points of view on the role of the military clergy shared by E. Koparev and F.M. Laskeyev made it possible to identify the cognitive potential contained in their works. They also allowed specifying the general and special in the goal setting of the prescribed priestly service in conditions of collision and

Введение. Создатель термина «фронтир» (frontier – граница, рубеж) американский исследователь Фредерик Д. Тёрнер, обозначал им приграничную полосу во внутренних районах североамериканского континента – «место контакта дикости и цивилизации» [14, с. 14], – которая отделяла белых поселенцев от территорий проживания индейских племен [14, с. 6-7]. Эта полоса и прилегающее к ней пространство, оставалась какое-то время пространством неопределенности, в котором встречались и сталкивались социокультурные модусы, разные по силе, потенциалу и возможностям. Имея превосходство в военно-технической вооруженности, и выработав соответствовавшие месту и времени идейно-организационные механизмы, поселенцы, переносившие туда свои жизненные устои и идеалы существования, стали доминировать, медленно продвигаясь с востока на запад, и в том же направлении транспортировали мироустройство, опиравшееся на архетипы англосаксонского наследия, обновив и наполнив их своими самостоятельными творческими решениями при создании «сложноорганизованной городской жизни, возникавшей из примитивных экономических и политических условий фронта» [14, с. 13].

Авторы статьи, оттолкнувшись от фундаментальной концепции данной идеи, увидели в ней параллели, в определенной степени сходные с процессами освоения северокавказских территорий Россией, одновременно имевшими ряд отличий. Прежде всего, освоение североамериканского континента и передвижение линии пограничного состояния производилось различными социальными силами самостоятельно, в то время как российское продвижение на Северный Кавказ осуществлялось уполномочен-

ными государством людьми или теми, кто находился под его непосредственным протекторатом. К тому же северокавказский фронт не был девственной территорией, так называемыми «свободными землями», ожидавшими культурного освоения. Он представлял пограничное пространство встречи различных цивилизационных проектов, место их противостояния и соревнования.

Keywords: North Caucasian frontier, priests, spiritual service, moral principles, unstable life, influence factors, social inversions

For citation: Lazaryan SS, Klychnikov YuYu. The human dimension in the everyday life of the Orthodox priesthood in the conditions of the North Caucasus frontier in first half of the 19th century. Humanities and law research. 2024;11(4):661-667. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.7>

Conflict of interest: one of the authors of article – Yuri Yu. Klychnikov, Dr. Sc. (History), Professor, is a member of Editorial Board of journal "Humanities and law research". The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this manuscript.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 14.01.2024.

The article was approved after reviewing: 21.03.2024.

The article was accepted for publication: 25.05.2024.

ными государством людьми или теми, кто находился под его непосредственным протекторатом. К тому же северокавказский фронт не был девственной территорией, так называемыми «свободными землями», ожидавшими культурного освоения. Он представлял пограничное пространство встречи различных цивилизационных проектов, место их противостояния и соревнования.

Кроме того, российские участники освоения северокавказского пограничья не создавали там и новых институтов политического и общественного устройства, способных сделаться основаниями для конституционных модификаций, но приспособляли аборигенные условия к требованиям имперской государственной системы. Северокавказский фронт (в отличие от североамериканского) преодолевался не спонтанными индивидуальными потребностями, а целенаправленно государственными интересами, а также не вытеснялся из поля поселенческого социокультурного пространства, а вмещался в имперское пространство почти без разрушения аборигенной традиции.

Материалы и методы. Опираясь на труды целого ряда ученых, авторы определили сущность северокавказского фронта как приграничной, порубежной контактной зоны межкультурного взаимодействия различных этносоциальных и этноконфессиональных групп, находившихся в конкурентных отношениях с Российским государством. Одним из лидеров среди них был американский исследователь Кавказа Т.М. Баррет, который отметил, что «российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание: оно было также и процессом образования фронта – приграничной, порубежной зоны» [1, с. 165]. Современный

политолог С.М. Маркедонов, также определил фронтир в качестве зоны межкультурного взаимодействия, реализовавшегося «вне четко установленных и признанных государственных границ» [11]. Д.С. Олейников соглашается с наличием фронтирного пространства на Северном Кавказе, но считает его пространством сложносоставным, где местные народы одновременно оказались частью фронтирной зоны не только Российской империи, но также Персии и Османской империи [12].

Исходя из вышесказанного и признавая ведущую роль государства в деле преодоления фронтирного состояния Северного Кавказа, следует также отметить, что, задавая вектор развития, Российское государство, между тем, не могло обуславливать всех сторон человеческого измерения в существовавших реалиях, всех видов и форм индивидуального реагирования на повседневные события. Жизнь на фронтире предполагала от попадавших в его пространство людей волевых усилий, энергии, твердости убеждений и соответствующей направленности в действиях. Фронтир как место неустоявшееся, текучее, место борьбы конкурирующих мотивов и устремленности мог самым причудливым образом влиять на тех, кто по каким-то причинам или повелению мог сделаться его соучастником. Влияние фронтирных обстоятельств было всесторонним и способно было перекомбинировать личностный потенциал любого человека, освобождая его от императивности прежних морально-нравственных и культурно-правовых установлений, подталкивая к использованию тех форм, которые актуализировались и отвечали условиям места и времени, вынуждая людей выбирать способы жизни, которые по разным причинам могли противоречить их прежним социально-сословным правилам.

В подвижной полосе северокавказского фронта, насыщенного духом и практикой чрезвычайности, ежечасно угрожающими и испытывавшими на прочность архетипы любой традиционности, от всех добровольных или вынужденных участников возникавших коммуникаций требовалось немалое напряжение духовных и физических сил, чтобы оставаться в рамках своего привычного быта и предписанного образа жизни.

В данных обстоятельствах роль людей, способных поддерживать несущие конструкции позитивного бытия и сохранять приверженность к морально-нравственным постулатам имперского сообщества, претендовавшего в непривычном и альтернативном пространстве нового существования, оставаться непреклонным в выполнении выпавшей миссии, была ежедневной необходимостью. Этой потребностью определялась также роль церковнослужителей, выступавших не только духовным оплотом и средством поддержания форм и способов, присущих разнородным агентам имперского преобразовательного влия-

ния, но также посвящавших себя исполнению трёх основных пастырских обязанностей – учить, воспитывать и нравственно руководить «пасомых в духовной жизни» [10, с. 138].

Анализ. В связи с вышесказанным, место священнослужителей в системе преобразовательных усилий государства на Северном Кавказе было столь значимым, что имперские власти не могли позволить себе даже малой доли ослабления внимания к деятельности своих эмиссаров, в которых всегда была большая нужда и которых в первой половине XIX в. никогда не умели найти в достаточном количестве. Поэтому их контингенты комплектовались под давлением обстоятельств срочной необходимости, не позволявших в должной мере отбирать и искать людей, в полной мере отвечавших возлагаемому на них предназначению.

Государственные чиновники, представлявшие в регионе волю высших властей империи, постоянно справлялись об их поведении, образе жизни, способностях и усердии в вере [8, л. 10]. Будучи среди тех, кто в первых рядах соприкасался с обитателями фронтирных регионов, и кому поручалось влиять на умонастроение и волю людей, священнослужители не только наставляли паству в правилах веры и законе Божием, но были частью уполномоченной когорты устроителей имперского сообщества на новых территориях.

В силу множественности общепользовных функций, которые церковным служителям предписывали их общественное положение и государственные потребности, от них ожидали повсеместной трезвости, целомудрия, благоговейности, учительства, почтительности, кротости, снисходительности к людским слабостям. Они должны были показывать себя пред обществом не ханжами и лицемерами, но искренними и чистосердечными служителями Богу, царю и отечеству и во всякое время держать в памяти, что «отправлены на святое дело не для насыщения алчбы в корыстолюбии, но для приобретения славы Божия, пользы государства и для спасения душ человеческих» [2, с. 76-77].

Проповедуя, например, слово Божие в войсках, расположенных на Кавказе, священники должны были находиться там «для воспитания, в том числе патриотического... для молебствий, для ободрения православных воинов гласом веры и благословения церкви, для доставления раненым и умирающим утешения веры и Св. Причастия» [9]. Кроме того, священники обязаны были «ограждать воинских чинов от вредных учений, искоренять в них суеверия, исправлять нравственные их недостатки, увещивать ... порочных нижних чинов, предотвращать отступления от православной церкви и, вообще, заботиться об утверждении воинских чинов в вере и благочестии». Сами же священники, по долгу своего звания, обязаны были «вести свою жизнь так, чтобы воинские чины видели в них назидательный для

себя пример веры, благочестия, исполнения обязанностей службы, доброй семейной жизни и правильных отношений к ближним, начальствующим и подчиненным» [12, с. 17].

Интенсивность жизни на фронтире самым причудливым, иногда даже, непредвиденным образом отражалась в повседневном общественном поведении, воплощалась в самые неожиданные формы эмоционального или рассудочного реагирования на предлагавшиеся обстоятельства.

Ожидаемо в предполагавшейся предписанности многие священнослужители Русской Православной церкви выказывали самоотверженное служение долгу перед Богом и людьми, на избранном поприще не жалевших своих сил и даже жизни. Примером мог быть диакон станицы Баталпашинской Василий Дмитриев, который в начале сентября 1831 г. был изрублен шашками и брошен в топкой балке набежавшими из-за Кубани горскими грабительскими наездниками [5, л. 1], которые никогда не щадили христианских священников, видя в них авангардных представителей враждебного им мироустроительного влияния.

Другой священник Симеон Стефанов, исполнявший по воле Кавказской Духовной консистории христианские требы во вновь устроенных на Лабинской линии на реке Чамлыке станицах, укреплявший станичников и солдат в вере христовой, а также в неубывающей приверженности к правящей монаршей фамилии и погибший от рук неприязненных закубанских горцев, напавших на конвой, отъехавший от названных станиц на 10 верст в августе 1842 г. В службе своей он состоял беспорочно 25 лет, из которых 11 лет в сане священника [6, л. 1, 6].

Исполняя пастырское служение среди болящего населения военных госпиталей или в лечебных заведениях гражданских поселений в мрачные периоды усиленного распространения губительной заразы (холеры), многие священники давали примеры деятельности, которая «жарким светом освещала сгустившийся мрак массового ужаса и панического страха пред свирепой язвой и живительной теплотой горячей веры и сердечного теплого участия к безнадежному страданию заразных больных согревала холодных от маловерия и отчаяния подавленных бедой людей» [10, с. 139].

Позитивный пример подавали священники казенных селений Тихорецкого – Иван Островский, Новорождественского – Николай Рязанов, Терновой Балки – Павел Разсудов, Новопокровского – Антон Соколов, Песчанокского – Василий Орлов, Новогорлыкского – Трофим Орлов, Медвежьего – Дмитрий Попов, Безопасного – Дмитрий Жевтонов, Петровского – Василий Надеждин, – добровольно изъявивших желание обучать крестьянских мальчиков в открываемых

приходских училищах в продолжении года безвозмездно [7, л. 1 об.].

Блестящим подвигом в пастырских летописях отметились бывший главный священник Кавказской армии протоиерей С.И. Гумилевский, обративший в православную веру 400 раскольников и иноверцев или протоиерей А.О. Гнедовский, который «христианским терпением и кротостью убеждений сломивший упорное сопротивление целой массы темных сил... при основании церковно-приходской школы» [10, с. 139].

Деятельность таких людей воспринималась многими современниками как подвиг служения ещё и потому, что Кавказ в первой половине XIX в., что называется, не был местом сбора праведников. Как пространство, претерпевающее переустройство и находившееся в ситуации вооруженного противостояния, северокавказский фронт не только не мог избежать социальных эксцессов самого пагубного свойства, но не мог не влиять пагубно на существовавшие там нравы. Кроме того, как часть имперского колонизируемого пространства, Северный Кавказ сделался ареалом, куда устремилось многочисленное сословие людей беспутных, пройдох, прожиг и преступников или людей с неопределившимся и неустойчивым мировоззрением, слонявшихся с места на место в поисках приключений. Наоборот, люди благородные, которые понимали важность сохранения и поддержания человеческого достоинства, дисциплины и общественного порядка не составляли там большинства.

Находясь в гуще повседневной жизни, приходские церковнослужители могли, при определенных обстоятельствах, впитывать существовавшие там низменные настроения и заражаться ими, как заражаются испарениями, исходящими от болезнетворных лихорадок, передававшиеся от человека к человеку. Могли устать и потерять устойчивость разума от ежедневного противодействия негативным продуктам местной общественной жизни.

Определенная часть церковнослужителей, чья человеческая природа, вопреки усвоенному ими в семье и в духовных училищах постулатам христианского вероучения, а также примерам служения большого числа их соотечей, надломилась от столкновения с местной действительностью и претерпела различного рода погрешности. Архивные материалы хранят информацию об усилиях церковного начальства по поддержанию чистоты рядов священнических служителей, не выдержавших выпавших им испытаний повседневного существования в условиях неустойчивости предполагавшихся установлений [4, л. 1–18].

Не имея желания или воли противостоять соблазнам собственной плоти, не имея достаточных душевных и нравственных сил, чтобы изменить или побороть негативные проявления фронтирного быта, а также не умея отвлечь воплощавшееся там социально-культурное про-

странство от причин, способствовавших ежедневным большим и малым злодействам, даже в какой-то мере разуверившихся в действенности Слова Божьего, по крайней мере, в вариациях их собственной публичной вербализованной интерпретации, такие церковнослужители впадали в грех отчаяния или погрязали в беспутстве. Одновременно, убоявшись своей слабости и страшась Божьего суда, или, впад в маловменяемое состояние, прятали свой страх на дне бутылки, приводившей их к дальнейшему нравственному падению и деградации.

Немалое число церковнослужителей делались безразличными и оставляли усердие в службе из-за безысходной бедственности своего материального положения. Бедность и унижающая человеческое достоинство скудость повседневного быта, занимала все их помыслы и направляла усилия на поиски способов получения хлеба насущного. Кавказские власти, требовавшие от священников самых разнородных поприщ в рамках государственных предприятий по преобразованию социокультурных условий северокавказского фронта к началу XIX столетия, не озаботились в полной мере создать достаточную материальную базу для существования отягощенных многочисленными семьями и служениями церковнослужителей.

Следует отметить, что материальное обеспечение сельского духовенства в начале XIX в. оставалось весьма скромным. Хотя при императоре Александре I в два раза были увеличены против прежнего таксы за отправление треб, но прекратились начатые наделения церковных причтов земельными участками. При императоре Николае I материальному обеспечению духовенства уделялось чуть больше внимания. Возобновили наделение земельными участками церковных служителей. В 1842–1843 гг. были установлены оклады для епархиального духовенства. «Священнику выдавался оклад от 100 до 180 рублей в год, диакону – 80, дьячку – 40, пономарю – 32 и просфорнице – 14 рублей» [15]. Этого, однако, было мало и не покрывало затрат на самые насущные потребности повседневной жизни.

В какой-то степени остроту ситуации смягчало то, что почти при каждом сельском храме существовал земельный надел, состоявший из пашни и сенокосных угодий, которые помогали причтам поддерживать быт своей семьи в сносном состоянии, чтобы не быть объектом насмешек и не терять авторитета в пастве. «Количество земли делилось между членами причта в той же пропорции, что и все церковные доходы. На трёхштатном приходе (священник, дьячок, пономарь) земля делилась на 5 частей, 3 части получал священник, по одной – причетники. На четырёхштатном – священник получал половину земли, другую половину делили между собой диакон, дьячок и пономарь. Как правило, семья священника не могла эффективно обрабатывать

свой земельный участок как по причине недостатка рабочих рук, так и из-за занятости на службе. Кроме бедности прихода, которую еще каким-то образом можно было перетерпеть, была еще одна причина: холод в храме в зимний период. Поэтому священники и причт мерзли в них, отчего болели и умирали» [16].

Реагируя на бедность и бытовую малоустроенность, даже вопреки предписанному статусу, некоторое число церковнослужителей делались жертвами зависти, дрязг и склок, вынужденные неблагоприятными обстоятельствами соревноваться друг с другом в получении дохода от треб и впадали во всякие непотребства. Показательным примером того могло быть дело, которое слушалось в Кавказском Областном суде, поступившее туда из Ставропольского окружного суда 27 мая 1830 г. и этим судом по многим предметам дополненное. Дьячки Иван Любарский, 17 лет от роду, и Фёдор Новомарьевский, 20 лет от роду, подозревались в краже церковных денег. Этих причтов обвиняли в краже 104 рублей 35 копеек из сундука, хранившегося в церкви селения Рождественского [4, л. 1].

Ситуация сделалась более двусмысленной, когда выяснилось, что при проведении расследования по указу названной консистории благочинным Иоанном Калатузовым, им были взяты с дьячка Любарского 30 рублей, хотя благочинный заявил, что при обыске найдено ничего не было. Однако владелец питейного дома села Рождественского Фёдор Меркулов под присягой показал и на очной ставке уличил Ивана Любарского, который приходил в питейный дом и у которого Меркулов видел ассигнации – одну в 25 рублей, а другую в 5 рублей, которую тот отдал ему в уплату за вино [4, л. 3 об.].

Иван Любарский по поводу 5-рублевой ассигнации сознался, но объявил её своей собственностью, которую он прятал в шапке во время производимого у него обыска. Но тёща его, солдатская вдова Елена Бурцева, показала, что после обыска и по отъезде благочинного Калатузова, она сама обыскала шапку Любарского, и денег там не было. Одновременно с тем, несмотря на непризнание своей вины, Иван Любарский оставался в сильном подозрении, а изобличить дьячка Федора Новомарьевского из-за отсутствия достаточных доказательств, вовсе не удалось.

Виновника кражи 104 рублей 35 копеек из церкви села Рождественского установить не удалось, но постановлено было на пополнение церковной суммы взыскать недостающие деньги со священника той церкви Шимова, исполнявшего должность церковного ктитора Григория Смирницкого и сторожа Архипа Семенихина, так как первый из них, имея в доме своем церковные ключи, отлучившись на покос, не озаботился об их сбережении. Со слов его жены Ефимии Ермолаевой, во время её отлучки на пчельник, неизвестно кем ключи были взяты из их дома, а

затем были найдены ею вечером в кухне на окошке.

Григорий Смирницкий также уходил на долгое время на покос, тогда как обязанность его была наблюдать неослабно не только за целостностью церкви, но и за сторожем, дабы тот никуда «от оной не отлучался» [4, л. 4 об.]. Сторож сам сознался, что оставлял свой пост и не исполнял своей обязанности. К тому же он навлек на себя сомнение в правдивости его показаний, так как во время следствия, проводимого священником Калатузовым, объявлял о наличии у него только 10 рублей ассигнациями, но при обыске у него нашли 10 рублей серебром и ассигнациями 15 рублей. Сторож объяснил свой поступок страхом быть обвиненным в краже церковных денег, но его слова в резон не были приняты.

Между тем учиненный розыск показал, что оба дьячка весьма часто посещали питейный дом и ежедневно «обращаются в пьянстве» [4, л. 1]. К тому же выяснилось, что оба эти персонажа состояли под судом: Любарский обвинялся по определению Кавказского Областного суда в похищении из церкви села Пелагиады серебряного ковша, а Новомарьевский уличался духовной консисторией в буйстве, учиненном на церковной паперти и нанесении вместе со своим отцом побоев дьячку Алексею Богданову, сопровождавшихся «окровавлением оной паперти» и «сверх того, по благочиннической ведомости в поведении не одобрялся» [4, л. 1об.].

Что касалось другого предмета, вошедшего в существо данного дела относительно пристрастного производства следствия священником Калатузовым, то он уличался в том, что взял показания от обоих обвиняемых дьячков и их жен в один день, хотя объявил, что сделал это в разные дни, о чем под присягой свидетельствовал «за депутата пелагиадский волостной староста Кузнецов» [4, л. 5].

Сами обвиняемые дьячки жаловались на притеснения со стороны Калатузова при проведении дознания. Иван Любарский заявил, что Калатузов взял у него 30 рублей ассигнациями, а с Фёдора Новомарьевского и его отца диакона Аврама Александрова требовал во взятку 100 рублей, но, когда не получил требуемого, всемерно старался обвинить обоих в воровстве означенных денег.

Чтобы свести расследование к своей выгоде, благочинный Калатузов принуждал дьячка Любарского оговорить Фёдора Новомарьевского в воровстве церковных денег и дал ему за это две рюмки водки, которой ранее подчевал и Новомарьевского. Об этом свидетельствовали волостной староста Кузнецов и диакон села Богоявленского Матвей Галикарнасов. Иоанн Калатузов этого не отрицал.

Кроме того, выяснилось, что священник-дознатель заковывал дьячков Любарского и Новомарьевского в конские кандалы, для отягче-

ния их участи, отправляя для содержания в Ставропольское городское полицейское управление, чего делать не следовало, поскольку Новомарьевский во вменяемом ему преступлении изобличен не был, а показаний на него со стороны Любарского было недостаточно.

С другой стороны, на показания Фёдора Новомарьевского и отца его диакона Аврама Александрова в требовании от них священником Калатузовым взятки также достаточных доказательств не было представлено. Однако по всем другим вышеизложенным действиям священника Калатузова падало на него сомнение в законности его поступков. Но по недоказанности происшедшего к законной ответственности его привлечь было невозможно. Потому было решено предоставить Новочеркасской духовной консистории самой рассмотреть и оценить правильность и правомочность действий священника Калатузова.

В связи с данными обстоятельствами Архиепископ Новочеркасский и Георгиевский Анастасий утвердил, что дьячки Иван Любарский и Фёдор Новомарьевский, первый по подозрению в похищении денег и серебряного ковша, а последний как порочивший свое поведение пьянством и буйством, далее в духовном звании быть не могут. Обоих исключили из духовного ведомства и передали в Областное Правление – Любарского для «учинения об нем по решению дела рассмотрения, а Новомарьевского для отдачи в военную службу на основании высочайше конфирмованного в 10 день сего года (1831) доклада Святейшего Правительственного Синода» [4, л. 2]. К тому же Областному правлению предписывалось, чтобы оно истребовало объяснение от производившего по данному делу следствие священника Иоанна Калатузова.

Дело о драке между дьячком Алексеем Богдановым с диаконом Аврамом Александровым завершилось тем, что архиепископ Новочеркасский и Георгиевский наложил на них епитимии и по его указанию отправлены они были в Кизлярский монастырь сроком на один год «в наказание за несоответственные духовному званию дерзкие их поступки» [3, л. 40 об.]. Остававшимся их семействам предписано было выдавать положенную часть из доходов, причитавшихся для диакона и причётника [3, л. 40 об.].

Результаты. Проведенный анализ показал, что северокавказский фронт был сложным социально-культурным пространством, способным влиять на нравы и поведение людей посредством имманентно присущих ему разнородных деструктивных факторов.

Повседневное морально-нравственное разложение наиболее существенно затрагивало те слои священнослужителей, которые, оказавшись в неблагоприятных обстоятельствах места и времени, не умели или не хотели противиться им. Социально-бытовая обстановка и социаль-

ное окружение, идейные и политические процессы отражались в биографиях этих людей самым причудливым образом, вопреки вменённым им обязанностям и исполняемым поприщам. Для одних вышеописанная ситуация становилась

фундаментом их нравственного героизма, тогда как для других – дорогой нравственного умиротворения и деградации. Факторов для обоих способов реагирования на вызовы судьбы было множество.

Литература

1. Баррет Т. М. Линия неопределённости: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Антология. Т. 2. Самара: Самарский университет, 2000. С. 163–195.
2. Беляев И. Русские миссии на окраинах. Историко-этнографический очерк. СПб.: Издание П. П. Сойкина, 1900. 308 с.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 90. Оп. 1. Д. 10.
4. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 98.
5. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 104.
6. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 3.
7. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 92.
8. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 876.
9. Копарев Е. Военное духовенство на Кавказе в XVIII–XXI вв. URL: <https://proza.ru/2009/12/04/670?ysclid=lwnnmszwes443005911> (дата обращения: 15.03.2024).
10. Ласкеев Ф. М. Историческая записка об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие (1800–1900 гг.). СПб.: Товарищество худож. печати, 1900. 151 с.
11. Маркедонов С. М. Южный Кавказ: многоугольник интересов. URL: <https://www.apn.ru/publications/article1406.htm?ysclid=lwyumi7lxm868458378> (дата обращения: 15.03.2024).
12. Общие обязанности военных священников // Свод военных постановлений 1869 г.; изд. 2-е. СПб.: Государственная типография, 1907. Кн. VII. Отд. III. 396 с.
13. Олейников Д. И. Фронт и колонизация. URL: <http://www.timeandspase.lviv.ua/index.ru> (дата обращения: 15.03.2024).
14. Тёрнер Ф. Д. Фронт в американской истории / пер. с англ. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
15. Цыпин В. История русской церкви (Синодальный период). URL: <https://history.wikireading.ru/258706?ysclid=lwnnxwtfll57683118> (дата обращения: 15.03.2024).
16. Щепетков М. Священник. Содержание сельского духовенства в XIX в. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/07/27/soderzhanie_sel_skogo_duhovenstva_v_xix_v (дата обращения: 15.03.2024).

References

1. Barrett TM. Line of uncertainty: Russia's North Caucasian "frontier". American Russian Studies: Milestones of Historiography of Recent Years. Anthology. Samara: Samara University. 2000;2:163-195. (In Russ.).
2. Belyaev I. Russian missions on the outskirts. Historical and ethnographic essay. St. Petersburg: Publishing house P.P. Soikina; 1900. 308 p. (In Russ.).
3. State Archive of the Stavropol Territory. Fund 90. Inv. 1. Fol. 10. (In Russ.).
4. State Archive of the Stavropol Territory. Fund 90. Inv. 1. Fol. 98. (In Russ.).
5. State Archive of the Stavropol Territory. Fund 90. Inv. 1. Fol. 104. (In Russ.).
6. State Archive of the Stavropol Territory. Fund 135. Inv. 1. Fol. 3. (In Russ.).
7. State Archive of the Stavropol Territory. Fund 135. Inv. 1. Fol. 92. (In Russ.).
8. State Archive of the Stavropol Territory. Fund 444. Inv. 1. Fol. 876. (In Russ.).
9. Koparev E. Military clergy in the Caucasus in the XVIII–XXI centuries. URL: <https://proza.ru/2009/12/04/670?ysclid=lwnnmszwes443005911> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.).
10. Laskeev FM. Historical note on the management of the military and naval clergy over the past century (1800–1900). St. Petersburg: Association of Artists Printed; 1900. 151 p. (In Russ.).
11. Markedonov SM. South Caucasus: polygon of interests. URL: <https://www.apn.ru/publications/article1406.htm?ysclid=lwyumi7lxm868458378> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.).
12. General duties of military chaplains. Code of military regulations of 1869. Ed. 2nd. St. Petersburg: State Printing House; 1907. Book. VII. Dept. III. 396 p. (In Russ.).
13. Oleynikov DI. Frontier and colonization. URL: <http://www.timeandspase.lviv.ua/index.ru> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.).
14. Turner FD. Frontier in American history. Moscow: Whole world; 2009. 304 p. (In Russ.).
15. Tsypin V. History of the Russian Church (Synodal period). URL: <https://history.wikireading.ru/258706?ysclid=lwnnxwtfll57683118> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.).
16. Shchepetkov M. Priest. Maintenance of the rural clergy in the 19th century. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/07/27/soderzhanie_sel_skogo_duhovenstva_v_xix_v (accessed: 15.03.2024). (In Russ.).



Научная статья

УДК 94(470+571)"18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.8>

СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТОГО ОФИЦЕРА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА БЕКЛЕМИШЕВА

Николаенко Николай Дмитриевич^{1*}, Рутковская Марина Валерьевна²

^{1, 2} Пятигорский государственный университет (9, пр-кт Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)

¹ Кандидат исторических наук, доцент
nickolai.nikolaenko@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8562-4119>

² Кандидат философских наук, доцент
rutkovskayam@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0637-6351>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Для сохранения исторической памяти о подвигах наших воинов по защите рубежей России, помня о традициях, существовавших в армии в прошлом, авторы анализируют служебную деятельность незаслуженно забытого офицера Российской императорской армии Николая Петровича Беклемишева. Рассматривают, в каких воинских частях он служил, какие должности занимал, какими наградами был удостоен.

Материалы и методы. Исследование построено на анализе различных опубликованных документов и материалов. В работе задействован метод системного анализа, который позволил проанализировать служебную деятельность Н.П. Беклемишева. Историко-системный и нарративно-описательный методы помогли авторам рассмотреть основные вехи его жизненного пути.

Анализ. Авторы анализируют, что один из представителей старинного дворянского рода посвятил свою жизнь служению Родине, её защите. На Кавказе он участвовал в Даргинском походе графа М.С. Воронцова, и в так называемой «Сухарной экспедиции», проявил себя как смелый, грамотный офицер, способный в тяжёлых условиях отступления организовать оборону. Затем исполнял обязанности командира 6-й бригады Кавказского Линейного казачьего войска (далее – КЛКВ) и начальника центра Кавказской линии. В Оренбургской губернии находясь на должности командира Башкиро-Мещерякским войском, отстаивал интересы Башкирского народа. Командовал различными кавалерийскими формированиями регулярной армии. Много сил приложил для повышения боеготовности и материальному обеспечению вверенных ему войск. За несколько лет, что он

занимал должность наказного атамана Астраханского казачьего войска, ему удалось решить несколько проблем, стоящих перед войском, поднять боеготовность личного состава. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод, что Н.П. Беклемишев из почти 80 лет своей жизни отдал воинской службе 63 года, прошел путь от юнкера до генерал-лейтенанта, командовал различными как регулярными, так и нерегулярными воинскими формированиями. По службе зарекомендовал себя как грамотный, требовательный, дисциплинированный, инициативный офицер, верный присяге и долгу, чуждый карьеризму и интригам, умеющий отстаивать интересы своих подчинённых перед вышестоящим начальством.

Ключевые слова: Н. П. Беклемишев, историческая биография, военная история, казачество

Для цитирования: Николаенко Н. Д., Рутковская М. В. Служебная деятельность незаслуженно забытого офицера Николая Петровича Беклемишева // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 668–679. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.8>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 16.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.06.2024.

Статья принята к публикации: 28.08.2024.

Research article

THE OFFICIAL ACTIVITY OF THE UNDESERVEDLY FORGOTTEN OFFICER NIKOLAI PETROVICH BEKLEMISHEV

Nikolay D. Nikolaenko^{1*}, Marina V. Rutkovskaya²

^{1, 2} Pyatigorsk State University (9, Kalinin Ave., 357532, Pyatigorsk, Russian Federation)

¹ Cand. Sc. (History), Associate Professor
nickolai.nikolaenko@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8562-4119>

² Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor
rutkovskayam@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0637-6351>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. To preserve the historical memory of the exploits of our soldiers in defending the borders of Russia, remembering the traditions that existed in the army in the past, the authors analyze the official activities of the undeservedly forgotten officer of the Russian Imperial Army Nikolai P. Beklemishev. They consider in which military units he served, what positions he held, and what awards he was awarded. **Materials and Methods.** The research is based on the analysis of various published documents and materials. The work uses the method of system analysis, which allowed the authors analyze the official activities of N.P. Beklemishev. Historical-systemic and narrative-descriptive methods helped the authors to consider the main milestones of his life. **Analysis.** The authors analyze that one of the representatives of an ancient noble family devoted his life to serving the Motherland and protecting it. In

the Caucasus, he participated in the Darginsky campaign of Count M.S. Vorontsov, and in the so-called "Sukhar expedition", proved himself to be a brave, competent officer capable of organizing defense in difficult conditions of retreat. Then he served as commander of the 6th Brigade of the Caucasian Line Cossack Army (hereinafter referred to as the KLV) and head of the center of the Caucasian Line. In the Orenburg province, while serving as commander of the Bashkir-Meshcheryak army, he defended the interests of the Bashkir people. He commanded various cavalry formations of the regular army. He put a lot of effort into improving the combat capability and material support of the troops entrusted to him. During the few years that he held the position of the ataman of the Astrakhan Cossack army, he managed to solve several problems facing the army and raise the combat capability of the personnel. **Results.** According to

© Николаенко Н. Д., Рутковская М. В., 2024

the results of the study, it can be concluded that N.P. Beklemishev gave 63 years of military service out of almost 80 years of his life, went from a cadet to a lieutenant general, commanded various regular and irregular military formations. In the service, he proved himself to be a competent, demanding, disciplined, initiative officer, faithful to his oath and duty, alien to careerism and intrigue, able to defend the interests of his subordinates in front of his superiors.

Keywords: N.P. Beklemishev, historical biography, military history, Cossacks

For citation: Nikolaenko ND, Rutkovskaya MV. The official activity of the undeservedly forgotten officer Nikolai Petrovich

Введение. Если мы забудем о наших предках, которые честно и самоотверженно служили Родине, защищали её, то мы не сможем перенять их опыт. Поэтому мы обязаны помнить и рассказывать своим потомкам о людях верных долгу и присяге, стоявших на страже рубежей Отчизны.

В последнее время появились исследования, посвященные отдельным командирам бригад КЛКВ. Тем не менее, до сих пор нет ни одной работы, в которой бы рассматривалась служебная деятельность первого командира Волгской бригады этого войска, Николая Петровича Беклемишева, с момента поступления этого офицера на воинскую службу и вплоть до его смерти.

Поэтому, авторы поставили перед собой цель: рассмотреть основные вехи биографии этого офицера и проанализировать, насколько позволяют ограниченные рамки научной статьи, его службу на Кавказе, затем в Оренбургской губернии, в Польше и на посту наказного атамана Астраханского казачьего войска. Установить: где и в каких сражениях ему довелось участвовать, какими наградами он был удостоен.

Материалы и методы. Цель исследования определила исследовательский инструментарий. Основным методом, который был использован в работе, был метод системного анализа, с помощью которого дан анализ служебной деятельности этого офицера. Широко использованы историко-системный и нарративно-описательный методы, которые позволили рассмотреть жизненный путь Н.П. Беклемишева, установить какой период времени, в каком месте он служил, какую должность занимал, в каком чине.

Источниковую базу исследования составили «Высочайшие приказы о чинах военных», которые хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве, а также размещены на сайтах Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки России. Анализируя приказы за период с 1833 по 1863 гг., удалось точно установить, когда Н.П. Беклемишев был назначен на ту или иную должность, какой период времени он её занимал, в каком чине состоял, когда ему было присвоено очередное воинское звание, за какое отличие.

Используя материалы периодических изданий, таких как: списки кавалерам Российских императорских и царских орденов, списки генералам по старшинству, авторы точно определили даты его награждений тем или иным орденом.

Beklemishev. Humanities and law research. 2024;11(4):668-679. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.8>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 16.03.2024.

The article was approved after reviewing: 18.06.2024.

The article was accepted for publication: 28.08.2024.

При написании данной работы, значительная часть материалов была использована из личных воспоминаний Н. П. Беклемишева, его послужного списка, помещенного в полковой истории Смоленского уланского полка. При анализе его деятельности на постах командующего Башкиро-Мещерякским войском и наказного атамана Астраханского казачьего войска, авторы использовали сведения из 3-й части «История Астраханского казачьего войска», а также из 4-го тома фундаментального научного исторического труда «История башкирского народа».

В целом же, на основе анализа разнообразных источников и материалов удалось в хронологической последовательности установить, в каких воинских частях служил Н. П. Беклемишев, в каких боевых операциях принимал личное участие, какие командные должности он занимал, а также собрать сведения биографического характера.

Анализ. Николай Петрович Беклемишев был одним из потомков древнего дворянского рода, который известен с XV столетия. Ветви этого большого рода были внесены в дворянские книги многих губерний Российской империи [6, с. 470].

Николай Петрович происходил из дворян Тульской губернии. Был сыном участника русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и Отечественной войны 1812 г., позже тайного советника, шталмейстера «Двора Его Императорского Величества» Петра Никифоровича Беклемишева и Надежды Петровны Беклемишевой, урожденной княгини Волконской. Родился 20 апреля 1814 г. Вероисповедания православного [1, с. 25–26]. Воспитывался в частном учебном заведении. Получил разностороннее образование. Знал политическую историю, географию, математику, фортификацию и военную тактику. Владел несколькими иностранными языками: французским, немецким и английским [35, с. 233].

На службу поступил в 17 лет 21 июня 1831 г. юнкером в 3-й Карабинерный полк. В составе полка участвовал в подавлении восстания в Польше. За отличие в сражениях с поляками 30 сентября 1831 г. был произведен в обер-офицеры, с одновременным переводом в чине корнета в Новоархангельский уланский полк. В том же году, в связи с поступлением эскадрона Новоархангельского уланского полка в состав Харьковского уланского полка, продолжил службу в этом полку. За участие в подавлении польского восстания был награжден знаком отличия военного ордена за №67752, се-

ребреной медалью с надписью «За взятие приступом Варшавы» и Польским знаком отличия за военное достоинство 3-й степени [35, с. 233].

6 декабря 1833 г. за отличие по службе корнет Н.П. Беклемишев был произведен в поручики [8, с. 808]. 11 сентября 1835 г. на вакансию был произведен из поручиков в штабс-ротмистры [9]. В Харьковском уланском полку занимал должности командира 6-го эскадрона, затем командира 2-го дивизиона [7, с. 219].

14 ноября 1838 г., приказом по кавалерии Харьковского уланского полка штабс-ротмистр Н.П. Беклемишев был назначен адъютантом главнокомандующего действующей армии генерал-адъютанта, генерал-фельдмаршала, наместника Царства Польского Ивана Федоровича Паскевича [10]. В следующем году, приказом от 16 июля адъютант главнокомандующего Н. П. Беклемишев был произведен на вакансию из штабс-ротмистров в ротмистры [11].

В 1842 г. был командирован на Кавказ [32, с. 40]. 14 марта 1842 г. был удостоен ордена Святой Анны 3-й степени [50, с. 586]. В конце мая и в начале июня 1842 г. принял участие в неудачной экспедиции, под руководством командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютанта Павла Христофоровича Граббе, в Ичкерийский лес [32, с. 305].

Приказом по кавалерии 7 декабря 1843 г. адъютант, ротмистр Н. П. Беклемишев был переведен из Харьковского уланского полка в лейб-гвардию, в уланский Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича полк, «с оставлением в настоящей должности» [12].

27 декабря 1844 г. член Государственного Совета, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, генерал от инфантерии, генерал-адъютант граф Михаил Семенович Воронцов был назначен главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом и наместником Кавказским [13]. Как вспоминал Беклемишев: «При этом назначении вся петербургская военная молодежь (*la jeunesse doree*) наперебой рванулась на Кавказ. В то время я был тоже молод и вполне увлекался поэзией боевой веселой и приятной жизни. По прибытии в Тифлис я при графе исполнял должность адъютанта и имел несколько командировок в дальние места края...» [42].

В конце весны и летом 1845 г. Николай Петрович, под командованием графа М.С. Воронцова, находился в походе с целью захвата ставки имама Шамиля аула Дарго [34, с. 430]. «Охотником» участвовал в штурме горы Анчимеер. После занятия аула Дарго, вызвался в качестве добровольца участвовать в экспедиции, которая получила впоследствии название «Сухарной». 10 июля в составе авангарда войск, под командованием своего друга генерал-майора Диомида Васильевича Пасека, с кровопролитными боями пробился навстречу транспорту генерал-лейтенанта князя Василия Осиповича Бебутова, отправленному из Андии с

продовольственными и военными припасами [42]. В связи с гибелью подполковника Федора Ивановича Кривошеина, ему было поручено командовать 3-м батальоном Люблинского егерского полка [32, с. 595].

На следующий день, 11 июля, на обратном пути в аул Дарго, находясь впереди авангарда войск, командовал остатками 3-го батальона Люблинского егерского полка и милиционерами. Прорвался через овраг и болото, взял штурмом устроенный мюридами на пути следования завал и вышел на горную поляну, где организовал из различных разбитых частей оборону в форме каре. Прдержался до позднего вечера, до подхода на выручку войск из Дарго. Ночью, после возвращения в военный лагерь в Дарго, удостоился аудиенции М.С. Воронцова. Как вспоминал Беклемишев: «Граф Воронцов сидел в ставке, окруженный всеми генералами отряда. Когда я вошел, граф встал и подал мне руку. Не посмел я принять ее сказав: "Ваше сиятельство, я весь мокрый, в крови и грязи" (я не был ранен, кровь на мне была не моя, это я вымазался, перелезая через груды убитых людей и лошадей, еще не застывших)» [42].

По приказу М.С. Воронцова был назначен в состав арьергарда отступающих из Дарго войск, командующим батальоном. С 13 июля при отступлении основных сил отряда, обеспечивал их прикрытие с тыла. На протяжении всего отступления основных войск вел тяжелые арьергардные бои, помимо батальона, командовал 2-я горными и 2-я полевыми орудиями, которые были приданы для усиления пехоты. В конце отступления принял участие в кровопролитном рукопашном штыковом бое. «Наши ружья не стреляли: полки отсырели. Отбивались штыками и прикладами» – вспоминал Беклемишев. В завершении похода, под командованием Н.П. Беклемишева, в строю осталось лишь 120 человек, из всего батальона [43]. За участие в Даргинском походе, 9 августа того же 1845 г. был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом [51, с. 14].

После похода в Дарго остался служить на Кавказе. Состоял в родственных отношениях с командующим 20-й пехотной дивизии, начальником левого фланга Кавказской линии, генерал-майором Робертом Карловичем Фрейтагом, который был женат на родной сестре Николая Петровича, фрейлине «Двора Ея Императорского Величества» Марии Петровне [38, с. 18]. Беклемишев навещал семью Фрейтагов в их доме в крепости Грозной [33, с. 70].

8 декабря 1845 г., за отличие в делах против немирных горцев и со старшинством с 13 июля 1845 г., адъютант И.Ф. Паскевича, лейб-гвардии ротмистр Беклемишев был произведен в полковники, «с состоянием по кавалерии, при Кавказском Линейном казачьем войске» [14]. От казны ему было определено жалованье по чину полковника в размере 560 рублей 55 копеек серебром в год [46, с. 1465].

В апреле 1846 г., прикомандированный к КЛКВ, полковник Беклемишев участвовал в отражении нападения войск имама Шамиля на Кабарду, командовал сводным отрядом, состоящим из батальона пехоты и 300 казаков при 2-х орудиях [2, с. 581].

В 1845 г. было издано «Положение о Кавказском Линейном казачьем войске» согласно которому, начался процесс его реформирования. Окончательно этот процесс был завершён в 1846 г. В КЛКВ были созданы казачьи бригады. На основании «Положения» на должности командиров бригад Высочайшими приказами назначались штаб-офицеры регулярной армии [44, с. 10–11].

Высочайшим приказом от 13 августа 1846 г., состоящий по кавалерии, при КЛКВ полковник Н. П. Беклемишев был назначен на должность командира 6-й бригады (6-я бригада КЛКВ она же Волгская бригада – *Ает.*) [23].

В его непосредственном подчинении находились 1-й и 2-й Волгские линейные казачьи полки. В 13 станицах бригады проживало 7384 казака. Местом постоянной службы полковника Беклемишева стала станица Ессентукская, где размещался штаб Волгской бригады [40, с. 218].

На него, как на командира бригады, были возложены обязанности по предупреждению и отражению возможных нападений немирных горцев на кордоны и казачьи станицы. Он должен был формировать резервы для усиления постов и караулов, собирать временные отряды в пунктах возможного нападения противника, осуществлять надзор за содержанием кордонов, обеспечивать охрану и порядок в полковых округах, готовить команды, выступающие на линейную службу и в экспедиции и т.д. Помимо сугубо военных вопросов, он был обязан заниматься решением хозяйственных проблем обоих полков бригады [44, с. 73–75].

По должности командира бригады Беклемишеву было установлено годовое содержание в следующем размере: жалование выплачивалось согласно его чину полковника, дополнительно на питание серебром выделялось 571 рубль 40 копеек, так называемые «столовые деньги» [44, с. 78].

Командир 6-й бригады полковник Беклемишев, помимо наказного атамана КЛКВ генерал-лейтенанта Степана Степановича Николаева, подчинялся также начальнику центра Кавказской линии генерал-майору Семёну Ильичу Хлюпину [44, с. 75].

Находясь на должности командира казачьей бригады, непосредственного участия в боевых действиях не принимал. Добросовестно исполнял возложенные на него обязанности. Лично инспектировал казачьи кордоны. «Никто так много не ездил по своему кордону, как я, никто чаще не ночевал в поле, в аулах, в лесах, как я» – вспоминал Беклемишев. Ревностно отстаивал имущество, принадлежащее казакам бригады.

Неоднократно обращался к командирам регулярных войск, расквартированных в городе Георгиевске, с требованием прекратить вырубку казачьих лесов в этом районе. Не дождавшись положительного ответа, лично посетил Георгиевск. Встретив открытое неповиновение со стороны солдат пехотной команды, которая вырубала казачий лес, подал рапорт на имя вышестоящего начальства, в результате было возбуждено следствие [33, с. 51–52].

С целью развития образования среди казаков Волгской бригады, открыл школу в станице Горячеводской [33, с. 47].

Зимой 1846–1847 гг. ему был предоставлен отпуск. Вернулся в распоряжение казачьей части только в апреле 1847 г. [33, с. 27].

В июне месяце того же года возвращаясь без охраны в станицу Ессентукскую подвергся неожиданному нападению со стороны казака Волгской бригады Ивана Гринева. В результате неудачного покушения получил серьёзное ранение. «Шашка близ эфеса перерезала мне совсем три кости левой руки и рассекла палец на правой руке» – писал Беклемишев. Отказался передавать Гринева в руки военного суда, инициировал разбирательство. Следствие длилось более года. В итоге Иван Гринев был признан психически не здоровым человеком и отправлен на лечение в психиатрическую больницу города Астрахани [33, с. 24–27]. Таким образом, прошедший без ранений, горнила Даргинского похода, «Сухарной экспедиции» Николай Петрович получил тяжёлую травму от руки своего подчиненного.

В связи со смертью от холеры в 1847 г., начальника центра Кавказской линии генерал-майора С.И. Хлюпина, командование приняло решение назначить на эту должность штаб-офицера, который уже имел опыт управления крупными воинскими формированиями в этом районе. Выбор пал на командира 6-й бригады полковника Беклемишева. Приказом от 4 октября 1847 г., он был назначен исправляющим должность начальника центра Кавказской линии [16]. Таким образом, первый командир Волгской бригады КЛКВ, Николай Петрович, занимал эту должность немногим более года.

На полковника Н.П. Беклемишева были возложены обязанности по охране и защите центра Кавказской линии. Он следил за строгим исполнением, лежащих на кордонных начальниках обязанностей. О каждом замеченном недостатке он должен был докладывать наказному атаману КЛКВ, а в случае необходимости, командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории [44, с. 75–76]. Помимо сугубо военных обязанностей, на начальника центра Кавказской линии были возложены судебные функции. Он рассматривал уголовные преступления, в том числе связанные с нападениями на Кавказской линии, разбирал имущественные тяжбы населения, выступая в качестве посредника [3, с. 36–37].

В его подчинении находились командир Горского линейного казачьего полка КЛКВ полковник князь Георгий Романович Эристов и исполняющий обязанности командира 6-й бригады, состоящий при Отдельном Кавказском корпусе подполковник султан Казы-Гирей (Князь Георгий Романович Эристов с 1852 г. по 1855 г. генерал-майор, наказной атаман КЛКВ, султан Казы-Гирей в православии Андрей Андреевич Быхты-Гиреевич, известный как писателей и просветитель – *Авт.*) [33, с. 21–23].

Новым место службы полковника Беклемишева стала крепость Нальчик. После прибытия в Нальчик, без колебаний, привел в исполнение смертный приговор, вынесенный его предшественником генерал-майором С.И. Хлюпиным в отношении 4-х преступников. Как отмечал Беклемишев: «Ильинский, не решился этого исполнить, опасаясь волнений» (Командир 7-й бригады КЛКВ и одновременно командир Владикавказского линейного казачьего полка полковник Михаил Сергеевич Ильинский временно исполнял обязанности начальника центра Кавказской линии до прибытия Беклемишева – *Авт.*) [33, с. 21].

Под его председательством был создан специальный комитет, который занимался распределением значительных финансовых средств, выделенных императором Николаем I на нужды переселяемых из района Военно-Грузинской дороги во внутренне области Большой Кабарды горцев [33, с. 28]. Как председатель комитета, усомнился в честности и отстранил от участия в раздаче денег горцам, майора, состоящего при Отдельном Кавказском корпусе Батыр-Бека Тамбиева, нажив себе в его лице врага. «Вот причина ненависти ко мне Батыр-Бека Тамбиева и всех его козней против меня» – писал Беклемишев [33, с. 29].

Приложил много сил для решения проблем переселения горцев на новые места жительства [33, с. 30, 44].

По должности начальника центра Кавказской линии, ему было определено содержание от казны в размере 1000 рублей [47, с. 27]. В целом же, его совокупный доход, вместе с жалованьем полковника, составил более полутора тысяч рублей серебром в год. По тому времени это были большие деньги. Он мог себе позволить выделять часть средств на благотворительность. «С назначением в Нальчик я стал получать большое содержание... мои деньги употреблялись на школы, на сады, на водопроводы, на дороги...». Видя плохие бытовые условия содержания аманатов (т.е. заложников – *Авт.*) в Нальчике, «устроил я для этих мальчиков хорошее помещение, белье, одежду, всевозможные забавы; всегда для них был открыт мой дом, и я радовался, видя, что эти бедные дети стали ко мне ходить во всякое время дня, как к своему родному» – вспоминал Николай Петрович [33, с. 49].

Вступил в конфликт со своими подчиненными князем Г.Р. Эристовым и султаном А.А. Казы-Гиреем. Обращался к вышестоящему начальству о неправомерных действиях князя Эристова, его вмешательстве в дела по управлению Большой Кабардой, игнорировании распоряжений и т.д. Дал отрицательную характеристику на султана Казы-Гирея, по его руководству Волгской бригадой КЛКВ, высказывался о его служебном несоответствии. В результате, вспоминал Беклемишев: «Партия, против меня составленная, сделалась столь сильна и многочисленна, что везде против меня деятельно действовали. Руль этой интриги взял в руки Адиль-Гирей» (Адъютант наместника М.С. Воронцова, поручик лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона султан Адиль-Гирей – *Авт.*). На имя М. С. Воронцова стали поступать многочисленные доносы и жалобы [33, с. 39, 56]. Началось разбирательство. В итоге наместник принял сторону оппонентов Беклемишева. Таким образом, прослужив один год, начальником центра Кавказской линии, он вынужден был подать рапорт о своем увольнении.

Предложение М.С. Воронцова принять под командование один из пехотных полков Отдельного Кавказского корпуса Беклемишев отверг, мотивировав свой отказ тем, «что я, не приготовившись командовать пехотным полком, считаю бесчестным принять часть, в которой не имею твердых познаний» [33, с. 64].

Высочайшим приказом от 7 октября 1848 г., исправляющий должность начальника центра Кавказской линии, состоящий по кавалерии, полковник Беклемишев был уволен в отпуск, сроком на 4 месяца, в город Санкт-Петербург, с отчислением от настоящей должности, и с оставлением по кавалерии [17]. В просьбе сохранить ему денежное содержание, наместник ему отказал, предоставив лишь единовременное пособие. Сдав дела по управлению центром Кавказской линии, новому начальнику князю Г.Р. Эристову, он покинул Кавказ [33, с. 60–61]. Таким образом, поступки Беклемишева на посту начальника центра, характеризуют его, как человека жесткого, стремящегося к наведению во всем строгого порядка, пресечению злоупотреблений, со стороны подчиненных, старательного, честного, не лишённого чувства сострадания к обездоленным, заботливого.

Поступил на службу в Образцовый полк, который был расквартирован, неподалеку от столицы в городе Павловске. Никакой штатной должности в полку он не занимал, состоял по кавалерии, поэтому выплата денежного содержания ему не полагалась [33, с. 66]. В связи с отсутствием денежных средств, был вынужден проживать в Павловске «почти безвыездно». Прослужив 4 месяца в Образцовом полку, он получил от командования предложение возглавить Башкиро-Мещеряжское войско [33, с. 67].

Высочайшим приказом 12 апреля 1849 г. полковник Беклемишев был назначен на долж-

ность командующего этим войском [18]. Закончился сложный период в жизни Николая Петровича. Он вспоминал: «Я принял эту должность с восхищением, потому что она становила меня опять в ряд штаб-офицеров, хорошо служивших Государю, и выводила меня из этой страшной нужды, в которой я находился» [33, с. 67].

От казны ему было определено жалованье по чину полковника, а по должности 1141 рубль столовых и «на разъезды 420 рублей серебром в год» [48, с. 123].

Прибыл в Башкирию и принял дела у назначенного наказным атаманом Оренбургского казачьего войска, состоящего по кавалерии генерал-майора Василия Андреевича Жуковского [39, с. 132].

По прибытию в Оренбургскую губернию, Беклемишев осуществил ознакомительный объезд кантонов, при этом старался встречаться не с начальниками кантонов, а с рядовыми башкирами. Для упрощения общения, составил рукописный русско-башкирский словарь [36, с. 53]. Таким образом, Николай Петрович проявил себя не только как сугубо военный человек, но и как исследователь – лексикограф.

29 сентября 1849 г. за № 8705 командующий Башкиро-Мещерякским войском, полковник Беклемишев представил командиру отдельного Оренбургского корпуса, Оренбургскому военному губернатору и управляющему гражданской частью генералу от инфантерии Владимиру Афанасьевичу Обручеву докладную записку, в которой говорилось, что он подробно осмотрел конные заводы Башкирского и Оренбургского войск. В записке он писал, что заводы находятся в отличном состоянии, в особенности Башкирский. Из этого завода можно отбирать жеребцов для улучшения породы местных лошадей. Далее он просил не закрывать Башкирский завод, оставить его «в виде рассадника, для комплектования слученной конюшни». В.А. Обручев признал доводы Беклемишева заслуживающие внимания и осенью того же года обратился к военному министру генерал-адъютанту князю Александру Ивановичу Чернышёву с просьбой оставить конные заводы, «как рассадники производителей» [39, с. 204–205].

В следующем году Беклемишев подготовил «Инспекторский отчет о Башкиро-мещерякском войске». В этом документе он проанализировал тяжелое положение подчиненных ему башкир, выявив причины, которые привели к такой негативной ситуации [36, с. 49]. В столице с этим докладом ознакомился бывший командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютант П.Х. Граббе, который дал высокую оценку точному анализу проблем башкирского народа [31, с. 493].

Н.П. Беклемишев, отстаивая интересы башкирского народа, вступил в конфликт с В.А. Обручевым, по вопросу насильственного перевода башкир к оседлому образу жизни и занятию их

хлебопашеством, вместо традиционных занятий кочевым скотоводством и коневодством. Он подчеркивал, что башкиры разорены и недовольны насильственным изменением их многовекового уклада. Также он считал не правильным, использовать башкирских воинов только в рабочих командах [36, с. 48–49].

В том же 1850 г. Беклемишев, на имя вышестоящего начальства, подал проект по реорганизации Башкиро-Мещерякского войска. В нём он предложил организовать войсковое дежурство, ввести должность наказного атамана, с подчинением его командиру Отдельного Оренбургского корпуса, установить порядок прохождения службы башкирскими воинами по примеру других казачьих войск империи. В.А. Обручев дал негативную оценку проекту Беклемишева. Следствием конфликта стало оставление Н.П. Беклемишевым должности командующего Башкиро-Мещерякским войском. В апреле 1850 г. он уехал в отпуск и войском более не командовал. 20 декабря того же года он был освобожден от должности [36, с. 53, 58].

Состоял по кавалерии без должности, проживал в Санкт-Петербурге. В январе 1851 г. в доме своего отца лично встречался с генерал-адъютантом П.Х. Граббе [31, с. 497].

В том же году Николай Петрович женился на дочери богатого нижегородского помещика, отставного полковника Сергея Васильевича Зыбина, Наталье Сергеевне [35, с. 233]. В 1859 г. у них родился сын, которого называли Александр [41, с. 5].

8 апреля 1851 г. был зачислен в Харьковский уланский полк. В связи с отъездом командира уланского Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Александровича полка полковника Капитона Лукича Белевцева к Липецким минеральным водам, для излечения болезни, 30 августа 1851 г. Беклемишев был назначен заместителем командира этого полка (Смоленский уланский полк 8 сентября 1843 г. получил наименование в честь шефа – уланский Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Александровича полк – *Авт.*). Прибыл из уланского Его Королевского Высочества Принца Фридриха Прусского полка и 23 сентября 1851 г. вступил в должность заместителя командира (Харьковский уланский полк с 15 мая 1851 г. получил наименование в честь шефа – уланский Его Королевского Высочества Принца Фридриха Прусского полк – *Авт.*) [35, с. 233].

С 23 сентября 1851 г. по 12 октября 1856 г., включительно, командовал уланским Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Александровича полком, затем уланским Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полком (Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Александровича уланский полк с 19 февраля 1855 г. получил новое наименование – уланский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк –

Авт.). Служил на территории Польши, где была размещена его воинская часть [35, с. 233]. 24 октября 1851 г. был награжден орденом Святой Анны 2-й степени [52, с. 77].

В мае 1852 г., под Варшавой, в окрестностях Мокотова, Николай I провел войсковые смотры 2-го пехотного корпуса, в который входила 2-я легкая кавалерийская дивизия. Уланский полк Николая Петровича «представился Государю Императору в блестящем виде» [35, с. 234]. За хорошую подготовку личного состава полка к строевым смотрам кавалерийской дивизии, Н.П. Беклемишев дважды был удостоен благодарности императора [19]. В том же году был награжден знаком отличия за 15 лет беспорочной службы [49, с. 219].

В сентябре следующего 1853 г., в рамках боевой подготовки войск, император провел учения 2-го пехотного корпуса. Высочайшим приказом от 23 сентября 1853 г., в числе прочих офицеров, участвующих в маневрах, командиру уланского полка, полковнику Беклемишеву, Николай I объявил «полную и совершенную Свою признательность» [20]. Вскоре 5 ноября последовал Высочайший приказ императора об утверждении Николая Петровича в должности командира полка [21]. А через месяц 6 декабря он был повышен в чине, произведен из полковников в генерал-майоры [22].

В том же году Беклемишев был удостоен иностранными орденами, австрийским Железной короной 2-й степени и прусским Красного Орла 3-го класса [49, с. 219].

Участие в боевых действиях, начавшейся Крымской войны, Н.П. Беклемишев не принимал, служил в Люблинской губернии, в городе Хельм, где был расположен полковой штаб. Затем с конца августа 1854 г. полк был перемещен на территорию Волынской губернии, служил при штабе в городе Владимир-Волынский. В 1855 г. в связи с возвращением полка на прежнее место дислокации, вновь, в городе Хельм. Занимался проблемами укомплектования полка по штатам военного времени, много сил приложил для подготовки личного состава части, его материального обеспечения. Так, в 1856 г. по итогам инспекторской проверки проведенной начальником 2-й легкой кавалерийской дивизии генерал-лейтенантом бароном Иваном Карловичем Сталь-фон-Гольштейном было сделано заключение, что полк полностью обеспечен всем необходимым, личный состав хорошо обучен и подготовлен к выполнению боевых задач [35, с. 234–235].

15 мая 1856 г. император Александр II, после проведенного смотра собранных в городе Варшаве воинских частей, в числе прочих командиров, объявил генерал-майору Беклемишеву «искреннюю признательность» и выразил ему «Монаршее Благоволение» [23].

13 октября того же года Николай Петрович был назначен на новую должность командира 1-й бригады 2-й легкой кавалерийской дивизии

[24]. В том же году был удостоен ордена Святого Владимира 3-й степени с мечами [49, с. 219].

В его подчинении находились 3 кавалерийских полка: уланские Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, Его Королевского Высочества Принца Фридриха Прусского полки и драгунский Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича полк (Новороссийский драгунский 17 апреля 1856 г. получил наименование в честь шефа – драгунский Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича полк – Авт.). Осуществлял управление 1-й бригадой около 5 месяцев. В связи с упразднением должностей бригадных командиров в регулярной армии, приказом по кавалерии, 28 марта 1857 г. он был отчислен от занимаемой должности [25].

Состоял по армейской кавалерии до июля месяца. Высочайшим приказом 4 июля 1857 г. он был назначен старшим помощником начальника 6-й легкой кавалерийской дивизии [26]. Прослужил на этом посту он также не долго, чуть более полугода.

Высочайшим приказом 20 января 1858 г. генерал-майор Н.П. Беклемишев был назначен наказным атаманом Астраханского казачьего войска, «с зачислением по армейской кавалерии» [27]. Таким образом, на должность наказного атамана был поставлен офицер, который уже обладал богатым опытом управления крупными воинскими формированиями, умел эффективно решать хозяйственные проблемы, и знал трудности, с которыми приходится сталкиваться военному администратору.

Прибыл к новому месту несения службы и вступил в обязанности наказного атамана Астраханского казачьего войска 20 мая 1858 г. Ознакомившись с текущими делами, новый наказной атаман сразу же увидел, что в войске не хватает квалифицированных кадров нижнего офицерского состава. Для подготовки новых кадров он снял с постов кордонных линий 74 казака и направил их в Казачий бугор, где им была организована специальная школа. Из казаков школы была создана отдельная команда, которая вошла в состав войска под наименованием «резервная полусотня». Руководил полусотней подполковник командир 1-го полка. Обучение казаков команды осуществляли 2 опытных войсковых офицера. После каждой проверки наказного атамана, часть казаков полусотни, показавшие наибольшие успехи в обучении, производились в урядники и приказные [7, с. 385].

Атаман обратил внимание, что Астраханское казачье войско не использует предоставленные ему 4 вакансии на обучение молодых людей в военных учебных заведениях империи. Поэтому уже в ноябре того же 1858 г., он поднял вопрос о направлении юношей в артиллерийское училище и в кадетский корпус. Беклемишев лично отобрал кандидатов из воспитанников вой-

ского пансиона. Хлопоты атамана увенчались успехом. В апреле следующего года войску было разрешено направить 2-х человек в Михайловское артиллерийское училище и 2-х в Павловский кадетский корпус [7, с. 364]. После этого, Беклемишев добился от военных властей разрешения о направлении 3-х юношей в Астраханское училище военного ведомства с тем, чтобы они были переведены потом в такое же Казанское училище, где преподавались военно-топографические науки [7, с. 373].

Он нашел несправедливым положение вещей, при котором офицеры войска, до сих пор, не получают фуражных денег, в отличие от казаков. В том же 1858 г. он возбудил ходатайство о предоставлении офицерам права на получение этих средств от казны. Это прошение Беклемишева было внимательнейшим образом рассмотрено в столице. В итоге в феврале 1859 г. император приказал выплачивать фуражные деньги, но в виде исключения, до тех только пор, пока казачьи офицеры не получают земельные наделы [7, с. 921–922].

Но особенно плодотворная деятельность нового наказного атамана заключалась в разумных административных распоряжениях по войску. Например, обнаружив, что особая команда, направляемая войском для обеспечения сохранности доставляемых по Каспийскому морю казенных грузов, до сих пор не имеет четких нормативно-правовых предписаний о своих служебных обязанностях, Беклемишев разработал специальную инструкцию, которая регламентировала порядок прохождения службы казаками команды, их права и обязанности [7, с. 673].

Обратил внимание атаман и на несоответствующее законному порядку положение, в котором находились улусные команды, подчиняющиеся не офицерам войска, а гражданским чиновникам. Для исправления такого положения Беклемишев в том же 1858 г. подготовил предписание, по которому казаки улусных команд должны были подчиняться исключительно войсковой администрации. Начался долгий спор с гражданскими властями, который продолжался до 1862 г. В итоге наказному атаману удалось отстоять свою позицию, командовать улусными командами, которые осуществляли военно-полицейские функции, стали войсковые офицеры [7, с. 516, 531].

В условиях расквартирования войска на границе с беспокойной Прикаспийской степью, населенной кочевыми народами, считал необходимым сохранить артиллерию как отдельную войсковую единицу. Видя неспособность войска материально содержать 16-ю батарею, отказался её расформировывать. Предложил военным властям её реорганизовать в полубатарею, 4-х орудийного состава. В итоге Петербург, рассмотрев предложенный Беклемишевым проект, утвердил его 18 августа 1860 г. [7, с. 288–289]. В

том же году он был удостоен ордена Святого Станислава 1-й степени [49, с. 219].

С целью организации более эффективной охраны и облегчения несения службы казаками на дальних рубежах, установил новую систему распределения казаков 2-го и 3-го полков по постам [7, с. 111].

Для проверки боеготовности личного состава, выправки обмундирования, исправности вооружения, а также уровня строевой подготовки он регулярно проводил смотры. На смотрах всегда был требовательным к своим подчиненным. Как писал полковник И.А. Бирюков: «Особенно строг был во время своих смотров атаман Беклемишев, приказы которого полны суровых замечаний и всяческих порицаний по адресу и казаков и офицеров, оказавшихся в строевом отношении не на высоте призвания» [7, с. 120].

Генерал-майор Н.П. Беклемишев занимал должность наказного атамана Астраханского казачьего войска до 18 марта 1862 г., включительно.

В целом за несколько лет кипучей деятельности Николаю Петровичу удалось решить несколько серьезных неурегулированных до его вступления в должность проблем, повысить уровень подготовки личного состава войска.

Высочайшим приказом 19 марта 1862 г. он был зачислен в запасные войска, «с оставлением по армейской кавалерии» [28].

С 1863 г. ему была назначена денежная выплата от казны в течение 12 лет по 1500 рублей в год [53, с. 313]. Находился в запасе более года, до 11 августа 1863 г., когда приказом по кавалерии он был призван из запаса и назначен старшим помощником начальника 1-й кавалерийской дивизии [29]. 4 ноября того же года он получил новое назначение командира резервной бригады этой дивизии [30]. Занимал должность командира резервной бригады 1-й кавалерийской дивизии около двух лет. Командовал 5-ю дивизионами, входившими в бригаду: 2-я драгунскими, 2-я уланскими и одним гусарским [45, с. 227]. 20 ноября 1865 г. он был отчислен от занимаемой должности и назначен состоять по армейской кавалерии. 24 апреля следующего года генерал-майор Н.П. Беклемишев вышел в отставку и далее числился по запасным войскам [49, с. 219].

Проживал в городе Могилеве. С 1 августа 1869 г. исполнял должность мирового посредника 3-го участка Могилевского уезда. С 1870 г. по 1876 г. исполнял должность мирового посредника 2-го участка Могилевского уезда [4, с. 76]. С 10 июля 1876 г. по 1885 г. занимал должности уездного предводителя дворянства Могилевского уезда, председателя Дворянской опеки Могилевского, Быховского и Чаусского уездов, Могилевского уездного по воинской повинности присутствия и Могилевского и Горецкого уездных по крестьянским делам присутствий [5, с. 52].

19 апреля 1887 г. Н.П. Беклемишев был произведен в генерал-лейтенанты, с состоянием по

армейской кавалерии, при войсках Кавказского военного округа [54, с. 384]. В 1888 г. награжден орденом Святой Анны 1-й степени. Состоял по армейской кавалерии, при войсках Кавказского военного округа практически до своей смерти, получая от казны жалование в размере 2034 рубля [49, с. 219]. Умер в Грузии в местечке Самтреди, на 80 году жизни 18 января 1894 г. (Самтреди – ныне город Самтредиа в 27 километрах западнее города Кутаиси – *Авт.*). Был похоронен на кладбище 257-го Потийского полка [55, с. 292]. 28 января 1894 г. в военном соборе прошла заупокойная литургия по генерал-лейтенанту Николаю Петровичу Беклемишеву [37].

Результаты. Подводя итог исследования, отметим, что Николай Петрович прожил долгую и

насыщенную жизнь, большую часть которой он посвятил воинской службе, службе Отечеству. Занимая различные командные должности, обладая глубокими знаниями, организаторскими способностями, жёстким стилем управления, он всегда стремился повысить уровень подготовки личного состава вверенных ему войск, обеспечить их всем необходимым, повысить их эффективность. За период службы он зарекомендовал себя как добросовестный, грамотный, исполнительный, честный офицер, способный решать возложенные на него служебные задачи, соответствующие должностному положению.

Литература

1. Алфавитный список дворянских родов с указанием важнейших документов, находящихся в делах разных фамилий Родословного архива Тульского дворянского депутатского собрания / составил почетный член Московского археологического института Крапивенский дворянин Виктор Ильич Чернопятков. Т. II (XI). М.: Типография Торгового Дома М. В. Балдин и К. Арбат, дом № 7, 1908. 368 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Архив Главного управления Наместника Кавказского. Том X. Тифлис: Типография канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1885. 938 с.
3. Алхасова Д. М. Судебные полномочия начальника центра Кавказской линии в 30-50-е гг. XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». 2021. № 4. С. 33–47.
4. Адрес-календарь Могилевской губернии на 1876 год. Составлен Могилевским губернским статистическим комитетом. Могилев на Днепре: Типография Губернского Правления, 1876. 165 с.
5. Адрес-календарь Могилевской губернии на 1885 год. Составлен Могилевским губернским статистическим комитетом. Могилев на Днепре: Типография Губернского Правления, 1885. 240 с.
6. Бобринский, Александр Алексеевич (1823-1903). Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи / сост. Александр Бобринский. Часть I. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. 756 с.
7. Бирюков, Иван Алексеевич. История Астраханского казачьего войска / Составил полковник И. А. Бирюков. Часть 3. Саратов: Издание Астраханского казачьего войска, 1911. 974 с.
8. Высочайшие приказы о чинах военных. Высочайший приказ 6 декабря 1833 г. СПб.: б. и., 1833. 869 с.
9. Высочайший приказ 11 сентября 1835 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002963530?page=92&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 03.03.2024).
10. Высочайший приказ 14 ноября 1838 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007894941?page=149&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 04.03.2024).
11. Высочайший приказ 16 июля 1839 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007895129?page=20&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 06.03.2024).
12. Высочайший приказ 7 декабря 1843 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007909555?page=214&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 10.03.2024).
13. Высочайший приказ 27 декабря 1844 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007909561?page=229&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 12.03.2024).
14. Высочайший приказ 8 декабря 1845 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007909570?page=198&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 17.03.2024).
15. Высочайший приказ 13 августа 1846 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007913249?page=342&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 18.03.2024).
16. Высочайший приказ 4 октября 1847 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007913229?page=130&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 20.03.2024).
17. Высочайший приказ 7 октября 1848 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007913245?page=285&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 21.03.2024).
18. Высочайший приказ 12 апреля 1849 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007913239?page=163&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 22.03.2024).
19. Высочайший приказ 27 мая 1852 г. Дополнение к приказу. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002961203?page=197&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 23.03.2023).
20. Высочайший приказ 23 сентября 1853 г. Дополнение к приказу // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/40364-1853-1853#mode/inspect/page/616/zoom/6> (дата обращения: 24.03.2024).
21. Высочайший приказ 5 ноября 1853 г. // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/40364-1853-1853#mode/inspect/page/839/zoom/6> (дата обращения: 24.03.2024).
22. Высочайший приказ 6 декабря 1853 г. // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/40364-1853-1853#mode/inspect/page/1008/zoom/6> (дата обращения: 24.03.2024).
23. Высочайший приказ 15 мая 1856 г. Дополнение к приказу. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007932103?page=251&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 25.03.2024).

24. Высочайший приказ 13 октября 1856 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007932111?page=167&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 25.03.2024).
25. Высочайший приказ 28 марта 1857 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007932117?page=165&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 26.03.2024).
26. Высочайший приказ 4 июля 1857 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007932126?page=3&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 28.03.2024).
27. Высочайший приказ 20 января 1858 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008252074?page=31&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 28.03.2024).
28. Высочайший приказ 19 марта 1862 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008006689?page=106&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 29.03.2024).
29. Высочайший приказ 11 августа 1863 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008006851?page=81&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 30.03.2024).
30. Высочайший приказ 4 ноября 1863 г. // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008006851?page=207&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 30.03.2024).
31. Граббе П. Х. Записная книжка графа П. Х. Граббе / П. Х. Граббе. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1888. 750 с.
32. Даргинская трагедия. 1845 год. Серия «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». Составление и подготовка текстов Г. Г. Лисицыной. Комментарии, указатели Б. П. Миловидова. СПб: Издательство журнала «Звезда», 2001. 616 с.
33. Записки о Кавказе, писанные Н. Беклемишевым в Оренбурге, в 1849 году // Щукинский сборник. Выпуск второй. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1903. С. 20–90.
34. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. (1726-1880). Том II / А. Зиссерман. СПб: Типография В. Грацианского. Невский, № 46, 1881. 470 с.
35. История 3-го уланского Смоленского Императора Александра III полка. 1708-1908 / Составлена подполковником В. Годуновым и 3-го уланского Смоленского Императора Александра III полка поручиком А. Королёвым. Либава (Курляндская губерния): Типо-литография «Либавский вестник», 1908. 362 с.
36. История Башкирского народа в семи томах. Российская академия наук, Уфимский научный центр, Институт истории, языков и литературы, Правительство Республики Башкортостан, Академия наук Республики Башкортостан. Гл. ред. М. М. Кульшарипов. Том IV. СПб: Наука, 2011. 400 с.
37. Кавказ. 1894 г. № 25. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражд. част. на Кавказе., 1894.
38. Мамышев В. Н. Генерал-лейтенант Роберт Карлович Фрейтаг. Жизнеописание, изданное гвардии полковником С. Новоселовым. СПб: Типография Якова Трея, 1858. 22 с.
39. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Выпуск XI. Хронологический перечень событий за 1847-1853 гг. Часть 2. Оренбург: Типолитография н-цы Бреслина, 1913. № 737, № 738, № 749. 667 с.
40. Николаенко Н. Д., Ермаков В. П. Кавказское Линейное казачье войско: история формирования, система управления и служебные обязанности (начало XVIII – 1860 г.). Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 254 с.
41. Орлов К. О. Древо жизни Мельникова: Предки и родственники Павла Петровича Мельникова на дорогах русской истории // Культурологический журнал. Электронное периодическое рецензируемое научное издание. 2016/3 (25). С. 1–8.
42. Поход графа Воронцова в Дарго и Сухарная экспедиция в 1845 года. (Из записок участника) // Кавказ. 1892 г. № 92. Тифлис: Дворцовая улица, д. Тифлисского дворянского земельного банка, 1892.
43. Поход графа Воронцова в Дарго и Сухарная экспедиция в 1845 года. (Из записок участника) // Кавказ. 1892 г. № 93. Тифлис: Дворцовая улица, д. Тифлисского дворянского земельного банка, 1892.
44. Положение о Кавказском Линейном казачьем войске. СПб: Типография Департамента Военных Поселений, 1845. 246 с.
45. Памятная книжка на 1865 год. СПб: Военная типография, 1865. 632 с.
46. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XV. Отделение третье. 1840. Штаты. СПб: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. № 14132. 545 с.
47. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XV. Отделение первое. 1840. От № 13044-14140. СПб: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. Прибавление к XIV-му Тому. № 12894 а. 892 с.
48. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XV. Отделение второе. 1840. Штаты. СПб: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. № 13684. 809 с.
49. Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е января 1894 года. Санкт-Петербург: Военная типография (в здании Главного Штаба), 1894. 908 с.
50. Списки кавалерам Российских Императорских и Царских орденов за 1849 год. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1850. Ч. 3. Отделение первое. 780 с.
51. Список кавалерам Российских Императорских и Царских орденов и имеющим знаки отличия беспорочной службы, Всемилостивейше пожалованных в течение 1845 года, служащий прибавлению к общему кавалерскому списку. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1846. 285 с.
52. Список кавалерам Российских Императорских и Царских орденов, Всемилостивейше пожалованных в течение 1851 года, служащий прибавлению к общему кавалерскому списку. СПб: Типография К. Вингебера, 1852. 266 с.
53. Список генералам по старшинству. Исправлено по 1 сентября 1890 года. СПб: Военная Типография (в здании Главного Штаба), 1890. 920 с.
54. Список генералам по старшинству. Исправлено по 1 сентября 1888 года. СПб: Военная Типография, 1888. 822 с.
55. Суворин А. С. Русский календарь на 1895 г. Двадцать четвертый год. Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина., 1895. Отдел 13. Некролог. С. 291–298.

References

1. An alphabetical list of noble families with an indication of the most important documents in the files of different surnames of the Genealogical archive of the Tula Noble Deputy Assembly / comp. by an honorary member of the Moscow Archaeological Institute, Krapivensky nobleman Viktor Ilyich Chernopyatov. Vol. II (XI). Moscow: Printing House of the Trading House M. V. Baldin and K.; 1908. 368 p. (In Russ.).
2. Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission. Archive of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus. Volume X. Tiflis: Printing house of the Office of the Commander-in-Chief of the civil unit in the Caucasus; 1885. 938 p. (In Russ.).
3. Alkhasova D. M. Judicial powers of the head of the center of the Caucasian line in the 30-50s of the XIX century. *Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya"*. 2021;(4):33-47. (In Russ.).
4. Address-calendar of Mogilev province for 1876. Compiled by the Mogilev Provincial Statistical Committee. Mogilev on the Dnieper: Printing House of the Provincial Government; 1876. 165 p. (In Russ.).
5. Address-calendar of Mogilev province for 1885. Compiled by the Mogilev Provincial Statistical Committee. Mogilev on the Dnieper: Printing House of the Provincial Government; 1885. 240 p. (In Russ.).
6. Bobrinsky, Alexander Alekseevich (1823-1903). Noble families included in the general coat of arms of the All-Russian Empire. Comp. Alexander Bobrinsky. Part I. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Type; 1890. 756 p. (In Russ.).
7. Biryukov, Ivan Alekseevich. The history of the Astrakhan Cossack army. Compiled by Colonel IA Biryukov. Part 3. Saratov: Publication of the Astrakhan Cossack Army; 1911. 974 p. (In Russ.).
8. The highest orders on the ranks of the military. The Highest order of December 6, 1833 St. Petersburg: B. I., 1833. 869 p. (In Russ.).
9. The Highest order of September 11, 1835. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002963530?page=92&rotate=0&theme=white> (accessed: 03.03.2024). (In Russ.).
10. The Highest order of November 14, 1838. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007894941?page=149&rotate=0&theme=white> (accessed: 04.03.2024). (In Russ.).
11. The Highest order of July 16, 1839. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007895129?page=20&rotate=0&theme=white> (accessed 06.03.2024). (In Russ.).
12. The Highest order of December 7, 1843. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007909555?page=214&rotate=0&theme=white> (accessed: 10.03.2024). (In Russ.).
13. The Highest order of December 27, 1844. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007909561?page=229&rotate=0&theme=white> (accessed: 12.03.2024). (In Russ.).
14. The Highest order of December 8, 1845. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007909570?page=198&rotate=0&theme=white> (accessed: 17.03.2024). (In Russ.).
15. The Highest order of August 13, 1846. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007913249?page=342&rotate=0&theme=white> (accessed: 18.03.2024). (In Russ.).
16. The Highest order of October 4, 1847. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007913229?page=130&rotate=0&theme=white> (accessed: 20.03.2024). (In Russ.).
17. The Highest order of October 7, 1848. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007913245?page=285&rotate=0&theme=white> (accessed: 21.03.2024). (In Russ.).
18. The Highest order of April 12, 1849. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007913239?page=163&rotate=0&theme=white> (accessed: 22.03.2024). (In Russ.).
19. The Highest order of May 27, 1852. Supplement to the order. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002961203?page=197&rotate=0&theme=white> (accessed: 23.03.2023). (In Russ.).
20. The Highest order of September 23, 1853 Addition to the order. The State Public Historical Library of Russia. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/40364-1853-1853#mode/inspect/page/616/zoom/6> (accessed: 24.03.2024). (In Russ.).
21. The Highest order of November 5, 1853. State Public Historical Library of Russia. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/40364-1853-1853#mode/inspect/page/839/zoom/6> (accessed: 24.03.2024). (In Russ.).
22. The Highest order of December 6, 1853. The State Public Historical Library of Russia. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/40364-1853-1853#mode/inspect/page/1008/zoom/6> (date of appeal: 24.03.2024). (In Russ.).
23. The Highest order of May 15, 1856. Supplement to the order. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007932103?page=251&rotate=0&theme=white> (accessed: 25.03.2024). (In Russ.).
24. The Highest order of October 13, 1856. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007932111?page=167&rotate=0&theme=white> (accessed: 25.03.2024). (In Russ.).
25. The Highest order of March 28, 1857. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007932117?page=165&rotate=0&theme=white> (accessed: 26.03.2024). (In Russ.).
26. The Highest order of July 4, 1857. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01007932126?page=3&rotate=0&theme=white> (accessed 28.03.2024). (In Russ.).
27. The Highest order of January 20, 1858. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008252074?page=31&rotate=0&theme=white> (accessed: 28.03.2024). (In Russ.).
28. The Highest order of March 19, 1862. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008006689?page=106&rotate=0&theme=white> (accessed: 29.03.2024). (In Russ.).
29. The Highest Order of August 11, 1863. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008006851?page=81&rotate=0&theme=white> (accessed: 30.03.2024). (In Russ.).
30. The Highest order of November 4, 1863. Russian State Library. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008006851?page=207&rotate=0&theme=white> (accessed: 30.03.2024). (In Russ.).
31. Grabbe PH. Notebook of Count PH Grabbe. PH Grabbe. Moscow: Printing house of M. G. Volchaninov; 1888. 750 p. (In Russ.).

32. The Dargin tragedy. The year is 1845. The series "Memoirs of the participants of the Caucasian war of the XIX century". Compilation and preparation of texts by GG Lisitsyna. Comments, pointers by BP Milovidov. St. Petersburg: Publishing House of the Zvezda magazine; 2001. 616 p. (In Russ.).
33. Notes on the Caucasus, written by N. Beklemishev in Orenburg, in 1849. Shchukin collection. Issue two. Moscow: AI Mamontov Printing Company; 1903. P. 20-90. (In Russ.).
34. History of the 80th infantry Kabardian Field Marshal General Prince Baryatinsky regiment. (1726-1880). Vol. II. A. Zisserman. St. Petersburg: V. Graziansky Printing House. Nevsky Prospekt, No. 46, 1881. 470 p. (In Russ.).
35. The history of the 3rd Ulan Smolensk Emperor Alexander III regiment. 1708-1908. Compiled by Lieutenant Colonel V. Godunov and the 3rd Uhlan Smolensk Emperor Alexander III regiment, Lieutenant A. Korolev. Libava (Courland province): Typolithography "Libava Bulletin"; 1908. 362 p. (In Russ.).
36. The history of the Bashkir people in seven volumes. Russian Academy of Sciences, Ufa Scientific Center, Institute of History, Languages and Literature, Government of the Republic of Bashkortostan, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. Editor-in-chief M. M. Kulsharipov. Volume IV. Saint Petersburg: Nauka; 2011. 400 p. (In Russ.).
37. Kavkaz. 1894 No. 25. Tiflis: Printing House of the Office of the Commander-in-Chief of the Civil Service. in the Caucasus. Loris-Melik. st. house kaz.; 1894. (In Russ.).
38. Mamyshev VN. Lieutenant General Robert Karlovich Freytag. A biography published by Colonel S. Novoselov of the Guards. St. Petersburg: Printing house of Yakov Trey; 1858. 22 p. (In Russ.).
39. Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack army. Issue XI. Chronological list of events in 1847-1853. Part 2. Orenburg: Typo-lithography of NC Breslin, 1913. No. 737, No. 738, No. 749. 667 p. (In Russ.).
40. Nikolaenko ND, Ermakov VP. The Caucasian Linear Cossack army: the history of formation, management system and official duties (beginning of XVIII – 1860). Monograph. Pyatigorsk: PSLU publ; 2010. 254 p. (In Russ.).
41. Orlov KO. Melnikov's Tree of life: Pavel Petrovich Melnikov's ancestors and relatives on the roads of Russian history. *Kul'turologicheskii zhurnal. Elektronnoe periodicheskoe retsenziruemoie nauchnoe izdanie*. 2016;3(25):1-8. (In Russ.).
42. Count Vorontsov's campaign in Dargo and the Sukhar expedition in 1845. (From the participant's notes) in *Kavkaz*. 1892 No. 92. Tiflis: Dvortsovaya Street, Tiflis Noble Land Bank, 1892. (In Russ.).
43. Count Vorontsov's campaign in Dargo and the Sukhar expedition in 1845. (From the participant's notes) in *Kavkaz*. 1892 No. 93. Tiflis: Dvortsovaya Street, Tiflis Noble Land Bank, 1892. (In Russ.).
44. Regulations on the Caucasian Line Cossack Army. St. Petersburg: Printing House of the Department of Military Settlements; 1845. 246 p. (In Russ.).
45. A commemorative book for 1865. St. Petersburg: Military Printing House; 1865. 632 p. (In Russ.).
46. The complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting. Volume XV. Department three. 1840. The states. St. Petersburg: Printing House of the II Department of Its Own E. I. V. Chancellery; 1841. No.14132. 545 p. (In Russ.).
47. The complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting. Volume XV. Department one. 1840. From No. 13044-14140. St. Petersburg: Printing House Of The II Department Of Its Own E. I. V. Chancellery; 1841. Appendix to the XIV Volume. No.12894 a. 892 p. (In Russ.).
48. The complete collection of laws of the Russian Empire. The second meeting. Volume XV. The second department. 1840. The states. St. Petersburg: Printing House of the II Department of Its Own E. I. V. Chancellery; 1841. No. 13684. 809 p. (In Russ.).
49. The list of generals by seniority. Compiled on January 1st, 1894. St. Petersburg: Military printing House (in the building of the General Staff); 1894. 908 p. (In Russ.).
50. Lists of the cavaliers of the Russian Imperial and Royal orders for 1849. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1850. Part 3. Department one. 780 p. (In Russ.).
51. A list of cavaliers of the Russian Imperial and Royal Orders and those with the insignia of immaculate service, Most graciously granted during 1845, serving as an addition to the general cavalier list. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences; 1846. 285 p. (In Russ.).
52. A list of the cavaliers of the Russian Imperial and Royal Orders, Most graciously bestowed during 1851, serving as an addition to the general cavalier list. St. Petersburg: Printing house of K. Wingeber; 1852. 266 p. (In Russ.).
53. The list of generals by seniority. Corrected to September 1, 1890. St. Petersburg: Military Printing House (in the building of the General Staff); 1890. 920 p. (In Russ.).
54. The list of generals by seniority. Corrected to September 1, 1888. St. Petersburg: Military Printing House; 1888. 822 p. (In Russ.).
55. Suvorin AS. The Russian calendar for 1895. Twenty-fourth year. St. Petersburg: A. S. Suvorin Printing House. Ertelev Lane, 13; 1895. Department 13. Obituary. P. 291-298. (In Russ.).



Научная статья

УДК 94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.9>

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ИСПАНИИ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ирина Владимировна Огаркова^{1*}, Галина Николаевна Рыкун²

^{1, 2} Пятигорский институт (филиал) Северо-Кавказского федерального университета (д. 56 А, ул. 40 лет Октября, Пятигорск, 357500, Российская Федерация)

¹ Кандидат педагогических наук, доцент
ogarkova77@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4930-1029>

² Доктор исторических наук, профессор
galina.rykun@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0003-2581-4502>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Исследование посвящено выявлению исторических предпосылок формирования социальной политики в Испании в конце XIX – начале XX вв. Авторы статьи полагают, что исторический подход к данной теме позволяет комплексно подходить к особенностям формирования социальной политики в современном мире. Изучение данной проблемы с XIX в. обусловлено тем, что именно с этого времени в таких европейских странах, как Великобритания, Франция, Германия вопросы становления социальной политики и ее важности в обществе становятся ключевыми. **Материалы и методы.** Методологическую основу составляют основополагающие принципы научного познания: объективность, историзм и системность, которые предопределили комплексное использование общенаучных и специальных подходов. Исследование основано также на принципе междисциплинарности, который позволил применить в данной работе социокультурный метод. Для подбора и систематизации источников применялись такие методы, как аналитический и дескриптивный, позволяющие более точно интерпретировать документы и материалы. **Анализ.** История Испании XIX века подтверждает, что переломным моментом в становлении и формировании социальной политики стала Конституция 1869 года, когда впервые были официально закреплены права и свободы испанского населения. С этого времени начинается достаточно важный период социальных преобразований, повлиявший на дальнейшее формирование социальной политики в стране. Происхождение социальной политики в Испании также связывают с появлением в конце XIX века идеологических течений (краутизм, социальный католицизм или консерватизм), формируемых под влиянием немецкого социализма и социальной политики О. Бисмарка. Важным шагом к становлению социальной политики стало создание в 1883 году Комиссии по изучению вопросов, касающихся «улучшения или благосостояния рабочего класса как в сельском хозяйстве, так и в промышленности и влияющих на отношения между капиталом и трудом», которая позже была переименована в Комиссию по социальным реформам (CRS) и дала толчок к развитию испанского законодательства о социальном обеспечении. Начало XX века в Испании ознаменовалось политическим кризисом, однако именно в этот период огромное внимание уделяется социальным вопросам и проблемам. Принимаются важные законы: «Закон о несчастных случаях на производстве», «Закон о труде женщин и

несовершеннолетних», «Закон о воскресном отдыхе» и др. В связи с этим появляются новые институты (Институт социальных реформ, Служба инспекции труда, Национального института прогнозирования). Однако многие законопроекты и социальные программы так и не были приняты, что усложняло социально-экономическую обстановку в стране. Первая Мировая война дала новый толчок развитию политики социальной защиты населения в большинстве европейских стран, и в Испании в частности. Испанское правительство вынуждено было сократить до 8 часов рабочий день, ввести страхование по старости для рабочих и служащих, повысить заработную плату, установить пособия по безработице. Но государственный переворот в 1923 году, общемировой финансовый кризис 1929 году еще больше усложнил социально-экономическую ситуацию в стране. Провозглашение в 1931 году Второй Республики позволило новому правительству осуществить широкую программу демократических преобразований. **Результаты.** Таким образом, исторический период второй половины XIX-начала XX века связан с формированием идеологии и концепции социальной политики в Испании. Авторы статьи отмечают, что исторический взгляд на проблему становления и формирования социальной политики государства необходим для понимания эволюции данного вопроса и выявления взаимосвязи исторических событий.

Ключевые слова: социальная политика, конституции Испании второй половины XIX-начала XX века, краутизм, социальные реформы, социально-экономическая обстановка, социальный католицизм, консерватизм, республиканское правление, конституционная монархия, режим реставрации

Для цитирования: Огаркова И. В., Рыкун Г. Н. Исторические предпосылки формирования социальной политики в Испании в конце XIX-начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 680–686. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.9>

Конфликт интересов: все авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 16.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.06.2024.

Статья принята к публикации: 28.08.2024.

Research article

HISTORICAL BACKGROUND OF THE FORMATION OF SOCIAL POLICY IN SPAIN IN THE LATE XIX-EARLY XX CENTURIES

Irina V. Ogarkova^{1*}, Galina N. Rykun²

^{1, 2} Pyatigorsk Institute (branch) North-Caucasus Federal University (56A, 40 let Oktyabrya St., 357500, Pyatigorsk, Russian Federation)

¹ Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor
ogarkova77@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4930-1029>

² Dr. Sc. (History), Professor
galina.rykun@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0003-2581-4502>

* Corresponding author

© Огаркова И. В., Рыкун Г. Н., 2024

Abstract. Introduction. The article studies the identification of historical prerequisites for the formation of social policy in Spain in the late XIX-early XX centuries. The authors believe that the historical approach to this topic allows a comprehensive approach to the peculiarities of the formation of social policy in the modern world. The study of this problem since the 19th century is due to the fact that it was from that time in such European countries as Great Britain, France and Germany that the issues of the formation of social policy and its importance in society became significant.

Materials and Methods. The methodological basis is based on the fundamental principles of scientific knowledge: objectivity, historicism and consistency, which predetermined the integrated use of general scientific and special approaches. The research is also based on the principle of interdisciplinarity, which allowed the socio-cultural method to be applied in this work. For the selection and systematization of sources, such methods as the analytical and the descriptive ones were used, allowing for a more accurate interpretation of documents and materials.

Analysis. The history of Spain in the XIX century confirms that the turning point in the formation of social policy was the Constitution of 1869, when the rights and freedoms of the Spanish population were officially consolidated for the first time. Since then, a rather important period of social transformation has begun, which influenced the further formation of social policy in the country. The origin of social policy in Spain is also associated with the emergence of ideological trends (Krauzism, social Catholicism or Conservatism) at the end of the 19th century, formed under the influence of German socialism and the social policy of Fr. Bismarck. An important step towards the formation of social policy was the creation in 1883 of a Commission to study issues related to "the improvement or welfare of the working class in both agriculture and industry and affecting the relationship between capital and labor". It was later renamed the Commission for Social Reforms (CRS) and gave impetus to the development of Spanish legislation on social security. The beginning of the twentieth century in Spain was marked by a political crisis, but it was during this period that great attention was paid to social issues and problems. Important laws were adopted: The Law on Industrial Accidents, The Law on the labor of women and

Введение. Трудно переоценить роль социальной политики в становлении и развитии демократического государства. Историческое осмысление данного вопроса позволяет целостно подойти к проблеме функционирования социальной политики в современном обществе. XIX век стал эпохой формирования социальной политики во многих европейских странах (Великобритании, Франции, Германии, Испании и др.).

Опыт формирования социальной политики Испании позволяет понять сущность данного явления, сложности формирования, перспективы развития и значимость данного явления для современного государства.

Материалы и методы. Методологическую основу составляют основополагающие принципы научного познания: объективность, историзм и системность, которые предопределили комплексное использование общенаучных и специальных подходов к построению анализа проблемы и ее составных элементов. Применение принципа объективизма отвечает научному характеру исследования, так как позволяет провести его на основе всестороннего анализа различных видов источников по конкретному объекту, сделать выводы. Исследование основано также на принципе междисциплинарности, который позволил применить в данной работе социокультурный метод. Принцип историзма направлен на выявление в хронологической последовательности основных исторических

событий, повлиявших на развитие социальной политики Испании и во многом предопределивших ее дальнейшее развитие. Для подбора и систематизации источников применялись такие методы, как аналитический и дескриптивный, позволяющие более точно интерпретировать документы и материалы. Основной массив источников составили научные труды испанских и российских историков, среди которых М. Долорес де ла Калле Веласко, С. Эспуэлас Баррозу, Е.В. Аристов, Т.А. Алексеева.

Minors, The Law on Sunday Rest, etc. In this regard, new institutions are emerging (the Institute of Social Reforms, the Labor Inspection Service, the National Institute of Forecasting). However, many bills and social programs were never adopted, which complicated the socio-economic situation in the country. The First World War gave a new impetus to the development of social protection policies in most European countries, and in Spain in particular. The Spanish government was forced to reduce the working day to 8 hours, introduce old-age insurance for workers and employees, raise wages, and establish unemployment benefits. But the coup d'etat in 1923 and the global financial crisis of 1929 further complicated the socio-economic situation in the country. The proclamation of the Second Republic in 1931 allowed the new Government to implement a broad program of democratic transformations.

Results. Thus, the historical period of the late 19th century and the beginning of the 20th century is associated with the formation of the ideology and concept of social policy in Spain. The authors of the article note that a historical digression into the problem of the formation and formation of social policy is necessary to understand the evolution of this issue and identify the relationship of historical events. Historical knowledge of the problem allows a deeper understanding of the trends in the development of social policy in modern states.

Keywords: social policy, Spanish constitutions of the second half of the 19th and early 20th centuries, krausism, social reforms, socio-economic situation, social Catholicism, conservatism, republican rule, constitutional monarchy, restoration regime.

For citation: Ogarkova IV, Rykun GN. Historical background of the formation of social policy in Spain in the late XIX-early XX centuries. Humanities and law research. 2024;11(4):680-686. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.9>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 16.03.2024.

The article was approved after reviewing: 18.06.2024.

The article was accepted for publication: 28.08.2024.

событий, повлиявших на развитие социальной политики Испании и во многом предопределивших ее дальнейшее развитие. Для подбора и систематизации источников применялись такие методы, как аналитический и дескриптивный, позволяющие более точно интерпретировать документы и материалы. Основной массив источников составили научные труды испанских и российских историков, среди которых М. Долорес де ла Калле Веласко, С. Эспуэлас Баррозу, Е.В. Аристов, Т.А. Алексеева.

Анализ. В течение XIX в. испанские либеральные политики относились к социальной политике как средству поддержания общественного порядка и решения проблем общественного здравоохранения. Следует отметить, что в этот период активно развивались все виды приютов, такие как, например, приюты для сирот, дома для детей-сирот, родильные дома, дома и приюты для престарелых.

Испанская история XIX в. отмечена гражданскими войнами, незавершенными буржуазно-демократическими революциями, бесконечной сменой правительств (только с 1843 г. по 1868 г. их сменилось 33), ростом социальной напряженности, падением монархии (1873), республиканским правлением (1873–1874) и длительным периодом Реставрации (1875–1923) [7, с. 11].

5 июня 1869 г. вступила в силу новая Конституция Испанской монархии, новизна которой заключалась в том, что в первом разделе конститу-

ции шла речь об испанцах и их правах, были провозглашены свобода мысли и мнения, свобода собраний и свобода ассоциаций [15, с. 58]. Данный факт свидетельствует о том, что вопросы социального характера начинают приобретать в испанском обществе важное значение.

В феврале 1873 г. впервые за всю многолетнюю историю Испании стала республикой. Были избраны новые кортесы, которым предстояло разработать новую конституцию. Президентом республики был избран левый республиканец Франсиско Пи-и-Маргаль, который предложил программу социальных преобразований, предусматривающую отделение церкви от государства, продажу бедным крестьянам на льготных условиях государственных и помещичьих земель, введение бесплатного обучения и социального страхования для рабочих, ограничение применения женского и детского труда, отмену рабства в колониях Испании и т. д. Его идеи должны были найти отражение в конституционном проекте 1873 г. [1, с. 229]. Однако антиправительственные восстания, «сильное кантональное движение, соединенное с требованием широких социальных реформ, настоятельность которых оправдывалась бедственным положением населения», как указывал историк В.К. Пискорский, не позволили Пи-и-Маргаль осуществить задуманные преобразования [6, с. 186].

В 1876 г. была принята новая Конституция, просуществовавшая 47 лет. В основу конституции легли взгляды выдающегося испанского политического деятеля Антонио Кановас дель Кастильо. Испания стала конституционной монархией. Новый закон закреплял государственный характер католической религии, что позволило церкви укрепить и без того доминирующие позиции в таких сферах, как общественная мораль и образование. Отличие новой конституции заключалось в предоставлении гражданам непубличного отправления других культов, «которые не противоречат христианской морали и не направлены против католицизма», а также в утверждении прав отдельных граждан государства. [2, с. 147]. Данные формулировки документов позволили зарубежным и отечественным ученым заключить, что правящая элита в отношении религии формировала у испанцев скорее «дух терпимости», чем провозглашала свободу вероисповедования.

Испанский исследователь С. Эспуэлас Баррозу происхождения социальной политики в Испании связывает с появлением в конце XIX в. идеологических течений, таких как крауизм, социальный католицизм или консерватизм. Все они испытывали влияние извне, особенно немецкого социализма и социальной политики О. Бисмарка [13, с. 16]. Философия крауизма стала вызовом на ограничение академической свободы. Последователями данного течения в 1876 году был основан Институт свободы Энсеньянцы – Бесплатное учебное заведение.

Но важнейшим признаком формирования социальной политики является пристальное внимание к проблемам рабочего общества, условиям его труда и жизни, что порождает новое социальное сознание, вышедшее за пределы традиционных концепций испанского общества, таких как благотворительность и милосердие.

Важным шагом на пути к становлению социальной политики и решению так называемого «социального вопроса» стало создание в 1883 г. Комиссии по изучению вопросов, касающихся «улучшения или благосостояния рабочего класса как в сельском хозяйстве, так и в промышленности и влияющих на отношения между капиталом и трудом» [10, с. 129].

В научной литературе нет единого мнения об основателе Комиссии. Так, испанский исследователь М. Долорес де ла Калле Веласко считает, что данная Комиссия была создана Королевским декретом. Публицист Пабло Родриго Мотос в своей статье отмечает, что Сигизмундо Море создает Комиссию по социальным реформам с целью подготовки заключений по конкретным правовым мерам: продвижение смешанных присяжных из работодателей и рабочих; регулирование труда женщин и детей; санитарно-гигиенические мероприятия на предприятиях; создание сельскохозяйственных кредитных организаций; принятие положений в пользу обществ взаимопомощи и кооперативов и стимулирования строительства жилья для рабочих [14].

По мнению исследователя С. Эспуэлас Баррозу, эта комиссия была создана либеральным правительством под председательством Посады Эрреры. Однако сотрудничество либералов и консерваторов фактически способствовало назначению президентом Комиссии Кановаса дель Кастильо [13, с. 17]. Факт такого сотрудничества свидетельствует о том, что социальные вопросы становятся приоритетными в государственной политике, несмотря на партийные разногласия.

На наш взгляд, исследователь С. Эспуэлас Баррозу не без основания отдает лидирующую роль в вопросе формирования Комиссии именно Хосе Посаде Эррере, который был испанским юристом и политиком, председателем Совета министров в период с 1883 г. по 1884 г. Являясь членом Либеральной партии, выступал за либерализацию и демократизацию в стране. При этом нельзя исключать роль Сигизмундо Море, который был крауистом и министром внутренних дел, понимающим важность решения социальных вопросов в испанском обществе.

Исторические факты свидетельствуют о том, что немаловажную роль в развитии Комиссии сыграл Гумерсиндо де Аскарате, испанский философ, политик (республиканец) и юрист. Именно он занимался изучением реального социального и экономического положения рабочих. Гумерсиндо Аскарате отвечал за подготовку анкеты для сбора этой информации, что можно считать пер-

вым официальным исследованием социальных проблем, датированным 1884 годом.

Отчеты по данному исследованию свидетельствуют о том, что в конце XIX в. рабочий день в те времена составлял в среднем 10 часов, заработная плата колебалась от 12 до 14 реалов для квалифицированного рабочего и от 6 до 8 реалов для чернорабочего, а труд женщин и детей был еще менее оплачиваемым. Испанские рабочие тратили на еду 70% своего ежемесячного дохода, не было страхования от наиболее распространенных рисков (безработицы, болезни, старости, инвалидности и смерти).

В 1890 г. «Комиссия для изучения вопросов, которые касаются улучшения или благосостояния рабочего класса как в сельском хозяйстве, так и в промышленности и которые влияют на отношения между капиталом и трудом» была переименована в Комиссию по социальным реформам (CRS) и реструктурирована, улучшив свою организацию и полномочия, став консультативным органом правительства по социально-трудовым вопросам.

По мнению ученых Марии дель Кармен Алеман Брачо и Е.В. Аристова, что создание данной Комиссии явилось началом дальнейшего развития испанского законодательства о социальном обеспечении [3].

Потеря колоний (Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин) в 1898 году оказала огромное влияние на политическую и социально-экономическую обстановку в стране. В обществе нарастало уныние и разочарование. В стране вспыхивали забастовки, митинги, стачки рабочих и протесты. Становление социальной политики Испании проходило на фоне подъема рабочего движения в разных городах страны.

Начало XX в. в Испании ознаменовалось политическим кризисом частой сменой кабинета министров, либеральная и консервативная партии поочередно сменяли друг друга [12, с. 192]. Однако именно в этот период огромное внимание уделяется социальным вопросам и проблемам. Хотя разработка социальной политики была в значительной степени инициативой политической элиты, отчасти она была направлена на ослабление давления рабочего движения.

Несмотря на противоречия в испанском политическом обществе в отношении деятельности CRS, в 1900 г. был принят Закон о несчастных случаях на производстве, создание которого можно считать основой для развития социального страхования. После его утверждения предприятия стали нести ответственность за несчастные случаи на производстве с участием своих сотрудников [13, с. 18]. В случае аварии закон обязывает их сохранить часть заработной платы работника и выплатить компенсацию, если это привело к инвалидности или смерти. Но влияние этого закона было весьма ограниченным, поскольку пособия были очень маленькими, а несоблюдение требований и задержки в их выплате были обычным явлением.

«Закон о труде женщин и несовершеннолетних» от 13 марта 1900 г. был направлен на социальную защиту данных категорий граждан.

В 1903 г. консервативным правительством Франсиско Сильвелы и при участии Антонио Мауры был основан Институт социальных реформ (IRS), основная задача которого – подготовка и соблюдение трудового законодательства, направленного на улучшение благосостояния рабочего класса. Большое внимание уделялось развитию социальной политики в других европейских странах. Институт просуществовал до 1924 г. За это время была проведена огромная работа: IRS оказывал информационную, консультативную и техническую поддержку общественных организаций, подготовил большую часть социально-трудовых стандартов, вел социально трудовую статистику несчастных случаев на производстве, забастовок рабочих, оплаты труда и т.д.

«Законом о воскресном отдыхе» от 3 марта 1904 г. устанавливается выходной день для рабочих, однако в неуспешающих отраслях промышленности допускались нарушения данного закона.

Влияние государства на развитие социальной политики усиливалось, появлялись все новые институты. В 1906 г. создается Служба инспекции труда с целью надзора за соблюдением «законов и защитных и нормативных положений о труде, изданных или которые могут быть изданы в будущем» [11]. В 1908 г. при поддержке премьер-министра Антонио Мауры был основан Национальный институт прогнозирования (INP) (в некоторых источниках – Национальный институт обеспечения) с целью учреждения системы социального обеспечения, направленной на защиту пожилых людей и пенсионное страхование. Однако социальные реформы А. Мауры не смогли устранить пропасть между дворянской элитой и рабоче-крестьянским населением страны.

В марте 1910 г. правительство Испании приняло новый декрет, поручающий INP подготовить предварительный законопроект о распространении социального страхования на риски инвалидности (в результате несчастного случая, болезни или материнства), жизнь и безработицу. Несмотря на то, что были начаты некоторые подготовительные работы, ни одна из этих программ не была введена в действие до Первой мировой войны [13, с. 20].

Первая мировая война дала толчок развитию политики социальной защиты в большинстве европейских стран, и Испания в этом отношении не стала исключением. Социальный конфликт, вспыхнувший в декабре 1916 г., положил начало забастовочному движению, которое неуклонно росло до 1920 г., особенно после всеобщей забастовки.

В 1917 г. был принят Королевский указ об организации Конференции по социальному обеспечению. Правительство понимало, что рост социальных проблем среди рабочих непременно при-

ведет к обострению конфликтов по всей стране. Конференция должна была способствовать развитию социального законодательства и снизить напряженность в рабочей среде. В результате в 1919 г. выход на пенсию стал обязательным, однако многие законопроекты так и не были поддержаны. Поэтому забастовочное движение росло. В 1918 г. зафиксировано 463 забастовки, в 1919 г. – около 900, в 1920 г. – 1060. Забастовщики требовали экономических благ и демократических прав. Испанское правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки рабочему классу: рабочий день пришлось сократить до 8 часов, ввести страхование по старости для рабочих и служащих, на 10-15% повысить заработную плату, установить пособия по безработице.

В мае 1920 г. правительством Эдуардо Дато, который в это время был премьер-министром Испании, было создано Министерство труда, в структуру которого вошли Институт социальных реформ и Национальный институт прогнозирования.

Однако курс правительства на жесткое подавление революционного движения народных масс и террор в отношении активных представителей пролетариата не способствовал продвижению социальных реформ. Социально-экономическая обстановка в стране только ухудшилась: закрылось большое количество предприятий и, как следствие, увеличилась безработица. В 1920 г. в Испании насчитывалось порядка 80–100 тыс. безработных. В марте 1921 г. только в Каталонии было закрыто 200 фабрик, без средств к существованию осталось около 20 тыс. рабочих. Предприниматели воспользовались сложной ситуацией в стране, увеличили рабочий день и уменьшили заработную плату [4].

Правительство пыталось предотвратить нарастающий конфликт в обществе. В рамках Барселонской конференции 1922 г. (новой конференции, организованной правительством) было предложено ввести обязательное страхование на случай беременности, болезней и инвалидности, объединенное в рамках единого страхового проекта. Это было обычной практикой во многих европейских странах. Однако в 1923 г. правительство исключило возможность создания единого медицинского страхования из-за слишком высоких расходов на его внедрение. Правительство ограничило введение пособия по беременности и родам (Королевский указ от 21 августа 1923 г.), в соответствии с которым в случае рождения ребенка государство предоставляло пособие в размере 50 песет [13, с. 22].

Борьба трудящихся за свои права становилась все более активной: в 1922 г. было зафиксировано 487 забастовок, в которых приняли участие более 120 тыс. рабочих, то в 1923 г. только за 8 месяцев состоялось 458 стачек с 218 тыс. бастующих [4].

13 сентября 1923 г. при поддержке короля Альфонса XIII и всех реакционных сил генерал

Примо де Ривера совершил государственный переворот, в результате которого в Испании устанавливается военно-монархическая диктатура. Экономический курс Риверы проходил под лозунгом «возрождения страны» и первое время выглядел достаточно перспективно: возникли большие промышленные компании, был дан толчок развитию туристической отрасли страны, началось серьезное государственное строительство. Однако диктатура замедлила темпы развития социальной политики, характерные для предшествовавших лет, и проекты страхования по безработице и страхования по беременности и родам, которые осуществлялись соответственно с 1919 и 1922 гг., были остановлены. 22 марта 1929 г. было утверждено обязательное страхование по беременности и родам, но оно не действовало до прихода Республики в 1931 г.

Общемировой финансовый кризис 1929 г. еще больше усложнил социально-экономическую ситуацию в стране: предприятия продолжали закрываться, зарплата рабочих уменьшалась, безработица росла. В обществе усиливался раскол между республиканцами и монархистами. В начале 1931 г. в Испании насчитывалось около 600 тыс. безработных, лишенных пособия.

В результате муниципальных выборов 14 апреля 1931 г. Испания официально была провозглашена Республикой. Спустя полгода, 9 декабря 1931 г. Учредительные кортесы приняли новую Конституцию, первая статья которой закрепляла за Испанией статус Демократической Республики всех трудящихся. Конституция утверждала свободу совести, слова, собраний и союзов, отменяла дворянские привилегии.

Во время правления Второй Республики (1931–1936 гг.) была осуществлена широкая программа демократических преобразований, связанных с легализацией, профсоюзов, сокращением рабочей смены и увеличением заработной платы. Так, 1 мая 1931 г. правительство ратифицировало международную конвенцию МОТ об ограничении рабочего дня 8 часами. В начале июля 1932 г. издан декрет об установлении гарантированной заработной платы в ряде отраслей промышленности. Также были введены новые виды социального страхования, такие как обязательное страхование по беременности и родам. Несмотря на то, что закон был принят в 1929 году, но вступил в силу только 1 октября 1931 года. Было введено добровольное страхование по безработице (Указ от 25 мая 1931 г.). Правительство Республики создало в 1931 г. Национальный банк страхования по безработице (Caja Nacional del Seguro) и 1935 г. – Закон о забастовках. Однако, несмотря на усилия республиканского правительства по формированию социальной политики в стране, на момент начала гражданской войны развитие социального страхования все еще было очень ограниченным, а медицинское страхование (которое было включено в проект единого страхования) так и не было введе-

но. Тем не менее период Второй Республики, хотя и был непродолжительным, имел большое значение для развития социальной политики Испании.

Следует отметить важную роль государства в решении социальных вопросов и проблем. Частая смена правительства, разные подходы к формированию социальной политики, разногласия в политических взглядах, выбранный курс социально-экономического и политического развития страны часто приводили к невыполнению задуманных реформ и долгому процессу формирования социального законодательства.

Таким образом, исторический период второй половины XIX – начала XX в. связан с формированием концепции социальной политики и становлением социальности государства в Испании. На рубеже веков в Испании были приняты первые законы о труде (Закон о несчастных случаях на производстве 1900 года; 1919 г. Выход на пенсию рабочих; Обязательное страхование материнства 1923 г.; Страхование от принудительной безработицы 1931 г. и др.) и первые государственные институты соци-

альной политики: Комиссия социальных реформ (1883 г.), Институт социальных реформ (1903 г.) и Национальный институт социального обеспечения (1908 г.). Следует отметить обоснованность отношения «социальное государство» на основе законодательных, конституционных, правовых документов исследуемого периода.

Результаты. На наш взгляд, исторический экскурс в проблему становления и формирования социальности государства необходим для рассмотрения эволюции данного процесса и выявления взаимосвязи исторических событий, внешних факторов, закономерностей отношений между правящей элитой, социальными слоями и партиями, влияющими на социальную политику Испании в рассматриваемый период и являющимися опытом, который можно проследить в более поздние годы выстраивания социальной системы. Данный подход дополняет историческое знание о проблеме и позволяет глубже понять тенденции развития социальной политики в странах Европы.

Литература

1. Алексеева Т. А. В поисках оптимальной государственности: проект конституции I испанской республики (1873 г.) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 3(320). С. 229–248. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-poiskah-optimalnoy-gosudarstvennosti-proekt-konstitutsii-i-ispanskoy-respubliki-1873-g> (дата обращения: 13.01.2024).
2. Алексеева Т. А. Юридические особенности испанских конституций // Юридическая техника: Вопросы теории и истории (Материалы межвуз. научно-теоретической конф. 17 июня 2005 г.) / Под общ. ред. Д. И. Луковской. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 147–153.
3. Аристов Е. В. Социальное государство в Испании. URL: https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=34616 (дата обращения: 05.01.2024).
4. Испания в 1918–1930 гг. URL: <https://www.promotour.info/spain/history/history42.php> (дата обращения: 05.01.2024).
5. История Испании / Х. Вальдеон, Ж. Перес, С. Хулиа; пер. с исп.: В. А. Ведюшкин, Г. А. Попова, Е. Э. Юрчик. М.: Издательство «Весь Мир», 2023. 544 с.
6. Пискорский В. К. Очерк социально-политической эволюции Испании в XIX в. // История Испании и Португалии / сост. С. Шумов и А. Андреев. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. 202 с.
7. Политическая история Испании XX века. М.: Высшая школа, 2005. 191 с.
8. Федорова Е. Д. История социальной работы в Испании // Молодой ученый. 2021. № 43 (385). С. 189–192. URL: <https://moluch.ru/archive/385/84777/> (дата обращения: 04.01.2024).
9. Azcárate G. Estudios sobre el problema social en Estudios económicos y sociales. Madrid, 1876. P. 125–126.
10. De la Calle Velasco M.D. Sobre los orígenes del Estado social en España // Revista Ayer. 1997. No. 25. P. 127–150.
11. La cuestión social en España (XIX y XX). URL: <https://www.historiasinpretensiones.com/2021/11/la-cuestion-social-en-espana-s-xix-y-xx.html> (accedido: 04.01.2024).
12. López Sánchez C. La soberanía compartida de 1876 frente a la soberanía nacional de 1812 // Revista de Historiografía. 2014. N 20. P. 192, 196.
13. Sergio Espuelas Barroso. La evolución del gasto social público en España, 1850-2005. Madrid: Universitat de Barcelona, Centre d'Estudis "Antoni de Capmany", 2013. 113 p.
14. Pablo Rodrigo Motos. Intervencionismo estatal en España a finales del s. XIX y principios del XX. URL: <https://epoje.es/intervencionismo-estatal-en-espana-a-finales-del-s-xix-y-principios-del-xx/> (accessed: 10.01.2024).
15. Palacio Atard Vicente. La España del siglo XIX. 1808-1898. Segunda edición. Espasa-Calpe, S. A. Madrid, 1981. 728 p.

References

1. Alekseeva TA. In search of an optimal state: draft constitution of the Spanish Republic (1873). *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*. 2015;3(320):229-248. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-poiskah-optimalnoy-gosudarstvennosti-proekt-konstitutsii-i-ispanskoy-respubliki-1873-g> (accessed: 13.01.2024). (In Russ.).
2. Alekseeva TA. Legal features of the Spanish constitutions in Legal technique: Theoretical and historical issues (Proceedings of the inter-university scientific-theoretical conference, June 17, 2005). Ed by DI Lukovskaya. St.Peterburg: SPbSU publ., 2005. P. 147-153. (In Russ.).
3. Aristov EV. The welfare state in Spain. URL: https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=34616 (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).
4. Spain in 1918-1930. URL: <https://www.promotour.info/spain/history/history42.php> (accessed: 05.01.2024). (In Russ.).
5. History of Spain. Ed by H Val'deon, Zh Peres, S Hulja. Translated by: VA Vedjushkin, GA Popova, EJe Jurchik. Moscow: Ves' Mir; 2023. 544 p. (In Russ.).
6. Piskorskij VK. An essay on the socio-political evolution of Spain in the twentieth century in History of Spain and Portugal; compiler S Shumov, A Andreev. Moscow: Monolit-Evrolinc-Tradicija; 2002. 202 p. (In Russ.).

7. Political history of Spain in the twentieth century. Moscow: Vysshaja shkola; 2005. 191 p. (In Russ.).
8. Fedorova ED. History of social work in Spain. *Molodoj uchenyj*. 2021;43(385):189-192. URL: <https://moluch.ru/archive/385/84777/> (accessed: 04.01.2024). (In Russ.).
9. Azcárate G. Studies on the social problem in Economic and Social Studies. Madrid, 1876. P. 125-126. (In Span.).
10. De la Calle Velasco M.D. Sobre los orígenes del Estado social en España. *Revista Ayer*. 1997;25:127-150. (In Span.).
11. The social question in Spain (19th and 20th centuries). URL: <https://www.historiasinpretensiones.com/2021/11/la-cuestion-social-en-espana-s-xix-y-xx.html> (accessed: 04.01.2024). (In Span.).
12. López Sánchez C. The shared sovereignty of 1876 versus the national sovereignty of 1812. *Revista de Historiografía*. 2014;20:192, 196. (In Span.).
13. Sergio Espuelas Barroso. The evolution of public social spending in Spain, 1850-2005. Madrid: Universitat de Barcelona, Center d'Estudis "Antoni de Capmany"; 2013. 113 p. (In Span.).
14. Pablo Rodrigo Motos. State interventionism in Spain in the late 19th and early 20th centuries. URL: <https://epoje.es/intervencionismo-estatal-en-espana-a-finales-del-s-xix-y-principios-del-xx/> [Accessed 10 January 2024]. (In Span.).
15. Palacio Atard Vicente. Spain in the 19th Century. 1808-1898. Second edition. Espasa-Calpe, S. A. Madrid, 1981. 72 p. (In Span.).



Research article

УДК 94(47/55)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.10>

THE OIL ISSUE IN THE CONTEXT OF THE ANGLO-RUSSIAN ECONOMIC RIVALRY IN PERSIA AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

Tatiana V. Pantyukhina

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
pantyukhina@rambler.ru; <https://orcid.org/0009-0006-4147-3690>

Abstract. Introduction. The relevance and novelty of the paper is determined by the absence in the Russian historic literature of a special study of such an important aspect of the Anglo-Russian economic rivalry in Persia as the oil issue. **Materials and Methods.** The main body of sources consisted of published documents of the Russian and British Foreign Ministries, agreements on Persian concessions, speeches and memoirs of British politicians and diplomats. The following methods were used: case study, the narrative, descriptive and comparative ones. **Analysis.** At the height of the economic rivalry between Britain and Russia in Persia, the oil issue arose. The interest shown in it by each side sprang from different causes. Britain's interest was driven by the Persian oil deposits, while Russia showed interest in Persian oil market. By the end of the XIX century Russian oil products had acquired a dominant position in the Persian market. Also, Baku oil producers were interested in Persia as the country through which the closest land routes to other markets in Asia and the Far East ran. Unlike Russians, British businessmen were seeking concessions related to oilfields exploitation. Despite the difference of interests, an oil issue was the source of tension, which rose to its peak in the diplomatic fight around D'Arcy Concession of 1901. Both Russian and British governments provided official and unofficial support to oil producers and traders in Persia. For the British

government the oil issue was more specific: the possibility of obtaining a source of secure supplies of fuel oil for the British fleet. **Results.** The policy of the British Government to back the Anglo-Persian Oil Company (APOC) proved to be justified as the oil factor became crucial in World War I. Largely due to Persian oil the British fleet had a certain advantage over the fleets of other powers during the war. As for the Anglo-Russian oil rivalry in Persia itself, the start of the exploitation of the oilfields by APOC affected the economic interests of Russia in the Middle East and Asia. Russian kerosene was forced out of the ports of the Persian Gulf. However, in Persia itself, Russian kerosene maintained a monopoly position until the end of the 1920s.

Keywords: oilfields, oil trade, Persia, Anglo-Russian rivalry, Persian concessions, D'Arcy, Anglo-Russian Oil Company

For citation: Pantyukhina TV. The oil issue in the context of the Anglo-Russian economic rivalry in Persia at the turn of the XIX–XX centuries. Humanities and law research. 2024;11(4):687–695 (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.10>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 23.05.2024.

The article was approved after reviewing: 30.08.2024.

The article was accepted for publication: 25.09.2024.

Научная статья

НЕФТЯНОЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ АНГЛО-РУССКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА В ПЕРСИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Татьяна Викторовна Пантюхина

Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, доцент
pantyukhina@rambler.ru; <https://orcid.org/0009-0006-4147-3690>

Аннотация. Введение. Актуальность и новизна работы определяется отсутствием в отечественной литературе специального исследования такого важного аспекта англо-русского экономического соперничества в Персии на рубеже XIX–XX вв., как нефтяной вопрос. **Материалы и методы.** Основной массив источников составили опубликованные документы Российского и Британского МИД, договоры по персидским концессиям, выступления и мемуары британских политиков и дипломатов. Были задействованы следующие методы: нарративный, дескриптивный, компаративный, ситуационное исследование («кейс стади»). **Анализ.** В пик англо-русского экономического соперничества в Персии возник нефтяной вопрос. Интерес, проявленный к нему обеими сторонами, был вызван разными причинами. Великобритании интересовали нефтяные месторождения Персии, а Россию – персидский нефтяной рынок. К концу XIX в. российские нефтепродукты заняли доминирующее положение на персидском рынке. Для бакинских нефтепромышленников Персия была также страной, через которую пролегали кратчайшие сухопутные пути к рынкам Азии и Дальнего Востока. Россия добивалась от персидского правительства концессий на торговлю, а британские бизнесмены добивались концессий на

разработку нефтяных месторождений. Несмотря на разницу интересов, нефтяной вопрос стал источником напряженности, которая достигла своего пика в дипломатической борьбе вокруг концессии Д'Арси в 1901 году. Как российское, так и британское правительства оказывали официальную и неофициальную поддержку производителям и торговцам нефтью в Персии. Для британского правительства проблема нефти была более специфичной: возможность источника поставок топлива для британского флота. **Результаты.** Политика британского правительства по поддержке Англо-Персидской Нефтяной Компании оказалась оправданной, поскольку нефтяной фактор сыграл решающую роль в Первой мировой войне. Во многом благодаря персидской нефти британский флот имел преимущество перед флотами других держав во время войны. Что касается англо-русского нефтяного соперничества в самой Персии, то начало эксплуатации нефтяных месторождений АРОС затронуло экономические интересы России на Ближнем Востоке и в Азии. Российские нефтепродукты были вытеснены из портов Персидского залива. Однако в самой Персии российский керосин сохранял монопольное положение до конца 1920-х годов.

Ключевые слова: нефтяные месторождения, торговля нефтью, Персия, англо-русское соперничество, персидские концессии, Д'Арси, Англо-Персидская нефтяная компания

Для цитирования: Пантюхина Т.В. Нефтяной вопрос в контексте англо-русского экономического соперничества в Персии на рубеже XIX–XX веков // Гуманитарные и юридиче-

ские исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 687–695. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.10>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 23.05.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 30.08.2024.

Статья принята к публикации: 25.09.2024.

Introduction. The relevance and novelty of the paper is determined by the fact that the oil issue – an important aspect of the Anglo-Russian economic rivalry in Persia at the turn of the centuries – has been studied inadequately in the national historical science. The broader context of the research topic – the competition of two Great Powers in the Middle East and Central Asia – has been under thorough consideration of both Soviet and Russian researchers. However, the factor of oil in Anglo-Russian struggle in Persia before World War I has not been a subject of special research. There are a few works relating to this topic. B.V. Ananych gave a deep insight into Russian diplomatic activities in relation to D'Artsy's concession of 1901 [1]. Kalmykova M.V. examined British policy in the context of Great Powers struggle for the oil sources of the Near and Middle East in the period from 1901 to the 1920s [3]. Kocheshkov A. studied the role of Iranian oil as a factor of international relations in the XXth century [4]. Medvedik I.S. analysed parliamentary debates in Britain about Anglo-Russian relations on the eve of World War I [5].

In foreign historiography a serious contribution to the field was made by American researcher F. Kazemzadeh, whose book is considered a standard work on the diplomatic history of Anglo-Russian rivalry in Iran from the middle of the XIXth century to the First World War [18]. Another major research has been completed by British historian Leonardo Davoudi, who thoroughly examined the history of British exploitation of Persian oilfields by D'Artsy's venture [12]. The Purchase of the British Government's Shares in the Anglo-Persian Oil Company in 1914 was studied by M. Jack [17]. "The Economic History of Iran 1800-1914," published by the Center for Middle Eastern Studies of Chicago university, provides a comprehensive analysis of Persian economy in the given period through a collection of documents [21]. The volume presents a selection of articles and extracts from documents, reports, and books dealing with various aspects of the Iranian economy, petroleum industry in particular, which gives the work additional value. Iranian researchers have made a valuable contribution into the topic. Younes Parsa Benab studied Anglo-Russian struggle in Iran/Persia from the late XIXth to the 1920s and its effect on the economic and political state of his country [26]. An oil factor in Iran between World Wars was examined by M. Malek [19].

The objectives of the paper are to analyze the importance of oil issue in the context of Anglo-Russian competition in Persia, the relevance of oil issue to strategic objectives of Russian and British

policies in Persia as well as the role of Russian and British diplomacy in it and the methods they used.

Materials and methods. The main body of sources consisted of documents of the Russian Foreign Ministry, published in "Krasnyy arhiv" in 1926 and 1933 [2; 6]. Agreements on Persian concessions including the most important one – D'Arcy Oil Concession of 1901 – were also used [23]. One of key documents illustrating the level of British official involvement in oil issue is the Agreement of the British government with the Anglo-Persian Oil Company of 1914 [7]. Public speeches and memoirs of British politicians and diplomats who were participants or contemporaries of the course of events provided valuable information about political objectives and diplomatic means. The key figures' works were those by Lord Curzon, Viceroy of India; W. Churchill, first Lord of Admiralty; Lovat Fraser, editor of "The Times of India" during Lord Curzon's Viceroyalty; Arthur Hardinge, the British minister in Tehran [9; 10; 8; 15; 16]. These primary sources have scarcely been used by Russian historians who dealt with the history of Persian oil in context of international relations. The following methods were used: narrative, descriptive, comparative, case study.

Analysis. Persia became a significant issue in Great Powers diplomacy when the competition between Britain and Russia in the Middle East and Central Asia reached its climax in the late XIXth – early XXth centuries. Lord Curzon, Viceroy of India at that time, characterised Persia as one of "the pieces on a chessboard upon which is being played out a game for the domination of the world" [10, p.3-4].

Britain's principal objective was to establish British domination of Persia in order to defend her interests in India and the Persian Gulf, particularly, to resist the Russian drive toward the Persian Gulf. In broader context, Persia was "not exclusively an Indian interest, but emphatically an Imperial interest of Great Britain," as Lord Curzon declared in British parliament in 1899, and Great Britain "should exert her full strength for the defense of that interest" [9, p. 222–223].

Russia's objectives in Persia were summarised in the "Note by Foreign Minister M.N. Muravyov", presented to Emperor Nicholas II and approved by him in 1900. According to the document, the goal of Russian policy in Persia was "to consolidate our indisputable supremacy in the country" [6, p. 13]. Three possible ways to achieve this goal were considered: 1) establishment of a port in the Persian Gulf; 2) an official statement that Russia would not allow to violate the Persian territorial integrity; 3) an agreement with Britain on the division of spheres of influence [6, p. 13-14]. The first option, a Russian port in the Persian Gulf, was rejected for reasons of logistics and unjustified material

costs. The statement about the Persian territorial integrity was considered inappropriate, since it would impose on Russia a need to defend Persia and, consequently, keep troops on the border at a state of high alert. In addition, the statement would deprive Russia of freedom of action in the north of Persia, "where we are currently the sole and complete masters" [6, p. 14].

According to the Russian Foreign Minister, the most reliable means of competing Britain in Persia was "the broad encouragement of Russian commercial and industrial enterprises in Persia; the construction of wheeled routes to the markets of Persia closest to us; the development of maritime communications on the Caspian Sea; the establishment of a port in Enzeli; improvement of postal and telegraphic relations" [6, p. 14]. Last but not least, granting loans to the Shahs would "undoubtedly serve as a strong tool in our hands for developing the economic situation and strengthening Russia's political charm in Persia" [6, p. 14].

Both Britain and Russia tried to avoid a direct military clash in Persia. As a result, the competition moved into diplomatic and commercial areas. Both Powers used two major tools of economic diplomacy: concessions and loans. Concessions imparted monopolistic rights to foreign investors and entrepreneurs over entire industries or specific projects in exchange for monetary compensation. They were widely used throughout the Middle East. This process rendered Persia more dependent on its imperial neighbours, as both empires pressured the Persian government to grant concessions to their respective subjects.

The earliest concessions were aimed at developing Persia's inexistent transportation and communication infrastructure. The most encompassing of early concessions was the Reuter Concession of 1872 granted to the British subject Baron de Reuter. It gave the right to build railroads, including the one from the Caspian to the Persian Gulf, as well as to build and operate all tramways for the period of seventy years. The concessionaire also acquired the monopoly to exploit practically all Persian mines with some exceptions. The government forests and all uncultivated land went under his management. What is more, construction of canals and their operation as well as irrigation works were handed over to him. One of the major rights of the concessionaire was the right to establish a national bank. Last but not least, Reuter acquired a monopoly over all future business projects related to roads, telegraphs, mills, factories, workshops, and public works. Moreover, the document exempted from duties all materials the company would import for the construction of the railway. All the undertakings and works of the Company, all their lands and the produce of their industry were exempted from all taxes and duty [10, p. 480-481]. As for the payments from the concessionaire to the Shah and the Persian Government, the stipulated sum would not suffice even to maintain the Imperial Court [18, p.108].

Such an amazing document that "fell like a bombshell upon Europe", in Curzon's words, was "the most complete and extraordinary surrender of the entire industrial resources of a kingdom into foreign hands that [had] ever been dreamed of in history" [10, p. 480].

At face value, the Reuter Concession seemed like a triumph for British interests in Persia, although it was purely a private initiative of "a greedy business manipulator of dubious reputation" [18, p.108]. There was neither pressure exercised by Britain nor the slightest interference from the British legation in Tehran.

The Shah was forced to cancel the concession because of the protest of the Russian government and strong negative reaction on it in Persia. The British Government did not support the Concession as "the possible political complications arising from it more than counterbalanced the advantages which it conferred", Curzon explained [10, p. 481].

From its cancellation, however, there emerged the Imperial Bank of Persia. In 1889 the Shah signed the concession in favour of Baron de Reuter for a bank which retained the exclusive right to issue banknotes [10, p. 475]. the Imperial Bank of Persia became of great strategic importance to British interests in Persia. It was frequently used to influence the Persian government, as it was one of its only sources of public debt.

In order to challenge this newly acquired British influence the Russians established a rival bank under the name of Banque des Prêts, later renamed the Banque d'Escompte et des Prêts de Perse in 1891.

Concessions thus were employed as imperial instruments in the Anglo-Russian rivalry over Persia.

At the turn of the century, at the height of the economic rivalry between Britain and Russia in Persia, the oil issue arose. The interest shown in it by each of the rivals sprang from different causes. Britain's interest was aroused, in the first place, by the Persian oil deposits, while Russia showed a strong attraction to the Persian oil market.

Russian oil industry, based on the oilfields of Baku, was developing rapidly. Due to its proximity to the main markets of Europe and Asia and its consequent low costs of transportation, Russian oil was able to compete very successfully with American. At the turn of the century Russia replaced the United States, for a few years, as the world's leading producer. However, in 1913 Russia became the second world's oil producer, with 8,976,337 tons whereas the USA rose to the top, with 35,492,319 tons [24, p. 203-204]. Apart from Russian and American oil producers another giant in oil industry was Royal Dutch-Shell based on the oil fields of Sumatra. The company was formed with Dutch and British capital. One more, and at first very minor, competitor was Burmah Oil Company. For these rival groups the Middle East had a twofold attraction: as a market and as a potential producing area.

Russian oil products made their entry to Persia in the early 1870s. They acquired a dominant position in the Persian market due to the low cost and proximity of the Baku oilfields. From Baku oil was delivered either by water to the ports of the Caspian Sea, or by land through Krasnovodsk, Ashgabat to northern Persia, and then to other parts of the country.

Until 1896, it was mainly crude oil, since kerosine destined for export paid excise duties equal to those on kerosine consumed within Russia itself. Crude oil was processed at Russian oil refineries in Persia. They supplied the Persian market with poorly purified, but rather cheap kerosene which successfully competed with kerosene from Baku. In order to make it easier for Baku oil producers to fight this competition, the Russian government reintroduced export duties for processed oil in 1896. This led to a sharp rise in the export of Russian kerosene to Persia, which soon, like oil, acquired a dominant position there. By the early 1900s Russian kerosene was being delivered to the farthest and most inaccessible areas of the country. "Our kerosene is out of competition because there is no other kerosene in Persia," A. Miller, the Russian consul in Seistan, reported to St. Petersburg in 1901, "the need for it in Seistan and in neighboring countries is growing rapidly" [1, p. 278].

The most successful Russian oil trader in Persia was Nobel Brothers company. It started operations there in 1908, by renting storage tanks in Rasht. Soon after, they built two large storage tanks in Enzeli and Rasht, with a 16-kilometer kerosine pipeline. Other Russian oil traders had large storage tanks in Persian Astara, as well as a workshop in which they made boxes and drums for oil out of metal imported from Russia.

Nowhere was Russian oil more favorably placed, with respect to transport costs, than in northern and central Iran. The region was close to Baku and was protected by the rugged terrain and lack of adequate transportation system against any rival oil coming through the Persian Gulf. Russian oil steadily pushed further south in the Persian market. It was only in the Persian Gulf area that Russian oil met serious competition from American oil brought directly by sea.

Assessing the significance of Persian oil market for Russian oil traders, we should take into account that the main commodity was kerosene, and kerosene consumption in Persia at the turn of the centuries was not very large. Judging by the official figures, in 1900 Russia exported to Persia 2 136 090 pounds of oil products¹. This figure seems modest with the comparison to the overall export of Russian oil products that year which amounted to 95,079,017 pounds [1, p. 279].

Baku oil producers were primarily interested in India, other countries in Asia and the Far East, where there were chances for a significant expansion of kerosene market in the future. This desire

increased the interest in Persia as the country through which the closest land routes to these markets ran [1, p. 279].

Therefore, the Russian businessmen were seeking Persian concessions related to trade whereas the British entrepreneurs focused on developing the Persian oilfields. Yet, despite the difference of interests, oil issue generated tension.

The British started search for Persian oil in the 1890s. In 1892, a report was published by a French archaeologist Jacques de Morgan, who accidentally found petroleum springs in Persia [13]. According to the report, the oilfields in the south of Persia were bigger than the oil deposits in Baku which were considered the largest in the world at that time. Moreover, Morgan claimed that the quality of the oil in Persia was much better than that in Baku. He expected that its refining and transporting costs would be much lower [12, p. 11].

The Morgan's report sparked interest of both British government and business community. The person who realized the ambitious and risky oil project was William Knox D'Arcy, a British investor with social connections among the British elite. The prospect of petroleum in Persia attracted him and he was willing to take a chance [11]. D'Arcy's intermediary in negotiations with Persian authorities on an oil concession was General Ketabgi Khan, Persia's Commissioner General at the Paris Exposition of 1900. Ketabgi was equipped with a letter of introduction to the British minister in Tehran written by his predecessor Henry Drummond Wolff. D'Arcy also supplied Ketabgi with a substantial budget to obtain the required concession: £50,000 in cash and £50,000 in shares of a future company. Ketabgi left for Persia with "all kinds of opulent gifts for all the people that could directly or indirectly be favourable" [12, p.13]. The methods used by D'Arcy's agent were the same as those of all concession hunters in Tehran: bribery and political pressure. According to the British minister to Persia, Arthur Hardinge, Ketabgi "secured in a very thorough manner the support of all the Shah's principal Ministers and courtiers, not even forgetting the personal servant who brings His Majesty his pipe and morning coffee" [25, p. 135].

Unlike the case of Reuter's concession, which was entirely a private initiative, D'Arcy's efforts obtained solid support of British diplomacy. The above-mentioned introductory letter from former British minister in Tehran to then British minister A. Hardinge played its role. Hardinge put a lot of effort into the negotiations about the deal. In his memoirs he pointed out that the first important duty which confronted him a few months after his arrival at Tehran was that of securing for a British Company an important concession of Persian oilfields [16, p. 278]. The key thing was to win the goodwill of the Persian Government, particularly, some of its most influential Ministers, including the Grand Vizier Amin os-Soltan. Hardinge managed to persuade the Grand Vizier to support the concession. However, the Grand Vizier was afraid of strong negative reaction on the part of

¹ One pound is approximately equal to 16.38 kg.

the Russian minister in Tehran Argyropulo, which would inevitably ensue. Hardinge suggested keeping the negotiations in "great secrecy" fearing that "if the Russian Legation got news of the project, it would attempt to crush it, and would almost certainly succeed in doing so" [16, p. 279].

In his memoirs, Hardinge wrote about a little trick which he and the Grand Vizier invented in order to avoid complications with the Russian minister in Tehran. Hardinge drew up a letter to Argyropulo on behalf of the Grand Vizier in which he described the contents of the future concession. In other words, the Persian side demonstrated the openness and the readiness to hide nothing from their "Russian friends". The point was that the letter was written in the Persian script and was sent to the Russian legation at a time when its Oriental secretary was absent. The Grand Vizier knew about it. He also knew that nobody else in the Russian legation was able to read Persian texts in the original. So, the Russian minister made no objections to the deal for a few days, during which period the contract with D'Arcy was signed [16, p. 279-280].

On May 29, 1901, Shah Muzaffar al Din signed the agreement. According to the contract, D'Arcy acquired "a special and exclusive privilege to search for, obtain, exploit, develop, render suitable for trade, carry away and sell natural gas, petroleum, asphalt and ozokerite, throughout the whole extent of the Persian Empire for a term of sixty years as from the date of these presents" [23, p.249]. Article 2 of the contract granted the concessionaire a monopoly to lay pipelines. Article 5 stipulated that the geography of the pipelines be determined by the concessionaire. Crucially important was Article 6, which defined the geographical boundaries of the future concession as "the entire territory of southern Persia with the exception of the northern provinces of Azerbaijan, Gilan, Mazanderan, Khorosan and Astrobad" [23, p. 250]. On its part, the Persian government committed itself to the obligation not to issue permits to anyone on construction of oil pipelines in the direction to the rivers in the south and the southern coast of Persia [23, p. 250].

As for the payments, the concessionaire was "to pay the Imperial Persian Government the sum of £20,000 sterling in cash, and an additional sum of £20,000 sterling in shares of the first company founded" [23, p. 251]. He was "also to pay annually a sum equal to 16 per cent of the annual net profits" [23, p. 251]. These figures do not seem too big considering that in turn, D'Arcy acquired the concession with an effective period of 60 years, covering three-quarters of the country.

The D'Arcy Concession was a business transaction of historic proportions. British historian Leonardo Davoudi and American professor Firuz Kazemzadeh describe it as one of the more significant documents of the twentieth century [12, p.11; 18, p. 357-358]. Daniel Yergin argues that the Concession marked a turning point in the history of Persia, "It was the legal foundation of the Persian oil

industry, due to which Persia eventually emerged into a prominence on the world stage. In broader context, the deal initiated the era of oil in the Middle East" [25, p. 134].

It is necessary to emphasise the involvement of British diplomacy in the deal. In the era of free entrepreneurship, businessmen usually acted on their own. On the other hand, the British government's unofficial assistance to D'Arcy's Company was not unusual. His concession operated in a territory of imperial interest, as Persia was one of the main fronts where the British and Russian empires competed for influence. Assisting the D'Arcy concession would have thus advanced British interests in Persia.

As admiral Fisher wrote in 1903, after he first met D'Arcy, "politically, it [would] capsize Russia, as this oil concession . . . [would] practically make the country English" [14, p. 275].

The D'Arcy concession led to a new increase in diplomatic and political tensions between Britain and Russia. As the Grand Vizier and the British minister had expected, the Russian minister Argyropulo was "far from pleased", as Hardinge put it, when he found out that the concession had been signed. Argyropulo required, however, some compensation at the hands of Persian Government. He pressed the Grand Vizier for removal of a British employee named Maclean from the Persian Ministry of Finance. Despite strong objections of British minister, Maclean was dismissed [16, p. 279-280]. This episode illustrates the policy of cautious balancing between the two competing Great Powers which the Persian Government adopted in relations with them.

St. Petersburg was concerned not so much by the fabulously favorable conditions as by Article 6 of the Agreement, which created an insurmountable obstacle to Russian plans to trade Baku oil through the Persian Gulf. At that time the Russian government was seeking a concession on construction of a kerosene pipeline across Persia towards the Persian Gulf. St. Petersburg linked the issue of the pipeline with the prospects of a new loan that the Persian state desperately required. In September 1901, The Russian government laid down their conditions for a new 10 million rouble loan. Those were the following: to conclude a trade agreement, to do away with British influence in the Persian mint, to grant a concession on building a road from the Russian border to Tehran. The most important condition related to Russian oil trade and was connected with an ambitious project of Russian oil trade expansion. The Russian government demanded a concession on building a pipeline from Baku to the Persian Gulf. The Grand Vizier was, once again, faced with a diplomatic Gordian knot: he needed the loan to pay for the government's liabilities and the shah's expenses, but he could not fulfil Russia's conditions without violating British interests [1, p. 284].

St. Petersburg decided to divide the loan negotiations in stages. On 30 October, 1901, a temporary loan of a million roubles was issued. In exchange

the Persian side was obliged to dismiss the British subject who was in charge of the Persian mint.

Another condition was a pledge that customs Persian Petroleum revenues would be deposited in the Russian-owned bank in Persia [18, p. 284]. Negotiations continued in 1902 and intensified as the Russians granted a further temporary loan of a million roubles [18, p. 286]. The Russian side was unyielding in their conditions and “absolutely refused to afford Persia any financial assistance unless the pipeline asked for to the Persian Gulf was conceded” [12, p. 32]. Russian diplomats argued that the D’Arcy Concession was irrelevant to their proposal as the Russian project related to oil extracted outside Persia.

In the meantime, the Britain’s diplomacy began to react. The British diplomats both in Tehran and St. Petersburg strongly objected to the Russian pipeline project. Hardinge suspected behind the project a secret political design to establish a disguised military occupation on the coast of the Persian Gulf [12, p. 32; 25, p.137].

By late January 1902, however, the pressure had become unbearable and the Grand Vizier ceded to Russia’s demands. He agreed to grant a pipeline concession, provided the Russians took responsibility for all the legal consequences of violation of Article 6 of D’Arcy Concession [1, p. 286; 18, p.382].

As the Russians were finalizing the pipeline concession they received a piece of information, in late February. According to the literature, D’Arcy himself had offered a loan of up to £300,000 to the Persian government. D’Arcy’s last-minute intervention solved the issue. In order to retain the loan in their hands the Russian government withdrew demands for the pipeline concession [12, p.32; 18, p.383]. As Hardinge commented the victory in his letter to Edward Grey, “M. de Witte, fearing that the Persian Government might borrow from English sources, and thus escape from his grasp, withdrew the demand for the pipe-line to the Persian Gulf” [18, p. 383-384].

It is hard to decide who was the winner in the diplomatic battles around D’Arcy Concession. A Soviet historian Ananich B.V. held an opinion that the Russian Government suffered defeat. From his point of view, the failure of the negotiations on Russian concession “was one of the first serious defeats of Witte’s economic policy in Persia on the eve of the Russian-Japanese war; and only a few years were needed to enable the Russian government fully to appreciate the significance of this defeat” [1, p. 289].

Firuz Kazemzadeh, professor of History at Yale University, describes these battles as a win/win situation. The historian maintains that the loan of 1900 was the greatest achievement of the Russian Government because the loan “gave it a tight control over Persian finances and, to a large extent, of the government” [18, p. 384]. On the other hand, the D’Arcy concession afforded the British an opportunity to fight back. F. Kazemzadeh argues, “Arthur

Hardinge prevented Witte from gaining a foothold on the Persian Gulf” [18, p. 384].

F. Kazemzadeh’s assessment of the diplomatic battles of 1901-1902 seems well- founded and convincing, particularly his assessment of the results for Russian Government. In terms of politics, the Russia’s winner’s prize – the loan – valued no less than the British concession. The British diplomats themselves had to accept the political implications of the loan. In his memoirs, Arthur Hardinge admitted, “By the Russian loan agreement of 1900, the Persian Government had covenanted to accept no new foreign loan without the previous sanction of Russia”. It meant that “Russia had acquired an exclusive right of granting him supplies” [16, p. 280]. Hardinge was sure that the loan was a powerful tool for Russian Government to control Persia because in that country “the real key to the political situation was the financial one” [16, p. 284]. The diplomat had also to admit that financial dependence resulting from the Russian loans affected Britain’s political influence in the country as it “compelled the Persian Government to cultivate Russian friendship and, to some extent, induced it, as an inevitable consequence, to prefer that friendship to our own”. [16, p. 284].

The British government continued to provide indirect financial and political support to D’Arcy’s company’s operations in Persia. The search for oil continued for several years, and Arsi’s financial resources were depleted. In three years after the start, D’Arcy’s venture was facing collapse. It was the British Admiralty that saved the venture.

In 1905 the Admiralty put pressure on Burmah Oil, a British firm with operations in India. The Company signed an agreement with D’Arcy out of which a new business enterprise sprang up – the Concession Syndicate. D’Arcy became a director of the new company. Burmah Oil acted as an investor so D’Arcy’s venture had been saved. As the historian of Burmah Oil put it, D’Arcy’s needs “coincided exactly with those of the Foreign Office, anxious about the route to India, and of the Admiralty, seeking reliable fuel oil supplies” [25, p. 141-142].

After seven years of fruitless search, a major oilfield was finally discovered on May 26, 1908, two days short of the seventh anniversary of the D’Arcy Concession. Interestingly enough, the discovery was made at the moment when the company was going to scale down work and leave Persia [12, p. 95].

In 1909, through complicated financial and political arrangements, the original D’Arcy concession became the Anglo-Persian Oil Company. D’Arcy was given a seat on the board of directors, which he retained until his death in 1917 [20].

The Admiralty participated informally in the creation of a new company. On the advice of First Lord of the Admiralty, Lord Strathcona and Mount Royal became chairman of the APOC. The APOC had an initial capital of £2,000,000 [21, p. 319- 320].

Having acquired a major oilfield, the APOC went on to provide the means to get the oil to sea-

board and thence to the world markets. A plot of land was acquired at a small place called Abadan on the Persian side of the Shatt al-Arab, 40 miles from the mouth of the river. Then a pipeline from Abadan to the river was constructed. By 1913, the construction of the refinery was completed and the pipeline started to work to its full capacity. The first shipment of Persian Oil was made in August 1912, when some 2,200 tons of crude oil were shipped from Abadan in one of that company's tankers [21, p. 320].

The start of the APOC's operations in southern Persia affected Russia's economic interests in terms of prospective markets in the Middle East and Asia. However, in Persia itself, Russian kerosene maintained a monopoly for a long time. In 1910-1911, Russian kerosene, according to the chief Persian Consul in St. Petersburg,

L. A. Sobotsinsky, accounted for 96.2% of the total kerosene consumption in the country and was cheaper than British and American. Russian kerosene and other products competed very successfully until the end of the 1920s [21, p. 327]. But the oil markets nearby to Persia were now completely lost to the Baku oil producers.

Apart from Anglo-Russian economic competition for the dominance in Persia and oil trade in particular, there were other reasons for the British government for supporting D'Arcy's oil venture. Those were matters of grand strategy and high politics. In May 1903, the Secretary of Foreign Office, Lord Lansdowne, made a strong statement in the House of Lords. The British government would "regard the establishment of a naval base or of a fortified port in the Persian Gulf by any other power as a very grave menace to British interests, and we should certainly resist it with all the means at our disposal" [15, p. 83]. This declaration, as Lovat Fraser, the then editor of "The Times of India" wrote, was "our Monroe Doctrine in the Middle East" [15, p. 83]. Lord Lansdowne's words were in tune with the ideas of Lord Curzon, Viceroy of India in 1898-1905. Curzon stated, "I should regard the concession of a port upon the Persian Gulf to Russia by any Power as a deliberate insult to Great Britain ... and as an international provocation to war; and I should impeach the British Minister, who was guilty of acquiescing in such a surrender, as a traitor to his country" [15, p. 85]. Although this emphatic statement had no official validity, it represented the spirit of the British policy not towards Russia in particular, but towards any Power which sought to encroach upon British paramountcy in the Gulf.

In the context of strategic objectives, the Royal Navy played a crucial role. Leonardo Davoudi explains, "the navy was not only the key to the defense of Britain herself, but also the crucial safeguard for the enormously complex chain of economic interests which Britain had built up over centuries and without which she was just an offshore island of Europe rather than a great world power" [12, p. 142].

In the early XXth century the Royal Navy's was in the process of converting from coal to oil. The ma-

jor problem was that Britain had no supply of oil, either domestically or within British Empire, while Britain's internal supply of coal was plentiful. Therefore, in order to switch to oil, Britain had to ensure it had its own reliable, safe and abundant supply. Oil, as the navy's prospective fuel, had thus become a central component in Britain's imperial infrastructure [12, p. 142; 21, p. 321].

In 1912 W. Churchill, First Lord of the Admiralty, initiated the Royal Commission on Oil Supply with the task to examine the issue of the Navy's conversion from coal to oil. Admiral Fisher, whom Laurence Lockhart called "the oil maniac", was appointed its chairman. One of the Commission's objectives was to identify oil sources. Over the course of the three-year period, Fisher filed three reports on oil integration to W. Churchill. It was Churchill who lobbied for the Royal Navy's conversion from coal to oil. Based on findings of the Royal Commission W. Churchill laid down core principles of Britain's strategy. One of them was drawing oil supplies from within either the Empire areas or of British influence. Churchill and his supporters were determined to avoid dominance of foreign oil companies. The Royal navy, W. Churchill argued, could not afford to rely on any company under foreign or potentially hostile control.

Whitehall carefully calculated alternatives such as APOC or Birmah Oil. APOC's oilfields satisfied criteria of being strategically and politically convenient and easy to protect. Besides, Burmese oil better suited for refining into kerosene than oil fuel. As a result, APOC was chosen as the largest recipient of government orders [22, p. 31-32].

Due to Churchill's efforts the British government and The Anglo-Persian Oil Company signed an agreement which was approved by an Act of Parliament in 1914. The government became a major shareholder of the APOC by purchasing 51 percent of the shares. In addition, the Admiralty and the company signed a contract on oil supply to the Royal Navy [7, p. 249-251]. In other words, the deal assured the Admiralty a substantial portion of its annual oil requirements, on reasonable terms, from a government-controlled company.

W. Churchill highly estimated the deal with the following words, "It has not only secured to the Navy of a very substantial proportion of its oil supply, but has led to the acquisition by the Government of a controlling share in oil properties and interests" [8,

p. 134]. He emphasized financial advantages of the deal, which became visible much later. "Initial investment of two million of public money are at present valued at scores of million sterling and also to very considerable economies, which are still continuing, in the purchase price of Admiralty oil," wrote Churchill in 1925 [8, p. 134].

Historians agree with W. Churchill about the importance of the deal. Leonardo Davoudi has characterised a level of coordination between the company and the government in this deal as "unprecedented" [12, p. 144]. Marian Jack has called it "unique" and describes as "an aberration of British

government policy" [17, p. 168]. She explains: "At a time when state aid to industry had hardly begun in Britain, the British government's purchase of a 51% shareholding in the Anglo-Persian Oil Company was a momentous decision" [17, p. 139].

Results. Strictly speaking, British government's official alliance with the oil company does not seem unusual in the context of their relations over the course of many years. It was due to the active assistance of the British government that a speculative investment in Persia evolved into one of Britain's largest oil companies within a relatively short period of time. The British government took crucial measures to rescue it from financial and operational collapse. The government acted as "a financial intermediary, diplomatic representative, security detail, lead negotiator, human resource agent, commercial

protector, end client and principal shareholder" [12, p. 141]. In other words, profit and politics were inextricably linked in Persia.

The Government's policy of backing the APOC proved to be justified as the international situation was changing in the direction of new political alliances. The oil factor became crucial in World War I. Largely due to Persian oil the British fleet had a certain advantage over the fleets of other Powers during the war.

As for the Anglo-Russian oil rivalry in Persia itself, the start of the exploitation of the oilfields by APOC affected Russia's economic interests in the Middle East and Asia. Russian kerosene was forced out of the ports of the Persian Gulf. However, in Persia itself, Russian kerosene maintained a monopoly position until the end of the 1920s.

References

- Anan'ich BV. Russia and the D'Arcy Concession. *Istoricheskie zapiski*. 1960;66:278-290. (In Russ).
- Anglo-Russian Rivalry in Persia 1890-1906. Journal of the Special Conference, 4 February 1890. *Krasnyj arhiv*. 1933;1(56):33-64. (In Russ).
- Policy of Great Britain in the struggle of the great powers for oil sources of the Near and Middle East in the period from 1901 to the 1920s: abstract of thesis. Vladimir; 2006. 22 p. (In Russ).
- Kocheshkov A. The factor of Northern Iranian oil in world politics. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1559> (accessed: 10.07.2024). (In Russ).
- Medvedik TS. The Anglo-Russian Conflict in Persia: Debates in the British Parliament before the First World War (1912-1914). *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2017;12(66).
- Tsarist diplomacy on Russia's tasks in the East in 1900. Copy of the humblest note of the Minister of Foreign Affairs. *Krasnyj arhiv*. 1926;18:4-18. (In Russ).
- Agreement of the British Treasury and Admiralty with the Anglo-Persian Oil Company. 20 May 1914 in Hurewitz, JC ed. *Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1535-1914*. Volume ID Van Nostrand Company, Inc.; 1956. P. 249-251.
- Churchill, WS. *The World crisis, 1911-1914*. L.: Thornton Butterworth Ltd.; 1925. 576 p.
- Curzon's analysis of British Policy and Interests in Persia and the Persian Gulf. 21 September 1899 in Hurewitz, JC ed. *Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1535-1914*. Volume ID Van Nostrand Company, Inc.; 1956. P. 219-249.
- 21 September 1899. Hurewitz J. C. ed. *Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1535-1914*. Volume I. D. Van Nostrand Company, Inc., 1956. P. 219-249.
- Curzon GN. *Persia and the Persian question*. Vol.1. L.: Longmans, Green & Co; 1892. 791 p.
- D'Arcy, William Knox (1849-1917), *Oxford Dictionary of National Biography* (Oxford: Oxford University Press, October 2007). URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/37341>. (accessed: 10.07.2024).
- Davoudi L. Persian Petroleum. Oil, Empire and Revolution in Late Qajar Iran. IB TAURIS; 2021. 241p.
- De Morgan, Jacques. *Encyclopaedia Iranica* URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/de-morgan> (accessed: 10.07.2022).
- Fear God and Dread Nought; the Correspondence of Admiral of the Fleet Lord Fisher of Kilverstone. Vol. I: The Making of an Admiral, 1854-1904. Marder A. (ed). L.: Jonathan Cape; 1956. 521 p.
- Fraser L. *India Under Curzon and After*. New York: Henry Holt & Co.; 1911. 510 p.
- Hardinge AH. *A Diplomatist in the East*, L.: Jonathan Cape; 1928. 395 p.
- Jack M. The Purchase of the British Government's Shares in the British Petroleum Company 1912-1914 in Past & Present, 1968. No. 39. P. 139-168. URL: <http://www.jstor.org/stable/649859>. (accessed: 10.07.2024).
- Kazemzadeh F. *Russia and Britain in Persia 1864-1914*. New Haven: Yale University Press; 1968. 729 p.
- Malek M. Oil in Iran between the Two World Wars. URL: https://iranichamber.com/history/articles/oil_iran_between_world_wars.php (accessed: 10.07.2024).
- The BP Archive. URL: <https://web.archive.org/web/20070210043340/>; <http://www.busman.qmul.ac.uk/abh/archive5.htm> (accessed: 12.07.2022).
- The Economic History of Iran 1800-1914 / ed by Issawi C. The University of Chicago Press; 1971. 432 p.
- Toprani A. *Oil and the Great Powers: Britain and Germany, 1914 to 1945*. Oxford University Press; 2019. 320 p.
- William Knox D'Arcy Oil Concession in Persia. 29 May, 1901 in Hurewitz JC ed. *Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1535-1914*. Volume I. D. Van Nostrand Company, Inc.; 1956. P. 249-251.
- World oil production, 1913-20, tons in Kent M. *Oil and Empire: British Policy and Mesopotamian Oil 1900-1920*. L.: MacMillan; 1976. Appendix VIII, P. 203- 204.
- Yergin D. *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power*. New York; London: Simon & Schuster; 1993. 945 p.
- Younes Parsa Benab. The origin and development of imperialist contention in Iran; 1884-1921. A case study in under development and dependency. URL: https://www.iranichamber.com/history/articles/origin_development_imperialist_contention_iran1.php (accessed: 10.07.2024).

Литература

- Ананьич Б. В. Россия и концессия Д'Арси // Исторические записки. 1960. Т. 66. С. 278–290.

2. Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. Журнал Особого совещания 4 февраля 1890 г. // Красный архив. 1933. Т. 1(56). С. 33–64.
3. Калмыкова М. В. Политика Великобритании в борьбе великих держав за нефтяные источники Ближнего и Среднего Востока в период с 1901 по 1920-е годы: автореф... дис. кан. ист. наук. Владимир, 2006. 22 с.
4. Кочешков А. Фактор североиранской нефти в мировой политике. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1559> (дата обращения: 10.07.2024).
5. Медведик Т. С. Англо-Российский конфликт в Персии: дискуссии в Британском парламенте перед Первой мировой войной (1912–1914) // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 12(66).
6. Царская дипломатия о задаче России на Востоке в 1900 г. Копия всеподданнейшей записки министра иностранных дел // Красный архив. 1926. Т. 18. С. 4–18.
7. Agreement of the British Treasury and Admiralty with the Anglo-Persian Oil Company. 20 May 1914 // Hurewitz J. C. ed. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1535–1914. Volume I. D. Van Nostrand Company, Inc., 1956. P. 249–251.
8. Churchill W. S. The World crisis, 1911–1914. L.: Thornton Butterworth Ltd., 1925. 576 p.
9. Curzon's analysis of British Policy and Interests in Persia and the Persian Gulf.
10. 21 September 1899 // Hurewitz J. C. ed. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1535–1914. Volume I. D. Van Nostrand Company, Inc., 1956. P. 219–249.
11. Curzon G. N. Persia and the Persian question. Vol.1. L.: Longmans, Green & Co, 1892. 791 p.
12. D'Arcy, William Knox (1849–1917)', Oxford Dictionary of National Biography (Oxford: Oxford University Press, October 2007). URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/37341>. (accessed: 10.07.2024).
13. Davoudi L. Persian Petroleum. Oil, Empire and Revolution in Late Qajar Iran. I.B. TAURIS, 2021. 241 p.
14. De Morgan Jacques. Encyclopaedia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/de-morgan> (accessed: 10.07.2022).
15. Fear God and Dread Nought; the Correspondence of Admiral of the Fleet Lord Fisher of Kilverstone. Vol. I: The Making of an Admiral, 1854–1904. Marder A. (ed). L.: Jonathan Cape, 1956. 521 p.
16. Fraser L. India Under Curzon and After. New York: Henry Holt & Co., 1911. 510 p.
17. Hardinge A. H. A Diplomatist in the East, L.: Jonathan Cape, 1928. 395 p.
18. Jack M. The Purchase of the British Government's Shares in the British Petroleum Company 1912–1914 // Past & Present, 1968. No. 39. P. 139–168. URL: <http://www.jstor.org/stable/649859>. (accessed: 10.07.2024).
19. Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia 1864–1914. New Haven: Yale Un-ty Press, 1968. 729 p.
20. Malek M. Oil in Iran between the Two World Wars URL: https://iranchamber.com/history/articles/oil_iran_between_world_wars.php (accessed: 10.07.2024).
21. The BP Archive URL: <https://web.archive.org/web/20070210043340/>; <http://www.busman.qmul.ac.uk/abh/archive5.htm> (accessed: 12.07.2022).
22. The Economic History of Iran 1800–1914. Issawi, C. (ed.) The University of Chicago Press, 1971. 432 p.
23. Toprani A. Oil and the Great Powers: Britain and Germany, 1914 to 1945. Oxford University Press, 2019. 320 p.
24. William Knox D'Arcy Oil Concession in Persia. 29 May, 1901 // Hurewitz J. C. ed. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1535–1914. Volume I. D. Van Nostrand Company, Inc., 1956. P. 249–251.
25. World oil production, 1913–20, tons // Kent, M. Oil and Empire: British Policy and Mesopotamian Oil 1900–1920. L.: MacMillan, 1976. Appendix VIII, P. 203–204.
26. Yergin D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power. New York; London: Simon & Schuster, 1993. 945 p.
27. Younes Parsa Benab. The origin and development of imperialist contention in Iran; 1884–1921. A case study in under development and dependency. URL: https://www.iranchamber.com/history/articles/origin_development_imperialist_contention_iran1.php (accessed: 10.07.2024).



Научная статья

УДК 94(470)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.11>

СТАВРОПОЛЬСКАЯ ДУМА И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛАХ XIX–XX ВЕКОВ)

Татьяна Евгеньевна Покотилова^{1*}, Николай Дмитриевич Судавцов²

^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, профессор
t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8264-8377>

² Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
nsdavgov@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0008-2199-6122>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В статье отмечается, что благотворительность давно стала неотъемлемой и очень значимой частью отечественной культуры, насчитывая века в своей истории и имея прочные традиции к моменту появления на карте Российской империи Кавказской губернии, куда вошла и территория нынешнего Ставрополя. К моменту учреждения Ставропольской губернии благотворительная деятельность в стране стала постепенно приобретать, в рамках проявления ряда черт оформлявшегося гражданского общества, статус объекта особого интереса со стороны активизирующегося в организованной неполитической деятельности общества. **Материалы и методы.** Свидетельством особой значимости благотворительности в социокультурной истории страны служит особая востребованность ее изучения как до 1917 г., так и в современной исторической науке. Исследование выполнено на материалах Государственного архива Ставропольского края и с использованием традиционных методов исторического исследования. **Анализ.** Автор показывает, что, несмотря на отсутствие прямой обязанности органов городского самоуправления заниматься попечением о благотворении, Дума г. Ставрополя, в условиях скудости городского бюджета, взяла на себя действия по привлечению средств и организации событий не только в сфере совершенствования городской инфраструктуры, но и в области улучшения качества жизни немущих и малоимущих горожан. Среди наиболее частых и значимых событий в благотворении за всю историю существования Думы в дореволюционном Ставрополе – организация среди купцов г. Ставрополя постоянных подписок в пользу нужд бедных горожан и организации для отдельных их категорий ряда социальных заведений; постоянное активное попечение глав Ставрополя о нуждах города и, особенно, его недостаточного населения, выражавшееся и в частых крупных личных пожертвованиях; благотворительное участие в делах города и жизни его социаль-

но недостаточного населения большинства гласных ставропольской Думы как неотъемлемая часть их частной жизни; заинтересованное деятельное участие Думы в создании попечительств и ряда обществ благотворительного характера на территории Ставрополя; координация событий, связанных с устройством благотворительных вечеров, концертов, лотерей, сбора средств и одежды для беженцев и раненых воинов в условиях военных событий, в том числе в качестве члена Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам; объявление и руководство сбором денег и одежды в пользу голодающих губернии и др. **Результаты.** Факультативность обязательств городского самоуправления по отношению к благотворительной практике, заложенная в базовых нормативных документах дореволюционной России, не исключала активную деятельность городских Дум в организации и координации благотворительной практики в условиях, когда города становились основным поставщиком бедности по мере усложнения хозяйственных связей и развития капитализма в стране.

Ключевые слова: благотворительность, городская Дума, городской голова, гласные Думы, Ставрополь, Российская империя

Для цитирования: Покотилова Т. Е., Судавцов Н. Д. Ставропольская дума и благотворительность (на материалах XIX–XX веков) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 696–703. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.11>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 23.05.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 30.08.2024.

Статья принята к публикации: 25.09.2024.

Research article

STAVROPOL DUMA AND CHARITY (BASED ON THE MATERIALS OF THE XIX–XX CENTURIES)

Tatiana E. Pokotilova^{1*}, Nikolay D. Sudavgov²

^{1, 2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017, Stavropol, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (History), Professor
t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8264-8377>

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

² Dr. Sc. (History), Professor
nsdavgov@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0008-2199-6122>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article notes that charity has long become an integral and very significant part of Russian culture, dating back centuries in its history and having strong traditions by the time the Caucasian province appeared on the map of the Russian Empire, which included the territory of present-day Stavropol. By the time of the establishment of the Stavropol province, charitable activities in the country

began to gradually acquire, as part of the manifestation of a number of features of the emerging civil society, the status of an object of special interest from a society that was becoming more active in organized non-political activities. **Materials and Methods.** Evidence of the special importance of charity in the socio-cultural history of the country is the special demand for its study both before 1917 and in modern historical

science. The research was carried out on the materials of the State Archive of the Stavropol Krai and using traditional methods of historical research. **Analysis.** The authors show that, despite the absence of a direct obligation of city governments to take care of charity, the Stavropol City Duma, in conditions of scarcity of the city budget, took over actions to raise funds and organize events not only in the field of improving urban infrastructure, but also in the field of improving the quality of life of poor and low-income citizens. Among the most frequent and significant events in charity in the entire history of the Duma in pre-revolutionary Stavropol is the organization among merchants of Stavropol of permanent subscriptions in favor of the needs of poor citizens and the organization of a number of social institutions for their individual categories. There was regular active care of the heads of Stavropol about the needs of the city and, especially, its insufficient population, expressed in frequent large personal donations. Charitable participation in the affairs of the city and the life of its socially insufficient population of the majority of the Stavropol Duma members was an integral part of their private life. One could observe active participation of the Duma in the creation of guardianship and a number of charitable societies in Stavropol. Coordination of events related to the organization of charity evenings, concerts, lotteries, fundraising and clothing for refugees and wounded soldiers in the context of military events, including as a member of the All-Russian

Введение. Один из первых современных отечественных исследователей феномена российской благотворительности П.И. Нещеретний отмечает, что благотворительность характеризуется «проявлением целенаправленного внимания к людям, не способным в силу субъективных или объективных причин обеспечить себя своими собственными силами хотя бы минимально соответствующими уровню цивилизованности общества условиями содержания, оказанием им посильной помощи в сохранении и организации своей жизнедеятельности, поддержке их материально и духовно» [10, с. 3]. Анализируя природу благотворительности как социокультурного явления, он находит ее корни в «естественной сущности человеческой природы, способности к состраданию...» [10, с. 3]. Обращаясь конкретно к отечественному благотворению, исследователь говорит о том, что именно географические условия, мирные занятия, родовой тип общественного управления сформировали русскую душу: «самое большое представление в народном сознании занимали представления о душе, совести, грехе, доброте, справедливости, правде» [10, с. 7]. А, значит, именно поэтому Русь быстро приняла христианство с его учением о спасении души и человеколюбии, сыгравшее «положительную роль в развитии благотворительности в России» [10, с. 8].

К моменту появления на карте Российской империи Кавказской губернии, куда вошла территория нынешнего Ставрополя, благотворительность стала неотъемлемой и очень значимой частью отечественной культуры, насчитывая века в своей истории и имея прочные традиции. Ее важнейшими особенностями были особая роль православной церкви в формировании и приобщении населения к привычке благотворения на основе принципов христианского добротолубия, заинтересованность российской власти в благотворительной практике населения, формировавшейся и реализуемой в условиях авторитарности режима; сословность благотворительности в соответствии с нормативными ее основами. Более того, к моменту создания Ставропольской губернии благотворительная деятель-

Union of Cities helping Sick and Wounded Soldiers took place. There was announcement and collection of money and clothes for the benefit of the starving provinces, etc. **Results.** The optional nature of the obligations of city self-government in relation to charitable practice, laid down in the basic normative documents of pre-revolutionary Russia, did not exclude the active activity of city Councils in organizing and coordinating charitable practice in conditions when cities became the main supplier of poverty as economic relations became more complicated and capitalism developed in the country.

Keywords: charity, city Duma, city head, Duma members, Stavropol, Russian Empire

For citation: Pokotilova TE, Sudavtsov ND. Stavropol Duma and charity (based on the materials of the XIX-XX centuries). Humanities and law research. 2024;11(4):696-703. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.11>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 23.05.2024.

The article was approved after reviewing: 30.08.2024.

The article was accepted for publication: 25.09.2024.

ность в стране постепенно начинает приобретать, в рамках проявления ряда черт гражданского общества, статус объекта особого интереса со стороны активизирующегося в организованной неполитической деятельности общества.

Материалы и методы. Автор, обратившись на заре научной карьеры к изучению феномена благотворительности в дореволюционной России, выявила огромный массив разноплановой литературы, издававшейся в стране до 1917 г., обращенной к описанию и анализу как отдельных аспектов истории благотворительности в стране и ее регионах, так и самого этого очень масштабного и многоаспектного социокультурного феномена в целом. Что предопределило, в свою очередь, авторское решение издать специальную работу теоретико-историографического характера [14] в ситуации, когда в нынешней отечественной научной исторической среде только начинал просыпаться профессиональный интерес к изучению истории российской благотворительности. Ведь, в условиях советского этапа развития страны феномен дореволюционной благотворительности по определению не мог быть предметом научного исследования по идеологическим причинам. Строящееся государство всеобщего благоденствия не признавало априори явлений, «лакировавших ужасную дореволюционную действительность».

Новейшая российская историография истории дореволюционной отечественной благотворительности, несмотря на короткий период ее существования, уже достаточно полновесна и представлена различными видами научной продукции. Целый пласт диссертаций, научных статей и монографий содержит насыщенную аналитическую информацию, позволяющую говорить о получении совместными усилиями ученых многогранной и очень содержательной исторической картины благотворительности в стране. Исследуются отдельные направления благотворительной практики, изучается история благотворительности в регионах, анализируется благотворительная активность отдельных субъектов благотворения в лице личностей, обще-

ственных организаций, сословий; издаются работы, предлагающие анализ содержания исторической картины благотворительного процесса в стране в целом.

В части изучения истории благотворительности на Ставрополье современная историография также представлена определенным количеством добротных работ. В части объекта данного научного интереса отметим кандидатские диссертации Вантеевой Н.В. «Общественное призрение на Ставрополье и Кубани в XIX – начале XX века» [2], Афанесян К.К. «Общественное призрение и благотворительность на Ставрополье 1802–1917 гг.: тенденции развития, повседневная практика, особенности» [1], Игнатъевой М.И. «История благотворительности на Кавказских Минеральных Водах в XIX - начале XX вв.: содержание и особенности» [5], Нагорной Ю.В. «Российские женщины в благотворительном процессе второй половины XIX – начала XX веков (на материалах Терской области и Ставропольской губернии)» [9], Павловой И.А. «Становление и развитие общественной благотворительности в Ставропольской губернии в XIX – начале XX вв.» [11], Мальцевой К.В. «Частная и организованная благотворительная деятельность женщин Ставропольской губернии и Кубанской области во второй половине XIX-начале XX вв.» [7], Зимаева Б.А. «Развитие общественного призрения в условиях административных реформ в России в XVIII - начале XX века (на примере Ставропольской губернии)» [4]. Среди авторов, в той или иной мере раскрывающих вопросы из истории общественного призрения и благотворительности на Ставрополье, - Судаевцев Н.Д. [24], Шафранова О.И. [25], Володькова Е.Н. [3], Мятникова О.И. [8], Покотилова Т.Е. [12] и ряд других. При этом специального исследования истории деятельности Ставропольской городской Думы в сфере общественного призрения и благотворительности пока не состоялось.

Для изучения заявленного вопроса мы обратились к таким традиционным методам исторического исследования, как историко-сравнительный, историко-генетический и историко-типологический. Принцип историзма позволил изучать участие Думы Ставрополя в благотворительных процессах в их развитии. Обращение к принципу конкретности позволило выявить и учесть масштабы и особенности содержания, места и роли деятельности Думы г. Ставрополя как координатора и, отчасти, участника практики благотворения в губернском Ставрополе.

Анализ. Известно, что оформлявшаяся на территории нынешнего Ставрополя гражданская администрация включила в состав своей структуры в 1804 г. Приказ общественного призрения [45; л. 1–2]. Кавказский (Ставропольский) приказ общественного призрения, действовавший на основании Учреждения о губерниях 1775 г. [43, л. 3], стал органом, взявшим на себя управление делами призрения в регионе. В его полномочия входили организация заведений для призрения сирот, нетрудоспо-

собных беспризорных людей, неизлечимо больных и престарелых, не имевших поддержки родственников и др. При этом, законодательно получив определенный для обеспечения деятельности капитал, Приказ ориентировался на также закрепленный нормативно принцип сословности в призрении, означавший финансовые обязательства и инициативу сословий в обеспечении помощи их недостаточным членам. На частные инициативы в благотворении полномочия Приказа не распространялись.

Трудности и особенности в освоении территории степного Предкавказья, постоянное напряжение, вызванное военными действиями, наряду с очевидной недостаточностью функционирования приказной системы в социальной сфере страны в целом не могли не спровоцировать рост числа людей, по тем или иным причинам нуждавшихся в различных видах социальной помощи. Ранее, в работе «Благотворительность в решении муниципальных проблем дореволюционного Ставрополя» мы пришли к выводу о малоэффективности деятельности регионального Приказа Общественного призрения вплоть до 1830-х годов [13, с. 130]. Немногочисленные единовременные и еще более редкие постоянные пособия нуждающимся – практически единственная форма работы с социально недостаточным населением региона со стороны Приказа в это время. Первая богадельня была открыта Приказом общественного призрения в Ставрополе лишь в 1833 г. и вмещала в себя 40 опекаемых из числа инвалидов, сирот и детей заключенных [46, л. 4]. И создали ее не на средства Приказа, а с помощью пожертвования купца Ф.Г. Стасенкова. Это именно он, сын калужского крестьянина, разбогатец, выстроил первый в Ставрополе каменный дом и передал его в собственность Приказа целевым образом под организацию в нем богадельни: «В лето 1850 года ставропольский первой гильдии купец Федор Григорьевич Стасенков подарил с высочайшего разрешения в вечное и безвозмездное владение Кавказскому Приказу общественного призрения для богадельни каменный о четырех комнатах с кладовыми дом» [43, 3]. Пожертвование это состоялось, в том числе, благодаря организованной Думой г. Ставрополя среди купцов подписке в пользу нужд бедных горожан [32, л. 12]. В связи с этим интерес вызывает ситуация, когда 26 ноября 1833 г. Приказ общественного призрения попытался предписать Думе принять от смотрителя Приказа эту богадельню в свое ведение и обеспечить ее обитателей всем необходимым. На что Дума ответила, что и до этого «...ремонтровала здание богадельни и снабжала продуктами питания за счет общественных сумм, не имея права пользоваться деньгами из городских доходов».

Процесс обращения властей города к официальному учету нищенства начинается еще в 1790 г. Именно тогда в магистрат Ставрополя поступило из городничества требование, чтобы городской голова И. Абрамов со старостой подготовили сведения о

числящихся в городе нищих и внесли свои предложения по их содержанию. При этом ожидаемо выяснилось, что «в Ставрополе нищие не числились в ведомостях магистрата» [44, л. 103]. Но только лишь тогда, когда с 18 января 1808 г. в Ставрополе на основании «Жалованной грамоты городам» от 1875 г. приступила к работе шестигласная Дума с исполнительскими функциями во главе с городским головой Георгием Архундаки [30, л. 1 – 2], начинается неизбежный процесс более пристального обращения городской власти к вопросам, связанным с развитием городской жизни.

Утверждаясь в городе как орган местного самоуправления, в компетенцию которого отныне входило решение городских проблем, в числе которых – и «доставлять жителям города нужные пособия к их прокормлению или содержанию» (ст. 167 «Жалованной грамоты городам»), Дума г. Ставрополя в условиях более чем скудного городского бюджета формирует практику обращения к помощи зажиточных горожан, в том числе за счет благотворительного примера городского головы. В фонде 95 Государственного архива Ставропольского края сохранились ведомости таких подписок, в которых присутствуют фамилии большинства купцов, проживавших в Ставрополе: И. Волобуева, Ф. Стасенкова, Н. Алафузова, И.А. Алафузова, О.Ф. Алафузовой, В.А. Алафузова, Ф. Тарасова, К. Чернова, И. Ганиловского, В.И. Волобуева, П.И. Волобуева, С.Ф. Деревщикова, Н.М. Плотникова, В.Ф. Стасенкова, К.И. Стасенкова и многих других [13, с. 131]. Начало практике «добровольных подписок» было положено в сентябре 1833 г. в связи с голодом, начавшимся в Кавказской области. Именно тогда городская Дума Ставрополя обратилась к купцам с призывом о помощи бедным горожанам. Благодаря источникам из фонда Думы г. Ставрополя мы узнаем, что благотворители И. Волобуев и Ф. Стасенков пожертвовали по 200 четвертей муки и 500 пудов мяса, Н. Алафузов – 10 000 рублей на покупку муки, Ф. Тарасов выделил 20 четвертей муки и 20 пудов пшена, И. Ефремов, К. Цырульников, С. Тарасов, Т. Поваляев, В. Сойников и С. Ртищев пожертвовали по 3 четверти ржаной муки. Несколько менее состоятельных горожан пожертвовали суммы от 20 до 200 рублей. [32, л. 12].

Многие из перечисленных горожан в разное время занимали должность городского головы и сумели «не только приумножить городские доходы, но и значительно облегчить положение горожан» [19, с. 16]. Н.М. Плотников, трижды избиравшийся городским головой (1815–1818 гг.; 1829–1830 гг.; 1841–1843 гг.) купец 1-й гильдии с 1838 г., например, кроме активного благотворительного участия в инициировании и возведении главных ставропольских церквей, как горожанин, в 1842 г. для погашения общественного долга пожертвовал 1 500 рублей асигнациями, и делал это в течение трех лет [19, с. 44], а в 1847 г. «предоставил один из своих каменных домов для размещения мужской гимназии» [26: л. 2]. В.А. Тарасов, городской голова Ставрополя в 1818 – 1820 и 1835 гг., не только держал

под постоянным контролем строительство здания приходского училища, но и пожертвовал на это 1000 рублей, продолжая при этом жертвовать деньги на устройство храмов [19, с. 19]. Будущий городской голова купец Н. Алафузов, будучи достаточно успешным коммерсантом, еще в августе 1821 г. устроил добровольную подписку в пользу разорившихся греков, пожертвовав на это 40 рублей, в 1833 г. он пожертвовал на покупку муки в пользу бедных семейств 10 000 рублей [19, с. 28–29].

Активное попечение глав Ставрополя о нуждах города и, особенно, его недостаточного населения, отмечалось не только вышестоящими властями, но и самой Думой. В апреле 1912 г. Директор общественного банка, бывший городской голова С.И. Ртищев был избран городской Думой почетным гражданином Ставрополя «за 25 лет образцовой общественной деятельности и щедрые пожертвования на городские нужды» [40, л. 10].

Городская дума, на которую как на орган местного самоуправления обязанности попечения о социально недостаточном населении нормативно не распространялись, стояла, тем не менее, у истоков большинства случаев происходивших в городе благотворительных акций не только благодаря активной гражданской позиции большинства ее глав – купцов, но и в силу возложенных тем же законодательством на местное городское самоуправление обязанностей по развитию всей городской жизни. Так, история создания в 1833 г. богадельни, о которой упоминалось выше, началась 23 августа 1827 г. с предписания Начальника Кавказской области Думе Ставрополя удовлетворить просьбу вдовы М. Егошиной о помещении ее в ставропольскую богадельню. Одновременно тот просил подготовить отчет о содержании богадельни в городе. Однако, выяснилось, что в ведении Думы никогда не было богадельни. В связи с этим городская Дума просила у начальника области разрешения на составление сметы для строительства каменной богадельни, рассчитывая на получение средств из Приказа общественного призрения [19, с. 26]. В мае 1830 г. Дума рассматривала вопрос о переводе уездного училища в новое здание, пригласив на заседание почетных граждан Ставрополя с тем, чтобы сделать это «...без издержек со стороны училища» [31, л. 6]. Когда в апреле 1864 г. полицмейстер обратился в Думу с просьбой построить за счет городских доходов каменную арку около Тифлисских ворот к приезду Кавказского наместника, та обратилась за благотворительной помощью к купцам Меснянкину и Иванову. И вместо требуемых расходов в 107 рублей 30 копеек, потратила из городских средств 54 рубля 30 копеек [33, л. 4–6]. В апреле 1869 г. великий князь Николай Николаевич, посещавший Ставрополь в сопровождении Кавказского наместника М.Н. Воронцова, похвалил городского голову С.Ф. Деревщикова за работу местной власти с потенциальными благотворителями, которые к его приезду выразили желание содержать в женском учебном заведении 20 девушек в течение 20 лет и по окончании ими курса выдавать каждой в прида-

ное по 150 рублей, а также обязались открыть за свой счет ремесленный класс в гимназии для обучения девушек «полезным мастерствам» [29, л. 18–19]. В результате инициативы городской Думы и городского головы С.Ф. Деревщикова в 1870 г. на пожертвованные купцом Г.Я. Саламатиним средства на месте прежде существовавшего деревянного храма, заложенного первыми казаками-переселенцами и перевезенного ими к новому месту службы, на Казанской площади Ставрополя была построена часовня [34, л. 18, 25]. 3 июня 1871 г. наместник Кавказский объявил благодарность ставропольскому городскому голове и городскому обществу за значительные пожертвования, сделанные ими на нужды образования [35, л. 4]. Когда в августе 1877 г. в Ставрополь прибыли 60 семей болгар из разоренных турками поселений Сухумского отдела, городская Дума занялась их размещением и обеспечением продовольствием, обратившись за помощью населения [20, с. 2–3]. И это лишь небольшое количество примеров разностороннего участия Думы в решении городских нужд через поощрение благотворительной активности людей разных слоев и разного статуса.

Благотворительное участие в делах города и жизни его населения было неотъемлемой частью и частной жизни большинства гласных ставропольской Думы. В 1879 г. гласный Думы Ф.М. Салмин подарил свое имение под размещение в нем городской больницы и дома призрения бедных, а в 1891 г. – помещение своей дачи под богадельню Приказа общественного призрения [36, л. 5]. 3 марта 1879 г. гласный Думы купец Д. Венецианов был награжден серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте как член попечительского совета женской гимназии [22, с. 1]. Он построил киот для учебного заведения, поставил железную ограду по его периметру, подарил часть необходимой мебели, «предоставил портреты высочайших особ в золоченой раме». В ноябре 1880 г. Наместник Кавказский выразил благодарность городской Думе Ставрополя «за похвальную заботу об отводе помещений под учебные заведения, а также пожертвования на их ремонт гласными Думы Ф.М. Салминым – 500 рублей, П.И. Меснянкиным – 200 рублей» [23, с. 1]. Когда в Ставрополе во время урагана в апреле 1884 г. сгорело 14 жилых построек, гласные из своих личных средств оказали помощь погорельцам [16, с. 2].

Последняя четверть XIX в. стала временем, когда благотворительная деятельность в стране приобретает невиданный ранее общественный размах и в нее вовлекаются представители всех слоев населения, часто объединяясь в рамках благотворительных организаций для помощи социально недостаточному населению в решении его различных проблем. В рамках этого процесса городская Дума Ставрополя в октябре 1877 г. встает у истоков создания городского попечительства для оказания помощи нуждающимся семьям солдат, участвующих в русско-турецкой

войне. Гласные заявили о готовности стать членами Попечительства с ежегодным взносом в 10 руб. серебром [38, л. 4, 6]. В ноябре 1878 г. при участии городской Думы состоялось открытие «Общества для содействия распространению народного образования в городе Ставрополе» [21, с. 6], с целью «...утверждения в народе религиозно-нравственных понятий и распространения в нем первоначальных полезных знаний путем начальных народных училищ» [6, с. 8]. Открытие и работа в городе трех народных училищ, бесплатных библиотек и воскресных школ, организация и проведение бесплатных народных чтений – в активе этого популярного у населения ставропольского благотворительного общества, распространившего свою деятельность и на первые пятнадцать лет XX столетия. В июне 1899 г., в рамках празднования 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, городская Дума организовала сбор пожертвований на строительство Народного дома имени поэта на Софийской площади. Народный дом должен был «служить местом проведения культурных и благотворительных мероприятий» [27, л.144]. Отметим, что в августе 1903 г. Народный дом им. А.С. Пушкина был открыт. В нем были сцена, танцевальный зал, читальня, кружки рукоделия. Здесь проводились благотворительные танцевальные вечера, спектакли, концерты, детские праздники и лотереи. В феврале 1900 г., имея за плечами успешный опыт создания городского попечительства для оказания помощи нуждающимся семьям солдат, участвующих в русско-турецкой войне, городская Дума обсуждала вопрос о необходимости создания в Ставрополе «городского попечительства о бедных, которое оказывало бы помощь нуждающимся и следило за их положением» [28, л.57]. В декабре 1910 г. при Думе была создана «подготовительная о городских пользах и нуждах комиссия», в сферу деятельности которых вошла и опека над нуждающимися [39, л.22]. В июле 1911 г. городская Дума объявляет сбор денег и одежды в пользу голодающих губернии [17]. С началом Первой мировой войны, когда Ставропольскую губернию, как и всю страну, захлестнул патриотический подъем, Дума г. Ставрополя стала координатором событий, связанных с устройством благотворительных вечеров, концертов, лотерей, сбора средств и одежды для беженцев. В декабре 1914 г. городская Дума начала выдачу пособий семьям городских служащих, призванных на военную службу [42, л.2]. В августе 1914 г. Ставрополь вошел в состав Всероссийского союза городов помощи раненым и больным воинам, и Дума делегировала гласного С.И. Манжос-Белого на должность председателя Ставропольского городского отделения Комитета помощи больным и раненым воинам союза городов [37, л.204]. В местный комитет Земгора по снабжению армии вошли 9 гласных Думы Ставрополя. Именно этому комитету удалось в короткое время создать

единое промышленно-заводское предприятие для снабжения армии разного рода предметами как боевого, так и вещевого довольствия [41, л.37]. В ходе всей войны городская Дума неоднократно обращалась к горожанам с призывом «о пожертвованиях в пользу обездоленных людей, которые будут приняты с благодарностью и распределены управой при содействии общественных организаций действительно нуждающимся» [18].

Затянувшаяся и радикализовавшая российское общество война, производившая проблемы в геометрической прогрессии, неуклонно вела страну к революционным катаклизмам. Нараставший паралич центральной власти в нищавшем автократичном государстве, где местное самоуправление и гражданское общество в своих официальных действиях были ограничены и формально слабы, несмотря на огромный их внутренний потенциал, закономерно сводили на нет и усилия тех, кто в рамках сложившейся веками культурной традиции помощи ближнему пытался добросовестно выполнять свой человеческий долг.

Результаты. Итак, Ставрополье, с момента начала своего становления в качестве нового российского региона на южных рубежах империи, восприняло и развивало одну из базовых культурных традиций пришедшего сюда православного населения – традицию к благотворению. Государство, по мере усложнения социально-экономических и общественных отношений, возлагает ответственность за организацию заботы о социально-недостаточном населении на Приказы общественного призрения, действовавшие на основе принципа сословности в призрении. Что не отменяло, особенно в условиях

традиционной малоэффективности подобных общественных государственных структур, наращивание частных и иных усилий в сфере практического благотворения. Несмотря на отсутствие прямой обязанности органов городского самоуправления заниматься попечением о благотворении, Дума г. Ставрополя, в условиях скудости городского бюджета, взяла на себя действия по привлечению средств и организации событий не только в сфере совершенствования городской инфраструктуры, но и в области улучшения качества жизни неимущих и малоимущих горожан. Среди наиболее частых и значимых событий в благотворении за всю историю существования Думы в дореволюционном Ставрополе – организация среди купцов г. Ставрополя постоянных подписок в пользу нужд бедных горожан и организации для отдельных их категорий ряда социальных заведений; постоянное активное попечение глав Ставрополя о нуждах города и, особенно, его недостаточного населения, выражавшееся и в крупных личных пожертвованиях; благотворительное участие в делах города и жизни его социально недостаточного населения как неотъемлемая часть частной жизни подавляющего большинства гласных ставропольской Думы; заинтересованное участие Думы в создании попечительств и обществ благотворительного характера на территории Ставрополя; координация событий, связанных с устройством благотворительных вечеров, концертов, лотерей, сбора средств и одежды для беженцев и раненых воинов в условиях военных событий, в том числе в статусе члена Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам; объявление и руководство сбором денег и одежды в пользу голодающих губернии и др.

Литература

- Афанесян К. К. Общественное призрение и благотворительность на Ставрополье 1802 – 1917 гг.: тенденции развития, повседневная практика, особенности: дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2015. 303 с.
- Вантеева Н. В. Общественное призрение на Ставрополье и Кубани в XIX – начале XX века: дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2000. 260 с.
- Володькова Е. Н. Борьба с детской беспризорностью на юге России в 1775 – 1917 гг. (на материалах Ставрополья и Кубани): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 26 с.
- Зимаев Б. А. Развитие общественного призрения в условиях административных реформ в России в XVIII – начале XX века (на примере Ставропольской губернии): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010. 27 с.
- Игнатьева М. И. История благотворительности на Кавказских Минеральных Водах в XIX – начале XX вв.: содержание и особенности: дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2001. 275 с.
- Краснов М. Историческая справка к 25-летию общества для содействия распространению образования в г. Ставрополе. Ставрополь: Типография губернского правления, 1913. 69 с.
- Мальцева К. В. Частная и организованная благотворительная деятельность женщин Ставропольской губернии и Кубанской области во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2007. 26 с.
- Мятникова О. И. Благотворительность торгово-промышленного предпринимательства на Ставрополье и Кубани в конце XIX – начале XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2011. 26 с.
- Нагорная Ю. В. Российские женщины в благотворительном процессе второй половины XIX – начала XX веков (на материалах Терской области и Ставропольской губернии): дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006. 277 с.
- Нещеретний П. И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. М.: Союз. 1993. 31 с.
- Павлова И. А. Становление и развитие общественной благотворительности в Ставропольской губернии в XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2004. 247 с.
- Покотилова Т. Е. Благотворительность и первая мировая война (из истории Ставропольской губернии) // Из истории земли Ставропольской: Сборник научных статей. Вып. 4. Ставрополь: СГУ, 1997. С.33–39.
- Покотилова Т. Е. Благотворительность в решении муниципальных проблем дореволюционного Ставрополя // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 2. С. 129–135; № 3. С. 168–171.
- Покотилова Т. Е. Теоретико-методологический и историографический аспекты феномена российской благотворительности. Ставрополь: СГУ, 1998. 95 с.

15. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. 20. СПб., 1830.
16. Северный Кавказ. 1884. № 41.
17. Северокавказский край. 1911. 15 июля
18. Северокавказское слово. 1917. 4 октября.
19. Ставропольская городская Дума. 200 лет. Историческая хроника. М.: Воскресенье, 2009. 384 с.
20. Ставропольские губернские ведомости. 1877. № 33.
21. Ставропольские губернские ведомости. 1878. № 46.
22. Ставропольские губернские ведомости. 1879. № 13.
23. Ставропольские губернские ведомости. 1880. № 47.
24. Судавцов Н. Д. Помощь Ставрополя губерниям, пострадавшим от неурожая 1891 г. // Ставропольская земля в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. В 2-х частях. Ч. 1. Ставрополь: СГУ, 1995. 105–119.
25. Шафранова О. И. Деятельность дамских обществ в благотворительности и просвещении во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Северокавказского региона) // Северный Кавказ и кочевой мир степной Евразии: VII «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь: СГУ, 2006.
26. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 1454.
27. ГАСК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 141.
28. ГАСК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 175. Ч. 1.
29. ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6996.
30. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 2.
31. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 427.
32. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 586.
33. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 5775.
34. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 7469.
35. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 7510.
36. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 8634.
37. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 8711.
38. ГАСК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 900.
39. ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 2195.
40. ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 2640.
41. ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 2944.
42. ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 3144.
43. ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 699.
44. ГАСК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 47.
45. ГАСК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 76.
46. ГАСК. Ф. 240. Оп. 1. Д. 290.

References

1. Afanesyan KK. Public charity and charity in Stavropol 1802-1917: development trends, daily practice, features: thesis. Vladikavkaz; 2015. 303 p. (In Russ).
2. Vanteeva NV. Public charity in Stavropol and Kuban in the 19th – early 20th centuries: thesis. Stavropol; 2000. 260 p. (In Russ).
3. Volodkova EN. The fight against child homelessness in the south of Russia in 1775-1917 (based on materials from Stavropol and Kuban): abstract of thesis. Stavropol; 2008. 26 p. (In Russ).
4. Zimaev BA. Development of public charity in the context of administrative reforms in Russia in the 18th – early 20th centuries (using the Stavropol province as an example): abstract of thesis. Pyatigorsk; 2010. 27 p. (In Russ).
5. Ignatyeva MI. History of charity in the Caucasian Mineral Waters in the 19th – early 20th centuries: content and features: thesis. Stavropol; 2001. 275 p. (In Russ).
6. Krasnov M. Historical background for the 25th anniversary of the society for promoting the dissemination of education in the city of Stavropol. Stavropol: Printing house of the provincial government; 1913. 69 p. (In Russ).
7. Maltseva KV. Private and organized charity activities of women in the Stavropol province and Kuban region in the second half of the 19th – early 20th centuries: abstract of thesis. Stavropol, 2007. 26 p. (In Russ).
8. Myatnikova OI. Charity of trade and industrial entrepreneurship in Stavropol and Kuban in the late 19th – early 20th centuries: abstract of thesis. Pyatigorsk; 2011. 26 p. (In Russ).
9. Nagornaya YuV. Russian women in the charitable process of the second half of the XIX – early XX centuries (based on the materials of the Terek region and Stavropol province): thesis. Stavropol; 2006. 277 p. (In Russ).
10. Neshcheretnyi PI. Historical roots and traditions of the development of charity in Russia. Moscow: Soyuz; 1993. 31 p. (In Russ).
11. Pavlova IA. Formation and development of public charity in the Stavropol province in the XIX – early XX centuries: thesis. Pyatigorsk; 2004. 247 p. (In Russ).
12. Pokotilova TE. Charity and the First World War (from the history of the Stavropol province) in From the history of the Stavropol land. Collection of scientific articles. Issue. 4. Stavropol: SSU publ., 1997. P. 33-39. (In Russ).
13. Pokotilova TE. Charity in solving municipal problems of pre-revolutionary Stavropol. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*. 2014;(2):129-135; 3:168-171. (In Russ).
14. Pokotilova TE. Theoretical, methodological and historiographic aspects of the phenomenon of Russian charity. Stavropol: SSU publ.; 1998. 95 p. (In Russ).
15. Complete collection of laws of the Russian empire. 1st collection. Vol. 20. St. Petersburg, 1830. (In Russ).
16. Severnii Kavkaz. 1884. No. 41. (In Russ).
17. Severo-Kavkazskii region. 1911. July 15. (In Russ).
18. Severo-Kavkazskoe slovo. 1917. October 4. (In Russ).
19. Stavropol City Duma. 200 years. Historical chronicle. Moscow: Voskresenie; 2009. 384 p. (In Russ).

20. Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1877. No. 33. (In Russ).
21. Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1878. No. 46. (In Russ).
22. Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1879. No. 13. (In Russ).
23. Stavropol'skie gubernskie vedomosti. 1880. No. 47. (In Russ).
24. Sudavtsov ND. Stavropol assistance to provinces affected by the crop failure of 1891 in Stavropol land in the past and present. Proceedings of a scientific conference. In 2 parts. Part 1. Stavropol: SSU publ., 1995. p.105–119. (In Russ).
25. Shafranova OI. Activities of Ladies' Societies in Charity and Education in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Based on the North Caucasus Region) in The North Caucasus and the Nomadic World of Steppe Eurasia: VII "Minaev Readings" on Archaeology, Ethnography, and Regional Studies of the North Caucasus. Stavropol: SSU, 2006. (In Russ).
26. State Archives of the Stavropol Territory (GASK). F. 8. Inv. 1. D. 1454. (In Russ).
27. GASK. F. 60. Inv. 1. D. 141. (In Russ).
28. GASK. F. 60. Inv. 1. D. 175. Part 1. (In Russ).
29. GASK. F. 68. Inv. 1. D. 6996. (In Russ).
30. GASK. F. 95. Inv. 1. D. 2. (In Russ).
31. GASK. F. 95. Inv. 1. D. 427. (In Russ).
32. GASK. F. 95. Inv. 1. D. 586. (In Russ).
33. GASK. F. 95. Inv. 1. D. 5775. (In Russ).
34. GASK. F. 95. Inv. 1. D. 7469. (In Russ).
35. GASK. F. 95. Inv. 1. D. 7510. (In Russ).
36. GASK. F. 95. Inv. 1. D. 8634. (In Russ).
37. GASK. F. 95. Inv. 1. D. 8711. (In Russ).
38. GASK. F. 96. Inv. 1. D. 900. (In Russ).
39. GASK. F. 96. Inv. 2. D. 2195. (In Russ).
40. GASK. F. 96. Inv. 2. D. 2640. (In Russ).
41. GASK. F. 96. Inv. 2. D. 2944. (In Russ).
42. GASK. F. 96. Inv. 2. D. 3144. (In Russ).
43. GASK. F. 101. Inv. 1. D. 699. (In Russ).
44. GASK. F. 109. Inv. 1. D. 47. (In Russ).
45. GASK. F. 235. Inv. 1. D. 76. (In Russ).
46. GASK. F. 240. Inv. 1. D. 290. (In Russ).



Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.12>

ДВОРЯНСТВО И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ НА СТАВРОПОЛЬЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Татьяна Евгеньевна Покотилова^{1*}, Татьяна Александровна Шебзухова²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор

t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8264-8377>

² Пятигорский институт (филиал), Северо-Кавказский федеральный университет (д. 56, пр. 40 лет Октября, Пятигорск, 357502, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор

pragpu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию проблемы участия дворян в благотворительном процессе на Ставрополье в XIX – начале XX вв. Отмечается, что содержание и особенности процесса становления и эволюции сословной структуры и оформления, в частности, дворянского сословия в изучаемом регионе, наряду с существовавшими нормативными рамками, закреплявшими его сословный статус, во многом определялись спецификой продвижения России на кавказских рубежах, историей и особенностями колонизации степного предкавказья, особым военно-административным и геополитическим статусом Ставрополя в изучаемый период. **Материалы и методы.** Принцип сословности в нормативном обеспечении благотворительного процесса в Российской империи и избранная к изучению проблема истории благотворительности дворян в условиях возникновения новых социальных общностей и неизбежного сглаживания сословных различий логично предопределили особое внимание к уточнению признаков сословий. В качестве базового был избран перечень признаков сословий, предложенный М.И. Лавицкой и А.В. Мельниковым, – «1) каждое сословие имеет специфические права и социальные функции, которые закреплены юридически в обычаях или законе; 2) сословные права передаются по наследству; 3) наличие сословных корпоративных организаций, осуществляющих сословное общественное управление; 4) специфический менталитет и самосознание сословий». Исследование проведено с использованием материалов Государственного архива Ставропольского края. Что, с учетом специфики проблемы исследования, обусловило обращение к таким его методам, как историко-генетический, периодизации, типологический и нарративный. **Анализ.** На конкретных исторических фактах показывается, как относительно позднее вхождение региона в состав Империи предопределило малочисленность потомственного дворянства на его территории, что именно активные события военной колонизации стали самым главным источником формирования местного дворянства: сюда стали переселяться дворяне из внутренних губерний России, царства Польского и западных губерний, и что мало кто из дворян Ставрополья имел земельные владения и основную статью их доходов составляла государственная служба. В ходе моделирования особенностей субъекта – объектных отношений в благотворительном процессе на территории избранного региона учтены ограниченные возможности ставропольских дворян к крупным и частым благотворительным акциям и сравнительно небольшие, по отношению к внутренним губерниям России, масштабы базы потенциальных объектов благотворения. **Результаты.** Конкретно – историческая картина, со-

зданная на базе широкого круга источников, показала относительно слабую, по сравнению с общероссийской, вовлеченность дворянства региона в благотворительную практику. Это, на фоне нечастых отдельных случаев личной благотворительности, прежде всего, – популяризация благотворительного участия населения в создании и попечении о деятельности учебных заведений и жизни недостаточных учащих, создании редких медицинских и социальных заведений со стороны власти придержащих, в том числе, и собственным примером. В случаях отсутствия активной ожидаемой реакции – привлечение возможностей Ставропольского (Кавказского) приказа общественного призрения для растянутого во времени аккумулирования благотворительных поступлений для решения вышеуказанных проблем. Это – и одна из самых протяженных во времени практика обладающих досугом, неравнодушных, но не очень обеспеченных представителей ставропольского дворянства (как правило, женщин) посещения бедных с целью сбора и передачи информации о них в губернские ведомости, как о лицах и семействах, «жалкое положение которых заслуживает особенного внимания». Это – инициирование и активное участие представителей дворянства в создании и работе благотворительных обществ, расширявшееся в масштабах и направлениях в рамках буржуазных модернизационных процессов, запущенных реформами второй половины века XIX в., когда престижность идеи общественной пользы, привнесенная в этику дворянского сословия еще в XVIII веке, постепенно получает новое звучание в отечественной культуре, не минуя и Ставрополье.

Ключевые слова: сословная структура, дворянство, частная благотворительность, благотворительные общества, образование, социальное призрение, Ставрополье, Российская империя

Для цитирования: Покотилова Т. Е., Шебзухова Т. А. Дворянство и благотворительность на Ставрополье в XIX – начале XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 704–714. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.12>

Конфликт интересов: один из авторов статьи — доктор исторических наук, профессор Шебзухова Татьяна Александровна является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 23.05.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 30.08.2024.

Статья принята к публикации: 25.09.2024.

Research article

NOBILITY AND CHARITY IN THE STAVROPOL REGION IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Tatiana E. Pokotilova^{1*}, Tatyana A. Shebzukhova²

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8264-8377>

² Pyatigorsk Institute (branch), North-Caucasus Federal University (56, 40 let Oktyabrya Ave., Pyatigorsk, 357502, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

pragpu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>

* Corresponding author

© Покотилова Т. Е., Шебзухова Т. А., 2024

Abstract. Introduction. The article studies the problem of participation of nobility in charity in the Stavropol region in the 19th – early 20th centuries. It is noted that the content and features of the process of formation and evolution of the class structure and the nobility, in particular, in the region, along with the existing normative framework that consolidated its class status, were largely determined by a number of features. Those were the peculiarities of Russia advancement on the Caucasian borders, the history and peculiarities of colonization of the steppe pre-Caucasus, the special military-administrative and geopolitical status of Stavropol during the period under consideration. **Materials and Methods.** The principle of class structure in the regulatory framework for the charitable process in the Russian Empire and the problem of the history of noble charity in the context of the emergence of new social communities and the inevitable leveling of class differences logically predetermined special attention to clarifying the characteristics of classes. The list of characteristics of classes proposed by M.I. Lavitskaya and A.V. Melnikov was chosen as the basic one. It says that 1) each class has specific rights and social functions that are legally enshrined in custom or law; 2) class rights are inherited; 3) the presence of class corporate organizations that carry out class public administration; 4) a specific mentality and self-awareness of classes. The study was conducted using materials from the State Archives of the Stavropol Krai. It preconditioned the use of historical-genetic, periodization, typological and narrative methods. **Analysis.** Based on specific historical facts, it is shown how the relatively late entry of the region into the Empire predetermined the small number of hereditary nobility on its territory, and the active events of military colonization became the main source of formation of the local nobility. Nobles from the inner provinces of Russia, the Kingdom of Poland and western provinces began to move here, and that few of the nobles of Stavropol region had land holdings and the main source of their income was the civil service. In the course of modeling the features of subject-object relations in the charitable process on the territory of the region, limited capabilities of the Stavropol nobility for large and frequent charitable events as well as the relatively small scale of the base of potential objects of charity in relation to the inner provinces of Russia were taken into account. **Results.** Specifically, the historical picture, created on the basis of a wide range of sources, showed a relatively weak involvement of the nobility of the region in charitable practice

Введение. История формирования и эволюции сословной структуры на Ставрополье пока еще не стала предметом углубленного внимания историков. Хотя, история дворянского сословия Ставропольской губернии в составе дворянства Северного Кавказа в целом находится в фокусе пристального внимания Чикаевой К.С. [28; 29; 30; 31; 32; 33], в рамках своих диссертаций и многочисленных научных публикаций наиболее близко и аргументированно, на наш взгляд, подошедшей к полновесному комплексному анализу и освещению истории и особенностей формирования и эволюции в регионе дворянского сословия. Проблема же выявления места, масштабов и содержания вклада дворян Ставрополья в благотворительную деятельность в исследованиях отдельных авторов пока еще не вышла на обобщения, основанные на комплексном анализе всех составляющих этого процесса, оставаясь на уровне отдельных упоминаний отдельных акций ряда представителей ставропольского дворянства. Как это сделано, к примеру, в докторской диссертации Чикаевой К.С. «Дворянство Северного Кавказа в пореформенную эпоху: этнодемографическая и социально-экономическая эволюция в 1861–1917 гг. (на материалах Северного Кавказа)» [30]. Анализируя деятельность Ставропольского дворянского собрания, автор приводит факты участия этой сословной организации и ряда ее представителей в общесословной акции помощи боль-

in comparison to the all-Russian one. First of all, this is the popularization of the charitable participation of the population in the creation and care for the activities of educational institutions and the lives of poor students, the creation of rare medical and social institutions by those in power and by their own example. If there was no active expected response, the Stavropol (Caucasian) public charity order could be used to accumulate charitable proceeds for the solution of the above-mentioned problems over a long period of time. This is also one of the longest-lasting practices of leisure-time, caring, but not very wealthy representatives of the Stavropol nobility (usually women) visiting the poor with the aim of collecting and transmitting information about them to the provincial registers, as about individuals and families “whose pathetic situation deserves special attention.” This is the initiation and active participation of representatives of the nobility in the creation and work of charitable societies, expanding in scope and directions within the framework of bourgeois modernization processes launched by the reforms of the second half of the 19th century, when the prestige of the idea of public benefit, introduced into the ethics of the noble class back in the 18th century, is gradually gaining a new meaning in Russian culture, not bypassing the Stavropol region.

Keywords: class structure, nobility, private charity, charitable societies, education, social charity, Stavropol region, the Russian Empire

For citation: Pokotilova T.E., Shebzukhova T.A. Nobility and charity in the Stavropol region in the 19th – early 20th centuries. *Humanities and law research*. 2024;11(4):704-714. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.12>

Conflict of interest: one of the authors of article – Tatyana A. Shebzukhova, Dr. Sc. (History), Professor, is a member of Editorial Board of journal “Humanities and law research”. The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this manuscript.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 23.05.2024.

The article was approved after reviewing: 30.08.2024.

The article was accepted for publication: 25.09.2024.

ным и раненым воинам в рамках русско-японской войны.

Материалы и методы. В рамках эволюции благотворительного процесса в России развитие его нормативного обеспечения выстраивалось, прежде всего, на принципе сословности, и участвовали в нем представители всех сословий – и в качестве субъектов, и в качестве объектов благотворения. А поскольку XIX в. в истории России связан с модернизационными процессами, проявлявшимися развитием рыночных отношений и индустриализацией, которые, в свою очередь, вели к коренным изменениям в общественном самосознании, к истории сословий этого периода будем обращаться, учитывая неизбежное возникновение в этих условиях новых социальных общностей и неизбежное сглаживание сословных различий. При проведении анализа мы будем опираться на перечень признаков сословий, предложенный М.И. Лавицкой и А.В. Мельниковым. А именно: «1) каждое сословие имеет специфические права и социальные функции, которые закреплены юридически в обычае или законе; 2) сословные права передаются по наследству; 3) наличие сословных корпоративных организаций, осуществляющих сословное общественное управление; 4) специфический менталитет и самосознание сословий» [13, с. 158]. Исследование проведено с использованием материалов Государственного архива Ставропольского края.

Что, с учетом специфики проблемы исследования, обусловило наше обращение к таким его методам, как историко-генетический, периодизации, типологический и нарративный.

Анализ. Российская империя вплоть до своего падения по результатам событий 1917 года была сословным государством. Долгое время, еще с момента объединения русских земель, когда и стали появляться зачатки сословий, сословное деление в стране было достаточно пестрым и не имевшим в своем основании четкой нормативно образующей базы. Тогда как сословие – это социальная группа с определенными правами и обязанностями, закрепленными не только в обычае и культуре, но и в законе. В.В. Керов в своей рецензии на научную монографию Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой «Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века)» [6] справедливо отмечает, что понятие сословие «...в смысле юридически оформленной группы с правами и обязанностями, передающимися по наследству, стало употребляться лишь во второй четверти XIX в.» [9].

Уже «в XVIII в. Россия переживала период обособления сословных интересов» [10, с. 27]. Так, в рамках работы Комиссии, созданной Екатериной II в 1767 г. для составления нового Уложения, «преобладал дух сословной исключительности. Дворянство обнаружило желание замкнуться в неприступную касту и запереть доступ в свои ряды свежим сторонним элементам. Оно требовало для себя исключительного права на владение крепостными крестьянами, требовало расширения своих земельных прав и резкого отличия от «подлых» людей во всех общественных собраниях внешними знаками почета...» [10, с.27–28]. Власть, в лице Екатерины II, идет на законодательное оформление сословного строя в империи, выстраивая соподчиненность сословий государству и определяя правила взаимоотношений между самими сословиями. Жалованные грамоты дворянству и городам, изданные в 1785 г., оформляют базу для таких отношений. Но лишь в 1832 г. законами о состояниях, помещенными в 9-м томе Свода законов Российской империи [5], был уточнен правовой статус российских сословий, отмененный только декретами Советской власти. Как и внесена окончательная ясность в классификацию сословий на момент принятия законов: согласно статус-кво, сословное деление в России предполагало деление на дворян, духовенство, городских обывателей (мещанство и купечество) и сельских обывателей (крестьянство) (ст.2) [5, с.2–3], хотя непосредственно сословиями они названы в ст.4 законов о состояниях [5, с.4]. При этом казачество и «иностранцы» также были наделены определенными сословными правами. Кроме того, в 1835 г. было легитимировано такое сословие, как «почетные граждане».

Известно, что дворянство еще в разрядных списках XVI в. и согласно Бархатной книге 1687 г. из служилого стало наследственным сословием. При этом его деление на потомственное дворянство и

личное дворянство сохранялось и получило дальнейшее подтверждение в Табели о рангах. Личное дворянство не наследовалось. В законах о состоянии говорится: «Дворянское название есть следствие, истекающее из качества и добродетели, начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в заслугу, приобрели потомству своему нарицание благородное. Благородными разумеются все те, кои от предков благородных рождены или Монархами сим достоинством пожалованы» [5, с.19]. К концу XIX в. дворянство в России было сословием, наиболее четко оформившимся по сравнению с другими сословиями и имевшим неразмытые сословные черты. Высшее, привилегированное сословие страны как потомственное к концу XIX в. приобреталось «четырьмя путями: 1) пожалованием его по особому усмотрению самодержавной власти; 2) чинами на действительной службе; 3) в результате пожалования за «служебные отличия» российскими орденами; 4) потомками особо отличившихся личных дворян и именитых граждан» [13, с. 159]. При этом возможности эти контролировались властью и неуклонно ограничивались. В нашем случае важно и то, что в течение исследуемого периода действовали ранее принятые решения о распространении прав русского дворянства на служилую и земледельческую знать национальных окраин страны и о возможности получения дворянства иностранцами, которые дослужились в России до определенных чинов и присягнули на российское подданство. Личное дворянство, не передаваясь наследникам, приобреталось через пожалование в случае высочайшего решения, последовавшего «в нарушение» установленного порядка возведения в дворянство по службе; в установленном порядке по результатам продвижения по службе; либо в результате награждения определенным орденом. При этом со временем границы возможностей получения дворянства в результате продвижения по службе расширялись. Получение личного дворянства стало возможным для купцов при пожаловании их чином девятого класса, и не обязательно с соблюдением порядка продвижения. Имели право на получение личного дворянства и лица духовного звания. Что касается возможностей тех, кто награждался такими орденами, как орден Святой Анны (II–IV степени), орден Святого Станислава (II–III степени), орден Святого Владимира (IV степени), кто в разные периоды состоял на военной либо гражданской службе, а также представители купечества, могли быть тоже пожалованы дворянством.

Увидеть специфику сословной структуры и ее эволюции на Ставрополье невозможно без знания истории продвижения России на кавказских рубежах, истории и особенностей колонизации степного предкавказья, представлений о военно-административном и геополитическом статусе Ставрополя в изучаемый период. Очень информативна, в связи с этим, «Записка управляющего Ставропольской казенной палатой о значе-

нии города Ставрополя в дореформенный период» от 31 октября 1892 г.: «Сделавшись в 1822 г. областным, а с 1847 г. губернским, г. Ставрополь до самого окончания Кавказской войны представлял собой важнейший военно-административный центр..., в нем сосредоточены были... штаб командующего войсками правого крыла Кавказской линии, генеральный штаб войск, Управление корпус топографов, Дежурство, штаб 19-ой пехотной дивизии, Управление 1-й и 2-й бригады..., а также Управление Кавказского линейного казачьего войска: канцелярия наказного атамана, Войсковое дежурство, Войсковое правление, Управление 9-ти бригад; кроме того, Ставропольское провиантное комисионерство, комиссарская комиссия, военный госпиталь... Из Ставрополя исходили в то время все приказания военного начальства относительно направления всякого рода экспедиций в земли непокоренных горцев; отсюда же делались распоряжения гражданского начальства о постепенном заселении в пусте лежавших громадных пространств Ставропольской губернии выходцами из внутренних губерний России... Здесь же производилось на весьма значительные суммы заготовление по обмундированию и довольствию войск, совершались подряды; заключались контракты, причем происходила оживленная торговля предметами не только первой необходимости, но и предметами роскоши, приобретать которые нисколько не стеснялись офицеры, постоянно и поочередно являвшиеся сюда по окончании походов, т.к. получали содержание по военному положению» [7, с. 42]. Обращаясь к результатам первой Всероссийской переписи, проведенной в 1897 году, обнаруживаем, что если в целом по стране соотношение дворян (1 850 288 чел.) к остальному населению выражалось в цифре в 1,5 %, то в Ставропольской губернии этот показатель равнялся всего 0,66 % от всего населения губернии (5.739 чел.) [21, с. 148]. Если за 100 % взять количество дворян в трех административных единицах – Терской области, Кубанской области и Ставропольской губернии, - то на долю последней приходилось всего 18 % [32]. При этом характерной особенностью стало превышение среднего показателя по стране доли ставропольских дворян в составе городского населения – 5,3 % [21, с. 148].

Влияние особенностей освоения территории, развития региона со статусом военно-административного пограничья, конечно же, предопределило специфику процесса оформления здесь дворянского сословия. Так, например, именно активные события военной колонизации стали самым главным источником формирования местного дворянства: сюда стали переселяться дворяне из внутренних губерний России, царства Польского и западных губерний. В рапорте, представленном в 1850 г. губернским предводителем дворянства наследнику престола, будущему императору Александру II, во время его посещения

Ставрополя, всех дворянских фамилий на Ставрополье насчитывалось 380 [22, с. 407] (учитывая, что в губернию тогда входили позже отошедшие к Терской области Пятигорский и Кизлярский уезды). В Ставрополе же в 1866 г., по сведениям ставропольского статистического комитета, насчитывалось дворян потомственных – мужского пола – 135, женского – 98; дворян личных – мужчин – 357, женщин – 125, тогда как всего в городе к этому времени проживало 20 545 человек [26, с. 198]. Согласно данным однодневной переписи 1872 года, в Ставрополе на этот момент проживало уже 29 617 человек. Из них дворян потомственных, служащих и их семейств – 1352 чел. (4,57 %), дворян потомственных в отставке – 326 чел. (1,10 %), дворян личных служащих – 1633 чел. (5,51 %), дворян личных в отставке – (1,61 %), тогда как только мещане составляли уже тогда 33,9% населения города [2, с. 133]. Относительно позднее вхождение региона в состав Империи предопределило малочисленность потомственного дворянства на его территории. Чему свидетельством – и законом установленное правило о внесении фамилий потомственных дворян сразу трех административных субъектов – Терской и Кубанской областей и Ставропольской губернии – в одну родословную книгу Ставропольской губернии (за неимением на Терке и Кубани дворянских депутатских собраний) [5, с. 192]. Специалист по истории дворянского сословия Северного Кавказа К.С. Чикаева, проанализировав дворянские родословные книги Ставропольской губернии, подсчитала, что «...подавляющую часть дворянских фамилий Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей составляло среднее и высшее чиновничество с потомками, относившееся ко второму и третьему разрядам (94 %)» [32].

Конечно, в губернии развивался процесс укрепления дворянского сословия через организацию среднего образования детей дворян и развитие военного образования для тех, кто через несение в будущем военной службы мог получить дворянское звание. В данном случае речь идет прежде всего о первой мужской гимназии в г. Ставрополе, открытие которой в 1837 г. было приурочено к приезду в Ставрополь государя Николая I [3, с. 71]. К 1878 г. первая мужская гимназия г. Ставрополя имела в своей структуре 14 классов [16, с. 2], будучи ориентированной на прием, прежде всего, детей потомственных дворян и офицеров [12, с. 504]. Важной особенностью этого среднего учебного заведения стало создание в нем, помимо классического гимназического, еще одного отделения – горского, обучавшего детей национальных элит Северного Кавказа. А в 1870 г. в Ставрополе начинает работу казачье юнкерское училище, пользовавшееся особой популярностью среди тех, кто затем становился офицерами либо успешно служил на административном поприще. Большинство выпускников этого военного учебного заведения несли службу в Терском и Кубанском казачьих войсках [24].

Естественным стимулом и причиной роста личного дворянства в Ставропольской губернии, как

и в целом по стране, стали модернизационные процессы по следам реформ второй половины XIX в. Возраставшая потребность в чиновниках дополнялась на Ставрополье необходимостью сопровождения колониционных процессов соответствующими военными кадрами. Поэтому вполне логично, что к концу XIX в. среди «потомственного дворянства Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей преобладало военное (57,7 %)» [32], при этом «...доля потомственных дворян...в общей численности потомственного дворянства городов Северного Кавказа...» в Ставропольской губернии составляла 21,1%, в сельской местности – 8,47 % [32]. Большинство же в составе всего дворянского сословия Ставрополья оставалось за дворянами личными (3 134 человека, или 54,61%), и большая их часть находилась в губернском Ставрополе (73,17 %). В составе всего населения Ставропольские губернии личные дворяне занимали нишу 0,36 %, «...в Ставрополе -5,51%, прочих городах – 0,42 %, в селениях – 0,09 %» [32]. И, что особенно важно связи с предметом нашего исследования, - мало кто из дворян Ставрополья имел земельные владения, и основную статью их доходов составляла государственная служба. Кавказское областное дворянское собрание, созданное еще в 1803 г. [28, с. 239], в 1840 г. даже вынуждено было отправить в адрес областного предводителя собрания документ под названием «Записка о нуждах дворянства», содержавшей предложения по возможному улучшению имущественного положения представителей сословия [38, л. 95 – 113]. В отчете за 1841 г. гражданского губернатора Кавказской области императору прямо отмечалось: «Торговое и земледельческое сословие в области обладает с избытком средствами к благосостоянию, и весьма малая часть не умеет пользоваться ими; напротив дворянство по ограниченности имений с трудом отбывает лежащие на нем повинности» [8, с. 161]. Известен казус с отменой сенатским указом 1900 г. результатов выборов в Ставропольское дворянское депутатское собрание 1989 г. по причине незаконного допуска к участию в них дворян, не имевших недвижимого имущества.

Логично ожидать, в связи с малочисленностью крупных собственников, наличия ограниченных возможностей у ставропольских дворян к крупным благотворительным акциям. Как и закономерно оценивать масштабы базы потенциальных объектов благотворения в целом в регионе как сравнительно небольшие по отношению к таковым во внутренних губерниях Империи. Ведь, во-первых, долгое время лишь губернский Ставрополь, с его населением, рождал, по мере его развития, в определенной мере те социальные проблемы и те социальные группы, которые ждали особого попечительского внимания со стороны благотворителей. В годовом отчете исправлявшего должность Кавказского гражданского губернатора П.К. Пышненко за 1841 г. отмечалось: «Нищенство, проистекающее собственно от лености и разврата, между коренны-

ми обывателями незаметно. Нищие бывают из неводворенных еще переселенцев, но к отвращению того тотчас принимаются меры. Между городскими обывателями злостных банкротств в течение 1841 г. не открыто» [8, с. 134]. Во-вторых, – подавляющее большинство населения региона – крестьяне – находили помощь в решении возникавших чрезвычайных проблем прежде всего в своей ставропольской крестьянской общине, известной особой устойчивостью и силой. Даже в условиях становления системы начального образования в сельской местности община старалась покрывать потребности как обучающихся, так и обучающихся самостоятельно. Существует следующее сообщение губернатора Властова Г.К. в его отчете Императору за 1871 г. по данному поводу: «В большей части сел достигнуто замечательных результатов. Там, где население было совершенно индифферентно к школе, проявилась теперь деятельность общества пожертвованиями; там, где едва было 10 – 15 учащихся, явились школы в 40 – 50 мальчиков. Села, платящие определенный душевой налог, но не имеющие штатных училищ, делают особые приговоры и учреждают школы, внося деньги на их учреждение...» [8; 285-286]. При этом даже к 1885 году крестьянство составляло 70,9 % населения губернии, владея на правах собственности почти половиной губернской территории [8, с.310].

Известна ситуация, когда российское правительство в самом начале XIX в. обратилось к дворянам страны с призывом позаботиться о создании в регионах гимназий, организовав благотворительные сборы и взяв их под постоянную опеку: «...вспомоществовать правительству патриотическими приношениями и пожертвованиями частных выгод общей пользе» [23, с. 50]. Хотя на каждую гимназию самим правительством ежегодно выделялись от 5200 до 6250 рублей [34, с. 27]. Бедность местного дворянства, как и отсутствие особой на тот момент заинтересованности в получении детьми среднего образования, сделало предпринимавшиеся дважды властями региона – в 1804 и 1811 гг. – попытки открытия первой гимназии неудавшимися. Учрежденная усилиями тех же властей лишь в 1837 г., и то – к приезду Императора Николая, первая ставропольская мужская гимназия, конечно же, не оставалась без внимания благотворителей. Но доля дворян среди тех, кто помогал деньгами (в разных формах) была, по сравнению с крепнувшим купечеством, невелика. К примеру, среди тех, кто содержал именных стипендиатов, наиболее известны граф Евдокимов и князь Меликов [37, л. 2]. Первым почетным попечителем гимназии по указу Императора стал помещик Пятигорского уезда Калантаров Г.С., выделявший, кроме этого, ежегодно по 160 рублей на содержание в пансионе гимназии двух воспитанников из бедных дворянских семей [35, л.3 – Зоб.]. Хотя, обратившись к данным по состоянию на 1855 год, предложенным современником Красновым Г.Д. в отношении социального состава гимназистов, мы увидим отсутствие чрезвычайной необходимости в

расширении масштабов помощи обучающимся. А именно: из 318 учеников 85 принадлежали к потомственному дворянству, 174 были детьми офицеров, 25 – горских феодалов, 1 – почетных горожан, 5 – священников, 4 – чиновников, 28 – из других сословий (в основном, – из купцов) [12, с. 504].

Своеобразным примером для потенциальных благотворителей стала заинтересованная и активная популизаторская деятельность Граббе П.Х., назначенного в 1838 г. на должность командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории и приступившего к исполнению своих обязанностей «...с истинным желанием трудиться для общественной пользы...» [3, с. 71]. Взяв за правило посещать иногда гимназию, особенно в период экзаменов, командующий приглашал лучших из ее воспитанников вместе с преподавателями к себе на обеды и балы, побуждая к подобным действиям представителей имущих сословий. Одновременно Граббе П.Х. помог одному из первых учителей гимназии Крупье основать в Ставрополе первый женский пансион, ставший своего рода катализатором к тому, что «жители города вместо прежнего небрежения о воспитании своих дочерей стали уже чувствовать для себя необходимым и даже почитали самым главным делом в домашней жизни дать своим детям хотя какое-нибудь понятие об окружающем и указать им истинный путь к просвещению» [3, с. 73]. Не отставала в этом, поддерживая общероссийскую тенденцию и подавая пример в благотворении, и супруга Граббе. Именно ее «попечениями и заботливостью» была устроена в 1840 г. благотворительная лотерея в пользу бедных, «на которой были разыграны рукоделия знакомых ей дам» и организован с этой же целью концерт. А собранные средства пошли в пользу «благородных семейств, возбуждающих своею крайностью сострадания» [8, с.153]. Ведь Ставрополь – один из немногих городов того времени, буквально наводненный семьями скончавшихся чиновников, «прибывших сюда на службу и почти всегда не оставляющих после себя ничего, даже на погребение». Часть же доходов от вышеуказанных мероприятий пошла на оплату за проживание и воспитание в частном пансионе двух бедных «благородных» сирот.

Поэтому и инициатива супруги Наместника Кавказа Воронцова М.С. княгини Елизаветы Ксавьеровны по учреждению в губернском Ставрополе женского благотворительного общества для попечения о создании и работе первого учебного заведения «для воспитания бедных девиц жителей Ставропольской губернии» [3, с.73] не только легла на благодатную почву, но и привлекла с июля 1849 г. к работе в Обществе многих представителей дворянского сословия в лице жен чиновников и офицеров. Вице-председательницей Общества стала А.П. Завадовская, жена генерала от кавалерии. Пожертвовав 3 000 рублей в фонд Общества Святой Александры, княгиня Воронцова дважды инспектировала работу заведения св. Александры и «лично сделала многие распоряжения, которые послужили к его улучшению» [3, с.87]. Уже к 1853

году в женском училище Св. Александры в Ставрополе обучалось 100 воспитанниц: «содержащихся благотворителями – 48; своекоштных – 21; линейного казачьего войска – 17; от граждан г. Ставрополя – 9; от самого заведения – 2; полупансионерок – 2; на счет воспитанниц заведения - 1» [3, с.87 – 88].

В 1859 г. в заведении св. Александры числилось 130 учениц, обучаемых десятью преподавателями [8, с.261], что не восполняло совсем растущие потребности в женском образовании. При этом состоявшееся еще в 1856 г. Высочайшее повеление об устройстве в губернских городах женских школ не могло реализоваться в Ставрополе силами местных властей и общества, т.к. не было средств ни на приобретение постоянного помещения, ни на обеспечение содержания школы. Поэтому власть в лице, прежде всего, губернатора, учитывая слабость местного дворянства, но солидные возможности торгового сословия, избрала единственно приемлемый путь – собрать требуемые средства через возможности Ставропольского приказа общественного призрения. А именно, - в силу того, что все сословия Уставом об общественном призрении были обязаны участвовать в поддержке своих недостаточных членов через Приказы общественного призрения, власть еще в 1838 г. пригласила местное население жертвовать в казну Приказа в пользу женского училища, «предположенного к открытию в городе Ставрополе». И к 1859 г. таких приношений с процентами на них скопилось до 13 000 рублей серебром. Основными жертвователями было дано согласие на «употребление этой суммы на покупку приiskanного весьма удобного и выгодного дома для женской школы» [8, с.263]. Таким образом местная власть достигала целей, соединяя разные возможности.

Подобная практика власть придерживающих прослеживалась и в действиях большинства других руководителей региона, став, своего рода традицией и одной из наиболее эффективных форм дворянского участия в благотворительности. Так, главным «основателем» в 1852 г. публичной библиотеки в Ставрополе по праву считается губернатор Волоцкой, не только пожертвовавший на это значительные средства, но и пригласивший к пожертвованиям ряд состоятельных людей. И уже к 1857 г. «в ней насчитывалось до 1000 названий книг и выписывалось 17 русских, 6 французских и одно немецкое периодическое издание» [4, с.279]. К середине XIX века редкие губернские города в России могли похвастаться наличием в них библиотек, да еще с количеством посетителей от 3000 до 5000 ежегодно. Волоцкому принадлежали также «мысль об основании музея и заботы о нем». Речь идет о создании в Ставрополе в апреле 1856 г. первого музея, экспонаты которого были размещены в одном из лучших домов города – в здании Городской думы. Силами немногочисленных учредителей в нем были организованы четыре отдела: «1) естественные предметы края, 2) предметы разного рода промышленности, 3) предметы археологические и 4) археологические» [4, с.279]. К сожалению, по

названным выше причинам, ожидаемая активность со стороны известных горожан оказалась ничтожной, и содержался, практически не развивая свои фонды, первый музей губернского Ставрополя «единственно участием немногих своих учредителей». Никифораки Н.Е., служивший ставропольским губернатором с 1887 г. по 1904 г., инициировал сбор пожертвований на строительство психиатрической больницы в Ставрополе, благодаря чему была собрана значительная сумма в размере 250 000 рублей и 16 июля 1901 г. был заложен первый камень будущей больницы. А в период русско-японской войны он одним из первых внес значительную сумму на восстановление российского флота, тем самым подав пример согражданам [8, с.329].

Практика инициирования местными властями благотворительных акций с вовлечением в них, числе прочих, равнодушных, но не очень обеспеченных представителей ставропольского дворянства (как правило, женщин), дала эффект и стала одной из самых протяженных во времени в виде приглашения людей, «расположенных к благотворительности,...посещать бедных и затем, по тщательному дознанию о поведении подвергнувшихся нищете», передавать информацию о них в губернские ведомости, как о лицах и семействах, «жалкое положение которых заслуживает особенного внимания». Такая практика «имела свои благодетельные последствия, и многие из бедных семейств получали вспомоществования деньгами, припасами, платьем и обувью от неизвестных им лиц» [3, с.85].

В рамках буржуазных модернизационных процессов, запущенных реформами второй половины века XIX в., престижность идеи общественной пользы, привнесенная в этику дворянского сословия еще в XVIII в., постепенно получает новое звучание в отечественной культуре, не минуя и Ставрополье. В этих условиях благотворительность как отечественная многовековая богом завещанная традиция превращается в прекрасное средство проявления гражданственности, но уже не только в виде случаев частной благотворительности, а организованной благотворительной деятельности. И, как правило, среди инициаторов создания большинства общественных организаций, занимавшихся благотворительностью, были представители дворянского сословия, обладавшие досугом и достаточным уровнем образования. Тем более, что по следам отмены крепостного права в стране, с ускорением модернизационных процессов и потерей губернским Ставрополем статуса крупнейшего на Северном Кавказе торгового центра из-за ввода в эксплуатацию в 1875 г. Владикавказской железной дороги, Ставрополье приобретало серьезные проблемы в виде, прежде всего, роста количества безземельного крестьянства и городской безработицы. К. Бахутов в своей диссертации «Медико-топография и санитарное состояние губернского города Ставрополя» в 1880 г. констатировал, - «...жизнь прежняя, привольная и дешевая, стала стесненной, и прежде малознакомые Ставрополю нищета и бед-

ность получили большое право гражданства» [2, с.109].

В этой ситуации опыт организованной деятельности в благотворительности Общества Св. Александры, занимавшегося общественным попечением о женском образовании в Ставрополе с середины XIX в., как очень успешный во всех отношениях, стал, в значительной мере, образцом в деле создания и деятельности благотворительных обществ частноправового характера в губернии. Ведь к 1897 г. общество Св. Александры содержало на свои средства семиклассную женскую гимназию, расходуя на нее ежегодно до 40 000 руб. и обучая до 300 воспитанниц [20, с. 423]. Капитал самого Общества к этому времени составлял почти 125 000 рублей. Кстати, именно дворянин И.В. Бентковский в 1877 г. «за составление обзора XXVII-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества св. Александры» был награжден императрицей перстнем, украшенным изумрудом и бриллиантом [20, с.423].

«Общество вспомоществования недостаточным ученицам ставропольских женских гимназий Ольгинской и Св. Александры» (основано в 1880 г.), опираясь не только на опыт, но и на помощь Ставропольского женского благотворительного общества св. Александры [1, с. 35], помогло многим «недостаточным» ученицам Ольгинской гимназии получить образование [25, с. 71]. Только в 1888 г. это Общество потратило на нужды бедных учениц 704 руб. 50 коп. [14, с. 44]. Среди общественных благотворительных организаций, открывшихся и работавших с целью попечения в деле получения среднего образования детьми из недостаточных семей на Ставрополье – Общество вспомоществования недостаточным ученицам Ставропольской 3-ей женской гимназии; Общество вспомоществования нуждающимся учащимся Петровской, Ставропольской губернии, мужской гимназии; Общество вспомоществования беднейшим ученикам Ставропольской гимназии; Общество, имеющее целью открытие и содержание гимназий в с. Петровском Благодарненского уезда Ставропольской губернии и ряд других.

В деле общественного попечения о получении начального образования наиболее успешным в губернии стало Общество распространения народного образования в Ставрополе (основано в 1878 г.). Располагая к 1889 г. капиталом в 15 209 руб. 43 коп., Общество содержало две школы со 127 учащимися обоего пола [8, с. 340]. Среди его учредителей и активных участников – немало представителей дворянства.

Председателем Ставропольского на Кавказе Общества содействия воспитанию и защиты детей (основано в 1889 г.) [27, с. 1] стал местный дворянин Г.Н. Прозрителев, воспитывавшийся примером благотворительной активности родителей [19, с. 894]. Общество, обозначившее своей целью «всячески содействовать в воспитании подрастающего поколения, защищать детей и несовершеннолетних

и заботиться о брошенных и беспризорных детях», по-существу [27, с. 3], соединило в своей деятельности функции социальной защиты и воспитательно-образовательную: открытие детской площадки в Ставрополе (1899 г.); организация швейной мастерской с целью обучения швейному ремеслу девочек из бедных сословий (1899 г.) [17, с. 11]; открытие детского приюта для 100 сирот (1906 г.) с получением ими начального образования [17, с. 11] и возможностью для наиболее способных из них продолжить обучение за счет средств Общества в гимназиях; организация работы курсов шитья женской одежды для 100 девушек и женщин (1910 г.), большая часть которых получала специальность бесплатно [17, с. 32]. Г.Н. Прозрителев в течение многих лет оставался председателем Общества содействия воспитанию и защиты детей, активно работая при этом и членом Ставропольского общества помощи бедным, членом Ставропольского Комитета Красного Креста. В годы первой мировой войны он возглавил Комитет помощи беженцам из Закавказья. Именно по инициативе Георгия Николаевича в Ставрополе был открыт ночлежный дом для беспризорных детей, «дом для беспомощных» с мастерскими по обучению столярному и переплетному ремеслам [11, с. 1102].

Традиция женского благотворительного участия в попечении о страждущих, заложенная и продолжавшая реализовываться среди жен военных и чиновников, простиралась не только на образование. Так, среди благотворительных обществ, сосредоточившихся предметно на помощи больным и раненым воинам, возникает Ставропольский Дамский Комитет Общества помощи больным и раненым воинам, созданный в связи с началом русско-турецкой войны 1877-1878 гг. [36, л. 15-15об.]. К концу 1877 г. данная женская благотворительная организация состояла из 266 членов, представлявших как Ставрополь, так и все уезды губернии [15, с. 3]. Пошив для воюющих полушубков, рубашек и белья; оформление сумок первой помощи раненым; организация и обеспечение работы при военном госпитале в Ставрополе курсов сестер милосердия [36, л. 70] – в активе Комитета.

Целая традиция прослеживается в участии неравнодушных ставропольцев в попечении о призрании заключенных. Еще в 1848 г., в рамках кампании по созданию в империи Попечительных о тюрьмах обществ или комитетов, в Ставрополе создается Тюремный комитет, 22 члена которого занялись активной работой по заботе о питании и нравственном просвещении заключенных, содержанием профильных заведений призрания, в которых находились и дети заключенных [39, л. 7]. Именно эта благотворительная организация инициирует создание в 1889 г. в Ставрополе Комитета для разбора нищих [40, л. 36]. А уже в 1908 г. создается Ставропольское общество «Патронат» для помощи освободившимся из мест заключения в их обустройстве на воле и помощи семьям заключенных и ссыльных [18, с. 4]. Оказывая последним финансовую, трудовую помощь, юридические услуги,

члены этой благотворительной организации в октябре 1910 г. организывают в Ставрополе Дом трудолюбия [18, л. 8]. Что дало только в 1911–1912 гг. почти 4 500 бывшим заключенным возможность нормального существования.

Среди 29-ти учредителей не менее эффективной благотворительной организации – Ставропольского временного благотворительного комитета для пособия пострадавшим от неурожая 1891 г, прибывшим в губернский город Ставрополь, – Г.Н. Прозрителев и Д.И. Евсеев (присяжные поверенные), Г.Л. Зиссерман (прокурор), Ю.К. Пеньковская (начальница Ольгинской гимназии), полковник П.А. Есаулов, П.Ф. Моравский (товарищ председателя окружного суда) [41, л. 20]. Размещение и лечение беженцев, организация их питания, поиск для них работы – в активе данного благотворительного общества частноправового характера. Всего 17 399 человек оказались в орбите его попечения [41, л. 401].

В результате развития общего для Империи процесса уменьшения численности дворянства с начала XX в. в ситуации постепенного движения России к индустриальному обществу и так невысокая численность ставропольских дворян неуклонно снижается. Чикаева К.С., проанализировав Обзор Ставропольской губернии за 1907 – 1914 гг., подсчитала, что в 1907 г. дворяне составляли 0,5 % от всего населения губернии, а в 1914 г. – всего 0,2 %; в 1909 г. личных дворян на Ставрополье насчитывалось 3 889 человек, а к 1914 г. их число сократилось до 1 702; число потомственных дворян уменьшилось с 2 009 в 1907 г. до 1 126 в 1914 г. [33]. Тем не менее, и вышеназванные, и иные благотворительные организации, действовавшие в городе и в крупных селах Ставропольской губернии, в большинстве своем, учреждались по инициативе и при активном участии представителей дворянского сословия, имевшего в российской культуре богатую на факты и масштабы историю благотворительного участия в судьбах менее успешных современников, становлении и развитии таким образом фундамента целых отраслей социокультурной сферы в стране.

Очевидно, что содержание и особенности процесса становления и эволюции сословной структуры, и оформления, в частности, дворянского сословия в изучаемом регионе, наряду с существовавшими нормативными рамками, закреплявшими его сословный статус, во многом определялись спецификой продвижения России на кавказских рубежах, историей и особенностями колонизации степного предкавказья, особым военно-административным и геополитическим статусом Ставрополя в изучаемый период. Относительно позднее вхождение региона в состав Империи предопределило малочисленность потомственного дворянства на его территории, именно активные события военной колонизации стали самым главным источником формирования местного дворянства: сюда стали переселяться дворяне из внутренних губерний России, царства

Польского и западных губерний, и мало кто из дворян Ставрополя имел земельные владения, и основную статью их доходов составляла государственная служба. В ходе моделирования особенностей субъект – объектных отношений в благотворительном процессе на территории избранного региона авторами учтены ограниченные возможности ставропольских дворян к крупным и частым благотворительным акциям и сравнительно небольшие, по отношению к внутренним губерниям России, масштабы базы потенциальных объектов благотворения.

Результаты. Конкретно – историческая картина, созданная на базе широкого круга источников, показала относительно слабую, по сравнению с общероссийской, вовлеченность дворянства региона в благотворительную практику. Это, на фоне нечастых отдельных случаев личной благотворительности, прежде всего, – популяризация благотворительного участия населения в создании и попечении о деятельности учебных заведений и жизни недостаточных учащихся, создании редких медицинских и социальных заведений со стороны власть придержащих, в том числе, и собственным

примером. В случаях отсутствия активной ожидаемой реакции – привлечение возможностей Ставропольского (Кавказского) приказа общественного призрения для растянутого во времени аккумулирования благотворительных поступлений для решения вышеуказанных проблем. Это – и одна из самых протяженных во времени практика обладающих досугом, равнодушных, но не очень обеспеченных представителей ставропольского дворянства (как правило, женщин) посещения бедных с целью сбора и передачи информации о них в губернские ведомости, как о лицах и семействах, «жалкое положение которых заслуживает особенного внимания». Это – инициирование и активное участие представителей дворянства в создании и работе благотворительных обществ, расширявшееся в масштабах и направлениях в рамках буржуазных модернизационных процессов, запущенных реформами второй половины века XIX в., когда престижность идеи общественной пользы, привнесенная в этику дворянского сословия еще в XVIII веке, постепенно получает новое звучание в отечественной культуре, не минуя и Ставрополье.

Литература

1. Адрес-календарь, торгово-промышленная справочная книга Ставропольской губернии на 1897 год. Ставрополь: Типография В. В. Берка. 1897. 209 с.
2. Бахутов К. Медико-топография и санитарное состояние губернского города Ставрополя // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет – Ставрополь: СГУ, 2007. С. 106–195.
3. Бентковский И. В. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 64–94.
4. Воронов Н. И. Ставрополь // Белоконов С. В. Синий магистр – Ставрополь: Юрлит, 1998.
5. Законы о состояниях (Св. Зак. Т. IX, изд. 1899 г., по Прод. 1906, 1908 и 1909 гг. / сост. А. Я. Канторович. Изд. 2-е, значит. дополненное. СПб: Изд. юрид. кн. кл. "Право". Тип. В. Безобразов и Ко, 1911. 1032 с.
6. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый Хронограф. 2009. 752 с.
7. Из записки управляющего Ставропольской казенной палатой о значении города Ставрополя в дореформенный период от 31 октября 1892 г. // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 42–43.
8. История Ставрополя в отчетах губернаторов (1804–1914 годы): сборник документов. Ставрополь: Бюро новостей, 2013. 504 с.
9. Керов В. В., Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый Хронограф, 2009. 752 с.
10. Кизеветтер А. А. Из истории законодательства в России XVII – XIX вв. Ростов-на-Дону: Донская речь, 1904. 42 с.
11. Колесникова М. Е. Ставропольские краеведы // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 1088–1125.
12. Краснов Г. Д. Ставрополь-на-Кавказе // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 492–514.
13. Лавицкая М. И., Мельников А. В. Политико-правовые основы формирования элиты российского общества XVIII – начала XX веков // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1(37). С. 157–164.
14. Обзор Ставропольской губернии за 1888 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1889. 64 с.
15. Отчет о деятельности Ставропольского Дамского Комитета Общества попечения о раненых и больных воинах, состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы за 1877 год. Ставрополь-Кавказский: Типография Ставропольского губернского правления, 1878. 33 с.
16. Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1878 год. Тифлис, 1878.
17. Отчет правления Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей за 1911 год. Ставрополь – губернский: Типография Петра Науменко. 1912. 38 с.
18. Отчет Ставропольского общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения («Патронат») за 1911 – 1912 гг. Ставрополь: Типография губернского правления, 1913. 31 с.
19. Охонько Н. А. Общественный деятель, просветитель, краевед // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 894–896.
20. Очерк жизни и деятельности И. В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета. Доклад действительного члена Ставропольского статистического комитета Г. Н. Прозрителева на заседании комитета 28 августа 1906 г. // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 422–442.

21. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 67 – Ставропольская губерния. СПб, 1907. 148 с.
22. Прозрителев Г. Н. Александр II в Ставрополе-на-Кавказе // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 406–410.
23. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802 – 1902. СПб: М-во нар. прос., 1902. 785 с.
24. Северный Кавказ. 1895. 4 января. Приложение.
25. Сергиенко В. С. Исторический очерк состояния Ставропольской женской Ольгинской гимназии. К двадцатипятилетию Ольгинской женской гимназии. Ставрополь: Типография В. В. Берка, 1899. 104 с.
26. Скоковский Н. И. Сведения о городе Ставрополе // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 196–204.
27. Устав Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей. Ставрополь: Типография В. В. Берка, 1898. 6 с.
28. Чикаева К. С. Дворянское депутатское собрание на Северном Кавказе в XIX в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 239–243.
29. Чикаева К. С. Дворянство Кубанской области и Ставропольской губернии в конце XIX века – 1917 году: Социальный статус и демографические характеристики: дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2001. 219 с.
30. Чикаева К. С. Дворянство Северного Кавказа в пореформенную эпоху: этнодемографическая и социально-экономическая эволюция в 1861–1917 гг. (на материалах Северного Кавказа): дисс. ... докт. ист. наук. Славянск-на-Кубани. 2006. 481 с.
31. Чикаева К. С. Национальный состав дворянского сословия Северного Кавказа по материалам переписи населения 1897 г. // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 109 (05). С. 1–16.
32. Чикаева К.С. Состав дворянского сословия Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 104 (10). С. 1–16.
33. Чикаева К. С. Социальные характеристики дворянства Ставропольской губернии в конце XIX – начале XX в. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 10 (54). <http://doi.org/10.24158/fik.2018.10.10>
34. Яковкина Н. И. История русской культуры: XIX век. СПб: Изд-во «Лань». 2000. 576 с.
35. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 15. Оп. 2. Д. 380.
36. ГАСК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 43.
37. ГАСК. Ф. 73. Оп. 1. Д. 897.
38. ГАСК. Ф. 242. Оп. 1. Д. 40.
39. ГАСК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 6.
40. ГАСК. Ф. 296. Оп. 1. Д. 953.
41. ГАСК. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1.

References

1. Address calendar, trade and industrial reference book of the Stavropol province for 1897. Stavropol: Printing house of V.V. Berka; 1897. 209 p. (In Russ).
2. Bakhutov K. Medical topography and sanitary condition of the provincial city of Stavropol in Stavropol in descriptions, essays, research over 230 years - Stavropol: SSU; 2007. P. 106-195. (In Russ).
3. Bentkovsky IV. Stavropol in geographical, historical, topographic and statistical relations in Stavropol in descriptions, essays, research over 230 years. Stavropol: SSU; 2007. P. 64-94. (In Russ).
4. Voronov NI. Stavropol in Belokon S.V. Blue Master. Stavropol: Yurkit; 1998. (In Russ).
5. Laws on States (Holy Laws. Vol. IX, 1899 edition, according to the Extensions of 1906, 1908 and 1909 / compiled by AYа Kantovich. 2nd edition, significantly supplemented. St. Petersburg: Publ. of the Legal Book of the Library "Law": V Bezobrazov and Co., 1911. 1032 p. (In Russ).
6. Ivanova NA, Zheltova VP. Estate Society of the Russian Empire (18th - early 20th centuries). Moscow: New Chronograph; 2009. 752 p. (In Russ).
7. From the note of the manager of the Stavropol Treasury Chamber on the importance of the city of Stavropol in the pre-reform period from October 31, 1892 in Stavropol in descriptions, essays, research for 230 years. Stavropol: SSU publ.; 2007. P. 42-43. (In Russ).
8. History of Stavropol in the reports of governors (1804-1914): collection of documents. Stavropol: News Bureau; 2013. 504 p. (In Russ).
9. Kerov VV, Ivanova NA, Zheltova VP. Estate society of the Russian Empire (XVIII - early XX centuries). Moscow: Novy Khronograf; 2009. 752 p. (In Russ).
10. Kizevetter AA. From the history of legislation in Russia in the 17th – 19th centuries. Rostov-on-Don: Donskaya Rech; 1904. 42 p. (In Russ).
11. Kolesnikova ME. Stavropol regional historians in Stavropol in descriptions, essays, research for 230 years. Stavropol: SSU; 2007. P. 1088-1125. (In Russ).
12. Krasnov GD. Stavropol-on-the-Caucasus in Stavropol in descriptions, essays, studies for 230 years. Stavropol: SSU; 2007. P. 492-514. (In Russ).
13. Lavitskaya MI, Melnikov AV. Political and legal foundations for the formation of the elite of Russian society in the 18th – early 20th centuries in *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2015;1 (37);157-164. (In Russ).
14. Review of the Stavropol Province for 1888. Appendix to the Most Humble Report. Stavropol: Printing House of the Stavropol Provincial Government; 1889. 64 p. (In Russ).
15. Report on the activities of the Stavropol Ladies' Committee of the Society for the Care of Wounded and Sick Soldiers, under the august patronage of Her Imperial Majesty the Empress for 1877. Stavropol-Kavkazsky: Printing House of the Stavropol Provincial Government; 1878. 33 p. (In Russ).
16. Report of the Trustee of the Caucasus Educational District on the state of educational institutions for 1878. Tiflis, 1878. (In Russ).

17. Report of the board of the Stavropol in the Caucasus Society for the Promotion of the Education and Protection of Children for 1911. Stavropol: Printing House of Petr Naumenko; 1912. 38 p. (In Russ).
18. Report of the Stavropol Society for the Patronage of Persons Released from Places of Imprisonment ("Patronage") for 1911-1912. Stavropol: Printing house of the provincial government; 1913. 31 p. (In Russ).
19. Okhonko NA. Public figure, educator, local historian in Stavropol in descriptions, essays, research for 230 years. Stavropol: SSU; 2007. P. 894-896. (In Russ).
20. Essay on the life and work of I.V. Bentkovsky, former secretary of the Stavropol Statistical Committee. Report of the full member of the Stavropol Statistical Committee GN Prozritelev at the meeting of the committee on August 28, 1906 in Stavropol in descriptions, essays, research for 230 years. Stavropol: SSU; 2007. P. 422-442. (In Russ).
21. The first general census of the Russian Empire of 1897. Vol. 67. Stavropol province. St. Petersburg; 1907. 148 p. (In Russ).
22. Prozritelev GN. Alexander II in Stavropol-on-the-Caucasus in Stavropol in descriptions, essays, studies for 230 years. Stavropol: SSU; 2007. P. 406-410. (In Russ).
23. Rozhdestvensky S V. Historical review of the activities of the Ministry of Public Education: 1802 - 1902. St. Petersburg: Ministry of Public Education; 1902. 785 p.
24. North Caucasus. 1895. January 4. Appendix. (In Russ).
25. Sergienko V. S. Historical essay on the state of the Stavropol Olginskaya Women's Gymnasium. On the twenty-fifth anniversary of the Olginskaya Women's Gymnasium. Stavropol: Printing House of VV Berk; 1899. 104 p. (In Russ).
26. Skokovsky N.I. Information about the city of Stavropol in Stavropol in descriptions, essays, studies for 230 years. Stavropol: SSU publ.; 2007. P. 196-204. (In Russ).
27. Charter of the Stavropol in the Caucasus Society for the Promotion of Education and Protection of Children. Stavropol: Printing House of VV Berk; 1898. 6 p. (In Russ).
28. Chikaeva KS. Noble Deputy Assembly in the North Caucasus in the 19th Century. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2015;1(37);157-164. (In Russ).
29. Chikaeva KS. The nobility of the Kuban region and the Stavropol province at the end of the 19th century - 1917: Social status and demographic: thesis. Krasnodar; 2001. 219 p. (In Russ).
30. Chikaeva K.S. The nobility of the North Caucasus in the post-reform era: ethnodemographic and socio-economic evolution in 1861-1917 (based on the materials of the North Caucasus): thesis. Slavyansk-on-Kuban; 2006. 481 p. (In Russ).
31. Chikaeva KS. National composition of the nobility of the North Caucasus based on the 1897 population census. *Nauchnyj zhurnal KubGAU*. 2015;109 (05);1-16. (In Russ).
32. Chikaeva KS. Composition of the nobility of the North Caucasus in the late 19th - early 20th centuries. *Nauchnyj zhurnal KubGAU*. 2014;104(10);1-16. (In Russ).
33. Chikaeva KS. Social characteristics of the nobility of the Stavropol province in the late 19th - early 20th century. *Obshchestvo: filosofija, istorija, kul'tura*. 2018;10(54). <http://doi.org/10.24158/fik.2018.10.10>. (In Russ).
34. Yakovkina NI. History of Russian culture: XIX century. St. Petersburg: Publishing House "Lan"; 2000. 576 p. (In Russ).
35. State Archive of the Stavropol Krai (GASK). F. 15. Inv. 2. D. 380. (In Russ).
36. GASK. F. 62. Inv. 1. D. 43. (In Russ).
37. GASK. F. 73. Inv. 1. D. 897. (In Russ).
38. GASK. F. 242. Inv. 1. D. 40. (In Russ).
39. GASK. F. 296. Inv. 1. D. 6. (In Russ).
40. GASK. F. 296. Inv. 1. D. 953. (In Russ).
41. GASK. F. 829. Inv. 1. D. 1. (In Russ).



Научная статья

УДК 94(470.6)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.13>

ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(Б)–ВКП(Б) ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ 1920-Е ГГ.: ОРГАНИЗАЦИОННО-КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Евгений Васильевич Туфанов^{1*}, Юрий Асланбиевич Яхутль²

¹ Ставропольский государственный аграрный университет (д. 12, пер. Зоотехнический, Ставрополь, 355035, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

e.vt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4242-9561>

² Кубанский государственный университет (ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

a075ca@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что опыт подготовки, обучения, формирования кадрового потенциала власти в условиях реформ 1920-х гг. востребован современной Россией. Он позволяет, обратившись к историческому опыту, определить основные приоритетные направления в подготовке управленцев способных работать и принимать решения в условиях ограниченных ресурсов. Целью статьи является анализ состояния партийных организаций регионов Северного Кавказа, которые в 1920-х гг. были единственными источниками формирования кадрового потенциала Советской власти. От их качественно состава, а именно от уровня грамотности, управленческого опыта зависел успех реформ. **Материалы и методы.** Исследование основано на принципах объективности, детерминизма, историзма и системного подхода. Использованы историко-системный и сравнительно-исторический методы. **Анализ.** После победы большевиков в гражданской войне в высшем политическом руководстве Советской России сложилось устойчивое понятие о возможности построения социализма с активным использованием военно-коммунистических методов. Практическое их применение привело к очередному ветку противостояния в обществе, которое закончилось временным компромиссом с крестьянством и началом реализации экономических и политических реформ, вошедшая в историю как новая экономическая политика, а затем и социалистическая модернизация. В ходе начатых реформ правительство страны и РКП(б)–ВКП(б) столкнулось с серьёзной проблемой дефицита подготовленных управленческих кад-

ров как для экономики, так и для политической системы. Основным источником кадрового пополнения стали первичные, региональные организации РКП(б)–ВКП(б) на местах. Однако их потенциал на региональном уровне был ограничен, члены партии коммунистов не всегда были подготовлены для профессионального исполнения своих обязанностей, что постоянно формировало конфликт в обществе. **Результаты.** В ходе исследования мы пришли к выводу, что кадровая политика большевиков, основанная на принципах однопартийности и приоритета представительства коммунистов во всех органах и уровнях власти, препятствовало успешному проведению реформ, способствуя развитию коррупции, росту должностных преступлений и привилегий.

Ключевые слова: большевики, кадры, крестьяне, нэп, партия, реформа, рабочие, служащие, съезд, кадровый резерв

Для цитирования: Туфанов Е. В., Яхутль Ю. А. Партийные организации РКП(б)–ВКП(б) Юго-Востока России 1920-е гг.: организационно-кадровый потенциал // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 715–722. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.13>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 13.04.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 23.07.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Research article

PARTY ORGANIZATIONS OF THE RCP(B)–THE CPSU(B) OF THE SOUTH-EAST OF RUSSIA IN THE 1920S: ORGANIZATIONAL AND PERSONNEL POTENTIAL

Evgeny V. Tufanov^{1*}, Yuri A. Yahutl²

¹ Stavropol State Agrarian University (12, Zootekhnicheskij Lane, Stavropol, 355035, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

e.vt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4242-9561>

² Kuban State University (149, Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

a075ca@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The relevance of the topic under consideration is due to the fact that the experience of training, education, and formation of the personnel potential of the government in the context of the reforms of the 1920s is in demand in modern Russia. It allows, with the reference to historical experience, identifying the main priority areas in the training of managers who are able to work and make decisions in conditions of limited resources. The purpose of the article is to analyze the state of party organizations in the regions of the North Caucasus, which in the 1920s were the only sources of formation of the personnel potential of the Soviet government. The success of the reforms depended on their qualitative composition, namely on the level of literacy and managerial experience. **Materials and Methods.** The research is based on the principles of objectivity, determinism, historicism and a systematic approach. Historical-systemic and comparative-historical methods were

used. **Analysis.** After the victory of the Bolsheviks in the civil war, the highest political leadership of Soviet Russia developed a stable concept of the possibility of building socialism with the active use of military-communist methods. Their practical application led to another branch of confrontation in society, which ended with a temporary compromise with the peasantry and the beginning of the implementation of economic and political reforms, which went down in history as a new economic policy, and then socialist modernization. In the course of the reforms initiated, the government of the country and the RCP(b)–VKP(b) faced a serious problem of a shortage of trained managerial personnel for both the economy and the political system. The primary, regional organizations of the RCP(b)–VKP(b) in the field became the main source of personnel replenishment. However, their potential at the regional level was limited, the members of the Communist Party were not always prepared for the

professional performance of their duties, which constantly formed a conflict in society. **Results.** In the course of the study, the authors came to the conclusion that the personnel policy of the Bolsheviks, based on the principles of one-party rule and the priority of communist representation in all organs and levels of government, hindered the successful implementation of reforms, contributing to the development of corruption, the growth of malfeasance and privileges.

Keywords: Bolsheviks, cadres, peasants, NEP, party, reform, workers, employees, congress, personnel reserve

For citation: Tufanov EV, Yahutl YuA. Party organizations of the RCP(b)–the CPSU(b) of the South-East of Russia in the 1920s:

Введение. Гражданская война стала отправной точкой формирования партийной структуры РКП(б) как на уровне центра, так и регионов страны. Опыт партийного строительства в годы гражданского противостояния, когда активно использовали военно-коммунистические методы, в мирный период оставался актуальным как эффективное средство формирования однопартийной системы. Но эта система имела ряд серьёзных издержек, проявившиеся в первые же мирные годы, которые могли привести к потере большевиками власти. Поэтому высшее партийное руководство вынуждено было принять ряд решений по укреплению внутрипартийной дисциплины, повысить уровень ответственности членов партии на всех уровнях, а также провести первые чистки в партии. Принципиальное было признано, что необходимо сосредоточить власть на местах в партийных комитетах и обеспечить контроль во всех сферах общественной и производственной деятельности. Следующим шагом к укреплению власти РКП(б) стало обоснование В.И. Лениным идеи «диктатуры партии». Он отмечал, что вся партия не способна править, поэтому власть должна перейти к авторитетным и опытным политикам [14, с. 24, 102–103]. Позже В.И. Ленин доказывал, что «пролетарская политика партии определяется не её составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией» [15, с. 20]. Следовательно, по мнению В.И. Ленина, рабочий класс не мог править. В подтверждении этому можно привести следующее его высказывание: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки... Мы даже неграмотность не ликвидировали. Мы знаем, как рабские, связанные с крестьянами, поддаются на непролетарские лозунги» [13, с. 253].

К концу гражданской войны бюро ЦК РКП(б) продолжает использовать апробированные методы военного коммунизма, игнорируя принципы выборности и производит назначение руководящего состава региональных бюро партии. Так, 31 марта 1920 г. учредили бюро по руководству партийными организациями Северного Кавказа [45, л. 1, 2]. 18 апреля 1920 г. Пленум ЦК преобразовал этот орган в Кавказское бюро ЦК, а осенью того же года выделил группу с центром в Ростове-на-Дону [11, с. 26]. Весной следующего года образовали Юго-Восточное бюро ЦК [19, л. 143]. Однако, право избирать коллегиальный региональный орган партий-

организационный и кадровый потенциал. Humanities and law research. 2024;11(4):715–722. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.13>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 13.04.2024.

The article was approved after reviewing: 23.07.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

ная организация края получила только в 1924 г. [22, с. 143]. Таким образом, в начале 1920-х гг. начинается процесс формирования единообразной сети партийных комитетов различных уровней, которые пополнялись за счёт рекрутирования членов партии из региональных, первичных организаций и российского комсомола.

Материалы и методы. Данное исследование основано на широком использовании неопубликованных или малоизвестных архивных материалах, хранящихся в центральных и региональных архивах. Используются стенограммы партийных форумов, аналитические справки, сообщения с мест и другая текущая документация о кадровой политике, а также о качественном и количественном составе партийных организаций. Работа строится на принципах объективности, детерминизма, историзма и системного подхода, что позволяет воссоздать историческую действительность формирования кадровой политики партии большевиков в условиях реформ 1920-х гг. Использование историко-системного и сравнительно-исторического методов позволяют изучить развитие партийных организаций и вместе с ним кадровую политику большевиков в регионе, отличавшимся своим национальным и сословным составом.

Анализ. Первые шаги по укреплению партии были предприняты на X съезде РКП(б). Даже в условиях нарастающего крестьянского повстанческого движения и событий в Кронштадте В.И. Ленин настоял на том, чтобы вопрос о единстве партии на съезде был рассмотрен одним из первых. Принятая резолюция способствовала ужесточению внутрипартийной дисциплины и обеспечивала единство в руководящем составе РКП(б). Ленинская концепция построения партии как руководящего органа, победив на съезде, заложила основы будущей однопартийности, сосредоточив высшую партийную власть в центральном аппарате. Работа по упорядочиванию партийных кадров началась сразу после X съезда партии. Местным партийным органам было предписано провести перепись ответственных работников в аппаратах губернских и уездных комитетов [20, л. 122]. К этому времени в аппарате ЦК уже была информация о кадровом составе 25 регионов Советской России. Эту работу организовали оргинструкторский и учетно-распределительный отделы. В последующем отделы были объединены в Орграспредотдел, который осуществлял контроль за ротацией руководителей среднего звена [17]. Учраспредотдел смог собрать и систематизировать

сведения о 1 333 партийных работников различного уровня [7]. Это позволило к 1922 г. поставить на кадровый учёт в ЦК партии 26 тыс. партийных функционеров, в том числе 7 тыс. работников губернского масштаба [16, с. 46, 47]. Одновременно издаются циркуляры ЦК, регламентирующие порядок работы с партийными кадрами. Например, циркуляр ЦК от 17 февраля 1922 г. предписывал, что ответственные работники губернского и уездного уровня могут перемещаться на другие должности только учраспредом ЦК по запросам с мест [21, л. 160]. Однако, по признанию руководителя отдела Л. Кагановича, эта форма учёта была ещё недостаточно эффективна [9]. В августе 1922 г. XII Всероссийская конференция РКП(б) принимает поправку к уставу, по которой кандидат в секретари губернского комитета должен был иметь дореволюционный стаж, а после избрания утверждался вышестоящим партийным органом [1, с. 88]. Таким образом формировалась номенклатура партийных кадров, которая обеспечивала контроль со стороны Оргбюро и Секретариата ЦК за подбором и расстановкой кадров. В. Сталин обосновал эту кадровую политику следующим образом: «После того, как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы... В противном случае политика теряет смысл» [5, с. 63]. XII партийный форум принял соответствующую резолюцию «По организационному вопросу», в которой были сформулированы основные задачи кадровой политики партии [10, с. 94–110]. Это позволяет приступить к формированию единой, унифицированной системы учёта партийных кадров. Региональные партийные органы, руководствуясь этими требованиями, формируют по аналогии свою кадровую номенклатуру [18, л. 1].

Массовое исключение из членов правящей партии в начальные годы нэпа было связано со слабой партийной дисциплиной, отсутствием опыта работы у большинства сотрудников советского и партийного аппарат, а также ростом преступлений по должности: пьянство, кражи (уголовные дела), дезертирство с «трудового фронта» и т.д. При незначительных правонарушениях применяли меры дисциплинарного характера, например, перевод в кандидаты в члены партии сроком до трёх месяцев [37, л. 2]. Списки исключённых из партии публиковали в местных периодических изданиях. Ещё в ноябре 1921 г. В.И. Ленин ставил вопрос в Политбюро ЦК РКП(б) об ответственности членов партии. Во многом, это было предопределено неконтролируемым ростом партийной и советской бюрократии, которая подвергалась серьёзному влиянию нэповской экономики. Попытки правоохранительных и судебных органов инициировать возбуждение уголовные дела по фактам служебных преступлений встречали упорное сопротивление местных партийных элит. Необходимо было повысить их ответственность и создать условия, при котором судебные органы не подвергались «партийному давлению». Порядок взаимодействия между парткомами,

с одной стороны, а с другой, с силовыми и судебными органами изложили в циркуляре РКП(б) «О взаимоотношениях парткомов с судебно-следственными комиссиями». Одновременно, с первыми успехами нэпа начинаются обсуждения и дискуссии о партийной этике и бытовых излишествах членов партии [12, с. 66].

На Кубани после повторного восстановления советской власти сразу приступили к формированию низовых партийных структур. Летом 1920 г. на территории региона по инициативе областного ревкома были учреждены 92 коммунистические ячейки, которые объединяли 3 010 членов партии [8, с. 31]. Политическая ситуация в Кубано-Черноморской области к началу нэпа была сложной и запутанной. Часть партийных функционеров характеризовала её как «скверную» и близкую к гражданскому неповиновению. Отсутствовала устойчивая связь между партийными ячейками и областным комитетом. На местах шёл неконтролируемый процесс распада первичных партийных организаций, которые только что создали в станицах и сёлах [27, л. 8]. Невозможно было перевести государственную систему управления с военных методов руководства на мирные без политических и экономических потрясений. Именно этот период переживала Советская Россия. Малоопытные, молодые партийные работники, не имеющие политического и жизненного опыта, а тем более – управленческого, работали на основе проб и ошибок. Из общей массы населения наиболее пристальное внимание в этой ситуации уделялось молодёжи и женщинам, которые могли стать основой для пополнения первичных партийных организаций. Во всех городских партийных ячейках Кубано-Черноморской области были созданы отделы по работе с молодёжью и женсоветами. Основной проблемой в работе с женскими организациями было отсутствие подготовленных кадров, то есть лидеров способных возглавить движение и преобладание «безграмотности и невежества» [29, л. 15, 25 об].

В ходе чистки рядов партии осенью 1921 г. Кубано-Черноморская областная партийная организация сократилась на 6 883 члена и составила 14 289 чел. [31, л. 26]. В этот период появляется тенденция добровольного выхода из состава партии по идеологическим соображениям из-за несогласия с политикой нэпа. Процесс «самоочищения» имел и ряд положительных последствий, способствовавших улучшению дисциплины, очищению от случайных «попутчиков», усилению роли и влияния партии на хозяйственную и политическую жизнь. Однако не произошло коренного перелома в понимании новой идеологии большевиков. Религиозные убеждения, неграмотность, слабая просветительская работа, неудовлетворительное материальное положение и начатые экономические реформы, не совпадавшие с лозунгами революции, способствовали выходу из партии большевиков. Болезненно воспринимались факты злоупотребления коммунистами служебным положением, их оторванности от масс, что в конечном итоге способствовало ослаб-

лению имиджа партии [28, л. 35]. Рядовые большевики, ежедневно сталкиваясь с нарушениями партийной этики и устава, с возмущением писали в местные региональные парткомы: (стилистика цитат сохранена): «Люди, севшие у власти, совершенно не считаются с рядовыми работниками» [35, л. 1]. «Далеко не секрет, что партийная организация Кубано-Черноморской области сформирована в большинстве своём из мелкобуржуазных, мещанских элементов, крестьян... Коммунисты ведут себя дома безобразно, имеют слуг, на работе превратились в «царьков», дружат со спекулянтами, кулаками» [39, л. 120].

Региональные парткомы не могли не реагировать на проявления таких фактов как взяточничество и преступления по должности. Они вынуждены были инициировать внутрипартийные проверки и в случае подтверждения фактов нарушения действующего законодательства или устава партии выносили решения об отстранении от должности, исключении из партии или же передаче дел в судебные органы [36, л. 11]. При этом местные партийные органы открыто признавали свою несостоятельность и полное отсутствие возможности влиять на кадры, которые в силу объективных причин превратились именно «в местных царьков» [32, л. 1]. Для усиления работы областная партийная организация вынуждена была привлечь к работе и направить в отделы не только большевиков, состоящих на партийном учёте в области, но и воспользоваться кадровым потенциалом других городов Центральной России.

Партийная организация Кубано-Черноморской области, в последующем Кубанского округа, предпринимала шаги по укреплению своих рядов и росту их численности, но её деятельность население оценивало не по количеству коммунистов, а по результатам проводимой социально-экономической политике и её влиянию на жизненный уровень населения. Ситуация была такова, что нэп стал оказывать отрицательное влияние на партийный и советский аппарат, в котором стали более зримо проявляться карьеризм, взяточничество и пьянство. Оценка негативных последствий нэпа в обществе вынуждала партийные органы установить «надзор за всеми ответственными работниками» [4, л. 29].

Отсутствие качественных управленческих кадров в 1920-х гг. усугубляло общественно-политическую ситуацию, особенно в сельской местности, где уровень противостояния был намного выше, чем в городе. Областная партийная организация, действуя на основе директивных указаний центра, старалась упрочить своё положение и влияние во всех сферах экономической и политической жизни Кубани и Черноморья. На основании разработанного плана мероприятий Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б) ввёл институт заместителей во всех государственных и хозяйственных учреждениях области. Создавались инструкторские комиссии, имевшие право проверять деятельность первичных партий-

ных организаций. Вводилась обязательная форма письменных отчётов, которые в последующем ложились в основу партийных чисток и последующего исключения из партии. Стал применяться принцип ротации партийных работников и членов партии из советско-партийных органов в хозяйственные учреждения, в советские органы городов и станиц Кубани. Особое внимание уделялось партийным организациям государственных предприятий. Вводилась система учёта членов партии, которая позволяла осуществлять подбор, расстановку кадров и формировать партийную номенклатуру. Однако, на местах эти меры не оказывали существенного влияния на партийную дисциплину, что негативно сказывалось на весь процесс партийного строительства [26, л. 3]. Население области, в свою очередь, не воспринимало новые политические идеи и враждебно относилось к большевикам, советской власти и партийной номенклатуре.

Численность партийной организации РКП(б) Кубано-Черноморской области была нестабильной: с 1920 г. по 1921 г. она возросла с 9 782 чел., до 20 172 чел. Однако, после проведённой кампании по чистке рядов РКП(б) численность сократилась до 14 289 членов, а весной 1923 г. она ещё сократилась на 2 289 чел. К концу марта 1923 г. на партийном учёте осталось 10 269 чел. Коммунисты составляли лишь 0,34% от общего количества населения области [25, л. 39]. До 54 % членов первичных партийных организаций области были рабочими [24, л. 1–4]. Таким образом, состав Кубано-Черноморской областной партийной организации не отражал социальные и классовые группы населения региона, где преобладало сельское население.

На основании решений XIII партийного съезда РКП(б) и II Северо-Кавказской краевой партийной конференции (осень 1924 г.) были разработаны планы по партийному строительству, работе в деревне, национальной политике и др. [40, л. 3]. Было признано необходимым с особой осторожностью относиться к крестьянам коммунистам, которых исключали из партии под предлогом «потери связи с партией». Происходило это, как правило, в период весенне-осенних полевых работ. Кроме того, до 80% селян Кубани были исключены из партии в 1923 – 1924 гг. по сословным признакам [38, л. 18]. Эти факты происходили на фоне очередного кризиса нэпа.

По мере углубления противоречий между рыночными методами и государственным регулированием обострялась обстановка в низовых структурах партии, выражавшаяся как в нарушении устава, так и уголовного кодекса. Продолжалось противостояние между судебно-следственными органами и местными партийными структурами. Члены партии активно пользовались судебным иммунитетом. Формировалась политическая бюрократия, гарантировавшая себе неприкосновенность на государственном уровне.

Очередной циркуляр ЦК РКП(б) «О порядке рассмотрения дел коммунистов, привлечённых к

уголовной ответственности», регулирующий правовой статус коммуниста был издан в июле 1924 г. Высшее партийное руководство не скрывало обеспокоенность положением членов партии, избегающих уголовных преследований и реакцией на это граждан страны. Последовали указания центра, чтобы контрольные партийные комиссии не прекращали дела в отношении коммунистов, которые рассматривались в судах.

Высшие партийные органы признавали наличие «у руководящих товарищей на местах» увлечения властью, игнорирование законов, прав и интересов граждан. Об этом говорили на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1926 г. На местах были зафиксированы случаи крупных финансовых растрат и попытки уйти от уголовной ответственности. Партийные структуры самостоятельно определяли меры наказания, оказывая давление на прокуратуру и суды – это дискредитировало партию.

Со второй половины 1920-х гг. областные и краевые комитеты партии проводили систематическую работу по оценке деятельности местных партийных ячеек. Контроль вышестоящих партийных структур над нижестоящими постепенно усиливался. Контрольно-ревизионные органы фиксировали не только рост благосостояния части местной партийной элиты, но и увеличение преступлений по должности. Объектами исследований по фактам нарушений партийной дисциплины и уголовных преступлений часто становились демобилизованные красноармейцы, избранные и работающие в местных органах власти. Партийные комиссии вынуждены были признать, что большая часть лиц, вступивших в партию после 1920 г., исключались из партии [33, л. 1–3]. Следует отметить, что по возрастной категории наибольшее количество исключённых было представлено 30 – 40 летними [34, л. 57].

Руководители края понимали необходимость формирования резерва для своих структур и с этой целью активно вовлекали молодёжь в общественно-политическую деятельность [43, л. 6]. Таким кадровым резервом стал комсомол. Российский союз молодёжи активно сотрудничал с ВКП(б) и лучших своих представителей рекомендовал в партию и её структуры [46, л. 107]. Эта политика способствовала формированию кадрового резерва партии и сохранению преемственности. Например, к середине 1920-х гг. в Кубанском округе молодёжная организация сохраняла стабильную численность: в 1926 г. – 16.030 чел., в 1927 г. – 15.146 чел., в 1928 г. – 16.882 чел. [42, л. 54]. В организацию вступали рабочие, бедняки, батраки. После смены «старой гвардии» комсомол стал основным источником для пополнения коммунистической партии и управленческого аппарата.

Численность партийной организации менялась достаточно быстро из-за проводимых организационных преобразований внутри партии и текучести кадрового состава. Например, партийная организация большевиков Кубанского округа за 1926 г. выросла с 8 572 до 9 597 чел. во многом за счёт батраков. В 1926 – 1927 гг. в партию вступило 439 ба-

траков. Менялся социальный состав партии: до 54 % – рабочие, 22 % – крестьяне и 18,4 % служащие. Через год, в 1928 г. численность партийной организации выросла на 1 793 чел. и достигла 11 390 чел. (61,2 % – рабочие, 19,8 % – крестьяне, 17 % – служащие) [41, л. 53, 54]. 1929 г. был отмечен ростом численности партийной организации на 11,7 %, что превышало показатели 1928 г. Незначительно изменился социальный состав членов партии: окружная партийная организация состояла на 34,2 % из рабочих, на 4,3 % из батраков, на 13,3 % – хлеборобов, на 48,2 % – из служащих. Существуют разночтения в партийных документах о численности партийной организации Кубанского округа, что связано с рядом объективных причин, в т.ч. – с организацией учёта членов организации. Региональные и местные партийные элиты пытались оказать влияние на эти процессы в партии, а через них на весь комплекс социально-экономических преобразований, происходивших в деревне.

К 1923 г. В. Молотов и заведующий организационно-инструкторским отделом ЦК РКП(б) Л. Каганович собрали сведения о более чем трёх тысяч должностей, назначение и перевод на которые происходил только с прямого разрешения и согласования с ЦК партии. За период с 1922 г. по 1923 г. аппарат ЦК сосредоточился на совершенствовании методов и средств подбора и расстановки кадров партии. Были разработаны критерии подбора кадров, их продвижение и обучение, что позволяло формировать по-новому партийный и советский управленческий аппарат. Высшая партийная элита получила свою номенклатурную сетку. Это привело не только к упорядочиванию кадровой работы, но и формированию нового правящего класса страны – коммунистической номенклатуры.

Проведённые реформы оказали существенное влияние на социальный состав партии и порядок формирования партийной иерархии. Так, к марту 1920 г. рабочие составляли 11 %, а служащие – 53 % от общего числа членов партии [6, с. 573]. За период 1917 – 1921 гг. число рабочих коммунистов сократилось с 60,2 % до 37,3 %; число крестьян, в свою очередь, выросло с 7,6 % до 32,1 %, а количество служащих осталось неизменным (32,2 % и 30,6 %) [2, с. 37]. Эти диспропорции в партии сохранялись весь период нэпа. Данную тенденцию подтвердила партийная перепись 1927 г., где 26,9 % коммунистов страны относились к категории рабочих по роду занятий, а 48,8 % – по происхождению. Качественный состав партии, в том числе и на региональном уровне не отвечал задачам государственного и партийного строительства. Например, в 1927 г. до 60,3 % состава Северо-Кавказской партийной организации имели лишь низшее образование [23, с. 75–77].

За годы нэпа постепенно сложился новый советско-партийный бюрократический аппарат из числа рабочих и крестьян, вытеснив «старую гвардию». В 1927 г. 32,5 % коммунистов края были из рабочих, а 13,9 % из крестьян [44, л. 73 – 74]. Но сохранялись некоторые диспропорции в организа-

ционном строении региональной партийной организации. Так, в сельской местности края к середине 1920-х гг. проживало до 80,2% населения, но только 32,8% состава парторганизации [3, с. 10].

Таким образом, в эти годы формируется партийная элита и номенклатура, что позволяет создать руководящий резерв партийных и советских органов власти только из числа членов ВКП(б). В самой партии происходит определённая дифференциация, при которой формируется партийная элита, управленцы регионального уровня и рядовые члены партии. Кадровый резерв стал источником новых партийных работников, приходящих на место «старой гвардии» в период чисток. Новая элита, воспитанная и сформированная уже под контролем высших партийных структур, выстраивала однопартийную систему, подчинённую идеям строительства социализма в отдельно взятой стране.

За годы нэпа произошли значительные изменения социального состава большевистской партии за счёт увеличения в ней мелкобуржуазной прослойки. Чистки не могли в полной мере решить вопрос «идеологической чистоты» партии. Следовательно, это оказывало самое негативное влияние на проводимые реформы. К этому времени относятся первые шаги по созданию и формированию привилегий, специального снабжения партийных чиновников. Высшее партийное руководство обеспечивалось всем необходимым через Управление делами ЦК ВКП(б). Но и это не гарантировало экономическую независимость партийных и государственных чиновников. Их доходы были меньше доходов нарождавшейся новой буржуазии, что порождало ненавистное отношение к нэпманам.

Результаты. В партийных рядах заметно проявлялось одно из главных её противоречий, а именно между революционерами-практиками, стремившихся к радикальным переменам и новыми советскими и партийными чиновниками, тяготеющие к прагматизму и определённости. Эта противостояние завершилось созданием вполне дееспособной в условиях мобилизационной экономики

административно-командной системы. Партия превратилась в сложный иерархический механизм, она выросла численно и сформировала номенклатурный аппарат, т. е. основу нового бюрократического класса партийных управленцев. Партийный иммунитет, который оформился в первое десятилетие советской власти стал правовой нормой. Но при этом, неприкосновенность или действия, направленные на защиту руководителей, представленные в большинстве членами партии, формировало негативное общественное мнение.

Двадцатые годы стали важнейшим этапом в формировании единой партийно-государственной системы, что означало слияние государственного и партийного аппарата. Эти процессы проходили активно на Кубани и Черноморье, с учётом особенностей аграрного региона. Формирование региональной партийной организации шло в остром противостоянии сельского населения и большевиков, где РКП(б)–ВКП(б) смогло найти социальную опору в лице иногородних крестьян и батраков. На начальном этапе формирования партийных структур активно использовали методы военного коммунизма как наиболее эффективные в условиях кризиса ради сохранения абсолютной власти любой ценой.

Нэп оказал негативное влияние на процесс партийного строительства. Новые члены партии не смогли противостоять таким явлениям как взяточничество, незаконное обогащение и др. Но И. Сталин и его окружение смогли поставить под контроль новую партийную элиту и в случае необходимости использовать правовые и партийные методы воздействия. Иерархия партийной элиты и структура партии были выстроены и находились под контролем ЦК. Одновременно формируется партийная бюрократия, которая срастается с государственным аппаратом.

Преодолев кризис в начале 1920-х гг., партия к середине десятилетия представляла собой вполне авторитетную политическую силу, способную не только удерживать власть, но и реализовать основные идеи революции.

Литература

1. Всероссийская конференция РКП (большевики). 4–7 августа 1922 года. М.: Московский Комитет РКП(б), 1922. 245 с.
2. Всероссийская перепись членов РКП 1922 года / Статистический отдел ЦК РКП(б). М.: Издательское отделение ЦК РКП. Вып. 2, 1923. 71 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. V. М.: Издательство ЦСУ Союза СССР, 1928. 396 с.
4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р–209. Оп. 1. Д. 3.
5. Двенадцатый Съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчёт. М.: Политиздат, 1968. 903 с.
6. Девятый съезд РКП (б). Март–апрель 1920 г. Протоколы. М.: Партийное издательство, 1934. 612 с.
7. Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стенографический отчёт. М.: Госполитиздат, 1963. 915 с.
8. История Кубани XX век: Очерки / под ред. В. Е. Щетнева. Краснодар: ОИПЦ Перспективы образования, 1998. 224 с.
9. Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М.: Вагриус, 1996. 570 с.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 3. 1922–1925. 9 изд. М.: Политиздат, 1984. 494 с.
11. Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа (27–29 октября 1920 г. во Владикавказе). Стенографический отчёт. Ростов-на-Дону, 1921. 61. с.
12. Лебина Н. Б., Белоцкая О. «Онэпивание»: Маленький человек в эпоху больших реформ // Родина. 2001. № 6. С. 62–66.

13. Ленин В. И. II Всероссийский съезд горнорабочих 25 января – 2 февраля 1921 г. Доклад о роли и задачах профессиональных союзов на заседании коммунистической фракции съезда 23 января // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1977. Т. 42. С. 245–261.
14. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1977. Т. 41. С. 1–104.
15. Ленин В. И. Об условиях приема новых членов в партию // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1977. Т. 45. С. 17–21.
16. Одиннадцатый съезд РКП(б). Март - апрель 1922 года: Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1961. 873 с.
17. Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) «О назначениях» от 12.6.1923.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ) ф. 17. Оп. 34. Д. 95.
19. РГАСПИ. ф. 64. Оп. 1. Д. 4.
20. РГАСПИ. ф. 17. Оп. 84. Д. 147.
21. РГАСПИ. ф. 17. Оп. 84. Д. 148.
22. Серебрякова Т. Е. Деятельность Северо-Кавказского крайкома (1924–1934 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1990. 237 с.
23. Тяжельникова В. С. Состав партийных организаций в конце 20-х годов // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С. 75–77.
24. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИ КК.) ф. 1. Оп. 1. Д. 276 «а».
25. ЦДНИ КК. ф. 1. Оп. 1. Д. 293.
26. ЦДНИ КК. ф. 1. Оп. 1. Д. 79 «а».
27. ЦДНИ КК. ф. 1. Оп. 1. Д. 85.
28. ЦДНИ КК. ф. 17. Оп. 1. Д. 413.
29. ЦДНИ КК. ф. 17. Оп. 1. Д. 414.
30. ЦДНИ КК. ф. 17. Оп. 1. Д. 415.
31. ЦДНИ КК. ф. 17. Оп. 1. Д. 620.
32. ЦДНИ КК. ф. 1771. Оп. 1. Д. 135.
33. ЦДНИ КК. ф. 2817. Оп. 1. Д. 1 «а».
34. ЦДНИ КК. ф. 2817. Оп. 1. Д. 3.
35. ЦДНИ КК. ф. 7. Оп. 1. Д. 18.
36. ЦДНИ КК. ф. 7. Оп. 1. Д. 2.
37. ЦДНИ КК. ф. 7. Оп. 1. Д. 31.
38. ЦДНИ КК. ф. 7. Оп. 1. Д. 82.
39. ЦДНИ КК. ф. 7. Оп. 1. Д. 129.
40. ЦДНИ КК. ф. 8. Оп. 1. Д. 1 «а».
41. ЦДНИ КК. ф. 8. Оп. 1. Д. 12.
42. ЦДНИ КК. ф. 8. Оп. 1. Д. 14.
43. ЦДНИ КК. ф. 8. Оп. 1. Д. 6.
44. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО). ф. 7. Оп. 1. Д. 843.
45. ЦДНИ РО. ф. 911. Оп. 1. Д. 4.
46. ЦДНИ РО. ф. 7. Оп. 1. Д. 27.

References

1. All-Russian Conference of the RCP (Bolsheviks). August 4–7, 1922. Moscow: Moscow Committee of the RCP (b); 1922. 245 p. (In Russ).
2. All-Russian census of members of the RCP in 1922 / Statistical Department of the Central Committee of the RCP (b). Moscow: Publishing departments of the Central Committee of the RCP. Vol. 2; 1923. 71 p. (In Russ).
3. All-Union Population Census of 1926. Vol. V. Moscow: Publishing house of the Central Statistical Office of the USSR Union; 1928. 396 p. (In Russ).
4. State Archives of the Krasnodar Territory. F. R-209. Inv.1. D. 3. (In Russ).
5. Twelfth Congress of the RCP(b). 17 April 25, 1923 Verbatim report. Moscow: Politizdat; 1968. 903 p. (In Russ).
6. Ninth Congress of the RCP (b). March–April 1920 Protocols. Moscow: Party Publishing House; 1934. 612 p. (In Russ).
7. Tenth Congress of the RCP(b). March 1921: Verbatim report. Moscow: Gospolitizdat; 1963. 915 p. (In Russ).
8. History of Kuban XX century: Essays. Ed. VE Shchetneva. Krasnodar: OIPTS Prospects of Education; 1998. 224 p. (In Russ).
9. Kaganovich LM. Memoirs of a worker, communist-Bolshevik, trade union, party and Soviet-state worker. Moscow: Vagrius; 1996. 570 p. (In Russ).
10. The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). Vol. 3. 1922–1925. 9th ed. Moscow: Politizdat; 1984. 494 p. (In Russ).
11. Regional meeting of communist organizations of the Don and Caucasus (October 27–29, 1920 in Vladikavkaz). Verbatim report. Rostov-on-Don; 1921. 61. p. (In Russ).
12. Leбина NB, Belotskaya O. “One-capping”: A little man in the era of big reforms. Rodina. 2001;(6):62-66. (In Russ).
13. Lenin VI. II All-Russian Congress of Miners January 25 – February 2, 1921. Report on the role and tasks of trade unions at the meeting of the communist faction of the congress on January 23 in Complete Works. Moscow: Politizdat; 1977. Vol. 42. P. 245–261. (In Russ).
14. Lenin VI. The childhood disease of “leftism” in communism in Complete Works. Moscow: Politizdat; 1977. Vol. 41. P. 1–104. (In Russ).
15. Lenin VI. On the conditions for admitting new members to the party in Complete Works. Moscow: Politizdat; 1977. Vol. 45. P. 17–21. (In Russ).
16. Eleventh Congress of the RCP(b). March April 1922: Verbatim report. Moscow: Gospolitizdat; 1961. 873 p. (In Russ).
17. Resolution of the Organizing Bureau of the Central Committee of the RCP (b) “On appointments” dated 12.6.1923. (In Russ).

18. Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH). F. 17. Inv. 34. D. 95. (In Russ).
19. RSASPH. F. 64. Inv. 1. D. 4. (In Russ).
20. RSASPH. F. 17. Inv. 84. D. 147. (In Russ).
21. RSASPH. F. 17. Inv. 84. D. 148. (In Russ).
22. Serebryakova TE. Activities of the North Caucasus Regional Committee (1924–1934): thesis. Rostov-on-Don, 1990. 237 p. (In Russ).
23. Tyazhelnikova VS. Composition of party organizations in the late 20s in Questions of the history of the CPSU. 1990;1:75-77. (In Russ).
24. Center for Documentation of the Contemporary History of the Krasnodar Territory (CDNI KK) F. 1. Inv. 1. D. 276 "a". (In Russ).
25. CDNI KK. F. 1. Inv. 1. D. 293. (In Russ).
26. CDNI KK. F. 1. Inv. 1. D. 79 "a". (In Russ).
27. CDNI KK. F. 1. Inv. 1. D. 85. (In Russ).
28. CDNI KK. F. 17. Inv. 1. D. 413. (In Russ).
29. CDNI KK. F. 17. Inv. 1. D. 414. (In Russ).
30. CDNI KK. F. 17. Inv. 1. D. 415. (In Russ).
31. CDNI KK. F. 17. Inv. 1. D. 620. (In Russ).
32. CDNI KK. F. 1771. Inv. 1. D. 135. (In Russ).
33. CDNI KK. F. 2817. Inv. 1. D. 1 "a". (In Russ).
34. CDNI KK. F. 2817. Inv. 1. D. 3. (In Russ).
35. CDNI KK. F. 7. Inv. 1. D. 18. (In Russ).
36. CDNI KK. F. 7. Inv. 1. D. 2. (In Russ).
37. CDNI KK. F. 7. Inv. 1. D. 31. (In Russ).
38. CDNI KK. F. 7. Inv. 1. D. 82. (In Russ).
39. CDNI KK. F. 7. Inv. 1. D. 129. (In Russ).
40. CDNI KK. F. 8. Inv. 1. D. 1 "a". (In Russ).
41. CDNI KK. F. 8. Inv. 1. D. 12. (In Russ).
42. CDNI KK. F. 8. Inv. 1. D. 14. (In Russ).
43. CDNI KK. F. 8. Inv. 1. D. 6. (In Russ).
44. Center for Documentation of the Contemporary History of the Rostov Region (CDNI RO). F. 7. Inv. 1. D. 843. (In Russ).
45. CDNI RO. F. 911. Inv. 1. D. 4. (In Russ).
46. CDNI RO. F. 7. Inv. 1. D. 27. (In Russ).



Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.14>

ВОЕННАЯ СЛУЖБА КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР В ЖИЗНИ ДВОРЯНСТВА ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Карина Суменовна Чикаева

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (д. 13, ул. Калинина, Краснодар, 350044, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, профессор
chikaevakarina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4005-5271>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается структурообразующая роль воинской, армейской службы в жизни и деятельности российского дворянства. Автором прослеживаются ее особенности на протяжении длительного исторического времени, специфика ее прохождения, а также характер ее трансформации в различные исторические периоды. На историческом материале автор показывает значение воинской службы в образе жизни и профессиональной деятельности российского дворянства, в определении его общественного сознания и мировоззрения. Также обращается внимание на связь ее различных аспектов с хозяйственной и социально-экономической жизнью российского дворянства, ее влияние на социальное положение данного привилегированного сословия и его профессиональную деятельность, образ жизни и менталитет. **Материалы и методы.** В ходе написания данного исследования автором использовались разнообразные методы, принятые в исторической науке: историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный и ретроспективный. **Анализ.** В ходе проведенного исследования рассмотрены различные периоды в профессиональной воинской деятельности дворянского сословия, показана роль, значение и место военной службы в жизни российского дворянства, ее влияние на его социально-экономическое положение, образ жизни и менталитет дворянского сословия. Прослежена разница в характере и специфике воинской службы в различные историче-

ские периоды, начиная с периода правления Петра I и до Первой мировой войны. **Результаты.** Результаты исследования определяются тем, что автор рассмотрел различные специфические особенности военной службы дворян на протяжении различных периодов существования Российской империи, начиная с момента ее возникновения в царствование Петра I до периода Первой мировой войны, а также выяснил ее значение, место и роль в общественной жизни дворянского сословия. Кроме того, он показал ее важность и значимость в общей структуре государственного управления и военного дела в Российской империи.

Ключевые слова: дворянство, военная служба, офицерский корпус, экономические условия, социальная роль, Российская империя

Для цитирования: Чикаева К. С. Военная служба как системообразующий фактор в жизни дворянства императорской России // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 723–728. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.14>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 13.04.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 23.07.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Research article

MILITARY SERVICE AS A SYSTEM-FORMING FACTOR IN THE LIFE OF THE NOBILITY OF IMPERIAL RUSSIA

Karina S. Chikaeva

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (13, Kalinina St., 350044, Krasnodar, Russian Federation)
Doc. Sc. (History), Professor
chikaevakarina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4005-5271>

Abstract. Introduction. The article examines the structure-forming role of military and army service in the life and activities of the Russian nobility. The author traces its features over a long historical period, the specifics of its passage, as well as the nature of its transformation in various historical periods. Using historical material, the author shows the importance of military service in the lifestyle and professional activities of the Russian nobility, in determining its social consciousness and worldview. Attention is also drawn to the connection of its various aspects with the economic and socio-economic life of the Russian nobility, its impact on the social status of this privileged class and its professional activities, lifestyle and mentality. **Materials and Methods.** In the course of writing this study, the author used a variety of methods adopted in historical science: historical-comparative, historical-typological, historical-systemic and retrospective. **Analysis.** The study examines various periods in the professional military activity of the nobility, it shows the role, importance and place of military service in the life of the Russian nobility, its impact on its socio-economic situation, lifestyle and mentality of the nobility. The difference in the nature and specifics of military service in various historical periods, starting from the reign of Peter the Great and before the First World

War, is traced. **Results.** The results of the study are determined by the fact that the author showed various specific features of the military service of the nobility during various periods of the existence of the Russian Empire, starting from the moment of its emergence in the reign of Peter I to the period of the First World War, and also found out its significance, place and role in the social life of the nobility. In addition, he showed its importance and importance in the general structure of public administration and military affairs in the Russian Empire.

Keywords: nobility, military service, officer corps, economic conditions, social role, Russian Empire

For citation: Chikaeva K.S. Military service as a system-forming factor in the life of the nobility of Imperial Russia. Humanities and law research. 2024;11(4): 723-728. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.14>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 13.04.2024.

The article was approved after reviewing: 23.07.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

Введение. Изначально дворянское сословие выполняло чрезвычайно важные функции в российском обществе. Распространенная ранее в российской исторической литературе концепция о том, что дворянство было исключительно привилегированным слоем и не имело никаких обязательств перед обществом и российским государством, на наш взгляд, не имела под собой серьезного научного обоснования. Напротив, если мы посмотрим в исторической ретроспективе, то дворянство имело достаточно серьезные обязательства перед российским социумом и государством и, по сути, было опорой существующей социальной системы в стране.

С древнейших времен в российском обществе сложилась достаточно четкая установка о том, что дворянство в первую очередь обеспечивает защиту российского государства от внутренних и внешних угроз. Исходя из этого, вся жизнь и деятельность дворянина в России была связана с военным делом и государственной службой, и даже когда формальный запрет на отказ от военной службы был снят в правление Петра III и Екатерины II, дворянство в большинстве случаев продолжало выполнять данную функцию. Именно из него формировался офицерский корпус и военная элита страны. Данный род занятий даже после формальной отмены обязательной военной службы в дворянских кругах был весьма почетен, и по большому счету именно военное дело в общественном мнении в России всегда было главной деятельностью дворянина, которой он должен был посвящать большую часть своей жизни. Отсюда государственная служба у дворянского сословия в России в первую очередь ассоциировалась именно с военной службой. Так исторически сложилась система социальных ролей на Руси, в рамках которой крестьянство и городские обыватели должны были заниматься повседневным трудом, а дворянство готовиться к военной службе, а затем служить государству именно на военном поприще.

Материалы и методы. В основе материалов исследования находятся документы Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, Российского государственного военно-исторического архива, а также материалы полного собрания законов Российской Империи. Исследование проведено на основе сравнительно-исторического, хронологического, историко-типологического и ретроспективного метода исследований исторического прошлого, принятых в исторической науке.

Анализ. Порядок военной службы сформировался еще в царствование Петра Великого, однако это не значит, что он отсутствовал ранее. В той или иной форме в российском государстве он существовал всегда. Это на Западе военная служба была некой привилегией, в России она всегда была обязанностью и в общем-то основ-

ным предназначением жизни и деятельности дворянина [5, с. 34].

В соответствии с данной точкой зрения возникает вопрос о том, можно ли вообще дворянство в российском обществе считать привилегированным правящим классом. Скорее всего, данное сословие было полностью зависимо от государства. Оно было изначально встроено в его социальную и управленческую систему, где главной его функцией как раз и была военная служба. Не касаясь сущности различных научных споров, на наш взгляд, вполне можно утверждать, что дворянство, несомненно, занимало привилегированное положение в российском обществе, и долгое время высшие должности в российском государстве в его административной и управленческой иерархии заполнялись именно дворянством. Но не подлежит сомнению и то, что дворянин в России не мог полностью распоряжаться своей судьбой и жизнью по своему усмотрению. Он бы полностью зависел от государства, и длительное историческое время все его привилегии действовали до тех пор, пока он служил своему Отечеству. Отказываясь от военной службы, дворянин, по сути, терял и свое привилегированное положение в обществе, и доступ к тем материальным благам, который предоставляло российское государство своим защитникам. Даже после формального освобождения от обязательной военной службы российское государство сохраняло неявный контроль за жизнью и деятельностью дворянства, соответственно награждая и материально стимулируя тех, кто продолжал служить ему и придавая забвению тех, кто по каким-то причинам отказывался от военной службы. Эта достаточно тонкая социальная и административная регулировка со стороны государства подталкивала российское дворянство и после формального освобождения от военной службы продолжать заниматься военным делом и служить обществу именно на военном поприще.

При Петре I исполнение данной функции российским дворянством впервые получает законодательную регулировку и отдельное законодательное установление [1, л. 319]. В петровскую эпоху еще неизвестно, кому приходилось на российской социальной лестнице проще и комфортнее: крестьянину, который занимался земледельческим трудом и который сталкивался с российским государством чрезвычайно редко, в каких-то исключительных случаях, или представителям дворянства, вся жизнь и детальность которых полностью контролировалась государством и была подчинена своим интересам.

Петр Великий в своих указах достаточно четко прописывал различные функциональные аспекты дворянской военной службы, отказаться от которой в петровскую эпоху дворянин не имел права: «... которые из бегов не явятся и потом будут пойманы, тех без всякой пощады повелено будет бить кнутом и вырвав ноздри ссылатъ на

вечную работу на каторги. Равным же образом и с теми учинено будет кто их будет укрывать» [1, л. 320]. Причем начинать эту службу представителям дворянского сословия России приходилось с самых низов [1, л. 39–40]. Так, дворянин еще, по сути, в юношеском возрасте должен был быть приписан к определенной воинской части, в которой он и начинал свою карьеру простым солдатом. Например, в Указе Анны Иоанновны от 13 мая 1736 г. предписывалось, что: «...дворянские дети от 10 лет и выше являлись при армии командующему генералитету, в губерниях и в городах губернаторам и воеводам, из которых самых неимущих за кем меньше 20 душ, велено определять в армейские полки, а за которыми больше 20 душ, высылать в Санкт-Петербург к герольдмейстеру...» [2, л. 48 об.]. Только после такой обязательной рядовой службы дворянину могло быть присвоено офицерское звание. Кроме того, категорически запрещалось нарушать очередность в последовательности присвоения воинских чинов, то есть присваивать воинское звание через какой-либо воинский чин. Дворянину нужно было пройти все ступени военно-служилой лестницы, для того чтобы стать частью военно-политической элиты страны, и получить те привилегии, которые отличали его от других членов российского общества. Причем при Петре I уже не обращалось внимание на знатность и древность того или иного дворянского рода, главным критерием теперь являлась воинская служба, ее четкое безупречное выполнение.

Теоретически в петровском государстве дворянство мог получить любой, и происходило это чаще всего в рамках воинской профессиональной деятельности. В петровское время и позже все дворяне были обязаны представлять своих детей и других родственников на так называемые «смотры», естественно, самим главам дворянских семей также необходимо было являться на них. Так, согласно Указу Елизаветы Петровны от 29 августа 1759 г., «...за неявку к смотру в указанные лета, за утайку себе лет и за не обучение наукам написаны в матросы и солдаты вечно, а престарелые посланы на поселение в Оренбург» [2, л. 460]. Возрастной предел данных смотров находился в установленных рамках от 10 до 30 лет. Участие в смотрах предполагало последующее назначение на военную службу и распределение дворян в соответствии с их предполагаемыми будущими профессиональными военными обязанностями. Отказ от участия в таких государственных смотрах приравнивался, по сути, к преступлению. Дворяне, не являющиеся на такие смотры, приравнивались к беглым крестьянам и солдатам и подвергались таким же наказаниям и штрафам. Причем некоторые наказания для дворянских детей были чрезвычайно серьезными и предполагали обращение с ними как с государственными преступниками.

Это был лишь один из аспектов военно-служилой деятельности дворянства, в котором

были хорошо показаны те обычаи и законодательные установления того времени, которые сопровождали российского дворянина на протяжении всей его жизни. Можно сказать, что в каких-то моментах существование дворян было даже хуже, чем крепостных крестьян, жизнь которых в те времена не подвергалась такому тотальному контролю и всесторонней регламентации. Данная тенденция продолжалась и при других российских правителях. Только исключительно преклонный возраст, болезнь или полученные во время прохождения военной службы увечья, согласно Манифесту «О порядке приема в службу шляхетских детей и увольнении от оной» [6, с. 1022], предоставляли дворянину право на отставку. Исходя из этого, полное освобождение ему давала только смерть, серьезная болезнь или инвалидность. До получения офицерского чина дворянские юноши должны были постигнуть различные науки, которые были необходимы им для последующего прохождения воинской службы. Для этой цели дворяне должны были проходить обязательное обучение. Те же из них, которые по каким-то причинам отказывались от него, теряли право жениться. Зачастую дворяне должны были проходить и достаточно сложную систему экзаменов, сдача которых предоставляла им право на женитьбу и создание семьи. В чем-то эта система напоминала систему сдачи государственных экзаменов для чиновников в Китае, но в России ее особенность заключалась в том, что она относилась исключительно к военному делу и к службе в армии. Позже в XVIII в. в России было организовано несколько кадетских корпусов, чьим предназначением и была подготовка молодых дворян к военной службе. Наиболее известные из них были Пажеский, Морской и Шляхетский сухопутный корпус. Длительное время военная служба для дворян была бессрочной, и лишь постепенно российскими правителями дворянству предоставлялись различные возможности для ее ограничения. Так, например, в 1736 г. был зафиксирован срок военной службы дворян в 25 лет, а ее начало сдвигалось с 15 до 20 годов [3, с. 95]. При этом один из братьев в семье при наличии нескольких детей и вовсе мог освобождаться от обязательной воинской службы.

Значительная эмансипация дворянства произошла уже в 60-ые гг. XVIII столетия. Так, 18 февраля 1762 г. был издан Указ Петра III об освобождении дворян от обязательной воинской службы [7, с. 912–915]. В соответствии с ним все дворяне могли уже добровольно продолжать службу «... сколь долго пожелают и их состояние им позволит» [7, с. 913]. Но и после этого дворянин, не прошедший ее, считался в значительной мере неполноценным членом общества и в какой-то степени ущербным.

Особенным почетом среди дворянского сословия пользовалась служба в гвардии. Как правило, молодые люди из дворян старались попасть именно туда, поскольку гвардейские части

занимали в армии привилегированное положение, пользуясь близостью к престолу. В основном в гвардейские воинские части попадали представители наиболее знатных дворянских родов, имеющие зачастую историю в несколько столетий служению «царю и Отечеству». В какой-то мере можно было попасть туда и за особые заслуги, свои личные либо близких родственников. Военная служба в гвардии, как правило, способствовала быстрому продвижению по карьерной лестнице и получению новых чинов и званий [8, л. 9–12 об.]. Для того чтобы предотвратить приход в гвардию исключительно из корыстных побуждений, нередко использовались различные варианты армейской службы в обычных строевых частях, и только лишь по истечении двух лет службы там дворяне зачислялись в гвардейские полки: «...офицеры армейских полков, поощряемые переводом отличнейших своих товарищей в гвардию и в лестной надежде и самим получить на сие право, будут, конечно, ревностнее в исполнении своих обязанностей» [8, л. 9–12 об.].

При всем этом армия постоянно испытывала недостаток профессиональных офицерских кадров, в особенности в обычных строевых армейских частях: «Посему ясно выказывается, что существующий недостаток достойных офицеров в армии как в настоящем положении, так более еще по последствиям своим есть весьма важное обстоятельство для государства, а потому и вынуждает обратить особое внимание на изыскание средств к замещению вакансий в армии людьми достойными своего звания и могущими с пользою управлять порученными частями» [8, л. 13–17 об.]. Сказывался также и недостаток образованных кадров в среде будущего офицерства из дворян [8, л. 13–17 об.]. Причиной этого служило, как ни парадоксально, низкое жалование офицерского состава и более чем скромное государственное содержание [8, л. 18–22 об.]. Действительно, если будущий офицер происходил из небогатого дворянского рода, каковых в российской армии было большинство, то ему содержать себя на армейское жалование было чрезвычайно затруднительно. Дворянское звание и офицерский чин предполагал достаточно затратный образ жизни. Молодой дворянин должен был достойным образом одеваться, иметь подходящую воинскую амуницию, снаряжение и все необходимые принадлежности воинской службы. Помимо этого, он должен был вести достойный образ жизни в светском обществе, в котором, как правило, он вращался.

Такая жизнь предполагала достаточно затратное времяпрепровождение, связанное с посещением лучших домов Петербурга и Москвы, балов, званых обедов и ужинов, посещение театров и других мест массового увеселения. Кроме того, офицер должен был обладать хорошим экипажем, достойной квартирой и всей причитающейся обстановкой к ней. Естественно, что

жить таким образом на армейское жалование было чрезвычайно затруднительным, и большинство офицеров из дворян постоянно испытывало материальную нужду. Их имения или имения их родителей, как правило, были заложены в банках, а семьи находились в постоянных долгах.

Разумеется, в дворянской среде были и чрезвычайно состоятельные люди на военной службе, но таких уже к середине XIX в. было незначительное меньшинство. Как правило, это были представители верхней части элиты дворянского сословия, близкие к престолу и обладавшие огромными земельными угодьями и крупными финансовыми состояниями. Но таких было немного, все остальные испытывали постоянные денежные затруднения, находясь на воинской службе и, как правило, имели долги перед банками или частными лицами.

Современники обращали пристальное внимание на эту проблему, указывая, что такое невысокое денежное содержание, по существу, делает российское офицерство неким маргинальным слоем, представителям которого приходилось постоянно изворачиваться и исхитряться, чтобы обеспечить себе более-менее достойное существование. Данные обстоятельства в большей степени относились в основном к тем представителям дворянского сословия, находящимся на воинской службе, которые проходили ее в столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге. Чем дальше от столиц, тем, естественно, финансовые затраты офицерства были меньше.

Относительно невысокими они были в действующей армии, находящейся на Кавказе. Но и там армейские офицеры из дворян нередко испытывали определенную нужду и стесненность в средствах, хотя расходы в действующей армии были несоизмеримо меньшими по сравнению со службой в столицах. Кроме того, в действующей армии дворяне на офицерских должностях нередко получали усиленные оклады и жалования. Так, например, офицеры тех воинских частей, которые были расположены в нагорных местностях Закавказской области, Закавказье, в Черноморском области, Терской и Кубанской областях, постоянно получали усиленное денежное содержание.

В те времена быт на Юге России отличался по сравнению со столицами достаточной простотой и скромностью, поэтому некоторые из дворян после окончания воинской службы в действующих частях оседали в южных регионах [9, л. 36]. Дворян также влекла на Кавказ надежда на быстрое продвижение по служебной лестнице и возможность получения больших земельных владений на новых только что завоеванных территориях. Как следствие, в какой-то степени, на наш взгляд, можно вполне говорить о дворянской колонизации южно-российских провинций, в которой большую роль сыграли выходцы из центральных российских губерний.

Но в целом ухудшение экономического положения военно-служилого дворянства отмечалось и там. Можно сказать, что к концу XIX в. дворянство практически полностью утратило экономическую независимость. Так, уже во второй половине XIX в. не больше трети всех потомственных дворян были помещиками. Основная масса дворянства не имела никаких земельных владений и жила лишь на жалование, получаемое на воинской службе. Кроме того, после великих реформ Александра II были практически полностью отменены служебные привилегии дворян. Парадоксально, но в то время наличие дворянского звания не предоставляло его обладателю, по сути, никаких преимуществ по сравнению с выходцами из других сословий. Таковыми могли быть небольшие льготы для дворян при устройстве детей в учебные заведения и ряд незначительных привилегий, смысл которых к концу XIX в. был уже совершенно утрачен.

Офицерская служба пользовалась все меньшей популярностью в обществе. Положение офицера в сравнении со многими богатыми нуворишами того времени было достаточно неприглядным. После великих реформ середины XIX в. и реализации концепции массовой призывной армии престиж офицерской службы и карьеры резко пошел на убыль. Больше возможности для молодого человека, в том числе из дворянского сословия, предоставляла деятельность на финансовом поприще или даже работа по найму в крупных государственных или частных компаниях. Поэтому во второй половине XIX в., несмотря на увеличение армии, численность офицерства возросла незначительно [3, с. 98].

Определенный интерес она продолжала представлять либо для обедневших дворян, либо для выходцев из других менее именитых сословий, поскольку предоставляла хоть им какие-то социальные гарантии в виде выслуги лет, пенсии и т.д. [3, с. 98]. Из-за этого офицерский корпус в то время существенно постарел, и нормальным считался выход в отставку после 30-35 лет службы. Тем не менее, высшие чины в армейской воинской иерархии и в это время были фактически закреплены за представителями дворянского сословия и выходцами в первую очередь из потомственных дворян. В остальных же случаях процент дворян на воинской службе постоянно снижался. Так, в 1864–1897 гг. он снизился «с 55,8 до 51,2 %» [3, с. 270]. При этом, напротив, за это время в среде высшего офицерства и генералитета он вырос втрое – «с 87,7 до 91,9 %» [3, с. 270].

Бурные перемены, произошедшие в конце XIX – начале XX столетия, и вовсе привели к вымыванию численности дворянского офицерского корпуса. Так, например, в начале XX в. на потомственных дворян приходилось лишь 37% [10, с. 317]. К моменту начала Первой мировой войны существенно возросло количество офицеров не из дворян. К 1914 г. их численность составила более 42 тысяч офицеров [3, с. 87–88]. С ее началом

большая часть офицеров из дворян, служивших до Первой мировой войны, погибла во время военных действий в первые два года [4, с. 28].

Причем на этот раз существенные перемены затронули и высший эшелон военной службы. Так, к 1917 г. в Российской императорской армии большинство из состава генералитета происходило уже не из дворян, а из других сословий, представители которых сделали блестящую карьеру в военный период и получили потомственное дворянство за военную выслугу [3, с. 83].

Результаты. Таким образом, военная служба на протяжении длительного исторического времени была постоянно действующим системообразующим фактором в существовании российского дворянства. Можно отметить, что дворянское звание и воинская служба в период существования Российской империи были, по сути, неразрывными понятиями. Истоки военной дворянской службы, как мы видим, уходили еще в древние времена Московской Руси, тогда складывались их системные сущностные характеристики, которые позже и получили развитие в российском имперском государстве.

Без преувеличения можно сказать, что воинская служба была определяющим моментом в жизни многих поколений российских дворян. Служение царю и Отечеству было не только почетной обязанностью каждого дворянина, но и предоставляло ему определенное положение в обществе, а также материальные блага и репутацию. Поэтому военная служба и дворянство были неразрывно связаны между собой.

На раннем этапе существования императорской России государству необходимо было регулировать данную сферу и закрепить военную службу дворян в стране в законодательном порядке. Во времена Петра I были приняты указы, которые регламентировали порядок воинской службы дворян и юридически устанавливали ее необходимость. Больше того, в широком смысле воинская служба дворян была существенной частью некоего негласно существующего общественного договора, согласно которому монарх управляет страной, податные сословия ведут хозяйственную и производящую деятельность, а дворянство отвечает за оборону и защиту.

Однако в дальнейшем какого-то принуждения дворян к воинской службе уже не понадобилось, его необходимость отпала сама собой после того, как представление о ней как о единственном достойном деле дворянина нашло стойкое закрепление в общественном сознании.

Данные представления определяли существование российского дворянства практически до начала великих реформ середины XIX в. После их проведения, а также после изменения хозяйственного и экономического уклада страны ее значение в системе мировоззренческих координат дворянского сословия стало снижаться, а в целом ее престиж в обществе падать. В значительной мере это было связано с достаточно

низким денежным содержанием офицерского корпуса, первоначально сплошь состоявшего из представителей дворянского сословия, в то время как представители других профессий в обществе получали доступ ко все большим финансовым и материальным возможностям, положение дворянства практически не менялось.

Наоборот, уровень жизни дворян на военной службе существенно понизился по сравнению с прошлыми временами, и другие сферы общественной жизни стали представлять для российского дворянства более существенный интерес. Однако это не относилось к высшей армейской элите, в которой и в это время продолжали преобладать выходцы из дворянского сословия. Окончательный удар по положению дворян в армейской среде нанесла предвоенная эпоха, когда потребность в массовой армии привела к необ-

ходимости рекрутирования в офицерский корпус представителей не только дворянства, но и других сословий российского общества. Для них, в отличие от дворянства, военная служба была достаточно мощным социальным лифтом, который давал возможность получить значимое положение в российском обществе.

Сложившееся положение усугубила Первая мировая война, в ходе первых лет которой дворянский офицерский корпус был практически весь выбит, и на смену ему пришли офицеры – выходцы из самых разных сословий российского общества. Данное обстоятельство коснулось даже высшего уровня воинской службы – генералитета, после двух лет Первой мировой войны уже и большинство его представителей были выходцами не из дворян, а из других массовых сословий российского социума.

Литература

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 24. Оп. 97/20. Д. 4.
2. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 116.
3. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 367 с.
4. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917-1920 гг. М.: Наука, 1988. 276 с.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб: «Искусство-СПБ», 1994. 412 с.
6. Полное собрание законов Российской Империи. Первое собрание. Санкт-Петербург: Типография II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 9 (1733–1736), 1830. 1016 с.
7. Полное собрание законов Российской Империи. Первое собрание. Санкт-Петербург: Типография II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 15 (1758 – 28 июня 1762), 1830. 1051 с.
8. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Т. 2а. Д. 3568. Копия.
9. РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 300.
10. Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 496 с.

References

1. Archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Communications Troops (AVIMAIV i VS). F. 24. Inv. 97/20. D. 4. (In Russ.).
2. AVIMAIV i VS. F. 2. Inv. ShGF (Shtab generalfel'dtseikhmeistera). D. 116. (In Russ.).
3. Volkov SV. Russian officer corps. Moscow: Voenizdat; 1993. 367 p. (In Russ.).
4. Kavtaradze AG. Military specialists in the service of the Republic of Soviets; 1917-1920. Moscow: Nauka; 1988. 276 p. (In Russ.).
5. Lotman YM. Conversations about Russian culture. The life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century). St. Petersburg: Iskusstvo-SPB; 1994. 412 p. (In Russ.).
6. The complete collection of laws of the Russian Empire. The first collection. Saint-Petersburg: Printing house of the II department of His Imperial Majesty's own Chancellery. Vol. 9 (1733-1736), 1830. 1016 p. (In Russ.).
7. The Complete collection of laws of the Russian Empire. The first collection. Saint-Petersburg: Printing house of the II department of His Imperial Majesty's own Chancellery. Vol. 15 (1758-28 June 1762), 1830. 1051 p. (In Russ.).
8. RGVIA. F. 1. Inv. 1. Vol. 2a. D. 3568. Copy. (In Russ.).
9. RGVIA. F. 414. Inv. 1. D. 300. (In Russ.).
10. Romanov BA. Essays on the diplomatic history of the Russian-Japanese war. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1947. 496 p. (In Russ.).



Научная статья

УДК 94: 297.17

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.15>

ИБН АЛЬ-ДЖАУЗИ: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО И ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ БАГДАДСКОГО УЧЕНОГО (XII В.)

Заур Абдулкеримович Чомаев

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, доцент

zaurak1976@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8842-3785>

Аннотация. Введение. В статье рассматривается жизнь и творчество известного арабского мыслителя XII в. Ибн аль-Джаузи. Изучение отдельных личностей имеет немаловажное значения для понимания эпохи. Особое значение для историографии имеют творческие личности, оставившие после себя воспоминания, по которым можно воссоздать реальную картину эпохи и те переживания, и трудности, которые им пришлось пройти. Творчество Ибн аль-Джаузи является ярким примером развития классической исламской мысли и особого жанра XI–XII вв. – критицизма (*нақд*). На основе его трудов выросло не одно поколение исламских ученых. Многие его работы по истории и полемической теологии актуальны и по сей день. **Материалы и методы.** Материальной базой послужили труды Ибн аль-Джаузи, также библиографические и критические работы ранних и поздних ученых. В работе автором использованы такие общенаучные принципы, как историзм и объективизм, без которых в исторических работах нельзя прийти к желаемому результату. Нельзя изучить историческое явление в отрыве от основных событий изучаемой эпохи. Для решения данной задачи автор использовал системный подход. Также в работе был применен сравнительно-исторический метод. **Анализ.** Ибн аль-Джаузи прошел довольно большой и трудный путь становления ученого. Впоследствии получил всеобщее признание. С ним считались не только простые жители, но и правители. Среди продажных и алчных судей и «ученых» той эпохи он выделяется своей непоколебимостью, мужественно переносит удары судьбы. В своих работах смело критикует пороки общества, указывает на причины их возникновения и дает рекомендации по их исправлению. После себя оставил большое интеллектуальное наследие в таких областях, как поэзия, критическое осмысление религиозных течений эпохи, истории и социологии. **Результаты.** В работе показана важность изучения интеллектуального наследия и жизненного пути эрудитов средневекового Арабского Востока, для того чтобы понять глубинные противоречия данной эпохи. Большую важность представляют критические труды Ибн аль-Джаузи, по которым можно понять внутренние противоречия в обществе, выяснение которых помогает сделать правильные выводы и понять закономерности исторического развития данного общества.

Ключевые слова: Ибн аль-Джаузи, интеллектуальное наследие Арабского Востока, Аббасидский халифат, Багдад, ислам

Для цитирования: Чомаев З. А. Ибн аль-Джаузи: основные вехи жизненного и творческого пути багдадского ученого (XII в.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 729–736. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.15>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 23.08.2024.

Статья принята к публикации: 25.09.2024.

Research article

IBN AL-JAWZI: THE MAIN STAGES OF LIFE AND CREATIVE PATH OF THE BAGHDAD SCHOLAR (12TH CENTURY)

Zaur A. Chomaev

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017, Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

zaurak1976@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8842-3785>

Abstract. Introduction. The article examines the life and work of the famous Arab thinker of the 12th century Ibn al-Jawzi. The study of individuals is of great importance for understanding the era. creative individuals who left behind memories that can be used to recreate the real picture of the era and the experiences and difficulties they had to go through are of particular importance for historiography. The work of Ibn al-Jawzi is a striking example of the development of classical Islamic thought and a special genre of the 11th-12th centuries – criticism (*naqd*). More than one generation of Islamic scholars grew up on the basis of his works. Many of his works on history and polemical theology are relevant to this day. **Materials and Methods.** The works of Ibn al-Jawzi, as well as bibliographic and critical works of early and late scholars served the material base of the study. The author used such general scientific principles as historicism and objectivism, without which it is impossible to come to the desired result in historical works. It is impossible to study a historical phenomenon in isolation from the main events of the studied era. To solve this problem, the author used a systematic approach. Also, the comparative historical method was used in the work. **Analysis.** Ibn al-Jawzi went through a rather long and difficult path to becoming a scientist. Subsequently, he received universal recognition. Not only ordinary people, but also rulers reckoned with him. Among the corrupt and greedy judges and “scholars” of that era, he stands out for his steadfastness,

courageously enduring the blows of fate. In his works, he boldly criticizes the vices of society, points out the reasons for their occurrence and gives recommendations for their correction. He left behind a great intellectual legacy in such areas as poetry, critical understanding of the religious trends of the era, history and sociology. **Results.** The work shows the importance of studying the intellectual heritage and life path of the scholars of the medieval Arab East in order to understand the deep contradictions of this era. The critical works of Ibn al-Jawzi, by which one can understand the internal contradictions in society, are of special significance. The clarification of these works helps to draw the right conclusions and understand the patterns of historical development of this society.

Keywords: Ibn al-Jawzi, intellectual heritage of the Arab East, Abbasid Caliphate, Baghdad, Islam

For citation: Chomaev ZA. Ibn al-Jawzi: the main stages of life and creative path of the Baghdad scholar (12th century). Humanities and law research. 2024;11(4):729-736. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.15>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.03.2024.

The article was approved after reviewing: 23.08.2024.

The article was accepted for publication: 25.09.2024.

Введение. В последние десятилетия исламские исследования вновь возвращаются в поле зрения науки, решая практические задачи злобы дня, приобретают особую важность и устойчивость. Исламский фактор обнаруживается во всех сферах жизнедеятельности человека: в политике, в экономике, в международных отношениях, в теологии. Нельзя не согласиться с тем, что «специфическую окраску исламу придает использование мусульманского фактора в геополитическом противостоянии великих держав на исходе XX в.» [4]. Большое количество работ как отечественных, так и зарубежных исследователей посвящено изучению исламской истории, политики и культуры. Оно и понятно, так как постколониальный период ознаменован бурным ростом исламского возрождения, пробуждения в арабо-мусульманском мире. Новым витком обострения арабо-мусульманского фактора в ближневосточном регионе стала, так называемая «арабская весна», всколыхнувшая весь Арабский Восток. Демократические преобразования в стране и распад Советского союза способствовали возрождению исламских идей на постсоветском пространстве, опровергнув выводы Г. Гегеля о то, что ислам якобы «возвратился к восточному покою» [2, с. 377].

История становления и развития исламской цивилизации исторически прошла довольно большой и противоречивый путь, осмысление которого требует углубленного изучения всех его этапов. Только комплексный анализ всех событий может привести к правильным выводам. Большим подспорьем в понимании исламского феномена является изучение средневекового арабо-мусульманского интеллектуального наследия. Это золотой фонд классического периода ислама, к которому до сих пор обращаются все известные мыслители и политические деятели мусульманского мира и не только.

Расцвет научной мысли в Халифате приходится на XI–XII вв. Одним из ярких представителей арабо-мусульманской интеллектуальной мысли конца XII века, бесспорно, является известный арабский историк и богослов Ибн аль-Джаузи (ок. 1116–1201 гг.). Свою долгую, насыщенную интеллектуальными подвигами жизнь он прожил в Багдаде, откуда вышли многие известные деятели исламского мира. Он был современником шести Аббасидских халифов и свидетелем многих политических свершений, социальных и интеллектуальных перемен в арабо-мусульманском обществе. В его время общество начинает расслаиваться на бедных и богатых. В руках отдельных «кланов», в силу неправильного распределения имущества, как и в современном мире, оказываются большие материальные богатства. Разбогатевшие эксцентричные элементы начинают расшатывать и раскалывать общество, что приводит к внутренней политической дестабилизации и ослаблению власти халифов. Наряду с этим, в обществе растет число обнищавших граждан. Это можно связать и непосильным налогообложением населения. Складывается типичная проблемная ситуация, связанная с классом богатых и

бедных. Как закономерность, отмечается рост преступности. Большой опасности подвергаются мирные жители. Агрессивно настроенные слои общества, в основном жители пустынь (бедуины), пользуясь ослаблением внутренней политики в халифате, начинают нападать на торговые караваны и на паломников и грабить их. Также он является свидетелем таких исторических событий, как падение Фатимидского государства и становления государства Аййюбидов. На фоне происходящих событий появляется множество научных и религиозных школ. Ибн аль-Джаузи будучи свидетелем этих событий описывает их в своих исторических сочинениях. Как отмечает Хасан 'Иса, Ибн аль-Джаузи, как и предшествующие ему ученые, «становится свидетелем и историком своей эпохи» [15, с. 14–15]. Об истинности данного утверждения свидетельствует его известное историческое сочинение *аль-Мунтазам*. Данный труд от исторических трудов предшественников отличается тем, что в нем он собрал информацию о 3370 выдающихся исторических личностях: о халифах, царях, визирах, ученых, философах, поэтах и т.д. [см.: 12, т. 1., с. 42]

Территория современного Ирака была довольно плодотворной в интеллектуальном отношении. При Омеййадах халифом аль-Ма'муном был учрежден в Багдаде известный на весь халифат «Дом мудрости». Наряду с Багдадом своими известными интеллектуалами отличались и такие города как Куфа и Басра. После переселения в Ирак в свое время сподвижников Пророка Мухаммада (*сахабов*) большое внимание его жители начали уделять изучению исламской теологии. Об истинности данного положения свидетельствуют исторические факты. Например, в Басре проживал один из известных богословов-проповедников из числа *таби'инов* Хасан аль-Басри (642–728 гг.), передавший со слов сподвижников последующим поколениям ценные знания об исламском учении. В Куфе жил и работал выдающийся теолог своего времени суннитский имам ан-Ну'ман б. Сабит (699–767 гг.) известный как Абу Ханифа. Созданная им религиозно-правовая школа (*мазхаб*) до сих пор сохраняет свою актуальность, имеет большое количество последователей. Большинство мусульманской уммы РФ придерживается ханафитского мазхаба. Другим не менее известным иракским (багдадским) исламским ученым *алимом* является Ахмад б. Ханбал (780–855 гг.). Созданное им учение (*мазхаб*) считается одним из четырех известных суннитских религиозно-правовых школ, последователем которого был и изучаемый нами деятель Ибн аль-Джаузи. Нельзя не упомянуть известного историка и теолога аль-Хатиба аль-Багдади (1002–1072 гг.). Он является автором такого фундаментального исторического сочинения, как *Тарих аль-Багдад* («История Багдада»), состоящая из 24-х томов. По его работам можно изучить историю Ирака как политическую, так и религиозную. «Изучение религиозной истории народа ценно и тем, что оно дает понимание традиций, сложившихся у народа в течение многих веков» [5]. Список выдающихся уче-

ных, выходцев из Багдада, можно продолжить и дальше. Здесь, думается, определенно понятно место и роль Багдада в развитии интеллектуальной мысли средневекового Арабского Востока.

Во введении стоит также отметить, что, несмотря на большую известность Ибн аль-Джаузи на Востоке, в нашей стране его творчество малоизученно. Нет масштабных академических работ, знакомящих читателя с его творчеством, хотя его обширное интеллектуальное наследие представляет немалый интерес для разных слоев населения. В свое время западными востоковедами многие его работы были изучены и переведены на европейские языки. Многие его рукописи хранятся в исторических архивах Европы. По его работам можно изучить интеллектуальные достижения ученых Аббасидской эпохи по истории, социологии, теологии и т.д. Некоторые его работы переведены на русский язык. Имеются довольно скудные данные биографического характера. Сюда можно включить данные энциклопедий и статей. Во всех этих работах находим только положительные отзывы об этом человеке, что немаловажно. В основном, к его критическим высказываниям обращаются исследователи, занимающиеся изучением суфизма (Напр., см.: [1] и [3]).

Однозначно, полномасштабной картины его творчества указанные работы не дают. Его творчество куда шире, чем мимолетная критика деяний и высказываний отдельно взятых суфиев в многотомных и многогранных его произведениях. Например, никакого отношения к суфизму и суфиям не имеют такие его произведения как, *Ахбар ан-ниса'* («Рассказы о женщинах»), *А'мар аль-а'ян* («Жизнь ученых»). Данные труды можно классифицировать как труды по социологии и антропологии, не говоря уже о его многотомном историческом сочинении *Мунтазам фи тарих аль-мулюк уа-ль-улам* («Систематизированная книга об истории правителей и народов»), которое можно поставить рядом с трудами таких выдающихся арабских историков, как аль-Мас'уди, ат-Табари и др. Однозначно, наряду с этим, он был полемистом. В своих полемических сочинениях, таких как *Сайд аль-Хатир*, *Тальбис Иблис* и др. он подвергает критике разного рода течения и бытующие в обществе воззрения, которые, по его мнению, не соответствуют общепринятым правилам и требованиям ислама.

Материалы и методы. В данной работе было исследовано творчество одного из выдающихся арабских мыслителей XII в. Ибн аль-Джаузи. В ходе исследования были изучены и подвергнуты анализу многие его труды, также материалы библиографического характера. В рамках исследования непосредственно были применены принципы историзма и объективизма, необходимые для выявления в истории причинно-следственных связей. Выясняя общее и частное в работах арабского ученого, автор пользовался таким методом, как историко-сравнительный. В работе для комплексного изучения проблемы широко использован и системный подход.

Анализ. Абу-ль-Фарадж 'Абду-р-Рахман ибн 'Али аль-Кураши известный как Ибн аль-Джаузи родился в Багдаде. Является потомком первого халифа Абу Бакра ас-Сиддика (ум. в 634 г.). Об этом открыто он пишет в своем завещании сыну: «О сын мой, знай, что мы из потомства Абу Бакра, да будет доволен им Аллах» [10, с. 514]. Фактически рос сиротой, так как в три года он остался без отца. В силу того, что семья была зажиточной, материально он был неплохо обеспечен. В основном, семья занималась торговлей медью. Воспитывался у тети по линии отца. Согласно биографическим источникам, получил по тем временам неплохое образование. Хорошо изучил историю, исламскую теологию, арабский язык. Его учителями являлись выдающиеся ученые того времени. Первым его учителем является известный богослов и лингвист того времени Мухаммад б. Насир б. Мухаммад (1074–1155 гг.). Он приходился ему дядей по линии отца. 30 лет он посещал его кружки [7].

Имеется несколько вариантов объяснения его *куны* аль-Джаузи. По одним источникам, это слово является относительным прилагательным от слов *джауз*, что означает «орех» или «ореховое дерево», которое произрастало около его дома в городе Васит. Говорят, что это было единственное ореховое дерево в его квартале. Другие говорят, что это было название бухты. О его семье имеется мало информации. По имеющимся данным, у него было пять сыновей и пять дочерей. Из них в детском возрасте скончались шестеро, четверо сыновей и две дочери.

Ибн аль-Джаузи изучал различные науки. Наибольшую известность он получил как проповедник, историк и специалист по хадисоведению. Творческий талант у Ибн аль-Джаузи обнаруживается довольно рано. В 13 лет он уже начинает писать проповеди. В 20 лет, после смерти своего учителя, он активно занимается проповеднической деятельностью, став на его место. Обладая выдающимися ораторскими способностями и красноречием, он собирал многотысячные аудитории. Согласно воспоминаниям его современников, по субботам в Багдаде он читал проповеди, где в будние дни число слушателей достигало 10-ти тысяч. Были дни, по описаниям, где число слушателей *алима* достигало 100 тысяч [6, с. 11]. Это указывало не только на его ораторские способности, но и на широту его познаний, а главное на доверие со стороны простых мусульман, которого не хватало многим проповедникам того времени. Заслужить доверие и признание в мусульманском мире было не так просто. Согласно исламу, исламским ученым считается тот, кто наряду с эрудицией обладает и таким важным качеством, как богобоязненность. Об этом говорится и в Коране (35: 28). Таким образом, ранняя плеяда исламских ученых отличалась не только «академическими» знаниями, но и поведением. В силу неразрывности в исламе знания и поведения, такое понятие как *зухд* (аскетизм) начинает будоражить умы многих интеллектуалов раннеисламской эпохи. Оно и понятно, так как без жертв в «мирских» делах нельзя было достигнуть успехов в науке и в религии. Занятия

научными изысканиями наряду с религиозными действиями сжигали львиную долю времени и сил мусульманских ученых. Чтобы стать мусульманским ученым наряду с научными изысканиями помногу надо было молиться, особенно по ночам, так как ночная молитва считалась молитвой праведников, часами ежедневно читать Коран. Знания Корана наизусть считалось показателем не только интеллектуальных возможностей *талиба*, но и являлось показателем высокого уровня благочестия и смирения. А это были те качества, без которых нельзя было завоевать сердца последователей из числа простых верующих.

Согласно данным разных источников, количество сохранившихся рукописей Ибн аль-Джаузи превышает 500 [6]. Многие из этих рукописей являются сокращенными версиями полных вариантов его работ или дополнениями к его основным работам. Когда у него самого спросили о количестве написанных им работ, то он сказал, что у него «более 340 работ, некоторые из них состоят из 20 томов, другие из одной главы» [13, с. 413]. С его же слов понятно, что он уделял большое внимание творчеству. Написал очень много книг. По-видимому, некоторые его труды представляли собой черновые работы, не прошедшие окончательной редакции, так как многие его высказывания подвергались критике со стороны его современников и последующих ученых, изучавших его творчество. Многие критики обвиняли его в том, что он неоправданно много использует в своих теологических работах «слабые» хадисы *мауду'ат*. Думается, что не корректно обвинять его в использовании в теологии «слабых» хадисов, так как со слов многих ученых, он считался одним из лучших хадисоведов своего времени [см.: 14, с. 311]. Об этом свидетельствует и тот факт, что его перу принадлежит такая книга, как *Китаб аль-мауду'ат* («Книга о слабых хадисах»), где указанный автор собрал из разных источников и подверг критическому анализу «слабые» хадисы.

Тенденция использования «слабых» хадисов в теологических работах наблюдается у большинства исламских ученых X–XII вв. Например, к таковым можно отнести и работы известного ученого XI в. Абу Хамида аль-Газали. Его известное сочинение *Ихя' улюм ад-дин* («Возрождение религиозных наук») содержит необоснованно большое количество слабых хадисов и иудейских историй *исра'илият*. Однако это не умаляет значение его работ, так как он в большинстве случаев подтверждает «слабые» рассказы более сильными доводами. Указанное нами сочинение аль-Газали, разбито на десять больших частей. И каждая глава начинается с аятов Корана, затем идут хадисы Пророка с комментариями только после этого можно встретить «слабые» хадисы и иудейские рассказы, которые, по сути, не противоречат приведенным аятам и достоверным хадисам. В работах Ибн аль-Джаузи иной порядок составления. Он, в отличие от многих авторов своей эпохи, приводит очень много примеров из собственной жизни и своих наблюдений, очень мно-

го ссылок на другие источники иногда и на собственные работы. В одном из его высказываний говорится, что он «приводящий в порядок *мураттиб*, а не автор *мусаннаф*» [13, с. 414].

Большое внимание он уделял изучению арабского языка. Стиль изложения материала наряду с его поэзией лишний раз доказывает глубину его языковой подготовки. Самобытность его таланта заключается и в том, что многие его произведения написаны в стиле *садж'*, т.е. рифмованной прозы. К таковым, например, можно отнести такое его произведение, как *Китаб мау'из Ибн аль-Джаузи* («Книга проповедей Ибн аль-Джаузи»). Вот как описывается в указанной книге мирская жизнь *ад-дунья* [9, с. 67]:

*Аууалюха 'ана', уа ахируха фана'
Халялюха хисаб, уа харамуха 'икаб.*

Жизнь начинается с забот,
а заканчивается исчезновением;
За дозволенное в ней – ждет расчет,
а за недозволенное – ждет наказание.

Ибн аль-Джаузи в своих сочинениях собрал большое количество интересных рассказов и случаев из жизни известных личностей. Такими рассказами изобилует его книга *Китаб аль-азкия'* («Книга о пронизательных»). В одном из рассказов в данной книге говорится о пронизательности известного куфийского ученого Абу Ханифы. Согласно рассказу, со слов Мухаммада б. аль-Хасана, ученика Абу Ханифы, говорится, что к одному человеку зашли грабители, забрали у него имущество и взяли с него завет, чтобы он ни на кого из них не указывал. В другой день потерпевший узнал воров, продававших ограбленное у него имущество. Однако, в силу того, что он дал клятву, он не мог прямо указать на них, так как клятвopеступничество считалось плохим тоном. Когда весть об этом дошла до Абу Ханифы, он велел собрать всех в мечеть и пропускать по одному. А тот, кого ограбили, должен был стоять у дверей и говорить «нет» по отношению к тем, кто не участвовал в ограблении. А если проходил участник ограбления, он должен был молчать. Таким образом, воры были пойманы, а клятва – не нарушена [16]. В другом рассказе говорится, что племя *мазина* захватила в плен представителя другого племени и потребовала выкуп в виде козла. Представитель племени пленного принес и отдал им козла, сказав: отдавайте моего брата и забирайте своего. После этого случая данное племя начали называть *мазина ат-тайс*, что означало племя козла [16].

Немалый интерес вызывает его полемические труды. Изучая полемическую литературу, написанную острым пером Ибн аль-Джаузи, можно сделать вывод, что к XII веку аскетизм в исламском мире начинает приобретать более изощренные виды. Начинают формироваться мистические суфийские ордена и братства, порицающие все мирское и роскошь. Многие ученые, да и простые последователи, без веских причин начали отказываться от земных благ, носить старые поношенные одежды, для

усмирения духа даже начали заниматься попрошайничеством. После, такое поведение получило, как ни странно, «кастовое» оформление. И по сегодняшний день в мусульманских странах можно встретить суфийских дервишей, целенаправленно промышляющих этим. В его книге *Тальбис Иблис* («Наваждение сатаны») читаем, что многие ученые, которые до этого занимались наукой, забросили свое ремесло, закопав свои книги, ударились в неоправданный аскетизм. Некоторые из них бросили свои книги в море [см.: 11, с. 288]. Во его время суфизм раскалывается на два течения: на последователей аскетизма и на последователей мистицизма, разного рода фокусников и шарлатанов. В своих трудах Ибн аль-Джаузи ни раз обращается к данной проблематике, обрушивая большой шквал критики в адрес пропагандирующих неоправданный аскетизм. Он считает, что люди, поступающие так, ведут неполноценный образ жизни, подают дурной пример остальным. Согласно его воззрениям, это не тот образ жизни, который проповедует ислам. В своем известном сочинении *Сайд аль-Хатир* («Охота за остроумием») он пишет: «Поразмыслив над положением суфиев и зуххад (аскетов), обнаружил, что большинство из них отошли от шариата» [10, с. 39]. Здесь заметим, что нет обобщения, а всего лишь указывается на какую-то определенную часть. Основной причиной отхода он видит неправильное истолкование Корана и хадисов Пророка. Он также отмечает, что нельзя давать оценку тем или иным положениям, не зная их подлинного смысла. В своих работах он не раз подчеркивает, что земная жизнь *ад-дунья* – является благом для человечества. «Единственно то, что мы можем порицать, – пишет он, – это деяния невежд или грешников в этой жизни» [10, с. 40]. Согласно его утверждениям, тот, кто дозволенным путем добывает богатства и выплачивает из него милостыню нуждающимся, тот достоин похвалы, а не упрёка. В пример он приводит действия многих сподвижников Пророка, которые жили довольно богато и выплачивали милостыню. Также он вступает в полемику с теми, кто считает безбрачие нормой «праведной» жизни. В отличие от них, брачные отношения с заведением детей он считает – благом. На этот счет он приводит неоспоримые доказательства из жизни Пророка Мухаммада и его ближайших соратников, которые, согласно исламу, являются примером для остальных. Брак с целью заведения детей он считает проявлением благочестия, а брак, заключенный только для того, чтобы получить удовольствия от интимной близости – считает дозволенным. В пример приводит пророка Мусу (Моисея), который десять лет проработал пастухом, чтобы расплатиться с дочерью Шу'айба, на которой, согласно Корану, он женился. Если бы брачные отношения не имели бы важности, то пророк Муса не стал бы тратить на это дело целых десять лет своей жизни, считает Ибн аль-Джаузи. Он считает ошибочным мнение тех, кто полагает, что надо остерегаться от здорового питания. Употребление в пищу мяса разрешенных животных и птиц он считает дозволенным. Запретным, по его мнению, является то, что человек съедает

сверх надобности, а не то количество, в котором он нуждается повседневно. Пища, согласно его утверждениям, дает человеку энергию для исполнения своих обязанностей, что и считается благочестием. Ношение дорогой одежды, если это не для бахвальства или высокомерия, он также считает дозволенным. В пример он приводит Пророка и его сподвижников, которые носили в свое время довольно дорогие одеяния и совершали молитвы в них. В одном из высказываний он приводит, что цена одежды, купленной для Пророка, равнялась цене шести коров. На сегодняшний день по российским меркам это будет стоить около одного миллиона рублей. Мало кто может себе позволить потратить на один кафтан такую сумму. Но это не значит, согласно Ибн Джаузи, что тот, кто может себе это позволить, не должен носить такую одежду.

Он указывает и на ошибочность методов, которыми пользуются аскеты для определения дозволенности и недозволенности. Он считает, что «человек должен следовать доводам (*далиль*), а не следовать *тарику* (пути) и потом искать к нему доводы» [10, с. 41]. В своей полемике большое внимание наряду с духовными ценностями уделяет и физическому здоровью человека. Полемизирует с теми, кто утверждает, что человек должен питаться простой пищей и надевать грубые одежды. Он считает, что это приведет к ослаблению тела. А тело, согласно его мнению – является транспортом для души. С транспортом надо обходиться бережно (*ар-рифк*), чтобы можно было на нем дойти до места назначения (*аль-манзил*), утверждает он. Объясняя значение слова *ар-рифк* («милостивое обхождение»), он пишет, что под этим он не подразумевает усиление плотских желаний (*аль-иксар мин аш-шахауат*) больше, чем этого требуется, а имеет в виду «достаточность» (*бульга*), без наличия которого нельзя говорить о здоровом теле. Только тогда мышление человека становится ясным, очищается разум, и мозг получает питание и силу, говорится в его указанном трактате. В пример он с сочувствием приводит и историю известного ученого-аскета аль-Газали, который в Багдаде владел имуществом стоимостью 500 динаров. Как известно, имам аль-Газали впоследствии на некоторое время покинул этот город, став аскетом-отшельником, а когда он после своих странствий вернулся в Багдад «стоимость всего, что у него было, не превышала пятнадцати киратов (пяти восьмых динара)» [1]. Критикуя взгляды крайних суфиев, он пишет, что причиной всему является крайняя степень невежества. Многие хадисы, приведенные имамом аль-Газали в пользу крайнего суфизма, он считает – ложными (*батиль*) [11, с. 149]. Однако он не обвиняет аль-Газали в подтасовке фактов, а говорит о недостаточной изученности им классического хадисоведения. Многие примеры из жизни, приведенные имамом аль-Газали, он считает неуместными. Например, в одном из своих поучительных рассказов, адресованных к *муридам*, аль-Газали в пример приводит человека, который для того чтобы принизить свой статус в обществе, будучи в *хаммаме* (бане),

надел чужую одежду, которую с позором у него отобрали. Впоследствии его стали называть *сарик хаммам* (грабителем бани). Или в другом примере, говорится, что один человек купил мясо, но, постеснявшись нести его домой [обычным способом], повесил себе на шею и таким образом пошел [домой]. Эти примеры Ибн аль-Джаузи считает не только непоучительными, но – отвратительными в высшей степени (*фи аль-гаяти аль-кабх*), противоречащими исламскому праву – *аль-фикх*. «Грабителю надо, согласно *фикху* отрубить руку, – пишет он, – и никто не имеет право подвергать себя опасности, попирая права других, совершив явный грех» [12, т. 17, с. 125]. Отдельную рукопись посвятил критическому анализу работы аль-Газали под названием *И'лям аль-Ихья би-а'лям аль-Ихья*.

Ибн аль-Джаузи не воспринимает всерьез суфийских главарей, утверждающих, что они имеют связь с ангелами: видятся и разговаривают с ними и т.д. К понятию «отрешение от мирского» он подходит в другом ключе, нежели суфийские шейхи. Согласно его объяснению, отстранение (*аль-инфирад*) и самоизоляция (*аль-азля*) допустимы от тех вещей и явлений, которые наносят вред, а от тех вещей, в которых есть польза – недопустимы [11, с. 96]. Призывает во всех вещах придерживаться знания, так как, по его утверждению, «знания являются излечением от всех болезней» [11, с. 98]. Однако, утверждает он, знания сами по себе не приносят пользы, они полезны только тогда, когда изучаются для того чтобы ими пользоваться на практике. Если знания указывают на достоинство чего-либо, то это надо брать, если указывают на недостаток, то надо от этого остерегаться, «только после этого знания раскроют ему свои секреты» [11, с. 190], – пишет он.

В своих трудах Ибн аль-Джаузи выявляет и осуждает пороки общества. Причиной появления в обществе большинства пороков он считает предпочтение людей слепо следовать вместо закона и истины сложившимся традициям (*адам*), если они даже порочны. «Адаты в своей совокупности – губительны» [11, с. 244], – пишет он. Разберем один пример, который он приводит из своей личной жизни. Дело было в том, что он купил магазин, заключив с восьмидесятилетним хозяином сделку купли-продажи. После того как они расстались хозяин магазина нарушил соглашение. В суде он дал клятву, что он не продавал ему свой магазин, несмотря на доказательства о существовании договора купли-продажи. Старик не стал слушаться наставлений факихов о том, что нельзя продавать уже проданный товар без разрешения нового хозяина, и что в этом, случае согласно закону, сначала надо расторгнуть договор и только тогда выставлять товар на продажу. Подкупив судей, он решил вопрос в свою пользу. Через небольшой промежуток времени старик скончался [11, с. 244]. Из этого рассказа можно сделать вывод, что в XII в. в Багдаде мало кто придерживался закона. Имелись, как и везде, продажные судьи и, что взяточничество процветало. Мало кто в мирских вопросах обращался к совести. Хотя

многие облачались во внешние атрибуты благочестия, надевая чалму и суфийские аскетические одежды, изнутри люди были далеки от истинных принципов, кроме отдельных личностей, на что и указывает в своей полемической литературе исследуемый нами автор.

Целую книгу он посвятил раскрытию проблем, связанных с женским вопросом. По данной книге можно узнать, какие женщины пользовались уважением у древних арабов. В одном из рассказов в книге *Ахбар ан-ниса'* («Рассказы о женщинах») говорится, что у одного бедуина спросили, какая женщина почитаема в народе. Он ответил, что самая лучшая женщина это та, которая выделяется высоким ростом среди других, когда стоит; выделяется от других величием, когда сидит; самая правдивая, когда говорит; когда злится, выглядит мило; которая улыбается, когда смеется; все свои дела делает на отлично. Это та, которая слушается мужа и сидит дома; она пользуется уважением в своем народе, скромна в себе и щедра, и все дела ее достойны похвалы [8, с. 11]. В другом рассказе, говорится, что 'Абд Аллах б. Маруан сказал: кто ищет женщину для наслаждения, то пусть берет берберскую девушку; кто ищет для того чтобы иметь детей, то пусть берет персиянку, а кто ищет для прислуги, то – гречанку [8, с. 11–12].

Скажем несколько слов о самом Ибн аль-Джаузи. Со слов его племянника Абу аль-Музаффар, он был аскетом, обходился малым. Раз в неделю перечитывал Коран. Не выходил из своего дома, кроме как посетить мечеть в пятницу или же для проведения проповедей. Никогда не шутил, не играл с детьми. Не ел, не будучи уверенным в дозволенности еды (*халал*). Так он прожил до конца своих дней [14, с. 311]. К концу жизни подвергся испытаниям. Пять лет по нелепым обвинениям со стороны недоброжелателей провел в тюрьме. После был помилован. Прожив два года после выхода из тюрьмы, ушел в мир иной. Поводом заточения почти восьмидесятилетнего старца в тюрьму послужило его присутствие в одном из судебных разбирательствах, организованном визиром 'Убейд Аллах б. Йунусом по отношению к Рукну 'абд ас-Саламу. Последний был обвинен в «ереси» (*зандака*). В его доме во время обыска были найдены книги, несоответствующие цензуре. По приказу визира они были изъяты и публично сожжены. Также он был отстранен от медресе его деда, которым он заведовал и передан под управление Ибн аль-Джаузи. Однако арест Ибн Йунуса, его ближайшего друга, «положил конец карьере Ибн аль-Джаузи и его тесным связям с правительственными кругами» [17].

Когда руководство министерством (аль-уизара) перешла в руки рафидита Мухаммада б. 'Али б. аль-Мубарака, Рукн 'абд ас-Салам решил этим воспользоваться. Он обратился к нему с жалобой, сказав, что Ибн аль-Джаузи – мошенник, и к тому же потомок Абу Бакра (как известно, шииты не любили Абу Бакра, первого халифа), что он являлся ближайшим соратником Ибн Йунуса, который передал медресе

моего деда ему и сжег мои книги по его совету. Визир написал об этом халифу ан-Насиру ли-дин Аллаху, который недолюбливал Ибн аль-Джаузи, тот распорядился вернуть медресе Рукну 'абд ас-Саламу. После этого распоряжения Рукн вернул медресе под свою ответственность, обвинив Ибн аль-Джаузи в растрате средств заведения. Он был задержан стражами порядка и пять лет провел в тюрьме, без каких-либо условий и помощи извне.

Результаты. Исследование показало большую роль мыслителей и эрудитов в общественной и интеллектуальной жизни Арабского Востока в XII в. Несмотря на то, что к этому времени арабское общество погрязло в грязи алчности и взяточничестве, существовали личности, которые пытались противостоять этой «грязной» волне, охватившей Аббасидский халифат. Примечателен тот факт, что в средневековье, наряду с продажными улемами и кадия-

ми имелись благородные независимые от обстоятельств, мужественные ученые, искавшие ответ на вопрос, как исправить пороки человечества. Ибн аль-Джаузи в отличие от мистиков и отшельников в своих работах требовал смотреть на мир трезво, быть реалистом. Скептически относился к чрезмерному затворничеству, называя это крайностью и происками сатаны. Он часто вступает в полемику не только с представителями мистических учений, но и с представителями своего *мазхаба*, которых он считает отступившими от основ этой школы. Перед глазами исследователя он встает не как новатор, а как традиционалист-консерватор, продолжающий дело своих учителей. Он отрицал слепое следование кому-либо из ученых, без доказательств. Больших успехов он достигает в таких отраслях интеллектуальной деятельности, как поэзия, история, хадисоведение, исламская теология и проповедь.

Литература

1. Аль-Джанаби М. М. Жизнь и творчество Аль-Газали: опыт философского осмысления Часть 1. Аль-Газали в оценках современников и «газалиана» XIX—XX вв. // Пространство и Время. 2017. № 2-3-4(28-29-30). С. 192–207.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 477 с.
3. Кныш А. Д. Ханбалитская критика суфизма (по материалам «Талбис Иблис» Ибн ал-Джаузи) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1983–1984. Часть I. М.: Наука, ГРВЛ, 1985. С. 171.
4. Кошелев В. С. Политический ислам в Египте в XIX – начале XX в. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/169901> (дата обращения: 21.07.2024)
5. Чомаев З. А. Роль и место исторической науки в интеллектуальном наследии Арабского Востока VII–XII вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10. № 4. С. 659–664. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.14>
6. العلوجي عبد الحميد. مؤلفات ابن الجوزي، بغداد ١٩٦٥
[Аль-Альудджи. Сочинения Ибн аль-Джаузи. Багдад, 1965. (на араб. яз.)]
7. ابن الجوزي والغوص في كل العلوم أحمد تمام. URL: <https://islamonline.net/archive/ابن-الجوزي-والغوص-كل-العلوم> (дата обращения: 20.07.2024)
[Ахмад Таммам. Ибн аль-Джаузи: погружение во все науки (на араб. яз.)]
8. ابن الجوزي: أخبار النساء الناشر: دار مكتبة الحياة، بيروت، ١٩٨٢ عدد الصفحات ٢٥٢
[Ибн аль-Джаузи. Рассказы о женщинах. Дар мактабат аль-хая: Бейрут, 1982. 252 с. (на араб. яз.)]
9. ابن الجوزي: مواعظ ابن الجوزي. الكتب الاسلامي: بيروت، ٢٠٠٢. عدد الصفحات ١٤٥
[Ибн аль-Джаузи. Книга проповедей. Изд-во: Аль-Кутуб аль-ислям: Бейрут, 2002. 145 с. (на араб. яз.)]
10. ابن الجوزي: صيد الخاطر. الناشر: دار القلم - دمشق الطبعة: الأولى ١٤٢٥ هـ - ٢٠٠٤ م عدد الصفحات ٥٦٠
[Ибн аль-Джаузи. Охота за мыслями. Изд-во: Дар аль-калям. Дамаск, 2004. 560 с. (на араб. яз.)]
11. ابن الجوزي: تلبيس إبليس الناشر: دار الفكر للطباعة والنشر، بيروت، الطبعة الأولى، ١٤٢١ هـ / ٢٠٠١ م عدد الصفحات ٣٥٦
[Ибн аль-Джаузи. Наваждение сатаны. Изд-во: Дар аль-Фикр. Бейрут, 2001. 356 с. (на араб. яз.)]
12. ابن الجوزي: المنتظم في تاريخ الأمم والملوك. الناشر: دار الكتب العلمية، بيروت الطبعة: الأولى، ١٤١٢ هـ - ١٩٩٢ م عدد الأجزاء ١٩
[Ибн аль-Джаузи. Систематизированная книга об истории правителей и народов. В 19 томах. Изд-во: Дар аль-Кутуб аль-ильмия. Бейрут, 1992. (на араб. яз.)]
13. ابن رجب الذيل على طبقات الحنابلة. الناشر: مكتبة العبيكان، الرياض. الطبعة: الأولى، ١٤٢٥ هـ - ٢٠٠٥ م. عدد الأجزاء ٥
[Ибн Раджаб. Аз-Зайль 'аля табакат аль-ханабалия. В 5 томах. Т. 3. Изд-во: Мактабат аль-'абикан. Эр-Рияд, 2005. 558 с. (на араб. яз.)]
14. سبط ابن الجوزي: مرآة الزمان في تواريخ الأعيان. الناشر: دار الرسالة العالمية، دمشق. الطبعة: الأولى، ١٤٣٤ هـ - ٢٠١٣ م. عدد الأجزاء ٢٣
[Сибт Ибн аль-Джаузи. Зеркало времени в историях выдающихся личностей. В 23 томах. Т. 7. Изд-во: Дар ар-рисалия аль-алямия. Дамаск, 2013. 467 с. (на араб. яз.)]
15. حسن عيسى علي الحكيم: كتاب المنتظم، دراسة في منهجه وموارده وأهميته. الناشر: عالم الكتب للطباعة والنشر والتوزيع. بيروت، 1985. عدد الصفحات: 632
[Хасан 'Иса. Книга «аль-Мунтазам»: изучение особенностей его составления, источников и важности. Изд-во: 'Алям аль-кутуб. Бейрут, 1985. 632 с. (на араб. яз.)]
16. نبذة عن كتاب الأذكاء ابن الجوزي سامي ايمان. URL: <https://www.almrsl.com/post/619619> (дата обращения: 20.07.2024)
[Сами Иман. Выдержки из книги Ибн аль-Джаузи «Проницательные». (на араб. яз.)]
17. Ибн аль-Джаузи. Мусульманский педагог. URL: <https://www.britannica.com/biography/Ibn-al-Jawzi> (дата обращения: 20.07.2024)

References

1. Al-Janabi MM. Life and Work of Al-Ghazali: An Attempt at Philosophical Understanding Part 1. Al-Ghazali in the Assessments of His Contemporaries and the "Ghazaliana" of the 19th-20th Centuries in Space and Time. 2017;2-3-4(28-29-30):192-207.
2. Hegel GWF. Lectures on the Philosophy of History. St. Petersburg: Nauka; 1993. 477 p.
3. Knysh AD. Hanbali criticism of Sufism (based on the materials of "Talbis Iblis" by Ibn al-Jawzi) in Written monuments and problems of the history of culture of the peoples of the East. XVIII annual scientific session of the Leningrad Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences (reports and messages). 1983-1984. Part I. Moscow: Nauka, GRVL; 1985. P. 171.
4. Koshelev VS. Political Islam in Egypt in the 19th - early 20th centuries. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/169901> (accessed 21.07.2024).
5. Chomaev ZA. The role and place of historical science in the intellectual heritage of the Arab East of the 7th - 12th centuries. *Humanities and Law Research*. 2023;10(4):659-664. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.14>
6. Al-'Alwaji. Works of Ibn al-Jawzi. Baghdad; 1965. (In Arabic).
7. Ahmad Tammam. Ibn al-Jawzi: Immersion in all Sciences. URL: <https://islamonline.net/archive/> (accessed: 20.07.2024). (In Arabic).
8. Ibn al-Jawzi. Book of Sermons. Publisher: Al-Kutub al-Islami: Beirut; 2002. 145 p. (In Arabic).
9. Ibn al-Jawzi. Book of sermons. Publishing house: Al-Kutub al-Islami: Beirut; 2002. 145 p. (In Arabic).
10. Ibn al-Jawzi. Hunting for thoughts. Publisher: Dar al-kalam. Damascus; 2004. 560 p. (In Arabic).
11. Ibn al-Jawzi. The obsession of Satan. Publisher: Dar al-Fikr. Beirut; 2001. 356 p. (In Arabic).
12. Ibn al-Jawzi. A systematic book about the history of rulers and peoples. In 19 volumes. Publisher: Dar al-Kutub al-'ilmiya. Beirut; 1992. (In Arabic).
13. Ibn Rajab. Az-Zayl 'ala tabakat al-hanabala. In 5 volumes. Vol. 3. Publishing house: Maktabat al-'abikan. Riyadh; 2005. 558 p. (In Arabic).
14. Sibti Ibn al-Jawzi. The Mirror of Time in the Stories of Eminent Personalities. In 23 volumes. Vol. 7. Publisher: Dar ar-risala al-'alamiyya. Damascus; 2013. 467 p. (In Arabic).
15. Hasan 'Isa. The book "al-Muntazam": a study of the features of its compilation, sources and importance. Publisher: 'Alam al-kutub. Beirut; 1985. 632 p. (In Arabic).
16. Sami Iman. Excerpts from the book by Ibn al-Jawzi "The Insightful". URL: <https://www.almrsl.com/post/619619> (accessed 20.07.2024). (In Arabic).
17. Ibn al-Jawzi. Muslim Educator. URL: <https://www.britannica.com/biography/Ibn-al-Jawzi> (accessed: 20.07.2024).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / LEGAL SCIENCES



Научная статья

УДК 342.951:351.82

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.16>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ В XVIII–XIX ВВ.

Галицкая Наталья Владимировна

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (д. 57/43, Средний просп. Васильевского острова, Санкт-Петербург, 199178, Российская Федерация)
Кандидат юридических наук, доцент
galitskaya-nv@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8394-0908>

Аннотация. Введение. Вопросами обеспечения населения продовольствием руководители российского государства занимались с момента его становления. Осуществление правового и административного регулирования продовольственной безопасности проходило с переменным успехом. Тем не менее развитие агропромышленного комплекса и правового регулирования продовольственной безопасности заметно эволюционировало. Научная новизна статьи заключается в определении содержания продовольственной безопасности России и выявлении особенностей ее административного регулирования в период XVIII–XIX вв. **Материалы и методы.** Методологической основой исследования является логический метод, метод системного анализа, формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы. **Анализ.** Объектом исследования стала продовольственная безопасность России в период XVIII–XIX вв., предметом изучения является совокупность факторов, влияющих на обеспечение продовольственной безопасности в указанный период. В статье анализируются проблемы обеспечения продовольственной безопасности России в XVIII–XIX вв., оценивается эффективность мер по ее обеспечению. **Результаты.** По итогам исследования сделаны выводы о том, что первоначально российское государство, боролось с голодом бесконтрольно и архаично, не было создано централизованных органов, целью которых было обеспечение продовольственной безопасности, не

существовало и правового урегулирования данных вопросов. Только начиная с правления Петра I ситуация постепенно начинает меняться, вводится распределительная система и контроль за торговлей в период неурожая. Екатерина II продолжает развивать организацию государственного управления в данной сфере. Выявляются постепенные изменения в системе государственного управления: появляются контрольно-надзорные органы и должностные лица, регулирующие вопросы продовольственной безопасности. В заключении статьи дается определение продовольственной безопасности на основе содержания деятельности государства в XVIII – XIX вв., данный период разбивается на этапы, дается их характеристика.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, государственное управление, голод, реформы, административно-правовое регулирование

Для цитирования: Галицкая Н. В. Правовое регулирование обеспечения продовольственной безопасности в России в XVIII–XIX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 737–742. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.16>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 18.04.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 21.07.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Research article

LEGAL REGULATION OF FOOD SECURITY IN RUSSIA IN THE 18TH – 19TH CENTURIES

Natalia V. Galitskaya

Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43, Middle Ave. of Vasilievsky Island, 199178 Saint-Petersburg, Russian Federation)
Cand. Sc. (Law), Associate Professor
galitskaya-nv@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8394-0908>

Abstract. Introduction. The leaders of the Russian state have been dealing with the issues of providing food to the population since its formation. The implementation of legal and administrative regulation of food security has been held with varying success. Nevertheless, the development of the agro-industrial complex and the legal regulation of food security has significantly evolved. The scientific novelty of the article lies in determining the content of food security in Russia and identifying the features of its administrative regulation during the XVIII–XIX centuries. **Materials and Methods.** The methodological basis of the research is the logical method, systemic analysis, formal-legal, historical-legal and comparative-legal methods. **Analysis.** The object of the study was the food security of Russia in the period of the XVIII–XIX centuries. The subject of the study is a set of factors affecting food security in this period. The article analyzes the problems of ensuring food security in Russia in the

XVIII–XIX centuries, evaluates the effectiveness of measures to ensure it. **Results.** According to the results of the study, it was concluded that initially the Russian state fought hunger uncontrollably and archaically, there were no centralized bodies whose purpose was to ensure food security, and there was no legal settlement of these issues. It is only since the reign of Peter the Great that the situation gradually begins to change, a distribution system and control of trade during the period of crop failure are introduced. Catherine II continues to develop the organization of public administration in this area. Gradual changes in the system of public administration are being revealed: control and supervisory bodies and officials regulating food security issues appear. In conclusion, the article defines food security based on the content of the state activities in the XVIII–XIX centuries. This period is divided into stages, their characteristics are given.

© Галицкая Н. В., 2024

Keywords: food security, public administration, hunger, reforms, administrative and legal regulation

For citation: Galitskaya NV. Legal regulation of food security in Russia in the 18th – 19th centuries. Humanities and law research. 2024;11(4):737-742. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.16>

Введение. Потребность в продуктах питания – это основная потребность людей. Борьба с голодом периодически велась в России вплоть до середины XX века. В настоящее время бедность считается причиной плохого питания, однако история России показывает множество примеров, когда голод случался и по природным обстоятельствам. Обеспечение продовольственной безопасности на протяжении XVIII – XIX вв. стало особым направлением административной деятельности специализированных органов государственного управления и объектом пристального внимания со стороны императорской власти. Совокупность экономических, военных, природных, политических факторов, а также субъективные подходы руководителей российского государства оказывали прямое влияние на состояние продовольственной безопасности страны. В данный период сформировалась ориентация на защиту отечественного производителя [1, с. 363], что актуально и в настоящее время, поскольку обеспечение продовольственной безопасности является приоритетным направлением в управленческой деятельности Российского государства [3, с. 89]. Наша страна нуждается в развитии отраслей агропромышленного комплекса для укрепления продовольственной независимости от других стран [8, с. 295]. Постоянная борьба с реальными и потенциальными угрозами нарушения снабжения населения продовольствием на протяжении всего периода становления и развития России требовала формирования набора эффективных средств и способов противодействия дефициту продуктов питания первой необходимости. Климатическая и природная специфика страны, ее обширная территория, неравномерность воспроизводства и распределения пищевых ресурсов являлись причиной дисбаланса в обеспечении граждан провизией в необходимых объемах. Эффективность политического курса России, ее внешняя и внутренняя политика напрямую связаны с обеспечением населения продовольственными ресурсами. Сформировавшаяся в XVIII – XIX вв. продовольственная политика как составная часть правовой политики остается актуальной и на современном этапе, так как именно эффективное управление гарантирует продовольственную независимость и суверенитет страны. Вместе с тем следует отметить, что в контексте рассматриваемого периода термин «продовольственная безопасность» является условным, поскольку он не употреблялся в исторических документах. Тем не менее в рамках настоящего исследования возможна выработка соответствующего определения на основе ключевых характеристик государственной политики того периода в данной сфере.

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 18.04.2024.

The article was approved after reviewing: 21.07.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

Материалы и методы. Исследование вопросов правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности в России в XVIII–XIX вв. основано на использовании логического, формально-юридического, историко-правового и сравнительно-правового методов, системного анализа и других методов научного познания. На основе использования совокупности перечисленных методов проведено комплексное исследование нормативной основы деятельности органов государственного управления по формированию и распределению продовольственных резервов, реализации иных направлений обеспечения продовольственной безопасности в указанный период, сформулированы определение понятия продовольственной безопасности с учетом особенностей аграрной политики государства в XVIII–XIX вв., а также этапы, на которые подразделяется данный период.

Анализ. Россия всегда была аграрной страной, в которой на первое место ставилось производство зерновых культур [4, с. 148]. Неурожаи, вызванные в отдельных регионах засухой, обилием осадков, ранними заморозками, саранчой, постоянно являлись причиной возникновения голода. В отечественной истории сохранились данные об унесшем огромное количество жизней голоде в 1024, 1070, 1092, 1128, 1215, 1230–1231, 1332, 1422, 1442, 1512, 1553, 1557 и 1570 гг. С начала XI в. на каждое столетие приходилось по 8 неурожаев [6, с. 125]. Помимо естественных причин голода необходимо констатировать еще и отсутствие централизованных мер борьбы со стороны органов государственного управления. Обширные территории не имели пригодных для оперативной доставки продовольствия путей сообщения, отсутствовали комплексные нормативные акты, устанавливающие конкретные действия при возникновении острой нехватки зерна и, как следствие из этого, начала голода. На решение этой проблемы стихийно выделялись в ограниченных объемах денежные средства из царской казны, которые расходовались на закупки хлеба бесконтрольно и по этой причине не могли своевременно решить эту задачу. Традиционно проблему голодающих частично решали церкви путем раздачи милостыни и продовольствия, однако это осуществлялось нерегулярно, в честь церковных праздников и в крупных городах. Во многих случаях голод являлся причиной возникновения эпидемий, средств борьбы с которыми также на государственном уровне не имелось. Причины возникновения голода не анализировались и превентивные меры не принимались.

Формирование правовых основ обеспечения продовольственной безопасности приходится

лишь на XVIII в. Петр I прибегнул к инновационному подходу к организации борьбы с голодом. 16 февраля 1723 г. вышел Указ «Об описи, в случае голода у всяких чинов излишнего хлеба, для раздачи онаго неимущим в долг» [11]. Данный документ, частично снимая с государства функции обеспечения хлебозапасами в случае голода, обязывал проводить на местах ревизии запасов зерна, определять зажиточные подворья с имеющимися излишками, которые надлежало раздавать нуждающимся для питания и на семена под расписки. Этот Указ является, по сути, первым нормативным актом, закрепляющим основы методики распределения сельскохозяйственной продукции в целях обеспечения продовольственной безопасности. Подобная мера, во-первых, позволяла выявить имеющиеся продовольственные резервы в пределах определенной территории, а во-вторых, давала возможность их оперативно и равномерно распределить между малообеспеченными жителями.

Указ Петра I от 27 февраля 1723 г. «О учинении в Камер-Коллегии особой Конторы для наблюдения за хлебопашеством и продовольствования народа хлебом, во время неурожая» [12] является продолжением централизованной государственной политики в анализируемой сфере. Данный документ устанавливал контроль со стороны государства за состоянием продовольственных запасов, требовал их необходимое наличие в каждой провинции. Также предусматривался контроль за торговлей в период неурожая. Обозначенная Контора должна была собирать на местах сведения о произведенной сельскохозяйственной продукции. Этим Указом устанавливалась государственная должность «...особого человека, который бы всегда мыслил и доносил о магазинах Государственных и о прочих, каким образом, во время недорода, народ довольствоваться...». Рассматриваемый нормативный акт являлся, по сути, одним из первых документов, регулирующих на государственном уровне торговые операции. В развитие указанных положений Петром I издан Указ от 20 января 1724 г. «Об учинении особого начальства по экономии, для наблюдения за хлебными запасами, о заведении магазинов, о солении рыбы и о китовом промысле» [13], который распространил свое действие еще и на рыбный промысел. Указом регламентировалось создание государственных продовольственных пунктов из шести «магазинов». Главные из них – в Петербурге, Риге, на Дону, остальные – «по пропорции людей». Анализ Указа наглядно свидетельствует о том, что Петром I впервые в отечественной истории предпринята попытка внедрения единого механизма противостояния голоду. В числе его составляющих анализ урожайности, сбор информации об имеющихся резервах, создание на государственном уровне пунктов распределения продовольствия. Обозначенным Указом была введена государственная должность, в функционал

которой ставилось осуществление контроля за зерновыми запасами, их достаточностью и своевременностью формирования. Таким образом, работоспособность указанного выше механизма обеспечивалась государственным контролем.

Необходимо отметить, что приведенные выше и иные нормативные документы, утвержденные Петром I, положили социальные начала в монаршем правлении. Эпоха просвещенного абсолютизма, начатая в период правления Екатерины II, идеализировала образ монарха – «отца подданных», который обязан заботиться о своих подданных, милостью своей даровать блага всем нуждающимся. Дальнейшее развитие нормативно-правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности в России характеризуется укреплением социальной направленности государственной политики. Екатериной II впервые была предпринята попытка централизованного регулирования цен на жизненно важные продукты питания. Так, Указом от 20 августа 1762 г. «О заведении хлебных магазинов во всех городах и о запрещении купцам выписывать парчи и кружева» предписывал: «Хлебные магазины завести во всех городах, дабы всегда цена хлеба в моих руках была» [14]. В Указе от 3 сентября 1762 г. «О невозвышении цены в Москве на съестные и прочие жизненные припасы» [15] императрица обращала внимание на высокие цены на хлебную продукцию в Москве. В связи с этим сразу трем государственным структурам – Губернской Канцелярии, Главному Магистрату и Московской Полицеймейстерской Канцелярии – предписывалось осуществлять постоянный контроль за деятельностью купцов, торговцев-лавочников, торговавших не только хлебом, но и сеном, овсом и иными продуктами питания с целью недопущения роста цен. 6 ноября 1762 г. ею был издан указ «О подаче Ея Величеству ежемесячных ведомостей о числе жителей в Москве и еженедельных цен съестных припасов» [16].

Одновременно с этим Екатериной II предпринимались активные меры к снижению числа голодающих, то есть лиц, не имеющих возможности обеспечить свое пропитание самостоятельно. «Установление императрицы Екатерины II о госпитале 1772 г.» предписывало создать госпиталь преимущественно для отставных военных, содержание которых определялось за казенный счет. Через два года, 7 февраля 1774 г., был подписан указ, обязывающий Военную канцелярию «определять пропитание» военным, вышедшим в отставку или по причине болезни либо увечья неспособным к несению дальнейшей службы.

В эпоху царствования Екатерины II продовольственная политика становится частью социальной политики и прослеживаются тенденции коллегиального и комплексного решения продовольственных проблем. Так, была создана специальная комиссия, задачами которой являлся анализ состояния обеспеченности населения продук-

товыми товарами первой необходимости, наличие соответствующих запасов, их распределение, предложение необходимых мер, направленных на защиту жителей всех губерний от неурожая и, как следствие этого, от голода. Комиссией было предложено отказаться от создания и содержания хлебных резервов исключительно за счет казны ввиду большой затратности. Принятые 1 января 1864 г. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» [7] и «Временные Правила для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении» [2] положили начало децентрализации в вопросах обеспечения продовольственной безопасности в стране. Теперь эта обязанность была возложена на земства, общины и помещиков.

По мнению Ю.П. Титова, отсутствие эффективного государственного контроля, единых правил и норм формирования продовольственных запасов, порядка финансирования этих мероприятий уже на начальном этапе вскрыло недостатки данного подхода. В отдельных губерниях денежные средства на эти нужды вообще не собирались, запасные магазины не строились, запасные фонды не формировались. Мероприятия по подготовке к возможным неурожаям насаждались сверху без учета местных особенностей, земства не были наделены необходимыми полномочиями, а также материальными ресурсами, требующимися для формирования стабильных резервов, которые можно было бы использовать в чрезвычайных ситуациях [10, с. 13].

25 апреля 1866 г. был введен в действие Закон «О распределении капитала народного продовольствия» [5], который содержал распоряжение «...за передачу в ведение сельских обществ хлебных запасных магазинов, дела о запасах продовольствия передать из Палат Государственных Имуществ... в земские учреждения». Это документ окончательно закрепил обязанность местных органов власти решать вопросы продовольственной безопасности на вверенных им территориях. Следует отметить, что Закон по-прежнему предписывал формировать хлебные запасы по принципам, установленным в ст. 46, 48, 49 Временных правил 1864 г. В то же время Закон не содержал реального механизма создания и поддержания земствами продовольственных запасов в объемах, необходимых для обеспечения ими населения в случае неурожая.

Голод 1891 г., возникший вследствие засухи в центральной России, наглядным образом продемонстрировал невозможность применения указанного законодательного акта к обеспечению продовольствием всех групп населения в условиях его нехватки у производителей и поставщиков. В некоторых земских губерниях запасы были значительно ниже нормы (Рязанской, Уфимской, Казанской, Самарской всего – 15%), в Олонецкой и Тульской – 5%. В.И. Суворов высказывается о том, что на этом этапе развития государственности в услови-

ях господства империализма и капитализма в России потребовалось создание единой многозвенной системы обеспечения продовольственной безопасности, в которую должны были входить различные по своему направлению деятельности органы с подчинением общему центру [9, с. 87].

12 июня 1900 г. вступили в действие Временные Правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей, которые сформировали прообраз современной системы административно-правового обеспечения продовольственной безопасности. Все волости были признаны продовольственными участками, в которых функции в анализируемой сфере были переданы губернским и уездным земским управам, а также в соответствующие губернские и уездные крестьянские учреждения. Данные органы были полномочны вести вопросы и принимать решения о создании и содержании сельских хлебных запасов, о порядке, сроках и объемах заготовки в них хлеба, о порядке хранения и расходования общественных продовольственных капиталов и общественных хлебных запасов. Ими также решались вопросы замены зерновых запасов денежными эквивалентами, порядке обеспечения сохранности финансов и продовольствия в натуральном выражении. Данные органы представляли отчетность о количестве запасов, находящихся в хлебных магазинах. На волостного старшину были возложены обязанности попечителя участка и, в частности, ему передавалось дело-производство по хлебным делам, казенные денежные средства, ведение документооборота и отчетности. На высшем уровне «общее попечение по обеспечению продовольственных и семенных потребностей сельских обывателей» было передано Министерству внутренних дел, которое в лице Министра отчитывалось монарху о проделанной работе.

Проводя анализ организации и деятельности сформированного в XVIII – XIX вв. в России механизма обеспечения продовольственной безопасности в эпоху расцвета капиталистических отношений, можно вести речь о сложившейся с учетом экономических механизмов и стимулов работоспособной системе, способной в значительной мере нивелировать последствия неурожая, эпидемий и стихийных бедствий. Важнейшим условием обеспечения продовольственной безопасности в данный период было уменьшение импорта продуктов питания и самообеспечение государства зерном. Развитие конкуренции и транспортного сообщения между губерниями посредством крупнотоннажных железнодорожных и речных перевозок положительно влияли на ценообразование, появились семейные фабрики, цеха и магазины, при производстве продуктов питания ручной труд постепенно заменялся механизированным, само производство стало организовываться повсеместно во всех значимых населенных пунктах, налаживались устойчивые хозяйственные связи, при участии гос-

ударственного кредитования развивались торговые отношения, в крупных городах увеличивался ассортимент отечественных продуктов питания, возрастало количество импортного продовольствия. Частное предпринимательство сельхозпроизводителей и аграриев исследуемого периода не позволяло удовлетворить продовольственные нужды империи, необходимо было развивать и использовать государственную систему управления сельским хозяйством. Можно резюмировать, что чем выше был уровень регулирования агропромышленного комплекса со стороны государства, тем более эффективным было обеспечение продовольственной безопасности населения. Аграрный сектор в России всегда занимал одно из самых важных мест в системе государственных приоритетов, и его поддержка была связана с капиталоемкостью и нерентабельностью сельского хозяйства того периода.

Результаты. Проведенное исследование показало эволюцию государственной политики в подходах к обеспечению продовольственной безопасности России. Страна проходит этапы от неурегулированной и бессистемной борьбы с голодом путем раздачи продовольствия церквями, до законодательного оформления в XVIII – XIX вв. мер по предупреждению нехватки продовольственных товаров. В условиях монархии постепенно развивается государственный аппарат и создаются специальные организации, должности и контрольно-надзорные органы, целью которых становится обеспечение продовольственной безопасности населения страны. Безусловно, содержание деятельности по обеспечению продовольственной безопасности определяется теми возможностями государства, которые у него имеются в том или ином историческом периоде. Отталки-

ваясь от характера продовольственной политики Российской империи в XVIII – XIX вв., ее продовольственную безопасность можно определить как состояние социально-экономического развития страны, при котором посредством принятия законодательных мер и организации деятельности специально уполномоченных органов государственного управления обеспечивается продовольственная независимость, гарантируется наличие для населения пищевой продукции, упорядочивается формирование и распределение продовольственных резервов в целях предупреждения голода. Данный период не был однородным в контексте обеспечения продовольственной безопасности, но он прежде всего характеризуется становлением правовых основ деятельности государственных органов по организации продовольственного обеспечения населения, поскольку до 1723 г. отсутствовало централизованное нормативное регулирование обеспечения продовольствием населения в необходимых объемах в случае голода, неурожая, эпидемий и стихийных бедствий. В рамках данного периода можно выделить следующие этапы: 1) этап зарождения системы правового обеспечения продовольственной безопасности (с 1723 г. по 1864 г.), на котором были впервые сформированы органы центрального управления, в полномочия которых входило обеспечение продовольственной безопасности на постоянной основе путем формирования продовольственных запасов; 2) этап укрупнения системы постоянно действующих органов обеспечения продовольственной безопасности (с 1864 по 1900 г.), характеризующийся дальнейшим развитием и разделением полномочий в этой сфере между губерниями и земствами.

Литература

1. Баринов В. А. Нетарифное регулирование внешнеэкономической деятельности // Новеллы права, экономики и управления 2021: сборник научных трудов по материалам VII международной научно-практической конференции (г. Гатчина, 26–27 ноября 2021 г.). Т. 2. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2022. С. 363–365.
2. Временные Правила для земских учреждений по делам о земских повинностях, народном продовольствии и общественном призрении от 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XXXIX. № 40458.
3. Галицкая Н. В. Продовольственная безопасность // Государство и право России в современном мире: сборник докладов XII Московской юридической недели (г. Москва, 23–25 ноября 2022 г.). В 5 ч. Ч. 2. М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 88–91.
4. Галицкая Н. В. К вопросу об обеспечении безопасности пищевых продуктов // Публичная власть в современной России: проблемы и перспективы: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР Василия Михайловича Манохина (VII Саратовские административно-правовые чтения) (г. Саратов, 8 июня 2021 г.). Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2021. С. 145–148.
5. Закон от 25 апреля 1866 г. «О распределении капитала народного продовольствия» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 41. № 43240.
6. Нерода Е. В. Продовольственная безопасность и государственная поддержка сельского хозяйства в интерпретации ВТО // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 123–128.
7. Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XXXIX. № 40458.
8. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Правовая политика в сфере обеспечения безопасности кормов и кормовых добавок для животных // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10. № 2. С. 293–299.
9. Суворов В. И. Государственно-правовое регулирование земельных реформ в России: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 166 с.

10. Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России. 3-е изд. М.: Проспект, 2010. 463 с.
11. Указ от 16 февраля 1723 г. «Об описи, в случае голода у всяких чинов излишнего хлеба, для раздачи оного неимущим в долг» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. VII. № 4168. С. 2425.
12. Указ от 27 февраля 1723 г. «О учинении в Камер-Коллегии особой Конторы для наблюдения за хлебопашеством и продовольствования народа хлебом, во время неурожая» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. VII. № 4175. С. 27.
13. Указ от 20 января 1724 г. «Об учинении особого начальства по экономии, для наблюдения за хлебными запасами, о заведении магазейнов, о солении рыбы и о китовом промысле» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. VII. № 4420. С. 204.
14. Указ от 20 августа 1762 г. «О заведении хлебных магазинов во всех городах и о запрещении купцам выписывать парчи и кружева» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XVI. № 11649.
15. Указ от 3 сентября 1762 г. «О невозвышении цены в Москве на съестные и прочие жизненные припасы» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XVI. № 11661.
16. Указ от 6 ноября 1762 г. «О подаче Ея Величеству ежемесячных ведомостей о числе жителей в Москве и еженедельных цен съестных припасов» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XVI. № 11701.

References

1. Barinov VA. Non-tariff regulation of foreign economic activity in Novellas of Law, Economics and Management 2021: collection of scientific papers based on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference (Gatchina, November 26-27, 2021). Vol. 2. Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology; 2022. P. 363-365. (In Russ.).
2. Temporary Rules for zemstvo institutions in cases of zemstvo duties, national food and public charity dated January 1, 1864. In Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. Vol. XXXIX. No. 40458. (In Russ.).
3. Galitskaya NV. Food security in The state and law of Russia in the modern world: a collection of reports of the XII Moscow Legal Week (Moscow, November 23-25, 2022). At 5 p.m. 2. Moscow: O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA); 2023. P. 88-91. (In Russ.).
4. Galitskaya NV. On the issue of ensuring food safety in Public power in modern Russia: problems and prospects: collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference in memory of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the RSFSR Vasily Mikhailovich Manokhin (VII Saratov Administrative and Legal readings) (Saratov, June 8, 2021). Saratov: Saratov State Law Academy; 2021. P. 145-148. (In Russ.).
5. The law of April 25, 1866 "On the distribution of the capital of national food" in Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. Vol. 41. No. 43240. (In Russ.).
6. Neroda EV. Food security and state support of agriculture in the interpretation of the WTO. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013;(377):123-128. (In Russ.).
7. Regulations on provincial and county zemstvo institutions of January 1, 1864. in Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection II. Vol. XXXIX. No. 40458. (In Russ.).
8. Sokolov AY, Lakaev OA. Legal policy in the field of ensuring the safety of feed and feed additives for animals. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2023;10(2):293-299. (In Russ.).
9. Suvorov VI. State legal regulation of land reforms in Russia: problems of theory and practice: thesis. Moscow, 1996. 166 p.
10. Titov YuP. A textbook on the history of state and law of Russia. 3rd edition. Moscow: Prospect; 2010. 463 p. (In Russ.).
11. Decree of February 16, 1723 "On the inventory, in case of famine, of any ranks of superfluous bread, for distributing it to the poor in debt" in Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I. Vol. VII. No. 4168. P. 2425. (In Russ.).
12. Decree of February 27, 1723 "On the establishment of a special Office in the Chamber College to monitor the cultivation and provision of bread to the people during a crop failure" in Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I. Vol. VII. No. 4175. P. 27. (In Russ.).
13. Decree of January 20, 1724 "On the establishment of special superiors for economy, to monitor grain stocks, on the establishment of shops, on salting fish and on whaling" in Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I. Vol. VII. No. 4420. P. 204. (In Russ.).
14. Decree of August 20, 1762 "On the establishment of bread shops in all cities and on the prohibition of merchants to issue brocades and lace" in Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I. Vol. XVI. No. 11649. (In Russ.).
15. Decree of September 3, 1762 "On the non-raising of prices in Moscow for edibles and other life supplies" in Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I. Vol. XVI. No. 11661. (In Russ.).
16. Decree of November 6, 1762 "On submitting to Her Majesty monthly reports on the number of residents in Moscow and weekly prices of foodstuffs" in Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I. Vol. XVI. No. 11701. (In Russ.).



Научная статья

УДК 343.237 / 343.341.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.17>

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ГРУППАМИ

Юрий Иванович Гунькин

Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Ростовской области (д. 13/23, ул. Береговая, Ростов-на-Дону, 44082, Российская Федерация)

Старший следователь-криминалист

yuriy_gunkin@list.ru; <https://orcid.org/0009-0008-9666-3525>

Аннотация. Введение. Преступления, совершаемые организованными группами, обладают повышенной степенью общественной опасности. Квалификация таких деяний подразумевает необходимость надлежащим образом определить упомянутую категорию, установить ее качественные характеристики, что требует проведения соответствующих исследований, в том числе уголовно-правового характера. **Материалы и методы.** Основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные способы научного познания. Используются методы теоретического и эмпирического исследования. Также проведен анализ судебных решений по уголовным делам о преступлениях, совершенных в составе организованных групп, с использованием сравнительно-правового метода. **Анализ.** В статье проводится исследование преступлений, совершаемых организованными группами, связанного с рассмотрением вопросов оценки общественной опасности преступлений, совершаемых организованными группами, которые не нашли достаточного отражения в научной литературе. Согласно проведенному исследованию нормативной базы, в уголовном законодательстве отсутствует определение организованной группы. Но при этом совершение преступления в составе организованной группы обладает повышенной степенью общественной опасности, что определяется рядом факторов различного характера, рассмотренных в статье. Данное обстоятельство требует выработки новых теоретических и прикладных подходов к борьбе с таким феноменом как организованная преступность, в том числе связанных с повышенной общественной опасностью этого явления. **Результаты.** Проведенное исследование поз-

воляет сделать вывод, что, несмотря на активное использование рассматриваемого понятия, законодателем не во всех случаях учитывается повышенная общественная опасность совершения преступления организованной группой, что подлежит исправлению путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, связанных с включением в перечень квалифицирующих обстоятельств ряда норм, устанавливающих ответственность за отдельные преступления, такого отягчающего обстоятельства как совершение преступления организованной группой, признанием его особо отягчающим обстоятельством с установлением соответствующих санкций.

Ключевые слова: организованная группа, группа лиц по предварительному сговору, совершение преступления, соучастие, отягчающее обстоятельство, квалифицированный состав, общественная опасность, уголовная ответственность

Для цитирования: Гунькин Ю. И. К вопросу об общественной опасности преступлений, совершаемых организованными группами // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 743–749. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.17>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 18.04.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 21.07.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Research article

ON PUBLIC DANGER OF CRIMES COMMITTED BY ORGANIZED GROUPS

Yuri I. Gunkin

Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Rostov region (13/2, Beregovaya St., Rostov-on-Don, 344082, Russian Federation)

Senior criminal investigator

yuriy_gunkin@list.ru; <https://orcid.org/0009-0008-9666-3525>

Abstract. Introduction. Crimes committed by organized groups have an increased degree of public danger. The qualification of such acts implies the need to properly define the mentioned category, to establish its qualitative characteristics, which requires appropriate research, including criminal law. **Materials and Methods.** The research is based on general scientific and private scientific methods of scientific cognition. The methods of theoretical and empirical research are used. The analysis of court decisions in criminal cases on crimes committed as part of organized groups using the comparative legal method is also carried out. **Analysis.** The article studies crimes committed by organized groups related to the consideration of issues of assessing the public danger of crimes committed by organized groups, which have not been sufficiently reflected in the scientific literature. According to the study of the regulatory framework, there is no definition of an organized group in criminal legislation. At the same time, the commission of a crime as part of an organized group has an increased degree of public danger, which is determined by a number of factors of a different nature, discussed in the article. This circum-

stance requires the development of new theoretical and applied approaches to combating such a phenomenon as organized crime, including those related to the increased public danger of this phenomenon. **Results.** The conducted research allows the author to conclude that, despite the active use of the concept in question, the legislator does not in all cases take into account the increased public danger of committing a crime by an organized group. It is subject to correction by making appropriate changes to criminal legislation related to the inclusion in the list of qualifying circumstances of a number of norms establishing responsibility for individual crimes, such an aggravating circumstance as the commission of a crime by an organized group, recognizing it as a particularly aggravating circumstance with the establishment of appropriate sanctions.

Keywords: organized group, group of persons by prior agreement, commission of a crime, complicity, aggravating circumstance, qualified personnel, public danger, criminal liability

For citation: Gunkin Yul. On public danger of crimes committed by organized groups. Humanities and law research.

© Гунькин Ю. И., 2024

2024;11(4):743-749. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.17>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 18.04.2024.

The article was approved after reviewing: 21.07.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

Введение. Групповой характер совершаемых преступлений не может не получать определенную оценку со стороны законодателя с учетом характера таких деяний и угрозы для общества. Преступления, совершаемые в соучастии, и прежде всего, в составе организованных групп, обладают повышенной степенью общественной опасности, причиняя вред тем или иным общественным отношениям, в зависимости от вектора антиобщественной направленности таких деяний.

Их квалификация подразумевает необходимость надлежащим образом определить упомянутую категорию, установить ее качественные характеристики, что требует проведения соответствующих исследований, в том числе уголовно-правового характера, связанных с осознанием законодателем рассматриваемого явления и дачи ему соответствующей оценки путем установления и редактирования в необходимых случаях соответствующих норм, в первую очередь – уголовно-правового характера.

Материалы и методы. Основу исследования составляют общенаучные и частно-научные способы научного познания. Используются методы теоретического и эмпирического исследования. Также проведен анализ судебных решений по уголовным делам о преступлениях, совершенных в составе организованных групп, с использованием сравнительно-правового метода.

Анализ. Осознавая повышенную общественную опасность преступлений, совершаемых в соучастии, законодатель уделяет данному институту значительное внимание, указывая как на различные формы соучастия, так и влияние на повышение степени общественной опасности, рассматривая в качестве обстоятельства, отягчающего наказание в отдельных преступлениях [3, с. 43].

Одной из таких форм (и одной из наиболее опасных) соучастия законодатель признает совершение преступления организованной группой, давая определение данной форме в ч. 3 ст. 35 УК РФ. Учитывая значимость данной формы соучастия, определяемую его повышенной опасностью, законодатель регулярно использует термин «совершение преступления организованной группой». Так, в Общей части данный термин упоминается 12 раз (в том числе в ст. 63 УК РФ как обстоятельство, отягчающее наказание), а в Особенной части – 163 раза (прежде всего, как отягчающее обстоятельство в квалифицированных и особо квалифицированных составах - например, в ст. ст. 105, 158, 186, 226.1, 338, 356.1 УК РФ) всего – 176 раз.

Таким образом, законодатель, осознавая повышенную степень рассматриваемой формы соучастия, включает в уголовное законодательство

нормы (предусматривающие ответственность за совершение преступлений различной направленности), в которых преступное поведение в составе организованных групп рассматривается как отягчающее обстоятельство, с формированием соответствующего квалифицированного либо особо квалифицированного состава.

Несмотря на значимость данного термина, законодатель определение организованной группы не дает, раскрывая лишь в ч. 2 ст. 35 УК РФ понятие преступления, совершенного организованной группой (впрочем, как и иные формы соучастия), делая упор на устойчивости группы лиц. В связи с отсутствием законодательного определения организованной группы данный вопрос неоднократно становился предметом рассмотрения Верховного Суда России, который давал свое толкование в Постановлениях Пленума, например, в Постановлениях от 27.01.1999 № 1, 10.06.2010 № 12, 27.12.2002 № 29.

Например, в Постановлении от 27.12.2002 № 29 определение организованной группы не дается, но в п. 15 указывается на ее основные характеристики (устойчивость, наличие в ее составе организатора (руководителя), наличие плана, распределение функций) [6].

В п. 10 Постановления от 27.01.1999 № 1 под организованной группой предложено понимать группу из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких преступлений, а также указываются дополнительные признаки, связанные с планированием преступления, подготовкой орудий, распределением ролей [5].

В Постановлении Пленума от 10.06.2010 № 12 в п. 15 обращается внимание на общественную опасность организованной преступности, которая в ее различных проявлениях посягает на общественную безопасность, жизнь и здоровье граждан, собственность, нарушает нормальное функционирование государственных, коммерческих и иных организаций и общественных объединений [7].

Проблемам определения организованной группы уделялось и уделяется внимание в научных трудах. Но при этом в ряде трудов говорится только о признаках организованной группы, а само определение не предлагается [2, с. 126 – 127].

Также предлагается рассматривать организованную группу как объединение, основным признаком которого должно выступать соглашение между участниками о постоянной преступной деятельности, которую должны составлять не менее трех умышленных преступлений [4, с. 53].

В некоторых случаях определение организованной группы выводится из положений ч. 3 ст. 35 УК РФ: «Как известно, под организованной груп-

пой понимается устойчивая группа из двух или более лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ)» [12, с. 35], однако делается оговорка, что содержание устойчивости, выступающей для таких объединений образующим признаком, тем не менее не получило законодательного закрепления, что обуславливает отнесение этой категории к числу оценочных понятий [11, с. 26].

Ни один из авторов не возражает против того, что преступления, совершаемые организованной группой, обладают повышенной общественной опасностью, о чем свидетельствует также частота упоминания такого понятия в уголовном законодательстве.

Возникает вопрос, в чем же заключается такая повышенная опасность. Мы считаем, что здесь играют роль несколько факторов.

Прежде всего, общественная опасность преступлений, совершаемых организованными группами, заключается в том, что в их совершение вовлекается значительное количество лиц – от двух и более. Соответственно, указанные лица перестают носить положительную социальную характеристику, а их деятельность как членов общества вместо положительной направленности приобретает деструктивный характер, отрицательно влияя на вектор развития общества, мешая достижению поставленных целей в различных сферах - социальной, экономической и т.п.

Пример такого вовлечения описан в одном из приговоров Ростовского областного суда, которым за совершение торговли людьми и использование рабского труда в составе организованной группы, действовавшей на территории России и Абхазии, были осуждены Ясинский М.А. и Кудряшов В.К. В состав организованной группы, действовавшей под единым руководством, входили граждане обеих стран, которые заманивали граждан России, обещая высокие зарплаты (вербовщики), перевозили их от места вербовки до места дальнейшего содержания (перевозчики), и угрозами и насилием заставлявшие их заниматься рабским трудом (охранники).

В такое сообщество и был вовлечен Ясинский, ставший руководителем группы вербовщиков, и вовлекший затем в нее Кудряшова. Ясинский, будучи оформленным в качестве индивидуального предпринимателя, вместе с Кудряшовым размещали объявления в средствах массовой информации о возможности трудоустройства с высокой заработной платой, вербовали лиц, которые откликались на такие объявления, а потом принимали меры к их вывозу в Абхазию, продавая их затем в приграничной зоне за деньги. В Абхазии этих граждан преступники в целях дальнейшей эксплуатации лишали свободы и заставляли работать на стройках [9].

Соответственно, увеличение как количества организованных групп, так и входящих в их состав членов влияет и на увеличение количества пре-

ступлений, совершаемых в государстве, и на уровень преступных последствий и вреда, получаемых в результате совершаемых ими общественно опасных деяний, и на размер незаконно получаемого ими дохода.

Другим негативным фактором является то, что благодаря совершению тех или иных преступлений, совершаемых именно организованными группами, существенно увеличивается вероятность достижения предполагаемого преступного результата, а, в некоторых случаях, возникает и сама возможность совершения таких преступлений, так как в случае совершения таких деяний в одиночку, группой лиц или группой лиц по предварительному сговору условия реализации преступных намерений не образуются или не реализуются, так как требуется определенное «распределение труда», обладание конкретными навыками (которые не всегда носят преступный характер, а иногда требуют наличие определенной подготовки, образования или способностей). Достижению целей способствует и ряд иных факторов, в том числе неоднократно упоминаемых в решениях высшего судебного органа.

К таким обстоятельствам относится, как правило определенный период времени существования такой группы, во время которого принимаются меры к подготовке, организации и реализации преступной деятельности, что существенно повышает шансы на достижение планируемого преступного результата, снижает вероятность раскрытия преступления, установления, обнаружения и привлечения к уголовной ответственности членов организованной преступной группы [1].

Так, например, была осуждена организованная группа, объединенная одной преступной целью (контрабанда леса), состоявшая из трех человек, один из которых, обладая всей полнотой информации, являлся организатором, координируя деятельность группы. Ими была выработана схема контрабанды, имелось четкое распределение ролей. Группа действовала на протяжении более 4 лет. Стоимость контрабанды составила более 27 млн. руб. Причем несмотря на то, что следствием этим лицам вменялась совершение преступления в составе организованной группы, суд 1 инстанции вменил преступникам только совершение группой лиц по предварительному сговору, что стало предметом апелляционного представления, в котором ее автор указал: «Сплоченная организованная группа ... создана для реализации общего преступного умысла, направленного на незаконное обогащение, характеризовалась устойчивостью и сплоченностью, что выражалось в длительном периоде ее деятельности ... Выполняя определенные задачи, члены организованной группы действовали согласно отведенным им ролям, добиваясь согласованности действий всех ее членов, тщательно подготавливались к совершению преступлений, четко соблюдали меры конспирации и безопасности...». И только

апелляционная инстанция, согласившись с мнением следствия и органов прокуратуры, признала наличие организованной группы [1].

Кроме того, с предыдущим обстоятельством связан и такой показатель, как неоднократность актов преступного поведения членов группы, которые могут быть осуществлены в соответствующий период. При этом, совершая неоднократные преступления, члены организованной группы повышают свою преступную квалификацию, что также влияет как на результативность преступной деятельности, так и на увеличение уровня их асоциализации и степени пренебрежения нормами общества. Так, например, вынесен обвинительный приговор за совершение преступления в миграционной сфере в составе организованной группы, одним из членов которой являлся индивидуальным предпринимателем, организовавший фиктивное трудоустройство и заключавший фиктивные договоры с иностранными гражданами, предоставлявшими им право пребывания на территории нашего государства. Преступная деятельность группы продолжалась на протяжении шести лет, что способствовало незаконной миграции четырнадцати граждан Республики Узбекистана, Республики Молдова, Республики Армения и Украины [8].

Еще одним аспектом является уровень знаний, технической оснащенности и вооруженности организованной группы. Как правило, члены организованной группы принимают все необходимые меры, направленные на достижение преступного результата, не полагаясь только на их количество и состав. Технический прогресс, информатизация общества, возможность достижения планируемого результата путем использования современной техники, информационно-телекоммуникационных технологий, распространенность огнестрельного оружия, взрывных устройств и взрывчатых веществ определяют возможность их использования для совершения преступлений, но, как отмечалось выше, требуют определенных навыков для их использования, а иногда и длительной тренировки.

К числу факторов, влияющих на общественную опасность преступлений, совершаемых организованными группами, относится и то, что некоторые преступления возможно совершить только в составе организованных групп, а возможность совершения в одиночку, группой лиц и или группой лиц по предварительному сговору практически полностью исключена, что связано со сложностью реализации преступления, степенью охраняемости объекта и ряда иных обстоятельств, преодолеть которые возможно только путем использования рассматриваемой формы соучастия.

Например, за организацию преступного сообщества Ростовским областным судом был осужден Яковенко П.Г. Причем преступная деятельность началась во время отбывания наказания в виде лишения свободы в одной из колоний

на территории Ростовской области. Яковенко и входящие в организованную им группу лица организовали контрабандное перемещение в Россию крупных партий героина.

Поступивший героин хранился в жилищах членов преступной группы, которые также осуществляли его расфасовку для дальнейшего сбыта. Другие лица осуществляли закладку героина в тайники.

В дальнейшем в группу вовлекались рядовые сбытчики героина.

Оплата за героин осуществлялась через Интернет на счета членов преступной группы. Часть героина нелегально передавалась в одну из колоний [8].

На степень общественной опасности преступлений, совершаемых в составе организованных групп, влияют и общественно опасные преступные последствия, их количественные и качественные характеристики. Зачастую количество жертв, экономический ущерб, угроза общественной безопасности как последствия преступлений несопоставимы с последствиями преступлений, совершаемых в одиночку или в составе менее групп с меньшей степенью организованности.

В некоторых случаях совершение преступлений организованными группами превращается в бизнес, а сама – группа – криминальным предприятием с разветвленной структурой, наличием «филиалов», «отделов» и определенной иерархии.

Так, приговором Ростовского областного суда от 30.06.2010 Колесников А.С., Лобачев В.В. и другие были осуждены за организацию преступного сообщества, а также разбойные нападения на водителей грузового автотранспорта. Схема была отлажена – Колесников планировал нападения. Одни члены его группы делали заказы, и вместе с водителями прибывали к месту нападения, другие – совершали нападение, третьи – перегоняли захваченный транспорт, четвертые – сбывали товар [11].

Помимо этого, характерный пример такого криминального бизнеса описан в приговоре, которым были осуждены лица за совершение незаконного оборота наркотических средств. В приговоре указано, что в состав такого «предприятия» входили:

- руководитель, который организовал интернет-магазин, осуществлял общее руководство организованной преступной группой, обеспечивал денежное вознаграждение участникам группы, распределял доходы, организовывал доставку крупных партий наркотиков различные города России;

- кураторы, которые получали от руководителя сведения о месте нахождения партий наркотиков, осуществляли обмен информации между структурными подразделениями группы и ее отдельными участниками, передавали информацию покупателям о наркотиках и их метсонахождении, получали деньги,

- перевозчики, которые отвозили наркотики в различные города;

- склады-фасовщики, мини-склады, хранившие, фасовавшие товар;

- закладчики-курьеры;

- отдел кадров, рекламировавший товар и набиравший новых членов группы [9].

Распределение ролей в таких группах может быть различным, но цель одна - получение преступного дохода [10].

Безусловно, законодатель каждому явлению уголовно-правового характера должен давать адекватную оценку. Но возникает вопрос – насколько верно он дает оценку общественной опасности преступлений, совершаемых в составе организованных групп? Таковая оценка должна учитывать несколько категорий.

В первую очередь, используется либо не используется рассматриваемый признак в перечне отягчающих обстоятельств уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение того или иного преступления.

Во-вторых, как данный термин соотносится с использованием иных отягчающих обстоятельств, в том числе с таким отягчающим обстоятельством как «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору».

В третью очередь, как соотносится наказуемость преступлений, совершенных в составе организованной группы, по сравнению с основным преступлением без отягчающих обстоятельств.

Изучение действующего уголовного законодательства показало, что в целом законодатель учитывает данный признак при установлении уголовной ответственности за отдельные виды преступлений, но не в полной мере.

Так, в ряде преступлений, в том числе в сфере экономики, общественной безопасности данное отягчающее обстоятельство не предусмотрено в квалифицированных и особо квалифицированных составах (например, ст. 169, 190 УК РФ). Но совершение подобных преступлений членами организованными преступными группами существенно повышает их общественную опасность, что, как в указанных случаях, учитывается законодателем не в полной мере.

Несмотря на то, что по сравнению с такой формой соучастия, как совершение группой лиц по предварительному сговору, совершение преступления организованной группой лиц является значительно более опасным, законодатель, включая их в перечень отягчающих обстоятельств за совершение того или иного преступления, ставит их на один уровень (см., например п. «а» ч. 2 ст. 131, п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ и др.). При этом в указанных нормах кроме квалифицированных составов предусмотрены и особо квалифицированные). Полагаем, что такой подход является не совсем верным, и совершение преступления организованной группой должно рассматриваться как представляющее большую общественную

опасность с установлением более сурового наказания и отнесение к иной категории преступления (как, например, в ст. 226.1 и ст. 228.1 УК РФ).

Кроме того, несмотря на повышенную общественную опасность совершения преступления организованной группы, в некоторых случаях также недооценивает данный фактор. Так, если, например, совершение преступления организованной группой в одних нормах (ст. 186, ст. 280.4 УК РФ) рассматривается как особо квалифицированный (и наиболее тяжкий) состав, а в некоторых случаях приравниваясь к такому отягчающему обстоятельству как повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия (ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127 УК РФ) или совершенное в особо крупном размере (ч. 3 ст. 161 УК РФ) то в ряде составов совершение преступления организованной группой рассматривается в качестве «обычного» квалифицированного состава (см., например, ст. 131, 230 УК РФ).

Полагаем, что данная оценка общественной опасности преступлений, совершенных организованной группой, является не в полной мере верной, а совершение преступления организованной группой следует рассматривать как особо отягчающее обстоятельство с установлением соответствующих санкций за его совершение.

Таким образом, можно сказать, что происходит явная недооценка общественной опасности совершения преступления организованной группой, что, по нашему мнению, подлежит исправлению путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство. Такие изменения будут способствовать признанию общественной опасности рассматриваемого обстоятельства.

Результаты. Подводя итоги, следует сделать вывод, что совершение преступления в составе организованной группой обладает повышенной степенью общественной опасности, что определяется, прежде всего, вовлечением в совершение преступления значительного количества лиц, существенному увеличению вероятности достижения предполагаемого преступного результата; возможностью совершения некоторых преступлений только в составе организованной группы, наличием весьма значительных общественно опасных последствий преступлений, совершаемых в составе организованных групп.

При этом законодателем не во всех случаях учитывается повышенная общественная опасность совершения преступления в составе организованных групп, что подлежит исправлению путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, связанных с включением в перечень квалифицирующих обстоятельств ряда норм, устанавливающих ответственность за отдельные преступления, такого отягчающего обстоятельства как совершение преступления организованной группой, признанием его особо отягчающим обстоятельством (по сравнению с группой лиц по предва-

рительному сговору) с установлением соответствующих санкций.

Такие изменения будут способствовать признанию общественной опасности совершения

преступления организованной группой и его надлежащей оценке как особо отягчающего обстоятельства.

Литература

1. Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Забайкальского краевого суда от 1 марта 2023 года по делу № 156-2023. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/73653188> (дата обращения: 12.06.2024).
2. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 1. Общая часть / В. М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В. М. Лебедев. М.: Изд-во Юрайт, 2024. 316 с.
3. Лавринов В. В. Некоторые проблемы формирования диспозиции норм, предусматривающих уголовную ответственность за контрабанду // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1 (27). С. 41–45.
4. Мондохонов А. Н. Понятие, признаки и виды преступных объединений // Законность. 2020. № 3. С. 50–54.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/?ysclid=lylnzqotu4653872261 (дата обращения: 03.07.2024).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/?ysclid=lyo2mxruy851144214. (дата обращения: 03.07.2024).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/?ysclid=lylo4oti53256328925 (дата обращения: 03.07.2024).
8. Приговор Ростовской областного суда № 2-152/2012 от 29 ноября 2012 г. по делу № 2-152/2012. URL: https://oblsud-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=44052402&case_uid=e6053d24-2fc4-4966-b180-9be4b2a9c6f5&result=1&delo_id=1540006 (дата обращения: 03.07.2024).
9. Приговор Ростовского областного суда № 2-103/13 от 28 октября 2013 г. по делу № 2-103/13. URL: https://oblsud-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=44054885&case_uid=19ccdf13-e3e9-4fb8-a241-26f3cf32e75c&result=1&delo_id=1540006 (дата обращения: 03.07.2024).
10. Приговор Ростовского областного суда № 2-21/2010 (2-91/2009) от 28 июня 2010 г. по делу № 2-21/2010. URL: https://oblsud-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=44041741&case_uid=7155730d-c468-44b4-9d11-c43fef090104&result=1&delo_id=1540006 (дата обращения: 03.07.2024).
11. Приговор Ростовского областного суда № 2-21/2010 (2-91/2009) от 28 июня 2010 г. по делу № 2-21/2010. URL: https://oblsud-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=44041741&case_uid=7155730d-c468-44b4-9d11-c43fef090104&result=1&delo_id=1540006 (дата обращения: 03.07.2024).
12. Приговор Северного районного суда г. Орла Орловской области № 1-95/2020 от 25 мая 2020 г. по делу № 1-95/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MgqOOYjaMKNW/?ysclid=ly1o7k4nce734494826> (дата обращения: 12.06.2024).
13. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) № 1-577/2020 от 27 апреля 2020 г. по делу № 1-577/2020 Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XQVCfwidUaxq/?ysclid=ly1n4qox9d712233909> (дата обращения: 12.06.2024).
14. Приговор Ярославского областного суда № 2-9/2022 от 25 мая 2022 г. по делу № 2-9/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8oKeBoZFal1P/?ysclid=ly1o1mslhv698916643> (дата обращения: 12.06.2024).
15. Скачко А. В. Совершение контрабанды организованной группой (ч. 3 ст. 226.1, п. «а» ч. 4 ст. 229.1 УК РФ): законодательные диспропорции и пути их преодоления // Российский следователь. 2017. № 17. С. 25-27.
16. Теплова Д. О. Устойчивость как доминантный признак организованной группы, совершающей мошенничества: анализ судебной практики // Российский судья. 2013. № 7. С. 35–36.

References

1. The appeal verdict of the Judicial Board for Criminal Cases of the Zabaikalsky Regional Court dated March 1, 2023 in case No. 156-2023. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/73653188> (accessed: 12.06.2024). (In Russ.).
2. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation in 4 volumes. Volume 1. General part / VM Lebedev [et al.]; executive editor VM Lebedev. Moscow: Yurait Publishing House; 2024. 316 p. (In Russ.).
3. Lavrinov VV. Some problems of the formation of the disposition of norms providing for criminal liability for smuggling. *Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih reshenija*. 2020;1(27);41-45. (In Russ.).
4. Mondokhonov A.N. The concept, signs and types of criminal associations. *Zakonnost'*. 2020;(3):50-54. (In Russ.).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated 01/27/1999 (as amended on 03.03.2015) "On judicial practice in murder cases (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/?ysclid=lylnzqotu4653872261 (accessed: 03.07.2024). (In Russ.).
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/27/2002 No. 29 (ed. dated 12/15/2022) "On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/?ysclid=lyo2mxruy851144214 (accessed: 03.07.2024). (In Russ.).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/10/2010 No. 12 "On the judicial practice of considering criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (her)". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/?ysclid=lylo4oti53256328925 (accessed: 03.07.2024). (In Russ.).

8. The verdict of the Rostov Regional Court No. 2-152/2012 dated November 29, 2012 in case No. 2-152/2012 URL: https://oblsud--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=44052402&case_uid=e6053d24-2fc4-4966-b180-9be4b2a9c6f5&result=1&delo_id=1540006 (accessed: 03.07.2024).
9. Verdict of the Rostov Regional Court No. 2-103/13 dated October 28, 2013 in case No. 2-103/13. URL: https://oblsud--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=44054885&case_uid=19ccdf13-e3e9-4fb8-a241-26f3cf32e75c&result=1&delo_id=1540006 (accessed: 03.07.2024). (In Russ.).
10. Verdict of the Rostov Regional Court No. 2-21/2010 (2-91/2009) dated June 28, 2010 in case No. 2-21/2010. URL: https://oblsud--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=44041741&case_uid=7155730d-c (accessed: 03.07.2024). (In Russ.).
11. Verdict of the Rostov Regional Court No. 2-21/2010 (2-91/2009) dated June 28, 2010 in case No. 2-21/2010. URL: https://oblsud--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=44041741&case_uid=7155730d-c468-44b4-9d11-c43fef090104&result=1&delo_id=1540006 (accessed: 03.07.2024). (In Russ.).
12. Verdict of the Northern District Court of Oryol, Oryol region No. 1-95/2020 dated May 25, 2020 in case No. 1-95/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MgqOOYjaMKNW/?ysclid=ly1o7k4nce734494826> (accessed: 03.07.2024). (In Russ.).
13. Verdict of the Yakutsk City Court of the Republic of Sakha (Yakutia) No. 1-577/2020 dated April 27, 2020 in case No. 1-577/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XQVCfwidUaxq/?ysclid=ly1n4qox9d712233909> (accessed: 03.07.2024). (In Russ.).
14. Verdict of the Yaroslavl Regional Court No. 2-9/2022 dated May 25, 2022 in case No. 2-9/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8oKeBoZFal1P/?ysclid=ly1o1mslhv698916643> (accessed: 03.07.2024). (In Russ.).
15. Skachko AV. The commission of smuggling by an organized group (Part 3 of Article 226.1, paragraph "a" of Part 4 of Article 229.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): legislative imbalances and ways to overcome them. *Rossiiskij sledovatel'*. 2017;(17):25-27. (In Russ.).
16. Teplova DO. Stability as a dominant feature of an organized group committing fraud: an analysis of judicial practice. *Rossiiskij sledovatel'*. 2013;(7):35-36. (In Russ.).



Научная статья

УДК 347.45/.47

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.18>

ДОГОВОРЫ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Сара Кимадиевна Идрышева

Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева (MNU) (8, шоссе Коргалжын, Астана, 010000, Республика Казахстан)
Доктор юридических наук, доцент
isk.80@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3473-3395>

Аннотация. Введение. Актуальность темы статьи обусловлена тем, что в хозяйственной, юридической и судебной практике возникают проблемы с квалификацией договорных правоотношений по возмездному оказанию услуг. Зачастую в качестве услуг квалифицируются действия по передаче энергии и энергоносителей (договоры энергоснабжения), действия по выполнению работ (подрядные договоры); не учитываются такие особенности договоров возмездного оказания услуг, как их публичный характер; граждане-заказчики не признаются потребителями, вследствие чего не удовлетворяются иски о компенсации морального вреда; даже в случаях правильной квалификации не применяются дополнительно общие положения о договорах подряда и нормы о бытовом подряде. В научных работах и разделах учебников при характеристике договоров возмездного оказания услуг названные нами признаки не рассматриваются в их совокупности. **Материалы и методы.** Материалами для исследования послужили нормы гражданского законодательства Республики Казахстан и Российской Федерации о договорах возмездного оказания услуг, материалы судебной практики и высказанные в доктрине позиции ученых по рассматриваемой теме. Из методов научного исследования были использованы как общенаучные, так и частнонаучные, в том числе формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения. **Анализ.** Исследование построено на анализе общих положений о договорных обязательствах по возмездному оказанию услуг на примерах их изложения в Гражданских кодексах Российской Федерации и Республики Казахстан. Приводятся авторские обоснования объединения большого массива договорных конструкций в одной небольшой по объему главе Гражданского кодекса. При рассмотрении гражданско-правовой характеристики договоров возмездного оказания услуг автором приводятся примеры судебной практики для подтверждения теоретических положений, а также позиции раз-

личных ученых по рассматриваемым вопросам. Рассмотрены вопросы о публичном характере многих договоров возмездного оказания услуг, обосновывается необходимость применения ко многим договорным конструкциям норм о договорах подряда и бытового подряда в частности, а также о применении законодательства о защите прав потребителей в правоотношениях с участием заказчиков-физических лиц. **Результаты.** Сделаны выводы о публичном характере многих договоров возмездного оказания услуг, дающие основания для дополнительной защиты прав заказчиков. Отмечено важное теоретическое и практическое значение норм о применении положений о подряде к договорам возмездного оказания услуг. Обосновывается позиция о признании заказчиков-граждан, приобретающих услуги для личного, домашнего и иного потребления, не связанного с производством/предпринимательством, потребителями и применении к ним соответствующего законодательства, в том числе о праве на компенсацию морального вреда.

Ключевые слова: услуги, договорные обязательства, возмездное оказание услуг, исполнитель, заказчик, личное исполнение, публичный договор, защита прав потребителей, услуги и работы, договор бытового подряда, признаки услуг, отличие услуг от работ, права заказчиков, обязанности услугодателей, моральный вред

Для цитирования: Идрышева С. К. Договоры возмездного оказания услуг по законодательству России и Казахстана // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 750–757. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.18>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 18.04.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 21.07.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Research article

CONTRACTS FOR THE PROVISION OF CHARGEABLE SERVICES UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

Sara K. Idrysheva

Maqsut Narikbayev University (8, Korgalzhyn Highway, Astana, 010000, Republic of Kazakhstan)
Dr. Sc. (Law), Professor
isk.80@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3473-3395>

Abstract. Introduction. The relevance of the topic is due to the fact that in economic, legal and judicial practice problems arise with the qualification of contractual legal relations for the provision of paid services. Often, actions for the transfer of energy and energy resources (energy supply contracts), actions for the performance of work (contract agreements) are qualified as services. Such features of contracts for chargeable services as their public nature are not taken into account. Citizens-customers are not recognized as consumers, as a result of which claims for compensation for moral damage are not satisfied; even in cases of correct qualification, the general provisions on work contracts and the rules on household contracts do not additionally apply. In scientific works and sections of textbooks, when characterizing contracts for chargeable services, the characteristics we have named are not considered in their entirety. **Materials and**

Methods. The materials for the study were the norms of civil legislation of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation on contracts for chargeable services, materials of judicial practice and the positions of scientists on the topic under consideration expressed in the doctrine. Among the methods of scientific research, both general scientific and specific scientific ones were used, including the formal legal method and the method of comparative law. **Analysis.** The study is based on the analysis of general provisions on contractual obligations for the provision of chargeable services using examples of their presentation in the Civil Codes of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The author's justification for combining a big array of contractual structures in one small chapter of the Civil Code is given. When considering the civil law characteristics of contracts for the provision of paid services, the author

© Идрышева С. К., 2024

provides examples of judicial practice to confirm theoretical provisions, as well as the positions of various scientists on the issues under consideration. Issues about the public nature of many contracts for the provision of chargeable services are considered, the need to apply to many contractual structures the rules on work contracts and household contracts in particular, as well as the application of legislation on the protection of consumer rights in legal relations with the participation of individual customers is substantiated. **Results.** Conclusions are drawn about the public nature of many contracts for the provision of chargeable services, providing grounds for additional protection of the rights of customers. The important theoretical and practical significance of the rules on the application of contract provisions to contracts for the provision of chargeable services is noted. The position is substantiated on the recognition of customers-citizens purchasing services for personal, household and other

Введение. Услуги, как и вещи (имущество), работы всегда присутствовали в гражданском обороте в качестве объектов гражданских правоотношений. В частности, в римском праве различались наем работ и наем услуг. В настоящее время объем услуг неимоверно вырос, чему способствовали как развитие техники и технологий, так и иные обстоятельства. Относительно стран постсоветского пространства одной из главных причин появления в имущественном обороте новых видов и увеличения количества имевшихся ранее видов услуг послужил переход к так называемым «рыночным отношениям», а именно, изменение экономической политики по принципу «разрешено всё, что не запрещено».

Именно на рубеже 80-х и начале 90-х годов XX века появились первые законы о кооперации, о частной собственности, о свободе предпринимательства; стали создаваться частные банки, активно начали работать товарные биржи и рынки (базары). Снятие запретов и ограничений на посредническую деятельность соответственно повлекло появление огромного числа посреднических услуг, за которые ранее была предусмотрена уголовная ответственность.

Другим основанием резкого возрастания количества и видов возмездных услуг явился процесс т.н. «разгосударствления», при котором многие услуги, оказывавшиеся ранее государственными органами и организациями, были переданы в конкурентную среду. В результате бывшие ранее безвозмездными для населения образовательные, медицинские и многие иные виды услуг стали в одночасье возмездными. Востребованными стали также аудиторские, оценочные, риэлторские, коллекторские, маркетинговые услуги, и т.д.

Основы гражданского законодательства ССР и республик 1991 года еще не предусматривали комплекса правовых норм о регулировании возникающих в то время новых возмездных договорных отношений.

Логично, что в таких условиях динамично развивающийся пласт общественных отношений требовал соответствующего правового регулирования, и впервые данный вопрос был разрешен в Главе 38 «Возмездное оказание услуг»

consumption not related to production / entrepreneurship as consumers and the application of relevant legislation to them, including the right to compensation for moral damage.

Keywords: services, contractual obligations, chargeable services, performer, customer, personal performance, public contract, consumer protection, services and works, household contract, characteristics of services, difference between services and works, rights of customers, obligations of service providers, moral damage

For citation: Idrysheva SK. Contracts for the provision of chargeable services under the legislation of Russia and Kazakhstan. Humanities and law research. 2024;11(4):750-757. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.18>

The article was submitted: 18.04.2024.

The article was approved after reviewing: 21.07.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

Модельного Гражданского кодекса для государств - участников СНГ (часть вторая), нормы которого явились основанием внесения отдельных глав в Гражданские кодексы постсоветских государств [9].

Известный российский цивилист Лапач В.А. также отмечал, что «институт возмездного оказания услуг (гл. 39 ГК РФ) является новым для отечественного гражданского законодательства и имеет общий, собирательный характер». При этом он подчеркивал, что данной Главой регулируются «услуги, весьма далекие друг от друга и по сферам применения, и по субъектам (исполнителям и потребителям), и по достигаемому результату», что ставит «перед наукой и правоприменительной практикой все новые вопросы» [7, с.457 – 458].

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили нормы гражданского законодательства Республики Казахстан и Российской Федерации о договорах возмездного оказания услуг, материалы судебной практики и позиции ученых по рассматриваемой теме. Из методов научного исследования были использованы как общенаучные, так и частнонаучные, в том числе формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения.

Анализ. Исследование проводилось путем формально-юридического и сравнительно-правового анализа правовых норм о договорах возмездного оказания услуг, анализировались общие положения о договорных обязательствах по возмездному оказанию услуг в их редакции, размещенной в Гражданских кодексах Российской Федерации и Республики Казахстан.

Так, общим подходом к правовому регулированию столь значительного объема общественных отношений по возмездному оказанию услуг является незначительное количество правовых норм в Гражданских кодексах стран СНГ, отражающих лишь основные положения. В этой связи следует отметить, что за истекшие три десятилетия арсенал законодательства о правовом регулировании возмездного оказания услуг практически в каждой из постсоветских стран пополнился десятками законодательных и сотнями подзаконных актов, применяемых дополнительно к соот-

ветствующим, кратким по содержанию, главам ГК о данных видах услуг (например, Глава 39 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ [3], и Глава 33 Гражданского кодекса Республики Казахстан, далее – ГК РК [2]).

Наименование рассматриваемых глав ГК может ввести в заблуждение лиц, не обладающих специальными познаниями в области юриспруденции. Поэтому сразу следует предупредить, что несмотря на кажущееся общим, универсальным наименования соответствующей главы, тем не менее, нормы ее не относятся к правовому регулированию множества иных видов возмездных услуг, о чем указано в п.2 ст.779 ГК РФ и в п.2 ст.683 ГК РК. Так, Главой 39 ГК РФ и соответственно, Главой 33 ГК РК не регулируются обязательства, возникающие из договоров подряда, выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, перевозки, займа и кредита, факторинга, банковских договоров, хранения, страхования, поручения, комиссии, доверительного управления имуществом.

В этой связи в качестве сфер применения норм рассматриваемой Главы законодателем указаны следующие виды деятельности: оказание услуг по обучению (образовательные); услуги связи, аудиторские, медицинские, ветеринарные, информационные, консультационные, туристические и иные. Неисчерпывающий перечень услуг, регулируемых нормами данной Главы, объяснен нами выше.

Дополним, что в эпоху стремительного развития информационно-коммуникационных технологий и появления иных потребностей общества объем подлежащего правовому регулированию массива неизбежно будет увеличиваться. В качестве примеров приведем введение в Главу 39 ГК РФ статьи 783.1 «Особенности договора об оказании услуг по предоставлению информации» (18.03.2019 г.) и статьи 687-1 «Договор на оказание услуг по предоставлению персонала» в ГК РК (19.12. 2020 г.). Судебная практика еще более богата примерами вовлечения в гражданский оборот новых видов услуг. Так, по одному из дел предметом договора явилась деятельность исполнителя по «привлечению целевого трафика на сайт заказчика» [13], по другим делам «услуги доступа в Интернет» [17], «оказание услуг по передаче данных» [14] и т.п.

Об огромном объеме видов услуг, регулируемых Главой «Возмездное оказание услуг», свидетельствует дальнейшая классификация даже некоторых из перечисленных в приведенных выше услугах. Так, услуги связи в свою очередь подразделяются на услуги почтовой и телефонной связи, каждая из которых имеет собственную классификацию. В частности, услуги телефонной связи подразделяются на услуги проводной и беспроводной связи; беспроводная связь ныне также подразделяется на несколько видов, коли-

чество которых может увеличиваться в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Медицинские услуги могут быть разделены на терапевтические, хирургические, стоматологические, массажные, процедурные и т.д. Например, отдельно рассматриваются неклинические психологические услуги [6]. При этом практически каждый из видов услуг дополнительно к ГК регулируется специальными законодательными и подзаконными актами.

Значимость норм о договорах возмездного оказания услуг подчеркнул в свое время Степанов Д.И., отметив, что для достижения цели диссертационного исследования на тему «Услуги как объекты гражданских прав» при анализе и выявлении существенных признаков услуги как юридической категории он избрал именно «обязательство по возмездному оказанию услуг, как оно понимается в силу гл. 39 ГК РФ» [20, с.5].

В то же время отмечаемый нами небольшой объем правовых норм рассматриваемых глав ГК, по мнению Мирошник А.В., «создает условия для искажения некоторых принципиальных положений в регулировании этих отношений другими правовыми актами». Он считает, что «при регулировании таких отношений актами ведомственного характера нередко берут верх корпоративные интересы». В этой связи, а также с учетом многообразия услуг гл. 39 ГК РФ, по его мнению, приобретает значение общих положений о договоре оказания услуг [8, с.7].

Легальная дефиниция понятия договора возмездного оказания услуг воспроизведена за истекшие со времени ее принятия годы в тысячах опубликованных на постсоветском пространстве работ различного рода и характера. Во избежание буквального заимствования норм статей 779 ГК РФ и 683 ГК РК, отметим, что определяющим для конструкции данного договорного правоотношения является «задание заказчика», которое должно быть законным и исполнимым. Вторая сторона – исполнитель – обязуется на основании задания заказчика оказать определенные заданием услуги, т.е. совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность. Степанов Д.И. отмечает также, что под «деятельностью исполнителя» следует понимать «процесс систематического оказания сходных услуг» исполнителем с целью систематического получения доходов или иного личного удовлетворения, то есть, это «наиболее высокий уровень поведения» по сравнению с отдельными «действиями» по оказанию услуг, характерный «для долговременных и однообразных по своему содержанию услуг» [20, с.20].

Поскольку из наименования Главы и самого договора явствует, что услуги носят возмездный характер, то соответственно, заказчик обязуется не только принять услуги, но и оплатить их.

Исходя из особенностей услуг как объектов гражданских правоотношений, предметом догово-

вора являются сами «определенные действия» либо «деятельность», не обладающие признаком достижения определенного результата в виде создания новой вещи (объекта) либо улучшения ранее имевшегося объекта. Тем не менее, в некоторых случаях исполнение договора возмездного оказания услуг должно быть завершено констатацией явно видимого невооруженным взглядом результата, например, при оказании клинических услуг, стоматологических и иных услуг.

Из универсального определения «обязательства» известно, что обязанная сторона, в том числе и в договорном правоотношении, обязуется не только совершить «определенное действие», но и воздержаться от совершения такового (ст.268 ГК РК, ст. 307 ГК РФ). Но особенность договоров возмездного оказания услуг в том и состоит, что исполнитель обязуется совершить именно активные действия, а не воздержаться от их совершения. Об этом пишут и другие ученые: «... услуга как предмет обязательства всегда есть действие» [20, с.20].

Договор консенсуальный, возмездный, двусторонне обязывающий, обычно с определенным сроком исполнения; форма договора простая письменная (в отношениях с участием граждан-заказчиков может совершаться также устно). Стороны должны обладать соответствующим объемом дееспособности (для физических лиц) и правоспособности (для юридических лиц). При этом основной целью исполнителя при оказании возмездных услуг является получение чистого дохода. Для выполнения определенных видов услуг исполнитель должен иметь соответствующую лицензию, например, на оказание возмездных образовательных, аудиторских, медицинских и иных услуг.

По общему правилу, исполнение договора возмездного оказания услуг осуществляется посредством личных действий/деятельности самого исполнителя. Однако договором может быть предусмотрено «иное», когда услуги могут быть оказаны иным лицом, например, по договору аутсорсинга (ст.687 – 1 ГК РК); либо другим сотрудником из штата услугодателя и т.п.

Сроки и порядок оказания услуг определяются соглашением сторон, как и стоимость услуг. В некоторых случаях срок оказания услуг определяется законодательными актами. В частности, срок договоров возмездного оказания услуг в сфере высшего или послевузовского образования определен в Казахстане специальным законом. Минимальная стоимость образовательных услуг в данном случае также определяется ежегодно относительно суммы образовательного гранта, устанавливаемого государством [12].

Сроки и порядок оплаты оказанных / оказываемых возмездных услуг также определяются соглашением сторон. Оплата производится с применением самых различных форм и способов: выплата аванса, полная предоплата, после-

дующая оплата, оплата за периоды исполнения; в наличной или безналичной форме и т.п. Несмотря на отсутствие об этом императивной нормы, на практике оплата производится обычно после составления и подписания сторонами акта приемки выполненных/оказанных услуг либо их этапа. При этом правила об одностороннем составлении такого акта применяются по аналогии с правилами по договорам подряда (п.4 ст.663 ГК РК, п.4 ст.753 ГК РФ).

По общему правилу, в случае невозможности исполнения, возникшей по вине заказчика, он должен оплатить услуги в полном объеме. Так, при оказании репетиторских услуг несовершеннолетний сын заказчика неоднократно скрывался от репетитора, не желая заниматься, а заказчик требовал от исполнителя провести точно согласованное количество часов репетиций и произвел оплату только за фактически проведенные несколько занятий в течение одного месяца. В случае обращения исполнителя в суд заказчику придется оплатить все случаи явки репетитора для оказания услуг, т.к. в приведенном примере четко прослеживается вина стороны заказчика.

Вместе с тем ГК предусматривает возможность предварительного согласования сторонами иных условий договора; например, оплату только за фактически оказанные услуги.

Если же невозможность исполнения возникла по обстоятельствам, за которые ни одна из сторон не отвечает, заказчик возмещает исполнителю фактически понесенные им расходы. В то же время ГК допускает и иные варианты закрепления условий договора. Так, по договору между Заказчиком и Оператором (исполнителем) Верховный Суд РФ признал соответствующими закону условия договора, в соответствии с которыми Заказчик был обязан оплатить услуги Оператора, даже если Оператор их не оказывал в связи с отсутствием соответствующих очередных заказов. Верховный суд подчеркнул, что возмещение фактических расходов Оператора, понесенных в целях исполнения Договора, не является единственно возможным способом устранения негативных последствий для Оператора в случае расторжения договора (условие «Take or Pay»). Отказ Заказчика от права получать услугу не устраняет его денежные обязательства перед исполнителем. Тем самым, договором может быть предусмотрено условие о внесении заказчиком платы за отказ от договора (п. 3 ст. 310 ГК РФ) [18].

Аналогичное последствие в виде обязанности заказчика возместить исполнителю фактически понесенные им расходы предусмотрено также в случаях одностороннего его отказа от исполнения договора возмездного оказания услуг (п.1 статьи 782 ГК РФ, п.1 ст.686 ГК РК). Верховный Суд РФ неоднократно указывает, что «Право на односторонний отказ от договора возмездного оказания услуг, предусмотренное п. 1 ст. 782 ГК

РФ, императивно и не может быть ограничено соглашением сторон договора» [22].

Право на односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг императивно установлено также и для исполнителя пунктами 2 названных статей ГК, а мотивы отказа при этом не имеют правового значения [4].

К сожалению, в значительной части опубликованных научных работ о договорах возмездного оказания услуг упускается такой их признак, как публичный характер многих из таких договоров, что дает дополнительные основания для защиты заказчика как наиболее «слабой стороны» в договоре. Между тем, в ст. 387 ГК РК и ст. 426 ГК РФ путем перечисления названы публичными договоры возмездного оказания услуг связи, гостиничных, медицинских услуг и т.д. По нашему мнению, к числу публичных договоров следует отнести многие иные договоры, опосредуемые Главой 39 ГК РФ и Главой 33 ГК РК: возмездное оказание ритуальных услуг, образовательных услуг, обязательных аудиторских услуг, услуг по мусороудалению, услуг лифтового хозяйства, рекламных услуг, услуг общественного питания и т.д.

Тема данной статьи избрана автором не случайно. Еще в 2006 г. нами была опубликована монографическая работа «Договор возмездного оказания образовательных услуг», с 2006 по 2012 годы были написаны статьи о различных видах услуг, регулируемых Главой 33 ГК РК, которые в 2012 г. нашли отражение в соответствующих частях диссертации на соискание ученой степени д.ю.н. на тему «Публичный договор в гражданском праве Республики Казахстан: проблемы теории и практики». В том числе нами были довольно подробно рассмотрены и обоснованы в качестве примеров публичных договоров договоры возмездного оказания услуг в сфере высшего образования, аудиторских услуг, услуг почтовой и телефонной связи, услуг лоцманской проводки судов, услуг о депонировании произведений, являющихся объектами авторского права; договоры о возмездном оказании гостиничных услуг [5].

При этом в некоторых законодательных актах, направленных на регулирование соответствующих видов возмездных услуг, опосредующие их договоры прямо названы публичными договорами. Так, в Законе Республики Казахстан «О связи» содержится прямое указание о том, что для операторов связи сети телекоммуникаций общего пользования договоры оказания услуг присоединения других сетей телекоммуникаций являются публичными договорами (ст.26) [16]. Можно привести и иные примеры прямого указания законодателя на публичный характер множества других договоров по оказанию услуг или выполнению работ, передаче товаров.

В то же время легально отнесенные законодателем к публичным договорам договоры возмездного оказания, например, гостиничных услуг, в Казахстане вообще не получили самостоятель-

ного законодательного закрепления и соответственно, в нормативных правовых актах отсутствует указание о публичном характере таких договоров. Договоры возмездного оказания медицинских услуг, перечисленные в качестве публичных договоров в ГК, закреплены в Кодексе «О здоровье народа и система здравоохранения», но не названы в нем публичными договорами [11]. Сказанное дает основание говорить о недостаточной степени формальной определенности в легальной дефиниции публичного договора и о пробелах в правовом регулировании таких договоров. На практике такое положение ведет к ситуациям, когда правила о публичном договоре в части запрета на отказ от оказания услуг, о применении единых цен для всех заказчиков, о предоставлении предусмотренных законом льгот для отдельных категорий заказчиков и т.д. не применяются, поскольку в специальном законодательстве отсутствуют положения о публичном характере договоров возмездного оказания соответствующих услуг. Так, гостиницы не вправе отказывать в предоставлении их услуг, если имеются свободные места; они не вправе устанавливать разные цены различным категориям граждан в сторону их повышения.

Судебная практика практически не содержит ссылок и обоснований необходимости защиты прав заказчиков публичным характером договора. Гражданские кодексы постсоветских стран избрали способ поименования публичными договоров в специальных статьях о таких договорах. Например, договор розничной купли-продажи, договор бытового подряда и некоторые другие прямо поименованы публичными в соответствующих нормах ГК. В этой связи юридическая, в том числе и судебная практика не признают публичными договоры возмездного оказания услуг, если они прямо не поименованы законодателем таковыми.

Публичный характер многих договоров возмездного оказания услуг (кроме перечисленных законодателем) отмечается и другими исследователями, в частности, в диссертации М.Г. Назаровой говорится, что правовое регулирование данной группы правоотношений «преследует цель защиты правовых интересов неопределенного круга лиц, публичных правовых интересов» путем закрепления обязательных технических регламентов, требований о лицензировании, о членстве исполнителя в саморегулируемой организации. Кроме того, М.Г. Назарова считает, что поскольку любой из сторон обязательства по возмездному оказанию услуг предоставлено право на односторонний немотивированный отказ от исполнения, то при уклонении одной из сторон от заключения договора возмездного оказания услуг, когда заключение этого договора является обязательным для исполнителя (публичный договор), недопустимо применение такого способа защиты как понуждение к заключению

договора [10, с.11 – 12]. Однако нам представляется, что понуждение исполнителя к заключению договора может применяться в договорах возмездного оказания услуг, отнесенных законодателем лишь к категории публичных договоров.

Наиболее оптимальным вариантом надлежащей защиты прав заказчиков как наиболее слабой стороны в договорах возмездного оказания услуг в сложившейся ситуации остается внесение точечных дополнений в некоторые из них о публичном характере определенных договоров, если об этом имеются достаточные обоснования в доктрине. Нами отмечалось, что для внесения таких дополнений в законодательные акты предварительно должны быть наработаны научные исследования и практика применения в соответствующей сфере, что требует довольно длительного времени.

Как известно, наличие юридического образования предполагает наличие у специалистов знаний, умений и навыков различения работ и услуг, объективной квалификации договорных правоотношений в зависимости от объектов, относительно которых эти правоотношения возникли. Однако не только в отношениях между обычными гражданами, но и в текстах официальных документов (договоры), в решениях судов зачастую работы и услуги не различаются, иногда даже в тексте одного и того же договора либо решения суда правоотношение квалифицируется и как работа, и как услуга одновременно [15]. Представляется, что одним из поводов для таких случаев является сходство работ и услуг, которые являются действиями, зачастую именно активными действиями. А разграничивающий их признак необходимости для заказчика либо самих действий/деятельности, либо их овеществленного результата, отходит как бы на «задний план».

В этом контексте очень уместной представляется позиция законодателя, изложенная в нормах статьи 783 ГК РФ (ст. 687 ГК РК) о дополнительном правовом регулировании договора возмездного оказания услуг.

Так, если это не противоречит нормам Главы 39 ГК РФ (нормам Главы 33 ГК РК), то к договору возмездного оказания услуг применяются общие положения о подряде (статьи 702 – 729) и положения о бытовом подряде (статьи 730 – 739). Обычно нормы о бытовом подряде дополнительно применяются в случаях, когда заказчиком выступает физическое лицо, заказавшее услугу в целях личного, домашнего, бытового потребления. В случаях необходимости заказчику услуги в производственных, предпринимательских целях дополнительно к нормам рассматриваемой Главы должны применяться нормы общих положений о подряде.

Дополнительное применение норм о договоре бытового подряда к договорам возмездного оказания услуг с участием заказчика-гражданина имеет важное правовое значение. В этом случае

права заказчика помимо норм рассматриваемой Главы, защищаются также нормами законодательства о защите прав потребителей, в том числе у заказчика возникает право на компенсацию причиненного ему морального вреда. К сожалению, в судебной практике значительная часть споров по договорам возмездного оказания услуг с участием граждан в качестве заказчиков рассматривается формально, не принимается во внимание цель заказанной услуги/услуг и в случае предъявления иска о компенсации морального вреда суды зачастую отказывают в их удовлетворении, акцентируя внимание на имущественном характере спора, что констатировано и Верховным Судом РФ [1].

Аналогичная практика складывается и в деятельности судов Республики Казахстан, чему приведем типичный пример. Так, между гражданином И. и ИП «СитиПласт» был заключен устный договор об установке окон на сумму 260 775 тенге; исполнитель свои обязанности не выполнил, в связи с чем заказчик просит взыскать данную сумму с ответчика. Заключение договора подтверждается банковскими документами, т.к. заказчик для оплаты «услуг» вынужден был взять деньги в займы в банке, который по поручению заказчика официально перевел их на счет исполнителя. Одновременно заказчик просил суд компенсировать причиненный ему моральный вред, однако суд решил, что «требования о возмещении морального вреда не основаны на действующем законодательстве, в связи с чем подлежат отказу в удовлетворении», мотивируя тем, что правоотношение носит имущественный характер [19]. При этом суд не учел, что объектом договора являются не «услуги», а «работы», опосредуемые договором бытового подряда. В силу этого заказчик одновременно является потребителем и на основании Закона «О защите прав потребителей» имеет право на компенсацию морального вреда. А в соответствии с нормами параграфа 2 Главы 32 ГК РК о договоре бытового подряда данный договор четко обозначен как публичный договор.

О необходимости применения норм Закона «О защите прав потребителей» к возмездным услугам, когда заказчиком является физическое лицо, говорят и другие ученые; в частности, Федорова Ю.М. обосновывает, что к отношениям между вузом и студентом вне зависимости от вида договора, заключенного между ними, должно применяться такое законодательство, поскольку образовательные услуги заказываются для личных нужд [21, с.11].

Особенностью договоров возмездного оказания услуг во многих случаях является необходимость для заказчика тесно сотрудничать, взаимодействовать с услугодателем для достижения целей договора. Например, при оказании образовательных услуг, иных услуг по обучению. Без активных действий, участия самого заказчика

или третьего лица, в пользу которого заключен договор, невозможно достичь положительных результатов обучения. Наше мнение подтверждается и другими учеными: «Специфической чертой исполнения обязательств по оказанию услуг выступает сотрудничество сторон в процессе исполнения обязательства» [20, с.29]. В одной из последних диссертационных работ ее автором также отмечено: «В доктрине не исследованы специфические требования к исполнению договора возмездного оказания услуг, такие как ... обязанность оказать содействие (сотрудничество) при исполнении» [10, с.6].

Результаты. Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

- договоры возмездного оказания услуг ныне опосредуют значительную часть договорных обязательств, имеющих тенденцию к увеличению;
- в них вовлечены все участники гражданских правоотношений;

- при разрешении споров дополнительно к нормам Гражданского кодекса правоприменитель должен учитывать нормы специального законодательства об отдельных видах таких услуг;

- в договорах с участием граждан-заказчиков должны применяться также нормы законодательства о бытовом подряде и о защите прав потребителей, в том числе о компенсации морального вреда;

- в договорах, отнесенных законодателем к публичным, исполнитель не вправе отказывать клиентам в заключении договора и обязан применять для всех единые цены/тарифы, применять установленные законом льготы для отдельных категорий заказчиков;

- достижение результата оказываемых возмездных услуг зачастую зависит от активных действий самого заказчика, его взаимодействия с исполнителем услуги.

Литература

1. Верховный суд защитил пациента от некомпетентных врачей. URL: <https://pravo.ru/story/200246/> (дата обращения: 05.11.2023).
2. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть). Кодекс Республики Казахстан от 1 июля 1999 года № 409. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_ (дата обращения: 05.10.2023).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 05.10.2023).
4. Заочное решение от 12 августа 2020 года. Бутырский районный суд города Москвы, гражданское дело № 2-2368/2020 URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/butyrskiy/cases/docs/> (дата обращения: 02.11.2023).
5. Идрышева С. К. Публичный договор в гражданском праве Республики Казахстан: проблемы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 443 с.
6. Клименко С. В. Договор возмездного оказания неклинических психологических услуг в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
7. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб: Юридический Центр ПРЕСС, 2002. 544 с.
8. Мирошник А. В. Возмездное оказание услуг в гражданском праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003 г. 172 с.
9. Модельный Гражданский кодекс для государств - участников СНГ (часть вторая) (г. Санкт-Петербург, 13 мая 1995 года). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30076084 (дата обращения: 10.10.2023).
10. Назарова М. Г. Исполнение обязательства из договора возмездного оказания услуг: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 195с.
11. О здоровье народа и системе здравоохранения. Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360> (дата обращения: 03.11.2023).
12. Об образовании. Закон Республики Казахстан от 27 июля 2007 года № 319-III. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000319_#z0 (дата обращения: 02.11.2023).
13. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.07.2015 г. по делу № 306-ЭС15-8613. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1349562 (дата обращения: 12.10.2023).
14. Определение ВАС РФ от 06.04.2012 N ВАС-3505/12 по делу N А27-2468/201. URL: <https://iskivsem.ru/faq/633> (дата обращения: 10.11.2023).
15. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.07.2015 г. по делу № 306-ЭС15-8613. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1349562 (дата обращения: 04.11.2023).
16. О связи. Закон Республики Казахстан от 5 июля 2004 года N 567. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000567_#z704 (дата обращения: 03.11.2023).
17. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 01.06.2012 по делу N А61-1874/2011. URL: <https://iskivsem.ru/faq/633> (дата обращения: 12.10.2023).
18. Право на отказ от договора возмездного оказания услуг на условиях «бери или плати». URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/alerts/pravo-na-otkaz-ot-dogovora-vozmezdnogo-okazaniya-uslug-na-usloviyakh-beri-ili-plati/> (дата обращения: 02.11.2023).
19. Решение Павлодарского городского суда от 25 февраля 2019 года по делу №5510-18-00-2/23043. URL: <https://sud.gov.kz/rus/court-acts> (дата обращения: 06.11.2023).
20. Степанов Д. И. Услуги как объект гражданского права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 36 с.
21. Федорова Ю. М. Договор возмездного оказания образовательных услуг в сфере высшего профессионального образования. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 25 с.

22. Энциклопедия судебной практики. Возмездное оказание услуг. Односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг (Ст. 782 ГК). URL: https://base.garant.ru/57589861/#block_14 (дата обращения: 06.11.2023)

References

1. The Supreme Court protected a patient from incompetent doctors. URL: <https://pravo.ru/story/200246/> (accessed: 05.11.2023) (In Russ.).
2. The Civil Code of the Republic of Kazakhstan (Special Part). Code of the Republic of Kazakhstan dated July 1, 1999 No. 409. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_ (accessed: 05.10.2023) (In Russ.).
3. The Civil Code of the Russian Federation. Part Two. Adopted by the State Duma on December 22, 1995. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (accessed: 05.10.2023) (In Russ.).
4. Default judgment dated August 12, 2020. Butyrsky District Court of Moscow, civil case No. 2-2368/2020 URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/butyrskiy/cases/docs/> (accessed: 02.11.2023) (In Russ.).
5. Idrysheva SK. Public contract in the civil law of the Republic of Kazakhstan: problems of theory and practice: thesis. Moscow, 2012. 443 p. (In Russ.).
6. Klimenko SV. Contract for the provision of non-clinical psychological services for a fee in the Russian Federation: Abstract of thesis. Moscow, 2007. 26 p. (In Russ.).
7. Lapach V.A. System of objects of civil rights: theory and judicial practice. St. Petersburg: Legal Center PRESS, 2002. 544 p. (In Russ.).
8. Miroshnik AV. Provision of services for a fee in the civil law of Russia: thesis. Moscow, 2003. 172 p. (In Russ.).
9. Model Civil Code for the CIS Member States (part two) (St. Petersburg, May 13, 1995). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30076084 (accessed: 10.10.2023) (In Russ.).
10. Nazarova MG. Fulfillment of an obligation under a contract for the provision of services for a fee. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. M., 2022. 195 p. (In Russ.).
11. On public health and the healthcare system. Code of the Republic of Kazakhstan dated July 7, 2020 No. 360-VI ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360> (accessed: 03.11.2023) (In Russ.).
12. On Education. Law of the Republic of Kazakhstan dated July 27, 2007 No. 319-III. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000319_#z0 (accessed: 02.11.2023) (In Russ.).
13. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.07.2015 in case No. 306-ES15-8613. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1349562 (accessed: 12.10.2023) (In Russ.).
14. Definition of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 06.04.2012 No. VAS-3505/12 in case No. A27-2468/201. URL: <https://iskivsem.ru/faq/633> (accessed: 11.10.2023) (In Russ.).
15. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/06/2015 in case No. 306-ES15-8613. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1349562 (accessed: 11.04.2023) (In Russ.).
16. On Communication. Law of the Republic of Kazakhstan dated July 5, 2004 N 567. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000567_#z704 (accessed: 11.03.2023) (In Russ.).
17. Resolution of the FAS of the North Caucasus District dated 06/01/2012 in case No. A61-1874/2011. URL: <https://iskivsem.ru/faq/633> (accessed: 12.10.2023) (In Russ.).
18. The right to withdraw from a contract for the provision of paid services on a take-or-pay basis. URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/alerts/pravo-na-otkaz-ot-dogovora-vozmeznogo-okazaniya-uslug-na-usloviyakh-beri-ili-plati/> (accessed: 02.11.2023) (In Russ.).
19. Decision of the Pavlodar City Court dated February 25, 2019 in case No. 5510-18-00-2/23043. URL: <https://sud.gov.kz/rus/court-acts> (accessed: 06.11.2023) (In Russ.).
20. Stepanov DI. Services as an object of civil law. Abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Moscow, 2004. 36 p. (In Russ.).
21. Fedorova YuM. Agreement on the provision of educational services in the field of higher professional education for a fee. Abstract of thesis. Tomsk, 2010. 25 p. (In Russ.).
22. Encyclopedia of judicial practice. Provision of services for a fee. Unilateral refusal to fulfill an agreement on the provision of services for a fee (Article 782 of the Civil Code). URL: https://base.garant.ru/57589861/#block_14 (accessed: 06.11.2023) (In Russ.).



Научная статья

УДК 342.92

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.19>

СТАДИИ ПРОЦЕДУРЫ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Александр Алексеевич Краснощеков

Саратовская государственная юридическая академия (д. 104, ул. Чернышевского Н.Г., Саратов, 410056, Российская Федерация)

Соискатель

k_ap@ssla.ru; <https://orcid.org/0009-0008-4705-7246>

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются особенности структуры административной процедуры лицензирования в сфере высшего образования посредством изучения ее элементов – стадий. **Материалы и методы.** Использование метода анализа обеспечило раскрытие структуры административной процедуры лицензирования в сфере высшего образования. В работе также использован формально-юридический метод, что позволило выявить существенные признаки стадии лицензирования и сформулировать ее определение. **Анализ.** Для стадий административной процедуры лицензирования образовательной деятельности в сфере высшего образования прежде всего характерно наличие общих признаков стадий административных процедур. Однако в науке существуют различные точки зрения относительно состава стадий рассматриваемой процедуры. **Результаты.** Стадию процедуры лицензирования образовательной деятельности в сфере высшего образования следует понимать как относительно самостоятельную совокупность процессуальных действий, совершаемых в сроки и в последовательности, определенной нормативными актами, с целью принятия решения о возможности предоставления лицензии на осуществление образовательной деятельности в сфере высшего образования, а также для реализации иных нормативно установленных целей, обусловленных необходимостью лицензирования образовательной деятельности. В состав ее стадий входят следующие обяза-

тельные: стадия возбуждения лицензионного дела; стадия рассмотрения лицензионного дела и принятия решения по нему; стадия предоставления результата государственной услуги по лицензированию образовательной деятельности. К факультативным стадиям относятся стадия предоставления сведений о лицензии, а также стадия исправления допущенных опечаток и (или) ошибок в реестре лицензий и (или) в сформированных в результате предоставления государственной услуги по лицензированию документах.

Ключевые слова: стадии, лицензирование, высшее образование, административная процедура, государственный надзор, исполнение, обжалование

Для цитирования: Краснощеков А. А. Стадии процедуры лицензирования в сфере высшего образования // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 758–764. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.19>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 13.05.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Research article

STAGES OF THE LICENSING PROCEDURE IN THE FIELD OF HIGHER EDUCATION

Alexander A. Krasnoshchekov

Saratov State Law Academy (104, N.G. Chernyshevsky St., 410056, Saratov, Russian Federation)

Applicant

k_ap@ssla.ru; <https://orcid.org/0009-0008-4705-7246>

Abstract. Introduction. The article examines the features of the structure of the administrative licensing procedure in the field of higher education by studying its elements, namely the stages. **Materials and Methods.** The use of the analysis method provided disclosure of the structure of the administrative licensing procedure in the field of higher education. The work also used a formal legal method, which made it possible to identify the essential features of the licensing stage in the field of higher education and formulate its definition. **Analysis.** The stages of the administrative procedure for licensing educational activities in the field of higher education are primarily characterized by the presence of common features of the stages of administrative procedures. However, in science there are different points of view regarding the composition of the stages of the procedure under consideration. **Results.** The stage of the procedure for licensing educational activities in the field of higher education should be treated as a relatively independent set of procedural actions performed within the time frame and in the sequence determined by regulations, in order to make a decision on the possibility of granting a license to carry out educational activities in the field of higher education, as well as for the implementation other normatively established goals determined by the need to license educational activities. The stages of licensing educa-

tional activities in the field of higher education include the following mandatory stages: the stage of initiating a licensing case; the stage of consideration of the licensing case and making a decision on it; the stage of providing the result of the state service for licensing educational activities. The optional stages of the administrative procedure under consideration include the stage of providing information about the license, as well as the stage of correcting typographical errors and (or) errors in the register of licenses and (or) in documents generated as a result of the provision of state licensing services.

Keywords: stages, licensing, higher education, administrative procedure, state supervision, execution, appeal

For citation: Krasnoshchekov AA. Stages of the licensing procedure in the field of higher education. Humanities and law research. 2024;11(4):758-764. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.19>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 12.02.2024.

The article was approved after reviewing: 13.05.2024.

The article was accepted for publication: 25.06.2024.

Введение. Деятельность органов государственного управления и участников административных процедур складывается из совокупности последовательных стадий. Не является исключением и процедура лицензирования в сфере высшего образования. Учитывая значимость качества образовательных услуг не только для развития конкретных индивидов, но и для формирования профессионального потенциала общества, представляется необходимой всесторонняя регламентация ее стадий. Нормативная регламентация процедуры лицензирования предполагает закрепление определенного порядка взаимодействия субъектов правоотношений, что обуславливает необходимость исследования составляющих ее элементов – стадий, для раскрытия сущности и содержания рассматриваемого вида деятельности.

Материалы и методы. Использование метода анализа обеспечило раскрытие структуры рассматриваемой процедуры. В работе также использован формально-юридический метод, что позволило выявить сущностные признаки стадии лицензирования в сфере высшего образования и сформулировать ее определение.

Анализ. Всякая административная процедура характеризуется стадийностью (структурированностью). Иными словами, ее содержание заключается в совершении ряда последовательных действий.

Для стадий административной процедуры лицензирования прежде всего характерно наличие общих признаков стадий административных процедур. Им присуща строгая последовательность, что выражается в возможности совершения отдельных процессуальных действий лишь после достижения конкретного правового результата, предусмотренного для более ранней стадии. Обозначенный признак следует проиллюстрировать тем обстоятельством, что лицензирующие органы не могут приступить к рассмотрению вопроса о предоставлении лицензии на осуществление образовательной деятельности без предшествующих данному процессу действий со стороны образовательной организации по подаче заявления и прилагаемых материалов, что реализуется на стадии возбуждения производства. В свою очередь, образовательная организация не может исполнить решение лицензирующего органа без наличия стадии рассмотрения дела. Стадия обжалования решения не наступает в случае, когда принято положительное решение в части выдачи лицензии на осуществление образовательной деятельности конкретному соискателю.

Перечень стадий рассматриваемого лицензионного производства, их содержание определяются Положением о лицензировании образовательной деятельности и Административным регламентом предоставления государственной

услуги по лицензированию образовательной деятельности.

Последовательность стадий имеет принципиальное значение для комплексной государственной регламентации процедуры, поскольку порядок совершения конкретных процессуальных действий различных участников лицензионных правоотношений закрепляется нормативными актами. Несмотря на то, что конкретные стадии в нормативных актах о лицензировании образовательной деятельности не указываются, по совокупности процессуальных действий можно определить их содержание.

Однако последовательность не является единственным признаком, присущим стадиям процедуры. Необходимо обозначить и иные признаки. В качестве таковых выступает наличие специфического правового результата, относительной самостоятельности каждой стадии и собственных сроков, четко регламентированных нормативными актами.

Результат стадии оформляется посредством принятия акта, который закрепляет итог осуществления действий со стороны участников лицензионных правоотношений на конкретной стадии. Так, правовым результатом стадии возбуждения выступает начало соответствующего дела, которое в дальнейшем подлежит рассмотрению по существу. Кроме того, указанная стадия может иметь и иной правовой результат – принятие решения о возврате соискателю лицензии или лицензиату заявления и прилагаемых к нему документов с обоснованием причин возврата. Таким образом, правовой результат конкретной стадии выступает юридическим фактом для возникновения следующей стадии.

Необходимость выделения в качестве признака стадий относительной самостоятельности их содержания объективно обусловлено существенным различием совершаемых процессуальных действий на каждой из них, что напрямую зависит от целей и задач соответствующей стадии. В данном контексте цель необходимо рассматривать как результат, к которому стремятся участники лицензионных правоотношений, осуществляя процессуальные действия в рамках конкретной стадии, а задачи – это основные направления их деятельности. Например, целью первоначальной стадии лицензирования образовательной деятельности является возбуждение производства по соответствующему делу. В качестве задач названной стадии выступает регистрация поступившего заявления, проверка полноты представленных материалов, принятие заявления к рассмотрению. Все стадии лицензирования образовательной деятельности имеют собственные цели и задачи, определяющие необходимость совершения конкретных процессуальных действий в их рамках.

Важно отметить, что указанный признак не случайно носит наименование относительной самостоятельности содержания стадий административной процедуры. Самостоятельность проявляется в наличии промежуточного результата, итога осуществления совокупности процессуальных действий субъектов правоотношений в рамках конкретной стадии. Ориентация каждого последующего этапа на правовой результат предыдущего наглядно демонстрирует относительную самостоятельность содержания стадий.

В свою очередь, достижение общего правового результата процедуры лицензирования образовательной деятельности сопряжено с необходимостью последовательного осуществления процессуальных действий, предусмотренных для всех стадий анализируемой административной процедуры. Целями ее выступают решение вопроса о возможности предоставления лицензии (временной лицензии) или об отказе в ее предоставлении, о прекращении действия лицензии по заявлению лицензиата; предоставление сведений о лицензии; исправление допущенных опечаток и (или) ошибок в реестре лицензий и (или) в сформированных в результате предоставления государственной услуги по лицензированию документах.

Для каждой конкретной стадии характерно наличие конкретных сроков. Нормативно закреплены срок регистрации заявления о предоставлении государственной услуги, срок принятия решения о возврате заявления и документов, срок документальной оценки и иные сроки.

Особого рассмотрения требует вопрос о составе стадий рассматриваемой административной процедуры. Действующие нормативные акты не закрепляют их перечень, а также не оперируют термином «стадия». В связи с этим требуется обращение к работам исследователей, посвященным изучению проблемы структурирования административных процедур, а также к содержанию норм права, которые закрепляют последовательность действий участников рассматриваемой процедуры.

Следует отметить отсутствие единообразия в научных подходах к определению перечня стадий административных процедур.

В теории административного права существует точка зрения, согласно которой «возбуждение, рассмотрение дела, обжалование решения выступают самостоятельными административными процедурами» [6]. Однако остается открытым вопрос о целевой направленности и последовательности совокупности данных административных процедур. Также возникает вопрос о структуре каждой конкретной процедуры. Поэтому возбуждение, рассмотрение дела, обжалование решения более корректно рассматривать в качестве отдельных стадий административных процедур.

Административная процедура является правоприменительной деятельностью. В связи с этим

представляет интерес позиция С.С. Алексеева, который обосновывал необходимость разграничения правоприменительных действий на три стадии: «стадию установления фактических обстоятельств дела; стадию выбора и анализа нормы права; стадию решения дела» [2].

Существует и иная точка зрения по вопросу выделения стадий правоприменительной деятельности. Н.С. Романенко относит к ним «стадию установления фактических обстоятельств дела, которая порождает стадию его возбуждения; стадию юридической оценки фактических обстоятельств дела; стадию подготовки материалов, стадию передачи дела с произведенной классификацией в вышестоящие органы, стадию рассмотрения дела по существу и принятия по нему решения, стадию принятия правоприменительного решения» [14]. Сходную позицию выражает П.А. Лупинская [8, с. 21].

Обозначенные подходы отличаются тем, что в их рамках деятельность по установлению фактических обстоятельств дела и деятельность по принятию итогового решения отнесены к содержанию различных стадий. Однако с такой позицией сложно согласиться, учитывая целевую направленность процедуры, достижение которой во многом обеспечивается в рамках ее центральной стадии. Вряд ли корректно разграничивать стадии установления фактических обстоятельств дела и принятия решения, поскольку вынесение итогового акта по результатам административной процедуры не представляется возможным без анализа таких обстоятельств. Данная деятельность осуществляется на стадии рассмотрения дела и принятия итогового решения, которая и выступает центральной.

По мнению В.Д. Сорокина, «к стадиям административных процедур относятся стадии возбуждения дела, его рассмотрения и принятия решения, обжалования решения по делу, его исполнения» [17, с. 221].

Как считает И.В. Панова, к ним относятся «стадии анализа ситуации, принятия решения, исполнения решения, стадия пересмотра» [12, с. 73].

Д.Н. Бахрах отмечает, что «общими для любой административной процедуры являются стадии изучения и анализа фактической ситуации, подготовки и принятия административного акта и исполнения решения» [4, с. 608].

В представленных позициях обращает на себя внимание выделение отдельной стадии исполнения решения, которая представлена как заключительная стадия процедуры, направленная на реализацию вынесенного акта. В то же время существует точка зрения, согласно которой «данная стадия может выступать в качестве факультативной, поскольку в некоторых административных процедурах после вынесения решения по делу прекращаются административно-процессуальные отношения» [7, с. 15].

Следует отметить исследование К.В. Давыдова, в котором автор рассматривает структуру административной процедуры следующим образом: «стадия возбуждения, стадия рассмотрения дела и принятия решения, стадия пересмотра и стадия исполнения итогового решения» [5, с. 274]. В данной позиции стадия обжалования рассматривается как структурный элемент административного производства.

Действительно, выделение факультативной стадии обжалования решения лицензирующего органа необходимо для обеспечения законных интересов соискателей лицензий и лицензиатов в рамках анализируемой административной процедуры. Как соискатель лицензии, так и лицензиат вправе обжаловать решения и осуществленные действия (бездействие) [18]. Однако данная стадия не регламентирована нормативными актами о лицензировании и реализуется в рамках отдельного административного производства иными властными субъектами. В связи с этим стадия обжалования в данном производстве отсутствует.

Согласно позиции Е.В. Песеговой, это «мероприятия, связанные с предоставлением лицензий, переоформлением документов, подтверждающих наличие лицензий, приостановлением и возобновлением действия лицензий, их аннулированием и контролем компетентных органов за соблюдением лицензиатами при осуществлении деятельности соответствующих лицензионных требований и условий» [13, с. 27]. Однако представляется, что категория «мероприятия» не в полной мере отражает содержание рассматриваемой административной процедуры.

В свою очередь, Н.А. Рубанова выделяет следующие элементы рассматриваемой административной процедуры: «нормативные правила; правовые акты управления; выделение стадий; установление временной характеристики выполнения процедуры» [15, с. 33]. Достоинством указанного подхода является выделение в качестве отдельного элемента административной процедуры ее стадийности, что представляет интерес в аспекте рассмотрения ее структуры.

К настоящему моменту в научной литературе сформировались различные подходы по вопросу структурирования процедуры лицензирования.

А.Б. Багандов придерживается позиции, согласно которой «различные процессуальные отношения, возникающие в рамках процедуры лицензирования, следует объединять в единый процесс, разделяя его на конкретные стадии» [3, с. 31].

В свою очередь, Г.В. Мельничук отмечает «целесообразность выделения ряда самостоятельных производств в процессе лицензирования: производство о выдаче лицензии; лицензионный контроль; переоформление, продление лицензии; аннулирование лицензии» [11, с. 159].

Однако действующее законодательство рассматривает анализируемую процедуру как «дея-

тельность лицензирующих органов по предоставлению, переоформлению лицензий, продлению срока их действия, осуществлению лицензионного контроля, приостановлению, возобновлению, прекращению действия и аннулированию лицензий, формированию и ведению реестра лицензий, формированию государственного информационного ресурса, а также по предоставлению в установленном порядке информации по вопросам лицензирования» [19]. Разграничение процессуальных действий в рамках процедуры лицензирования на стадии необходимо ввиду многоаспектности указанного процесса.

По мнению А.Н. Миронова, это «возбуждение лицензионно-разрешительного дела, предварительное рассмотрение его материалов и установление соответствия соискателя лицензионным требованиям и условиям, рассмотрение лицензионно-разрешительного дела по существу и принятие по нему решения, обжалование принятого решения» [10, с. 75-80].

В рамках представленного подхода к определению видов стадий лицензирования интерес представляет выделение предварительного рассмотрения материалов дела как самостоятельного этапа.

В то же время следует учитывать, что основанием для начала рассматриваемой административной процедуры выступает поступление заявления и прилагаемых к нему документов, необходимых для предоставления государственной услуги. То есть, первоначальной стадией процедуры лицензирования выступает возбуждение лицензионного дела. Она является обязательной. Основное содержание стадии состоит в подаче заявления заинтересованного лица в компетентный орган государственной власти. После этого поступившее в Рособrnadzor заявление и приложенные к нему документы регистрируются не позднее рабочего дня, следующего за днем поступления. В дальнейшем осуществляется проверка заявления с точки зрения правильности его оформления, а также прилагаемых к нему документов с позиции представления их в полном объеме. Данные действия составляют содержание стадии возбуждения лицензионного дела.

В свою очередь, принятие заявления к рассмотрению подразумевает необходимость проведения в отношении соискателя лицензии документарной оценки его соответствия лицензионным требованиям. По ее результатам составляется акт оценки [1].

Предметом рассматриваемой деятельности выступает разрешение индивидуального дела административного характера. Содержание стадии рассмотрения ориентировано на оценку соответствия предоставленного соискателем лицензии или лицензиатом пакета документов нормативно установленным требованиям.

При этом Приказ Рособrnadzora от 27 сентября 2022 г. № 1029 «Об утверждении Админи-

стративного регламента предоставления Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки государственной услуги по лицензированию образовательной деятельности» [1] подразумевает закрытый перечень оснований для принятия решения о выдаче лицензии. Среди них – отсутствие в документах, необходимых для предоставления государственной услуги, недостоверной или искаженной информации, и выявление в ходе документарной оценки соответствия соискателя лицензии лицензионным требованиям [1]. Таким образом, проведение документарной оценки выступает обязательным предварительным этапом стадии рассмотрения.

Однако деятельность по предоставлению результата государственной услуги по лицензированию следует рассматривать в качестве самостоятельной стадии административной процедуры, поскольку она осуществляется после принятия решения лицензирующего органа. На данной стадии орган направляет соискателю лицензии уведомление о предоставлении лицензии, содержащее ссылку на сведения из реестра лицензий, в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью. При этом факт получения заявителем результата предоставления государственной услуги фиксируется в информационной системе. После чего рассматриваемая административная процедура подлежит завершению ввиду достижения своего правового результата.

Весьма детальный подход к выделению стадий применен О.В. Гречкиной и В.И. Майоровым, которые относят к ним «возбуждение лицензионного дела; разрешение его по существу; принятие решения; исполнение решения; переоформление документа, подтверждающего наличие лицензии; надзор за соблюдением лицами, получившими разрешение, установленных требований и условий; применение мер принуждения за допущенные нарушения установленных требований» [9].

Несколько иной точки зрения придерживается Н.А. Рубанова, по мнению которой «к стадиям относятся возбуждение лицензионного дела; рассмотрение лицензионного дела; принятие решения по лицензионному делу; исполнение решения; ведение реестра лицензий; пересмотр решения по лицензионному делу; контроль (надзор) за соблюдением лицами, получившими разрешение, установленных требований и условий» [15, с. 60].

В представленных позициях обращает на себя внимание выделение деятельности по контролю (надзору) за соблюдением лицензионных требований в качестве самостоятельной стадии. С.М. Рукавишников также придерживается точки зрения, что «лицензирование в сфере высшего образования – это административное производство, включающее деятельность Федеральной службы по контролю в сфере образования и науки по

предоставлению, реализации и лишению права на осуществление образовательной деятельности, а также контрольно-надзорной деятельности за реализацией права на высшее образование, обеспечением государственных гарантий прав и свобод человека в сфере высшего образования и созданием условий для реализации права на высшее образование» [16].

Однако стоит отметить, что оценка соблюдения лицензиатами установленных требований осуществляется в рамках федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования. В рамках же процедуры, закрепленной нормативными актами о лицензировании, реализуется оценка соответствия соискателя лицензии лицензионным требованиям.

Результаты. Подводя итог, представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Для стадий административной процедуры, в том числе процедуры лицензирования образовательной деятельности в сфере высшего образования, характерно наличие следующих признаков: относительная самостоятельность содержания стадий, что проявляется в наличии у них собственных целей и задач; единство цели процессуальных действий, совершаемых на каждой стадии, а также направленность стадий на обеспечение достижения общего правового результата процедуры в целом; определенная нормативными актами последовательность стадий; необходимость достижения собственного правового результата на каждой стадии; наличие сроков осуществления процессуальных действий.

Обозначенные признаки стадии рассматриваемой процедуры позволяют сформулировать ее определение. Это относительно самостоятельная совокупность процессуальных действий, совершаемых в сроки и в последовательности, определенной нормативными актами, с целью принятия решения о возможности предоставления лицензии на осуществление образовательной деятельности в сфере высшего образования, а также для реализации иных нормативно установленных целей, обусловленных необходимостью лицензирования образовательной деятельности.

2. В состав стадий рассматриваемой процедуры входят следующие обязательные: стадия возбуждения лицензионного дела; стадия рассмотрения лицензионного дела и принятия решения по нему; стадия предоставления результата государственной услуги по лицензированию образовательной деятельности.

К факультативным относятся стадия предоставления сведений о лицензии, а также стадия исправления допущенных опечаток и (или) ошибок в реестре лицензий и (или) в сформированных в результате предоставления государственной услуги по лицензированию документах.

Литература

1. Административный регламент предоставления Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки государственной услуги по государственной аккредитации образовательной деятельности (утв. Приказом Рособrnadzora от 4 июля 2023 г. № 1287) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 18.08.2023.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: В 2-х т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1981. 361 с.
3. Багандов А. Б. Административно-правовое регулирование лицензионных отношений в Российской Федерации: теоретико-правовые основы, современное состояние, перспективы: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 42 с.
4. Бахрах Д. Н. Административное право: учебник / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2007. 816 с.
5. Давыдов К. В. Административные процедуры: концепция правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 655 с.
6. Зюзин В. А. От административных процедур к административной процедуре // Современные проблемы административного права, процесса и процедур: российский и зарубежный опыт: мат. Междунар. науч.-практ. конф. (Россия, г. Новосибирск, 14–15 мая 2018 г.) / под ред. Ю. Н. Старилова, К В. Давыдова. Новосибирск, 2018. С. 38–46.
7. Лазарев И. М. Административные процедуры в сфере взаимоотношений граждан и их организаций с органами исполнительной власти в Российской Федерации: автореф. дисс. ... юрид. наук. М., 2002. 20 с.
8. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и форма. М.: Юрид. лит., 1976. 168 с.
9. Майоров В. И., Гречкина О. В. Институт лицензирования в сфере высшего образования: размышления на основе трудов Демьяна Николаевича Бахраха // Административное право и процесс. 2012. № 10. С. 14–17.
10. Миронов А. Н. Административно-процессуальное право: учебное пособие. М.: Форум, 2010. 176 с.
11. Мельничук Г. В. Лицензирование как форма государственного регулирования предпринимательской деятельности в России и США: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 224 с.
12. Панова И. В. Административно-процессуальная деятельность в Российской Федерации. Саратов: Приволжское книжное издание, 2001. 452 с.
13. Песегова Е. В. Правовой анализ процедуры лицензирования образовательной деятельности // Право и образование. 2007. № 10. С. 26–30.
14. Романенко Н. С. Стадии юридического процесса и стадии применения права: соотношение понятий // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: Материалы IX Международной научно-практической конференции. Т. 2. Отв. редакторы А. М. Бычкова, С. И. Суслова. Иркутск, 16 октября 2020 г. С. 34–38.
15. Рубанова Н. А. Административная процедура лицензирования образовательной деятельности в сфере высшего профессионального образования Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 222 с.
16. Рукавишников С. М. Понятие лицензирования образовательной деятельности в сфере высшего образования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 3. С. 200–203.
17. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право: Учебник. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. 540 с.
18. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 25 декабря 2023 г.) // СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4179; 2024. № 1, ч. 1, ст. 56.
19. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (ред. от 29 декабря 2022 г.) // СЗ РФ. 2011. № 19, ст. 2716; 2023. № 1, ч. 1, ст. 24.

References

1. Administrative regulations for the provision by the Federal Service for Supervision in Education and Science of state services for state accreditation of educational activities (approved by Order of Rosobrnadzor dated July 4, 2023 No. 1287. Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 08.18.2023.
2. Alekseev SS. General theory of law. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1981. 361 p. (In Russ.).
3. Bagandov AB. Administrative and legal regulation of licensing relations in the Russian Federation: theoretical and legal foundations, current state, prospects: abstract of thesis. Rostov-on-Don, 2007. 42 p. (In Russ.).
4. Bakhrah DN. Administrative law: textbook. Moscow: Norma; 2007. 816 p. (In Russ.).
5. Davydov V. Administrative procedures: the concept of legal regulation: thesis. N. Novgorod, 2020. 655 p. (In Russ.).
6. Zyuzin VA. From administrative procedures to administrative procedure Modern problems of administrative law, process and procedures: Russian and foreign experience. (Russia, Novosibirsk, May 14-15, 2018). Ed. YuN Starilov, KV Davydov. Novosibirsk, 2018. P. 38-46. (In Russ.).
7. Lazarev IM. Administrative procedures in the field of relationships between citizens and their organizations with executive authorities in the Russian Federation: abstract of thesis. Moscow, 2002. 20 p. (In Russ.).
8. Lupinskaya PA. Decisions in criminal proceedings. Their types, content and form. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1976. 168 p. (In Russ.).
9. Mayorov VI, Grechkina OV. Institute of licensing in the field of higher education: reflections based on the works of Demyan Nikolaevich Bakhrahkh. *Administrativnoe pravo i process*. 2012;(10):14-17. (In Russ.).
10. Mironov AN. Administrative procedural law: textbook. Moscow: Forum; 2010. 176 p. (In Russ.).
11. Melnichuk GV. Licensing as a form of state regulation of entrepreneurial activity in Russia and the USA: thesis. Moscow, 2007. 224 p. (In Russ.).
12. Panova IV. Administrative procedural activity in the Russian Federation. Saratov: Privolzhskoe book edition; 2001. 452 p. (In Russ.).
13. Pesegova EV. Legal analysis of the licensing procedure for educational activities. *Pravo i obrazovanie*. 2008;(10):26-30. (In Russ.).
14. Romanenko NS. Stages of the legal process and stages of application of law: the relationship of concepts in Problems of modern legislation in Russia and foreign countries: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Vol. 2. Editors AM Bychkov, SI Suslova. Irkutsk, October 16, 2020. p. 34-38. (In Russ.).

15. Rubanova NA. Administrative procedure for licensing educational activities in the field of higher professional education of the Russian Federation: thesis. Chelyabinsk, 2013. 222 p. (In Russ.).
16. Rukavishnikov SM. The concept of licensing educational activities in the field of higher education. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2023;(3):200-203. (In Russ.).
17. Sorokin VD. Administrative procedural law: Textbook. Saint Petersburg: Legal Center Press; 2004. 540 p. (In Russ.).
18. Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ "On the organization of the provision of state and municipal services" (as amended on December 25, 2023). SZ RF. 2010. No. 31, art. 4179; 2024. No. 1, part 1, art. 56. (In Russ.).
19. Federal Law of May 4, 2011 No. 99-FZ "On licensing of certain types of activities" (as amended on December 29, 2022). SZ RF. 2011. No. 19, art. 2716; 2023. No. 1, part 1, art. 24. (In Russ.).



Научная статья

УДК 349.6

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.20>

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ОЦЕНКА ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ВЗИМАНИЮ КУРОРТНОГО СБОРА НА КAVKAZСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ

Элеонора Сергеевна Навасардова^{1*}, Дмитрий Олегович Буркин²

^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор юридических наук, профессор
navasardova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4829-3933>

² Доктор философских наук, кандидат юридических наук
burkindmitry@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1336-6146>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Курортный сбор на территории курортов КМВ проводится с 2018 года по настоящее время. В его основе лежит ФЗ от 29 июля 2017 года № 204-ФЗ, именуемый в новой редакции как ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры». Институт не является новым; он имел место в разных формах как в дореволюционном, так и в советском законодательстве. Вместе с тем, лучшие наработки предшествующих периодов не были учтены в данном эксперименте на современном этапе, что провоцирует целый ряд социальных, финансово-экономических, коммерческих, экологических и иных рисков для успешного функционирования института курортного сбора и курортов КМВ в целом как важнейшей бальнеологической лечебно-реабилитационной базы федерального значения. **Материалы и методы.** В качестве объекта рассматривались курорты КМВ в целях выявления эффективности использованного правового инструментария. В то же время в работе есть ссылки и на иные курорты, также участвующие в эксперименте. Исследование базировалось на общенаучных и специально-юридических методах анализа, синтеза, индукции, дедукции, обобщения, логическом, сравнительно-историческом, прогностическом и иных апробированных методах научного познания. Указанные методы использованы в рамках риск-ориентированного подхода, который позволил выявить разнообразные риски, возникающие из-за несовершенства правового института курортных сборов. **Анализ.** Изучение законодательства и практики его применения в области взимания курортного сбора на курортах КМВ выявило ряд проблем, присущих современной системе публичного управления этими курортами федерального значения. Следует отметить недостатки нормативно-правовой базы, определяющей особенности взимания курортного сбора, – как на федеральном, так и на региональном уровне. **Результаты.** Проведенный анализ позволил выявить негативные тенденции, присущие институту курортного сбора, включающие, в том числе:

отсутствие критериев эффективности расходования собранных средств (коррупционные риски), чрезмерное бюрократическое бремя по обслуживанию курортного сбора, возлагаемое законодательством на его операторов, и в то же время несовершенство института административной ответственности за нарушения в данной области (коммерческие риски для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей), слабая информированность населения и отсутствие эффективной обратной связи государства с плательщиками курортного сбора (информационные риски), недостаточный учет интересов социально незащищенных категорий граждан (социальные риски) и т.п.

Ключевые слова: государственная курортная политика, курортный сбор, особо охраняемый эколого-курортный регион «Кавказские Минеральные Воды»

Для цитирования: Навасардова Э. С., Буркин Д. О. Риск-ориентированная оценка проведения эксперимента по взиманию курортного сбора на Кавказских Минеральных Водах // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Том 11. № 4. С. 765–772. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.20>

Конфликт интересов: один из авторов статьи — доктор юридических наук, профессор Элеонора Сергеевна Навасардова является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20164, <https://rscf.ru/project/24-28-20164/>

Статья поступила в редакцию: 14.06.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.09.2024.

Статья принята к публикации: 25.10.2024.

Research article

RISK-BASED ASSESSMENT OF THE EXPERIMENT ON COLLECTING RESORT FEES IN THE CAUCASIAN MINERAL WATERS

Eleonora S. Navasardova^{1*}, Dmitriy O. Burkin²

^{1, 2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (Law), Professor
navasardova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4829-3933>

² Dr. Sc. (History), Professor
burkindmitry@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1336-6146>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. An experiment on collecting resort fees from vacationers is being implemented in the Caucasian Mineral Waters in 2018-2024 in accordance with the Federal Law of July 29, 2017 No. 214-FZ "On the Experiment on the Development of Resort Infrastructure in the Republic of Crimea, Altai Krai, Krasnodar Krai and Stavropol Krai". The practice is not new; it existed in various forms both in pre-revolutionary and Soviet legislation. At the same time, the best practices of previ-

ous periods were not taken into account in this experiment at the present stage. It provokes a number of social, economic, commercial, environmental and other risks for the successful functioning of the resort fee institution and the resorts of the Caucasian Mineral Waters as a whole as the most important balneological treatment and rehabilitation base of federal significance.

Materials and Methods. In the process of studying the experiment on introducing a resort fee in the Caucasian Mineral Wa-

ters and assessing its effectiveness, methods of analysis, synthesis, induction, deduction, logical, prognostic and comparative-historical methods were used, including expert assessment and other methods of scientific knowledge. These methods were used within the framework of a risk-oriented approach, which made it possible to identify various risks arising from the imperfection of the legal institution of resort fees. **Analysis.** The study of legislation and the practice of its application in the field of resort fee collection in the specially protected ecological and resort region Caucasian Mineral Waters revealed a number of problems inherent in the modern system of public management of these resorts of federal significance. It is necessary to note the shortcomings of the regulatory framework determining the features of resort fee collection - both at the federal and regional levels. **Results.** The conducted analysis allowed us to identify negative trends inherent in the resort fee institution. These are the absence of criteria for the efficiency of spending the collected funds (corruption risks), excessive bureaucratic burden of servicing the resort fee imposed by law on its operators, and at the same time the imperfection of the institution of administrative responsibility for violations in this area (commercial risks for legal entities and individual entrepreneurs), poor public awareness and the absence of effective feedback from the state to

Введение. Курортный сбор имеет давнюю историю. Из всех курортов, участвующих сегодня в эксперименте по взиманию курортного сбора, первым был признан имеющим общественное значение курорт Кавказские Минеральные Воды. Официально датой образования этого курорта считается 1803 год, когда Александр I издал рескрипт о создании курортной инфраструктуры [2, с. 13]. Подобные сборы, в разные годы по-разному именовавшиеся, имели место на протяжении значительной части истории КМВ.

Проблема зафиксированного еще на рубеже 19-20 вв. начавшегося загрязнения курортов вызвала необходимость принять Закон от 24 апреля 1914 г. «О санитарной и горной охране лечебных местностей», вносивший изменения и в Устав Врачебный 1905 года. В Закон вошла глава «О санитарных сборах». Помимо их взимания с самих приезжих и лиц, сдававших им помещения внаем, потенциальные застройщики на территории курортов, получавшие земельные участки в аренду по правилам, предусмотренным Положением о казенных подрядах и поставках, вносили в фонд благоустройство разовые взносы [2, с. 125].

Институт курортного сбора существовал и в советский период. Он был введен Постановлением ЦИК СССР от 29 октября 1924 г. «Об утверждении поправок к Временному положению о местных финансах» (вместе с «Временным положением о местных финансах», утвержденным ЦИК СССР 12 ноября 1923 г.) [7]. В отношении курортов Крыма был принят специальный декрет, распространивший институт курортного сбора и на эту автономную область.

Показательно, что документ содержал довольно значительный перечень лиц, освобождавшихся от внесения данных сборов. Некоторые его нормы могли бы быть применены и сегодня. Так, в частности, от уплаты курортного сбора, кроме прочих категорий, освобождались приезжающие по делам службы на срок не свыше 10 дней, а также прибывшие по личным делам на срок не

пayers of the resort fee (information risks), insufficient consideration of the interests of socially vulnerable categories of citizens (social risks) and other.

Keywords: state resort policy, resort fee, specially protected ecological resort region Caucasian Mineral Waters

For citation: Navasardova ES, Burkin DO. Risk-based assessment of the experiment on collecting resort fees in the Caucasian Mineral Waters. Humanities and law research. 2024;11(4):765-772. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.20>

Conflict of interest: one of the authors of article – Eleonora S. Navasardova, Dr. Sc. (Law), Professor, is a member of Editorial Board of journal "Humanities and law research". The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this manuscript.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Acknowledgments: the study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-20164, <https://rscf.ru/project/24-28-20164/>

The article was submitted: 14.06.2024.

The article was approved after reviewing: 18.09.2024.

The article was accepted for publication: 25.10.2024.

свыше 5 дней. Действительно, данные категории граждан посещали курорты не ради лечения и отдыха, следовательно, не пользовались курортной инфраструктурой.

В 1926 г. был принят Декрет СНК РСФСР «Об утверждении положения о курортном сборе», в 1930 году сбор был отменен, однако в 1933 г. Постановлением ЦИК СССР «О курортном сборе» он был введен вновь с целью получения дополнительного финансирования благоустройства курортов. Позднее курортный сбор был заменен государственной курортной пошлиной.

В ходе Великой Отечественной войны, из-за неожиданно стремительных темпов наступления немецких захватчиков, в 1942 г. увеличиваются все возможные налоги и сборы для пополнения бюджета в связи с военными расходами. В Постановлении СНК РСФСР от 11 июля 1942 г. №384 был увеличен размер государственной пошлины до 10 рублей и определялся список курортов, где она взималась [6]. Белокуриха, города-курорты Кавказских Минеральных Вод, ряд курортных поселков Краснодарского края, в том числе Сочи, попали в этот список. Исключение составили курорты Крыма, с осени 1941 г., находящиеся в немецко-румынской оккупации, а уже вскоре, в августе 1942 г., были оккупированы города Кавказских Минеральных Вод. Оккупация длилась пять месяцев. Как известно, фашистам не удалось захватить район, который сегодня мы называем Большое Сочи. Сочинские санатории работали в режиме госпиталей, как и санатории освобожденных вскоре городов-курортов Кавказских Минеральных Вод.

В последующий советский период курортный сбор регулировался рядом иных, последовательно принимаемых нормативных актов, которые увенчал Закон РСФСР от 12 декабря 1991 г. №2018-1 «О курортном сборе с физических лиц» [4], действовавший вплоть до 1 января 2004 г.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования в настоящей статье рассмотрены

курорты КМВ в целях выявления эффективности использованного правового инструментария. В то же время в работе есть ссылки и на иные курорты, также участвующие в эксперименте по введению курортного сбора. Работа базируется на общенаучных и специально-юридических методах анализа, синтеза, индукции, дедукции, обобщения, логическом, сравнительно-историческом, прогностическом и иных апробированных методах научного познания. Указанные методы использованы в рамках риск-ориентированного подхода, который позволил выявить разнообразные риски, возникающие из-за несовершенства правового института курортных сборов.

Анализ. В настоящее время взимание курортного сбора базируется на ФЗ от 29 июля 2017 г. № 214-ФЗ в редакции от 28.04.2023, именуемый в данной редакции ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры» (далее – Закон № 214).

Конкретный размер сбора устанавливается субъектом РФ и периодически меняется в сторону его увеличения, расширяется и территория его сбора. Так, в Ставропольском крае вместо ранее установленных 50 рублей, теперь он равен 100 рублям. По задумке законодателя средства, полученные от его взимания, должны расходоваться на развитие курортной инфраструктуры.

Закон № 214 имеет ряд недостатков. К числу таковых следует отнести отсутствие нормы, касающейся разработки соответствующей государственной целевой региональной программы (ГЦРП), содержащей перечень конкретных финансируемых мероприятий. Такая программа должна утверждаться в обязательном порядке, и средства курортного сбора должны расходоваться в строгом соответствии с данной программой. Думается, что такая программа должна приниматься после предварительного общественного обсуждения. У общественности должна быть возможность контролировать исполнение программы и расходования средств по ней. Для этого необходимо предусмотреть обязательную публикацию данной программы, а также всех отчетов по ее реализации на официальных сайтах соответствующих органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

В законе отсутствует необходимая, на наш взгляд, норма о том, что реализация программы развития курортной инфраструктуры на территории муниципальных образований, включенных в территорию эксперимента, не освобождает их от осуществления собственных полномочий по проведению благоустройства в соответствующих населенных пунктах.

При том, что курортная инфраструктура определена в законе достаточно подробно, его терминологический аппарат все же нуждается в дальнейшем совершенствовании. Так, следует уточнить, что понимается под объектами, «способными удовлетворить духовные и иные потре-

ности туристов», поскольку уже появилась достаточно сомнительная практика толкования закона и расходования курортного сбора. Так, например, на одном из обсуждений целей расходования курортного сбора на курортах Кавказских Минеральных Вод в Ставропольском крае было предложено вложить деньги в ремонт музыкальных школ и в обустройство городских кладбищ, что едва ли является в действительности «курортной инфраструктурой».

С автомобильными дорогами на КМВ и других курортах федерального значения дела обстоят более или менее благополучно, тем более что основные автомобильные магистрали находятся в федеральной собственности. Следовательно, бремя их финансового содержания несет Российская Федерация. Хотя внутригородские дороги, состоящие на балансе органов местного самоуправления, могут нуждаться, например, в ремонте и, как представляется, средства курортного сбора, могли бы быть использованы и на эти цели. Состояние же коммунальной инфраструктуры, в отличие от дорог, в городах-курортах выглядит не столь оптимистично. Речь, в первую очередь идет о системах канализации. Как известно, участвующие в эксперименте курорты условно можно разделить на несколько видов: курорты Кавказских Минеральных Вод и курорт Белокуриха относятся к бальнеологическим, в основе лечения и профилактики заболеваний там лежит использование минеральных вод и лечебных грязей; курорты Краснодарского края и Крыма – климатические морские курорты, хотя Сочи можно назвать курортом комбинированного типа, имея в виду Мацесту – признанный бальнеологический курорт.

Для бальнеологических курортов, в частности, курортов Кавказских Минеральных Вод, изношенность системы канализации означает загрязнение подземных минеральных вод – основы курортного лечения, что создает не только очевидные социальные, но и экологические риски. В январе 2020 года на заседании комитета по аграрным и земельным вопросам, природопользованию и экологии Думы Ставропольского края было отмечено, что средний износ канализационных сетей в городах Кавказских Минеральных Вод составляет порядка 60%, а около 40% местного населения проживает в домах без канализации (хотя, по мнению работающих на местах представителей экспертного сообщества, эти цифры существенно занижены!) [5].

Вообще же, если посмотреть на историю развития курортов, то в разные времена по-разному определялось и понятие инфраструктуры, хотя не во все времена использовался именно этот термин и понятие «благоустройство».

Например, в высочайшем повелении Александра 1 наместнику Кавказа князю П.Д. Цицианову говорилось об «устроении всех тех заведений, кои для удобства врачевания и выгоде больных <...> признаются нужными» [1, с. 252].

10 декабря 1827 г. вопрос о благоустройстве Кавказских Вод рассматривался на заседании Комитета Министров, по итогам которого был принят план по дальнейшему архитектурному и инженерному обустройству курортных поселений КМВ [3, с. 94], и уже в 1830 г. Николай I утвердил генеральный план г. Пятигорска. Инфраструктура и благоустройство курортов включали тогда все объекты, в том числе возводимые здания и сооружения, а также коммунальные сети. Причем, устанавливались требования не только к архитектурному облику курортных поселений (что на сегодняшний день полностью игнорируется органами местного самоуправления городов-курортов), но и к обустройству коммунальных сооружений (колодцев, выгребных ям, подвалов и т.д.) с целью недопущения загрязнения подземных минеральных вод.

Анализ законодательства имперского периода дает основание полагать, что к курортной инфраструктуре относили и бальнеологические ресурсы, а также сооружения, связанные с их добычей и использованием, определением и мониторингом их качественного состояния (например, создание специальных лабораторий).

В советский период курортный сбор также направлялся на развитие и поддержку инфраструктуры. Представляется, что рецепция норм советского периода в современное законодательство не была бы излишней. Имеется в виду указание на такие объекты размещения как квартиры (дома), принадлежащие гражданам, а также палатки и автомобили. Не секрет, что значительное число отдыхающих снимают, так называемое «частное жилье», а некоторые предпочитают жить в палатках или автомобилях. Это характерно в основном для морских курортов Краснодарского края и Крыма. Экономя на жилье в гостиницах, эти граждане, тем не менее, пользуются общедоступной курортной инфраструктурой.

Согласно законодательству, взимание сбора осуществляет оператор, каковым является организация или индивидуальный предприниматель, оказывающие услуги объекта размещения. Однако представляется, что пользователи курортной инфраструктурой могут останавливаться на курортах и в частных квартирах по договору найма жилого помещения. В этом случае обязанность взимания с них курортного сбора следовало бы возложить еще и на физическое лицо – наймодателя жилых помещений, предоставляемых в наем плательщикам курортного сбора.

Существенным упущением Закона №214-ФЗ, как представляется, является отсутствие указания на такую категорию граждан как самозанятые. Действующее законодательство определяет «самозанятых» как физлиц, которые получают доход, в том числе, от использования какого-либо имущества и на которых распространяется особый налоговый режим. Речь идет о тех самых владельцах квартир (домов), сдающих в коммерче-

скую аренду, поднайм жилые помещения отдыхающим на курортах. На сегодняшний день они не входят в перечень лиц, обязанных взимать курортный сбор с отдыхающих, в виду чего из эксперимента выпадает большой их сегмент, и это провоцирует явные финансово-экономические риски для проведения эксперимента.

Во исполнение положений Закона №214-ФЗ в Ставропольском крае приняты региональные законы, также страдающие юридическими погрешностями.

Например, в Ставропольском крае приняты два региональных закона: Закон Ставропольского края от 08.12.2017 г. №130-кз (ред. от 01.06.2023) «О некоторых вопросах проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Ставропольском крае» (далее – Закон №130-кз) и Закон Ставропольского края от 08.12.2017 г. №131-кз (ред. от 26.12.2022) «О фонде развития курортной инфраструктуры в Ставропольском крае» (далее – Закон №131-кз). Такое дробление одного предмета регулирования по нескольким нормативным актам вообще свойственно региональному нормотворчеству на современном этапе. Проблема этих двух региональных законов не только в этом, но и еще и в том, что они не вполне соответствуют нормам федерального закона, которые призваны конкретизировать и реализовывать в своем субъекте Федерации.

Так, в Законе №130-кз не отражены некоторые положения, которые Законом №214-ФЗ прямо отнесены к предметам ведения субъекта РФ. В частности, п. 3 ч. 3 ст. 4 указанного федерального закона в числе полномочий субъекта Российской Федерации называет «утверждение порядка ведения реестра операторов курортного сбора и перечень сведений, содержащихся в нем». Однако в рассматриваемом региональном законопроекте данный реестр вообще не упоминается. А ведь без этого ни у публичных органов, ни у общественности не будет информации о круге субъектов, занимающихся непосредственным сбором соответствующих средств. Это тем более важно, если учесть тот факт, что в отношении операторов курортного сбора будут проводиться плановые и внеплановые проверки. Предусмотренный федеральным законом реестр операторов курортного сбора позволит осуществлять эту деятельность системно и оперативно выявлять, в отношении каких операторов и как часто такие проверки будут проводиться в действительности, а в отношении каких – нет. Необходимость ведения указанного реестра в Ставропольском крае очевидна, тем более что это прямо предписано федеральным законом.

Часть 5 ст. 5 федерального Закона №214-ФЗ предусматривает возможность дифференцирования размера курортного сбора в зависимости от сезона (включая его снижение до 0 руб.) и т.д. В региональном Законе №130-кз такая возможность не реализована. Между тем, известно, что в

зимнее время для прохождения курортного лечения в Ставропольский край пребывают, в основном, представители наиболее неимущих и социально незащищенных слоев населения, которые пользуются дешевыми льготными путевками. Взимание с них курортного сбора в том же размере, что и с «летних отдыхающих», противоречит, на наш взгляд, принципу социальной справедливости.

Закон №214-ФЗ предусматривает заключение соглашения между субъектом Федерации и муниципальным образованием на предмет перечня работ по проектированию, строительству, реконструкции, содержанию, благоустройству и ремонту объектов курортной инфраструктуры. Однако в краевом Законе №130-кз такие соглашения вообще не упомянуты, не говоря уже о регулировании порядка их заключения. Расходование средств, поступивших в бюджет от курортного сбора, должно, по замыслу федерального законодателя, четко планироваться, тогда как в краевом Законе №130-кз порядок расходования данных средств регламентирован крайне неясно. Это может привести к хаотичному, непродуманному и неэффективному их расходованию.

Было бы логично, если бы органы государственной власти субъекта РФ разрабатывали и утверждали Программу сохранения, восстановления и развития курортной инфраструктуры на период введения курортного сбора. Такая программа необходима для целевого и эффективного расходования средств курортного сбора, которые должны расходоваться в строгом соответствии с такой программой.

Ст. 7 Закона №130-кз упоминает о порядке формирования перечня построенных, реконструированных, благоустроенных и отремонтированных объектов курортной инфраструктуры. При этом краевой закон не ограничивает круг объектов указанного перечня только теми, работы в отношении которых проводятся за счет поступлений от курортного сбора. Возникает риск, что в этом перечне могут попасть любые построенные или улучшенные объекты на Кавказских Минеральных Водах вне зависимости от того, кем и за какие деньги эти объекты были созданы или приведены в порядок. Очевидно, что перечисленные работы в сфере курортной инфраструктуры могут, должны и будут осуществляться не только за счет средств курортного сбора, но и благодаря финансированию из иных бюджетных и внебюджетных источников разного уровня. Поэтому представление всех указанных работ без их должной дифференциации как результат эксперимента по введению курортного сбора представляется неоправданным. Федеральный Закон №214-ФЗ выстраивает несколько иную схему регулирования данных отношений. Во-первых, соглашениями между краем и муниципальными образованиями должен быть заранее определен перечень работ, которые планируется осуществить за счет средств курортного

сбора. Во-вторых, для адекватной оценки хода эксперимента должна составляться отчетность только по этим конкретным работам, выполненным за данные целевые средства.

В этой связи особо примечательна норма ч. 1 ст. 4 регионального Закона №131-кз, которая предусматривает возможность расходования средств краевого Фонда развития курортной инфраструктуры на реконструкцию, благоустройство и ремонт объектов, находящихся в частной собственности. Думается, что средства бюджетного фонда должны расходоваться исключительно на поддержание курортной инфраструктуры, находящейся в публичной (государственной и муниципальной) собственности. Бремя по содержанию своего имущества, находящегося в частной собственности, должны нести сами собственники. Прописанная в региональном законе возможность расходования на это средств краевого бюджетного Фонда курортной инфраструктуры является нормой, обладающей высокой степенью коррупциогенности.

Ст. 12 федерального Закона №214-ФЗ предусматривает создание в субъекте РФ общественного совета для осуществления независимого контроля за целевым расходованием средств курортного сбора. К сожалению, в краевом Законе №131-кз не урегулированы особенности функционирования такого общественного совета в Ставропольском крае. Отсутствие детально прописанных положений об общественном контроле за ходом эксперимента является серьезным упущением регионального законодательства.

Уполномоченные органы субъектов РФ весьма активно ведут нормотворческую деятельность в развитие федерального закона о курортном сборе. Во всех участвующих в эксперименте субъектах приняты детализированные нормативные документы. Однако обилие подзаконных актов и устанавливаемых ими процедур вызывает вопрос о соразмерности трудозатрат по администрированию курортного сбора и полученных от него сумм, что чревато рисками административными. Также довольно остро об эффективности их освоения (по крайней мере в Краснодарском крае объекты инфраструктуры, приобретенные за счет средств сбора представлены, по большей части, скамейками и урнами). Отсутствие критериев эффективности расходования средств курортного сбора провоцирует коррупционные риски.

Помимо обеспечения муниципальных образований и операторов курортного сбора нормативными актами и различными разъяснениями правовых установлений, уполномоченные органы ведут всевозможные реестры, осуществляют мониторинг и составляют отчеты, что закреплено ст. 4 Закона №214-ФЗ. Кроме того, уполномоченные органы осуществляют контрольную деятельность в области соблюдения законодательства о курортном сборе, если эти полномочия не делегированы органам местного самоуправления.

Серьезные вопросы вызывает обложение курортным сбором некоторых категорий малоимущих граждан, пребывающих на курорты по социальным путевкам. У них зачастую нет возможности нести никаких дополнительных расходов, а социальная путевка является единственным средством получения лечения на курорте. Федеральный закон дает субъектам РФ право вводить дополнительные категории лиц, освобождаемых от уплаты сбора. Все субъекты РФ воспользовались этим правом и дополнили список, содержащийся в ст. 7 Закона №214-ФЗ. В Ставропольском крае от уплаты курортного сбора освобождаются граждане, пострадавшие в результате чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также от террористических актов, произошедших на территории региона, и оказавшиеся в пунктах временного размещения эвакуированных граждан. В то же самое время, в крае, помимо того, что размер сбора самый высокий по стране, ни одна дополнительная категория граждан, кроме указанной – даже Герои труда Ставропольского края (такая награда здесь учреждена), – дополнительно к федеральному перечню не освобождается от уплаты курортного сбора, что не лучшим образом сказывается на социальной привлекательности городов-курортов КМВ.

Важное дополнение ст. 8 Закона №214-ФЗ было внесено в 2019 году после обращения субъектов РФ, на территории которых проводится эксперимент. Согласно ему при перечислении средств оператором курортного сбора в бюджет субъекта РФ банки не должны взимать комиссионное вознаграждение. Однако, как показал проведенный нами опрос, не все банки выполняют это требование, продолжая причинять убытки операторам. Являясь по большей части коммерческими организациями или индивидуальными предпринимателями, они не только несут бремя дополнительных трудозатрат на оформление квитанций, выдаваемых плательщикам сбора, обязанности по своевременному перечислению средств в региональные бюджеты, по учету плательщиков и лиц, освобожденных от уплаты сбора, по уведомлению уполномоченного органа о неплательщиках, составлению отчетов под страхом административной ответственности, но и зачастую терпят убытки из-за недобросовестности некоторых кредитных организаций.

В Ставропольском крае постановлением Правительства от 31 августа 2020 г. № 462-п внесены существенные изменения в порядок проведения регионального государственного контроля в области курортного сбора. Край, согласно постановлению, переходит к риск-ориентированному подходу в этой контрольной сфере, исходя из критериев, обозначенных в постановлении Правительства РФ от 16 августа 2016 г. №806. Согласно краевому постановлению, выделяются три категории рисков:

- значительного риска (когда плановые проверки проводятся раз в три года, если оператор курортного сбора за год получил и не исполнил не менее трех предписаний об устранении нарушений соответствующего законодательства);

- среднего риска (когда плановые проверки проводятся раз в четыре года, если оператор за год получил и не исполнил не менее двух предписаний об устранении нарушений законодательства о курортном сборе);

- низкого риска (проверки не проводятся); критерии отнесения к этой группе – отсутствие в течение 12 месяцев, предшествующих дате принятия уполномоченным органом решения об отнесении к категории риска, оснований для отнесения оператора курортного сбора к категории значительного или среднего риска.

Результаты. Что касается правоприменительной практики, то в настоящее время говорить об окончательных итогах эксперимента в области курортного сбора преждевременно по следующим основаниям. Недополученные доходы от курортного сбора объясняются как объективными, так и субъективными причинами. К объективным причинам возникших рисков следует отнести общее снижение уровня благосостояния населения, что привело к уменьшению турпотоков, а также пандемию коронавируса и последовавшее за ней закрытие на несколько месяцев не только санаторно-курортных учреждений, гостиниц, но и собственно административных границ некоторых субъектов РФ. Частично закрывались и границы районов в Ставропольском крае. Также среди факторов риска для успешного проведения эксперимента стоит назвать несовершенство законодательства, регламентирующего курортный сбор.

К субъективным причинам существующих рисков успешному ходу эксперимента мы относим:

- Слабую информационную работу с населением, касающуюся разъяснений по вопросам установления, взимания и расходования курортного сбора. Зачастую люди, приезжающие на курорты КМВ, вообще ничего не знают о курортном сборе и его целях, что создает известного рода информационные риски.

- Противодействие введению сбора. Мы наблюдаем картину, когда некоторые средства массовой информации, представители туристской индустрии и даже председатель одной из фракций Государственной Думы РФ, по сути, дискредитировали идею курортного сбора, говоря, что из-за его введения уменьшился турпоток на курорты, где такой сбор взимался. На самом же деле, путем несложных арифметических расчетов не сложно оценить размеры затрат курортников. Если семья едет на курорты Кавказских Минеральных Вод, где максимальный размер сбора составлял 50 руб. в сутки, то при средней продолжительности путевки в 14 дней эта сумма будет равняться 700 руб. на одного отдыхающего. Полагая, что такие затраты вряд ли можно назвать кри-

тически. В то же время в отношении лиц, приезжающих на лечение по путевкам в рамках обязательного медицинского либо социального страхования такие суммы могут восприниматься как весьма существенные, имея в виду, что это, как правило, граждане с низкими доходами, которые к том же сами оплачивают проезд к месту лечения. Для этого федеральный законодатель и дал право регионам устанавливать льготные категории граждан, освобождаемых от уплаты курортного сбора во избежание излишних социальных рисков. Представляется большим упущением, что Ставропольский край практически не воспользовался этим инструментом на этапе проведения эксперимента, и хочется надеяться, что регион все же введет дополнительные льготные категории в случае установления курортного сбора на постоянной основе.

- Слабая исполнительская дисциплина и отсутствие мотивации у операторов сбора. Надо отметить, что операторы представляют саму не защищенную группу участников эксперимента. На них возложены только обязанности, закрепленные ст. 10 Закона №214-ФЗ, но и региональным законодательством. Они, в том числе, осуществляют учет плательщиков и лиц, освобожденных от уплаты сбора, оформляют уведомления уполномоченного органа о неплательщиках, составляют отчеты под страхом административной ответственности, которая, например, в Ставропольском крае при рецидиве правонарушения варьируется от 30 до 50 тыс. руб.

И хотя кредитные организации при перечислении курортного сбора, не вправе взимать комиссионное вознаграждение, некоторые банки, по крайней мере в Ставропольском крае, продолжают это делать. Было бы справедливо рекомендовать субъектам РФ, участвующим в эксперименте, установить в отношении операторов хотя бы небольшие налоговые льготы во избежание излишних коммерческих рисков.

Кроме того, было бы разумным установить административную ответственность за нарушение законодательства о курортном сборе на уровне Российской Федерации, а не допускать регионального произвола, что также чревато социальными и коммерческими рисками.

- Непрозрачность расходования средств, получаемых в виде курортного сбора. Так, на сайте уполномоченного органа Ставропольского края есть соответствующие отчеты по расходованию

сбора за предыдущий период, но отсутствует план мероприятий на последующий год. Требования об опубликовании в Интернете сведений и поступивших и израсходованных средств содержится в п. 3 ст. 5 Закона №214-ФЗ, однако в статье отсутствуют указания на виды информации, подлежащие опубликованию, а также не установлена периодичность размещения такой информации, чем создаются уже риски информационные. Информация, размещаемая на официальных сайтах уполномоченных региональных органов, должна быть всеобъемлющей и доступной для всех, ведь граждане вправе знать, как расходуются взимаемые с них средства. Не лишней была бы и обратная связь с гражданами, которые, наряду с общественными советами при органах власти, могли бы вносить предложения об объектах инфраструктуры, которые следовало бы создать (реконструировать, отремонтировать и т.д.) на курортах Кавказских Минеральных Вод. Полагаем, что уполномоченный федеральный орган исполнительной власти должен взять этот вопрос под свой контроль и установить виды обязательной информации, размещаемые на официальных сайтах уполномоченных региональных органов.

Анализ практики правоприменения позволяет говорить и о различной степени добросовестности органов местного самоуправления, территории которых включены в эксперимент.

Поскольку ни в федеральном, ни в региональном законодательстве не указаны показатели эффективности расходования средств, собранных в виде курортного сбора, мы полагаем, что в качестве критериев следует считать объекты инфраструктуры, на которые расходовались средства, хотя это не вполне объективно, так как на восстановление сложного объекта могут быть потрачены все суммы сбора.

Наконец, из предложений, высказанных субъектами РФ, участвующими в эксперименте, обращают на себя внимание такие проблемы, как весьма существенные для регионов затраты на администрирование сбора, в частности, на проведение контроля, а также сложности, связанные с организацией государственных закупок. Все это порождает риски, которых можно избежать путем совершенствования законодательства, когда мы вплотную подошли к окончанию проведения эксперимента по взиманию курортного сбора, и он, вероятнее всего, будет введен уже на постоянной основе для курортов на территории всей страны.

Литература

1. Акты, собранные Кавказскою Археографическою Комиссиею. Т. II. – Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1868. 1238 с.
2. Белозерова Е. В. Государственно-правовая политика Российской империи в отношении курортов Кавказских Минеральных Вод: дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2011. 252 с.
3. Выписка из Журнала Комитета Министров «О создании особенного временного комитета в Петербурге для согласования планов благоустройства Кавказских Минеральных Вод, упорядочении названий источников и наименовании поселка Горячеводском или Горячим по предложению профессора П. Н. Савенко и П. И. Аверина» // Пятигорск в исторических документах. 1803–1917 гг. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1985.

4. Закон РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2018-1 «О курортном сборе с физических лиц» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. ст. 364.
5. На Кавминводах планируют комплексно решать проблемы водоотведения URL: <https://pobeda26.ru/news/obshhestvo/2020-01-28/na-kavminvodah-planiruyut-kompleksno-reshat-problemy-vodootvedeniya-153512> (дата обращения: 31.08.2024).
6. Постановление СНК РСФСР от 11 июля 1942 г. № 384 «Об установлении списка курортных и дачных местностей, в которых государственная пошлина за прописку паспортов взимается в размере 10 рублей» // Собрание постановлений Правительства РСФСР. 1942. № 2. Ст. 4.
7. Постановление ЦИК СССР от 29 октября 1924 г. «Об утверждении поправок к Временному положению о местных финансах» // Собрание законов СССР. 1924. №22. Ст. 199.

References

1. Acts collected by the Caucasian Arteriographic Commission. Vol. II. Tiflis: Viceroy of the Caucasus Printing Office; 1868. 1238 p. (In Russ.).
2. Belozeroва EV. State and legal policy of the Russian Empire in relation to the resorts of the Caucasian Mineral Waters: thesis. Stavropol'; 2011. 252 p. (In Russ.).
3. Extract from the Journal of the Committee of Ministers "On the creation of a special temporary committee in St. Petersburg to coordinate plans for the improvement of the Caucasian Mineral Waters, the regulation of the names of springs and the naming of the village Goryachevodskoye or Goryachym at the suggestion of Professor PN Savenko and PI Averin" in Pyatigorsk in historical documents. 1803-1917. Stavropol': Stavropol book publishing house; 1985. (In Russ.).
4. Law of the RSFSR of December 12, 1991 No. 2018-1 "On resort fees from individuals"). *Vedomosti SND RF i VS RF*. 1992;(8):364. (In Russ.).
5. Caucasian Mineral Waters plans to comprehensively address water drainage issues. URL: <https://pobeda26.ru/news/obshhestvo/2020-01-28/na-kavminvodah-planiruyut-kompleksno-reshat-problemy-vodootvedeniya-153512> (accessed: 31.08.2024). (In Russ.).
6. Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR of July 11, 1942 No. 384 "On establishing a list of resort and summer cottage areas in which the state fee for registration of passports is charged in the amount of 10 rubles". *Sobranie postanovlenij Pravitel'stva RSFSR*. 1942;(2):4. (In Russ.).
7. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR of October 29, 1924 "On approval of amendments to the Temporary Regulation on Local Finances". *Sobranie zakonov SSSR*. 1924;(22):199. (In Russ.).



Научная статья

УДК 340.15

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.21>

КОРРУПЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ГОСУДАРСТВА

Евгений Александрович Шатохин

Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

jenya_shatokhin@outlook.com; <https://orcid.org/0009-0005-3599-5591>

Аннотация. Введение. Переходное государство – это закономерное состояние, известное в многочисленных образцах мировой истории. Кризис советской однопартийной системы, внешнеполитическое давление, крушение Советского Союза ознаменовали трансформацию и восточноевропейских социалистических стран, ставших на путь преобразований по западно-либеральному образцу. **Материалы и методы.** Для достижения целей исследования применяется междисциплинарный подход. Основным массив источников составили труды как отечественных, так и зарубежных авторов. **Анализ.** Переходное государство – это государство, в котором происходят процессы типовой трансформации, сопровождающиеся сменой общественно-политического строя, имеющее свои временные рамки, форму, факторы и особенности. Для российской государственной трансформации конца XX века характерна проводимая на позднем этапе существования СССР политика перестройки, в результате чего прекратил существование Советский Союз, и в иной социально-экономической действительности возникла Российская Федерация. Одним из глубоких и проблемных факторов, определяющих существование переходного государства служит коррупция – древнее и опасное явление, известное человечеству на раннем этапе появления государственности, способное привести к утрате государственного суверенитета, что особенно усиливается в периоды переходного государства. Яркое выражение коррупции в переходном государстве, ее сращивание с криминалом, способствует расширению организованной преступности, что позволяет последней контролировать путем внедрения и подкупа

сферы влияния в экономике, политике и правоохранительной деятельности. Для успешной трансформации необходимо исправить кризисные состояния и стабилизировать государство и общество, в том числе снизить уровень коррупции. Коррупция может: замедлить переходный период, превратить его пороки из временных в постоянные, изменить логику и траекторию перехода, заведя общество и страну в тупик. Переходное состояние способствует росту коррупции, формирует группу лиц, которые извлекают личную выгоду и могут всячески затянуть состояние перехода. **Результаты.** В статье делается вывод о том, что коррупция и переходное государство – два неразрывно связанных социальных явления, детерминирующих и усиливающих друг на друга.

Ключевые слова: переходное государство, коррупция, перестройка, гласность, распад СССР, теневая экономика, типология государства

Для цитирования: Шатохин Е. А. Коррупция как фактор формирования переходного государства // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 773–779. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.21>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.06.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Research article

CORRUPTION AS A FACTOR IN THE FORMATION OF A TRANSITIONAL STATE

Evgeny A. Shatokhin

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Postgraduate student

jenya_shatokhin@outlook.com; <https://orcid.org/0009-0005-3599-5591>

Abstract. Introduction. A transitional condition is a natural state known in numerous examples of world history. The crisis of the Soviet one-party system, foreign policy pressure, and the collapse of the Soviet Union marked the transformation of the Eastern European socialist countries, which took the path of transformation according to the Western liberal model. **Materials and Methods.** An interdisciplinary approach is used to achieve the research objectives. The main array of sources included the works of both domestic and foreign authors. **Analysis.** A transitional state is a state in which processes of typical transformation are taking place, accompanied by the change in the socio-political system, which has its own time frame, form, factors and features. The Russian state transformation of the late 20th century is characterized by the policy of perestroika carried out at the late stage of the USSR, as a result of which the Soviet Union ceased to exist, and the Russian Federation emerged in a different socio-economic reality. One of the deep and problematic factors determining the existence of a transitional state is the corruption. It is an ancient and dangerous phenomenon known to mankind at the early stage of the emergence of statehood, which can lead to the loss of state sovereignty, which is especially intensified during periods of a transitional state. Pronounced corruption in a transitional state, its merging with crime, contributes to the expansion of organized crime, which allows the latter to control, through infiltration and bribery, spheres of influ-

ence in the economy, politics and law enforcement. For successful transformation, it is necessary to correct crisis conditions and stabilize the state and society, including reducing the level of corruption. Corruption can slow down the transition period, turn its vices from temporary into permanent, change the logic and trajectory of the transition, leading society and the country to a dead end. The transitional state contributes to the growth of corruption, creates a group of people who derive personal benefit and can in every possible way prolong the state of transition. **Results.** The article concludes that corruption and the transitional state are two inextricably linked social phenomena that determine and reinforce each other.

Keywords: transitional state, corruption, perestroika, glasnost, collapse of the USSR, shadow economy, typology of the state

For citation: Shatokhin EA. Corruption as a factor in the formation of a transitional state. Humanities and law research. 2024;11(4):773-779. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.21>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.03.2024.

The article was approved after reviewing: 18.06.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

Введение. Государство – сложное общественно-политическое образование, которое в исторической перспективе переживает различные фазы развития, зачастую попеременно сменяющиеся. Переходное государство – это закономерное состояние, представленное в многочисленных образцах мировой истории. Различные социальные потрясения, мировые войны, антиколониальная борьба, вызывали радикальные преобразования государственно-правовых систем многих стран. Переходные периоды в последнюю четверть XX в. охватили многие авторитарные латиноамериканские и южно-европейские государства. Кризис коммунистической идеи, падение гегемонии Советского Союза, ознаменовали трансформацию и восточноевропейских социалистических стран, ставших на путь преобразований по западно-либеральному образцу.

Актуальность исследуемой темы заключается в том, что переходные государства характеризуются определенной неоднозначностью и неустойчивостью протекающих процессов и событий. История отечественной государственности характеризуется переходными периодами, которые оказывают непосредственное влияние и на современном этапе развития российского государства. В связи с этим, значимость в понимании вышеуказанных процессов приобретает проблема понимания свойств и механизма перехода от одного состояния к другому. В свою очередь, переходные государства имеют множество факторов, которые влияют на саму трансформацию и определяют ее. В рамках настоящего исследования предлагаем выделить такой сопутствующий фактор переходного государства как коррупция, который был широко представлен в российской государственной трансформации конца XX века.

Толковый словарь Д.Н. Ушакова определяет «фактор» как движущую силу, причину какого-нибудь процесса, обуславливающего его или определяющего его характер [10, с. 526]. С.И. Ожегов под «фактором» понимает существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении [9].

Раскрывая тему статьи, мы ставим перед собой цель рассмотреть коррупцию как движущую силу и существенное обстоятельство российского государства переходного периода конца XX в. Как подсказывает определение, данное Д.Н. Ушаковым, коррупция обуславливает переходный период государства и определяет его характер. Вместе с этим, стоит определить: коррупция является причиной переходного периода, переходный период порождает коррупцию или это два неразрывно связанных социальных явления.

Материалы и методы. Для достижения целей исследования применяется междисциплинарный подход, включающий в себя исторический анализ рассматриваемых событий, политологический и криминалистический взгляд на процессы переходного государства, а также юридический анализ, который позволит интерпретировать по-

лученные результаты с точки зрения специально-юридических методов. Анализ источников исследования позволит добиться поставленных целей и решить задачи исследования. Основным массив источников составили труды как отечественных, так и зарубежных авторов: В.В. Астанина, А.И. Долговой, Я. Карнаи, М.И. Левина, Лунеева, В.В. Сорокина и др.

Анализ. Как уже было отмечено, государства на протяжении своего существования проходят через определённые этапы: от взлетов до кризисных состояний и падений. Переходный период – не исключение и вполне закономерный этап существования государства, имеющий свои формы, критерии и особенности. Любое государство меняется, трансформируется, подстраивается под изменяющиеся реалии, а если государство не может этого делать, оно может попросту исчезнуть.

Сама по себе теория переходного государства неразрывно связана с типологией, так как переход подразумевает типовую трансформацию: государства находятся в состоянии трансформации от одного типа к другому. В правовой доктрине достаточно хорошо разработана теория традиционных типов государства. Вместе с этим, в отечественной и зарубежной литературе, внимание уделяется и проблемам государства переходного периода.

Переходные государства возникают в результате различных социальных потрясений, которые выражаются в виде революций, войн или неудавшихся радикальных реформ. Так, В.В. Сорокин, указывает, что накануне перехода к новому строю государством предпринимается попытка осуществления реформ, то есть преобразования наличной социальной системы без коренной ломки государственно-правовых институтов при сохранении существующего конституционного строя [7, с. 6].

В целом, переходные государства имеют ряд особенностей. Так, для российской государственной трансформации конца XX в. характерна проводимая на позднем этапе существования СССР политика перестройки, в результате которой был разрушен Советский Союз, и в иной социально-экономической действительности возникла Российская Федерация. В то же время, произошел упадок уровня жизни значительной части населения. Характерной чертой и кульминацией переходного периода являлся Конституционный кризис 1992–1993 гг., который привел к кровавым событиям 3–4 октября 1993 г., роспуску Верховного Совета и Съезда народных депутатов и победе сил во главе с Президентом России, после чего в России продолжились радикальные экономические преобразования и была принята новая Конституция.

Переходное государство можно определить как государство, в котором происходят процессы типовой трансформации, сопровождающиеся

сменной общественно-политического строя, имеющее свои временные рамки, форму, факторы и особенности.

Одним из глубоких и проблемных факторов переходного государства служит коррупция – древнее явление, известное человечеству с ранних этапов появления государственности. Так, шумерский царь города-государства Лагаша Уру-инимгина (вторая половина XXIV века до н.э.) – один из первых засвидетельствованных борцов с коррупцией. Римской империи же было известно около 40 форм взяточничества. Сам термин «коррупция» имеет латинское происхождение: *corruptio* – «растлевать». Коррупция была также известна и Древнерусскому государству: легальная ее форма связана с системой кормлений, суть которой заключалась в том, что наместники с безграничными полномочиями направлялись в города и «кормились» за счет местного населения [6, с. 425].

Коррупция – бесспорно негативное и губительное явление для любого государства. Коррупционность государственных служащих может привести к утрате государственного суверенитета. Так, госслужащей, перекупленный корруптером, служит уже не интересам налогоплательщиков, а интересам того самого корруптера, которые могут расходиться с интересами налогоплательщиков и, соответственно, государства. Следовательно, коррупция оценивается как явление, угрожающее национальной безопасности. Многократно это опасность возрастает в моменты переходного государства.

В основе природы коррупции лежит фундаментальное противоречие. Возможности суверена в вопросе осуществления своей политики, ограничены физическими возможностями. Для того чтобы обеспечивать функционирование государственного механизма, нужны администраторы – лица, наделенные конкретными полномочиями, имеющие полученные от суверена необходимые ресурсы, над которыми, осуществляется надзор. Всеохватывающего надзора со стороны суверена достичь трудно, так как пострадает качество управления, и организация контроля требует значительных ресурсов. В итоге видим, что в основе управления заложен потенциальный коррупционный фактор. Это и обуславливает извечный характер коррупции.

Также, разбираясь в природе коррупции, не следует ее отождествлять со взяточничеством, так как взяточничество представляет собой получение государственным служащим конкретной взятки, как правило, на основе ее вымогательства за определённые заранее оговоренные действия. Определение, которое дается в документах ООН также указывает на то, что коррупция шире взяточничества: «Коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц или групп» [4, с. 562].

А.И. Долгова определяет коррупцию как «... явление таких подкупа-продажности, когда один субъект, занимающий определенное служебное положение, наделенный определенными полномочиями, подкупается другим субъектом ради того, чтобы соответствующие служебное положение и полномочия были использованы в интересах подкупающей стороны» [3, с. 801].

Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О противодействии коррупции», закрепляет в российском правовом пространстве легальное определение коррупции: «...злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; ... совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица» [11].

Так как дальше будет рассматриваться коррупционный фактор, влияющий на переходное государство, для лучшего понимания коррупции в плановой и рыночной экономике следует обратиться к типологии, предложенной Я. Корнаи. Так, Корнаи определяет коррупцию в рыночной экономике как «рынок покупателя», так как желания покупателя в этом случае находятся на первом месте. Продавцы конкурируют между собой, предлагая разнообразные инструменты для привлечения большего числа покупателей. Плановая же экономика представляет собой «рынок продавца», где на первом месте стоят желания продавца. Вынуждены конкурировать между собой уже покупатели, чтобы получить расположение конкретных продавцов, монополизировавшие определённые позиции [12, р.273–280]. Как отмечается, в рыночных условиях коррумпируется продавец, который является движущей силой этой системы взаимоотношений, в то время как в плановой экономике коррумпируется уже покупатель. В случае переходного государства коррумпированный рынок также трансформируется. Например, в результате перехода рынок продавца может трансформироваться в рынок покупателя.

Следовательно, коррупция – опасное явление, для любого государства, способное привести к утрате государственного суверенитета, что особенно усиливается в периоды переходного государства. В то же время, в основе любой коррупции лежит фундаментальное противоречие, которое заложено в механизме управления. Снижение контроля со стороны суверена способствует неконтролируемому росту коррупционных проявлений.

ний. Ярко выраженная коррупция в переходном государстве, ее сращивание с криминалом, способствует расширению организованной преступности, что позволяет последней контролировать, путем внедрения и подкупа, сферы влияния в экономике, политике и правоохранительной деятельности, что опасно, в свою очередь, потерей государственности. Для успешной трансформации необходимо исправить кризисные состояния и стабилизировать государство и общество, в том числе снизить уровень коррупции.

Советский Союз, образованный в 1922 г., к концу 1980-х гг. пребывал в глубоком экономическом и социально-политическом кризисе. Внутренние проблемы и противоречия валились снежным комом. Командно-административная система экономики находилась в застое, однако продолжала функционировать в условиях спада производства, дефицита ресурсного обеспечения и отсутствия инноваций. Для решения накопившихся проблем, занявший в 1985 г. пост Генерального секретаря ЦК КПСС занимает М.С. Горбачев начал серию политических и экономических реформ, которая вошла в историю под названиями «перестройка» и «гласность». Цель, которая стояла перед реформатором – возродить Советский Союз. Прежде всего, реформы были направлены на преодоление экономической стагнации и политической коррупции, однако привели к обратному результату и распаду Союза.

С началом перестройки в Советском Союзе началась трансформация общественно-политических и экономических процессов. Ослабление государственного контроля, открытость средств массовой информации обнажили имеющиеся в системе Советского Союза проблемы, а также внешнеполитическое давление попросту смели существующий строй – общество требовало больших политических и экономических свобод. Ослабление государственного контроля ознаменовало активизацию националистического движения в различных советских республиках, требующих право на самоопределение, следовательно, бросающих вызов ослабевающей централизованной власти.

Как было подмечено, «идеальный шторм» [13] привел к распаду Советского Союза. После пятнадцатилетнего затормаживания всех реформ советское руководство во главе с М. Горбачевым инициировало значительные политические и экономические изменения в 1980-х гг. Однако эти реформы были основаны на концепциях и планах, которые были экономически ущербными, фатально устаревшими и, в конечном итоге, разрушили существующее государственное устройство и экономику изнутри. Разработчики реформ, в частности сам генеральный секретарь, были бессильны предвидеть гибель системы и что-либо изменить [13].

Августовский путч, провалившийся в 1991 г., стал поворотным моментом в процессе распада

Союза. Члены ГКЧП попытались свергнуть первого Президента СССР, но их переворот был сорван сильной общественной оппозицией. Этот инцидент продемонстрировал снижение влияния и легитимности советского правительства, подготовив почву для окончательного полного распада Советского Союза. Михаил Сергеевич объявил о своей отставке с поста президента Советского Союза 25 декабря 1991 г. Союз был официально распущен на следующий день.

Экономический кризис, углублявшийся с каждым годом, сыграл центральную роль в последние три года советской истории. Кризис способствовал массовому недовольству и мобилизации против центральной власти. Советская экономическая система требовала огромных денег, но в полной мере не могла удовлетворить экономические потребности населения. Плановая экономика в течение многих лет боролась с неэффективностью и дефицитом. Исследователи, изучавшие советскую экономику, пришли к выводу, что советская экономическая система была разрушена не из-за ее структурных недостатков, а в результате реформ эпохи Горбачева [13].

Как уже было отмечено, население перестройку встретило с воодушевлением. Однако, как отмечает криминолог А.И. Долгова, реальный процесс преобразований стал происходить под усиливающимся влиянием криминального и «теневого» интереса [3, с. 285].

В перестроечный период широкому проявлению коррупции способствовали обстоятельства экономического характера. Возможности оперативного и заинтересованного управления экономическими процессами осуществлялись за счет теневой экономики, посредством субъекта, наделенным административными функциями в сфере легального сектора экономики. Подобная форма коррупции позволяла сколотить капиталы, нажитые в результате экономической преступной деятельности [2, с. 60].

Со второй половины 1970-х гг. криминологи фиксировали усиление роста экономической и должностной преступности [3, с. 278]. Помимо этого, на криминализацию сферы экономики начали указывать экономисты и социологи. К концу 1980-х гг. объем теневой экономики составлял до 90 млрд руб. в год [7, с. 40]. Также, появилось все больше доказательств, что экономические и управленческие отношения в конце 1970–1980-х гг. преимущественно строились на неписаных правилах поведения в сфере экономики и управления [3, с. 278].

В результате бездействия и недосмотра уполномоченных органов, к концу 1970-х гг. теневая экономика в основном контролировалась лицами, совершавшими преступления [8]. Так, просчеты и упущения целенаправленно усугублялись, система социального контроля расшатывалась теми, кто извлекал доходы. В то же время компрометировалась кампания по борьбе с нетрудовыми

доходами. В средствах массовой информации, научных кругах формировалось мнение о преступной экономической деятельности, как о «смазке» плохо работающего социалистического хозяйственного механизма. Следовательно, к концу перестройки владельцы преступных капиталов набрали большой вес в обществе и активнее влияли на происходящие процессы экономических и политических преобразований [3, с. 279–280].

Если говорить о средствах борьбы с коррупцией Советского Союза перестроечного периода, можно сделать вывод, что она характеризовалась отсутствием правовых механизмов предупреждения коррупционных проявлений. Понятие «коррупция» отсутствовало и ограничивалось понятием «взяточничество», борьба с которым завершалась поимкой преступника с поличным. Также причины коррупции трактовались как недоработки в воспитании трудящихся [5, с. 29].

Основной удар в 1980-х гг. пришелся на коррумпированных должностных лиц, в то время как истинные бенефициары, подкупавшие этих должностных лиц, оставались незамеченными и проходили по уголовным делам в качестве свидетелей. Негативно на процесс разоблачения также сказалась недостаточная уголовная, уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная база разоблачения крупных организованных преступных структур [3, с. 281–282].

После распада Советского Союза Россия совершила переход в иную социально-экономическую формацию. Переход к рыночным отношениям, кризисные явления в экономическом секторе в эпоху позднего Советского Союза привели к тому, что материальное обогащение осуществлялось не всегда законным путем. Коррупция стала восприниматься как способ быстрого личного обогащения, нежели негативное и наказываемое явление, и, следовательно, в 1991–1993 гг. коррупционные преступления сопровождалось колоссальным ростом, пронизывающие общественную и политическую жизнь общества и государства. Коррупция приобрела долговременное свойство в политической, экономической и социальных сферах. Путем проведения экономических реформ, «полуофициальный» статус коррупционных явлений выходил на легальную плоскость, что привело к криминализации государственной службы. Например, совместительство государственной службы с предпринимательской деятельностью составляло основное содержание коррупционных проявлений с 1992 г. [2, с. 63].

Ослабление государственности, характерное в переходный период, ознаменовалось ослаблением системы государственного контроля. В результате распада Советского Союза прежний контроль исчез, следствием чего стало увеличение девиантных проявлений. Коррупция не исключение. Напрашивается вывод, что по окончании переходного периода коррупция уменьшается, но это лишь один из возможных путей разви-

тия. Как отмечают некоторые авторы, коррупция может замедлить переходный период, может превратить его пороки из временных в постоянные, может изменить логику и траекторию перехода, заведя общество и страну в тупик. Переходное состояние способствует росту коррупции, формирует группу лиц, которые извлекают личную выгоду и всячески затягивает состояние перехода [1, с. 67–69].

Коррупция стала мощным способом перераспределения собственности и капиталов. С одной стороны, появился обширный слой граждан, заинтересованных в сохранении коррупционных отношений, а с другой стороны, большая часть граждан испытала на себе негативные последствия коррупции и приучилась решать свои проблемы путем подкупа служащих.

В борьбе с коррупцией отсутствовала политическая воля. В 1993–1997 гг. федеральные законы о борьбе с коррупцией, с организованной преступностью неоднократно принимались, но так и не вступили в действие из-за «вето» первого Президента РФ [3, с. 819]. Вместе с этим, в 1992 г. Президент Российской Федерации издал Указ «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы». В Указе отмечалась опасность коррупционных проявлений в органах власти, в то же время запрещались только отдельные формы коррупции. Вместе с этим, Указ не предусматривал механизм исполнения, а представлял лишь намерение предупреждения коррупции [2, с. 64].

В 1995 г. был принят Федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации», который закрепил меры предупреждения «продажности» чиновников. Однако антикоррупционные положения Закона не распространялись на высших должностных лиц государства и не обязывали последних предоставлять сведения о своем имущественном положении. Для устранения этого недостатка Президент Российской Федерации издал 15 мая 1997 г. Указ № 484 «О представлении лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности государственной службы и должности в органах местного самоуправления, сведений о доходах и имуществе» [2, с. 66–67].

Систематизирующее значение в области противодействия коррупционным преступлениям имел принятый в 1996 г. Уголовный кодекс Российской Федерации. Однако Кодекс не решал все проблемы правового регулирования и профилактики. Следует обратить внимание на то, что нормы Кодекса отождествляли коррупцию со взяточничеством.

Важный этап развития и выхода из кризисного положения связан с принятием в 2008 г. Федерального закона «О противодействии коррупции» [11]. Стоит отметить, что он не только объединил нормы антикоррупционного законодательства, но и дал юридическое определение коррупции и вы-

делил ряд признаков, а также установил меры по профилактике коррупционных явлений. Принятый антикоррупционный закон является итогом развития российского антикоррупционного законодательства, однако учитывая множество проблем, не является его точкой.

Результаты. Проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод. Переходное государство – это государство, в котором происходят процессы типовой трансформации, сопровождающиеся сменой общественно-политического строя, имеющее свои временные рамки, форму, факторы и особенности.

Для российской государственной трансформации конца XX века характерна проводимая на позднем этапе существования СССР политика перестройки, в результате чего был разрушен Советский Союз, и в иной социально-экономической действительности возникла Российская Федерация.

Одним из глубоких и проблемных факторов переходного государства служит коррупция – древнее и опасное явление, известное человечеству ещё на ранних этапах развития государственности, способное привести к утрате государственного суверенитета, что особенно усиливается в периоды переходного государства. В основе любой коррупции, лежит фундаментальное противоречие, которое заложено в механизме управления. Снижение контроля со стороны суверена способствует неконтролируемому росту коррупционных проявлений. Переход к рыночным отношениям, кризисные явления в экономическом сек-

торе в эпоху позднего Советского Союза привели к тому, коррупция стала восприниматься как способ быстрого личного обогащения, нежели негативное и наказываемое явление. Коррупция стала мощным средством перераспределения собственности и капиталов. С одной стороны появился обширный слой граждан, заинтересованных в сохранении коррупционных отношений, с другой стороны большая часть граждан испытала на себе негативные последствия коррупции и приучилась решать свои проблемы путем подкупа служащих.

Ярко выраженная коррупция в переходном государстве, ее сращивание с криминалом, способствует расширению организованной преступности, что позволяет последней контролировать, путем внедрения и подкупа, сферы влияния в экономике, политике и правоохранительной деятельности. Для успешной трансформации необходимо исправить кризисные состояния и стабилизировать государство и общество, в том числе снизить уровень коррупции. Коррупция может замедлить переходный период, может превратить его пороки из временных в постоянные, может изменить логику и траекторию перехода, заведя общество и страну в тупик. Переходное состояние способствует росту коррупции, формирует группу лиц, которые извлекают личную выгоду и могут всячески затянуть состояние перехода. Следовательно, коррупция и переходное государство два неразрывно связанных социальных явления, детерминирующих и усиливающих друг на друга.

Литература

1. Антикоррупционная политика: Учебник / М. И. Левин, С. А. Пархоменко, О. В. Михайлова [и др.]. 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2020. 396 с.
2. Астанин В. В. Борьба с коррупцией в России XVI-XX веков: развитие системного подхода. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. 92 с.
3. Долгова А. И. Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2020. 1008 с.
4. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции: монография / В. В. Лунеев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2021. 912 с.
5. Магомедова Е. А., Денисов И. М., Лещинский М. И. История становления и развития государственной антикоррупционной политики // Дневник науки. 2021. № 9(57). С. 19–31.
6. Мулюкин Е. А. Антикоррупционная политика: история и современность // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 7-6(65). С. 425–428.
7. Сорокин В. В. Государственность переходного периода: Теоретические вопросы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 1999. 24 с.
8. Теневая экономика: Сборник / сост. Б. А. Дружинин. М.: Экономика, 1991. 158 с.
9. Толковый словарь Ожегова С. И. // Фактор. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33656> (дата обращения: 07.03.2024).
10. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. 1502 с.
11. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «О противодействии коррупции» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 07.03.2024).
12. Kornai J. The Socialist System: The Political Economy of Communism. Oxford: Clarendon Press, 1992. 644 p.
13. Salido V. Understanding the Events Leading to the Dissolution of the Soviet Union: A Historical Analysis (1985-1991) // Cavite State University. Cavite. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/374660981_Understanding_the_Events_Leading_to_the_Dissolution_of_the_Soviet_Union_A_Historical_Analysis_1985-1991 (accessed: 20.12.2023).

References

1. Levin MI, Parkhomenko SA, Mikhailova OV [et. al.]. Anti-corruption Policy: Textbook. 2nd edition, reissued and supplemented. Moscow: Yurait; 2020. 396 p. (In Russ.).
2. Astanin VV. The fight against corruption in Russia of the XVI-XX centuries: the development of a systematic approach. Moscow: Russian Criminological Association; 2003. 92 p. (In Russ.).
3. Dolgova AI. Criminology: textbook. Ed. by AI Dolgovoi. 4th edition, revised and supplemented. Moscow: Norma; 2020. 1008 p. (In Russ.).
4. Luneev VV. Crime of the twentieth century: global, regional and Russian trends: monograph. Ed. by VV Luneev. 2th edition, revised and supplemented. Moscow: Norma; 2021. 912 p. (In Russ.).
5. Magomedova EA, Denisov IM, Leshchinskii MI. The history of the formation and development of the state anti-corruption policy. *Dnevnik nauki*. 2021;9(57):19-31. (In Russ.).
6. Mulyukin EA. Anti-corruption policy: history and modernity. *Evrasiiskoe Nauchnoe Ob"edinenie*. 2020;7-6(65):425-428. (In Russ.).
7. Sorokin VV. Statehood of the transition period: Theoretical issues: Abstract of thesis.: 12.00.01. Ekaterinburg, 1999. 24 p. (In Russ.).
8. The shadow economy: A Collection. Ed by BA Druzhinin. Moscow: Ekonomika; 1991. 158 p. (In Russ.).
9. Explanatory dictionary of SI Ozhegov. Factor URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33656> (accessed: 07.03.2024). (In Russ.).
10. Ushakov DN. Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 vols. Vol. 4. Ed. by DN Ushakova. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov.; 1940. 1502 p. (In Russ.).
11. Federal Law of 25.12.2008 № 273-FZ (red. ot 19.12.2023) "On combating corruption". SPS Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (accessed: 07.03.2024). (In Russ.).
12. Kornai J. The Socialist System: The Political Economy of Communism. Oxford: Clarendon Press; 1992. 644 p.
13. Salido V. Understanding the Events Leading to the Dissolution of the Soviet Union: A Historical Analysis (1985-1991)/ Cavi-te State University. Cavite. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/374660981_Understanding_the_Events_Leading_to_the_Dissolution_of_the_Soviet_Union_A_Historical_Analysis_1985-1991 (accessed: 20.12.2023).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGICAL SCIENCES



Научная статья

УДК 81'32+81:39:811.111

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.22>РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ НАИМЕНОВАНИЙ ОДЕЖДЫ
В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)Галина Григорьевна Бондарчук¹, Алексей Иванович Горожанов^{2*}^{1, 2} Московский государственный лингвистический университет (д. 38, ул. Остоженка, Москва, 119034, Российская Федерация)¹ Доктор филологических наук, профессор
bondarchuk.gal@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0006-4733-6347>² Доктор филологических наук, доцент
a_gorozhanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Категория наименований одежды представляет собой обширный пласт лексических единиц, обозначающих предметы одежды, обувь, головные уборы и т. п., которая является существенным артефактом человеческой деятельности и играет важнейшую роль в истории общества и культуры. Это одна из основных предметных категорий человеческого бытия, чрезвычайно важная в культурологическом и социальном отношении. Цель исследования состоит в том, чтобы определить ядро значений лексем, обозначающих наименования одежды в современных американских СМИ. Достижение цели планируется путем решения следующих задач: сформировать список существительных – наименований одежды, релевантных для англоязычной (американской) лингвокультуры; провести извлечение контекстов, содержащих заданные наименования; проанализировать контекстные значения отобранных существительных в репрезентативном лингвистическом корпусе новостных текстов CNN. **Материалы и методы.** Материалом исследования послужил лингвистический корпус новостных текстов CNN (37 864 предложения или 982 107 токенов), собранный во второй половине 2023 года с помощью авторского программного обеспечения «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» (Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023683209, Роспатент). В качестве методов исследования привлекаются индуктивный анализ (для решения 1-й задачи), корпусный эксперимент (2-я задача) и контекстный анализ (3-я задача). **Анализ.** Для трех наиболее часто встречающихся существительных – shoes, dress, clothes – представлен анализ их конкретных

значений, распределенных по рубрикам, выделенным в ходе мысленной интерпретации контекстов. **Результаты.** Определена частотность употребления 15 лексем – наименований одежды в лингвистическом корпусе новостных текстов CNN, обозначены доминанты значений указанных лексем, предоставлены авторские переводы изученных контекстов. Практическая ценность исследования заключается в том, что полученные данные, а также разработанная методика анализа могут быть использованы при изучении иных категорий предметных имен в английском и других языках.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, наименование одежды, базовая категория, лингвокультура, частотность употребления, имя существительное, лингвистический корпус, корпусный менеджер

Для цитирования: Бондарчук Г. Г., Горожанов А. И. Репрезентация категории наименований одежды в американской лингвокультуре (корпусное исследование) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 780–787. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.22>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.04.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.06.2024.

Статья принята к публикации: 25.07.2024.

Research article

REPRESENTATION OF THE CATEGORY OF CLOTHING NAMES
IN AMERICAN LINGUOCULTURE (CORPUS-BASED RESEARCH)Galina G. Bondarchuk¹, Aleksey I. Gorozhanov^{2*}^{1, 2} Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka St., Moscow, 119034, Russian Federation)¹ Dr. Sc. (Philology), Professor
bondarchuk.gal@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0006-4733-6347>² Dr. Sc. (Philology), Associate Professor
a_gorozhanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The category of clothing names is a vast layer of lexical units denoting items of clothing, footwear, headwear, etc., which is an essential artifact of human activity, and it plays a vital role in the history of society and culture. This is one of the main subject categories of human existence, extremely important in cultural and social terms. The purpose of our work is to determine the core of meanings of lexemes – names of clothing in modern American media. The goal is planned to be achieved by solving the following problems: to form a list of nouns – names of clothing relevant to the English-speaking (American) linguoculture; to extract contexts containing the specified names; to analyze the contextual meanings of the selected nouns in the repre-

sentative linguistic corpus of CNN news texts. **Materials and Methods.** The material for the study is the linguistic corpus of CNN news texts (37 864 sentences or 982 107 tokens), collected in the second half of 2023 using the author's software "Balanced Linguistic Corpus Generator and Corpus Manager" (Certificate of State Registration of Computer Program No. 2023683209, Rospatent). The research methods include inductive analysis (to solve problem 1), corpus experiment (problem 2), and contextual analysis (problem 3). **Analysis.** For the three most frequently occurring nouns – shoes, dress, clothes – an analysis of their specific meanings is presented, distributed among headings identified in the course of mental interpretation of contexts. **Results.** The frequency of

© Бондарчук Г. Г., Горожанов А. И., 2024

use of 15 lexemes - clothing names in the linguistic corpus of CNN news texts was determined, the dominant meanings of these lexemes were identified, and the author's translations of the studied contexts were provided. The practical value of the study lies in the fact that the obtained data, as well as the developed analysis methodology, can be used in the study of other categories of subject names in English and other languages.

Keywords: applied linguistics, clothing name, basic category, linguoculture, frequency of occurrence, noun, linguistic corpus, corpus manager

Введение. Настоящая работа посвящена изучению одной из базовых категорий предметных имен современного английского языка – наименованиям одежды.

Цель исследования состоит в том, чтобы определить ядро значений лексем, обозначающих наименования одежды в современных американских СМИ.

В рамках поставленной цели выделены следующие задачи:

- 1) сформировать список существительных – наименований одежды, релевантных для англоязычной (американской) лингвокультуры;
- 2) провести извлечение контекстов, содержащих заданные наименования;
- 3) проанализировать контекстные значения отобранных существительных в репрезентативном лингвистическом корпусе новостных текстов CNN.

Материалы и методы. В качестве методов исследования привлекаются индуктивный анализ (для решения 1-й задачи), корпусный эксперимент (2-я задача) и контекстный анализ (3-я задача).

Анализ. Структура категории одежды в современном английском языке. Согласно Е.С. Кубряковой, «с современной, когнитивной точки зрения следует, действительно, признать, что естественная категория строится зачастую как многофокусная, а категория существительных, будучи естественной, явно развивается постепенно именно в эту сторону» [14, с. 11].

На суперординатном уровне категория одежды включает в себя 37 существительных, номинирующих понятие одежды, т. е. «искусственные покровы человеческого тела» (URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/2304/Одежда), в наиболее общем виде, т. е. ее родовые обозначения. Среди них такие употребляемые в современном английском языке слова, как *clothes, clothing, costume, dress, suit, footwear, head-dress* и некоторые другие.

В рамках нашей работы мы сосредоточимся на следующих существительных, обозначающих достаточно простые предметы одежды, обуви и головные уборы: *dress, coat, costume, suit, trousers, pants, jacket, blouse, skirt, shirt, shorts; shoe, boot, sandal, hat* и др.

Об особой важности базового уровня категоризации пишет Е. В. Рахилина: «Исследователи неоднократно отмечали обилие слов в языках для обозначения общих, базовых категорий (англ. *general categories*) – таких, как «медведь», «собака», «слон», по сравнению с родовыми (та-

For citation: Bondarchuk GG, Gorozhanov AI. Representation of the category of clothing names in American linguoculture (corpus-based research). Humanities and law research. 2024;11(4):780-787. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.22>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 14.04.2024.

The article was approved after reviewing: 18.06.2024.

The article was accepted for publication: 25.07.2024.

кими, как «животное», «птица», «мебель» и пр.) или видовыми (ср. «терьер», «лайка», «овчарка» и др.). Причиной этого считается то, что именно базовый уровень категоризации в языке оказывается наиболее значим, потому что разница между представителями базовых категорий для человека оказывается большей, чем между представителями родовых или видовых имен (подробнее см. [24; 25]). Таким образом, область базовых категорий оказывается более разработанной – и как бы более прописанной, говоря в художественных терминах, т. е. лучше отраженной в языковой картине мира» [17, с. 15].

Выбранные «простые» единицы являются базовыми для образования множества подвидовых предметов – *cocktail dress, evening suit, loon trousers, dinner-jacket, slit skirt, T-shirt, car coat, jogging shoe, desert boot, safari hat* и мн. др. Ранее мы отмечали, что число таких наименований постоянно увеличивается, «расширение границ категории, пополнение ее новыми членами происходит именно на субординатном уровне категоризации, и именно на этом уровне наблюдается тесная связь эволюции наименований одежды с развитием общества» [7, с. 54].

В нашей работе, принимая во внимание значительный объем эмпирического материала, мы ограничимся такими наименованиями одежды, как *clothes, trousers, socks, shoes, sandals, boots, clothing, dress, skirt, shirt, T-shirt*.

Источником материала исследования послужил лингвистический корпус новостных текстов CNN (37864 предложения или 982107 токенов), собранный во второй половине 2023 года с помощью авторского программного обеспечения «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» (Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023683209, Роспатент).

Теоретическая база исследования

Проведенный обзор научных публикаций за последние 10 лет позволил выявить некоторые наиболее актуальные вопросы изучения лексики одежды. При этом мы приходим к заключению, что, несмотря на важность рассматриваемой сферы для жизни общества, а, следовательно, объективирующей ее лексики – для языковой картины мира, количество научных исследований наименований одежды на материале разных языков незначительно.

Большинство исследований было проведено на материале современного русского языка: тематическая группа лексики «Наименования пред-

метов одежды» изучалась в структурно-семантическом, функциональном и социолингвистическом аспектах [22], особое внимание уделялось новым номинациям в данной группе, зафиксированным в лексикографических источниках, структуре обозначенных дефиниций [1], а также источникам формирования словаря модных терминов в России в диахроническом аспекте [16]. Системно-структурная организация наименований одежды рассматривалась и на диалектном уровне, например, изучались наименования одежды и обуви в самарских говорах [4]. Кроме того, проводились сравнительно-сопоставительные исследования: изучался гламурный дискурс русских (центральных и региональных) и французских средств массовой информации, обслуживающих «гламур» как социально-культурное явление [3].

При изучении семантики наименований одежды в русском языке исследователей интересовал, в частности, вопрос переноса значений у данных лексических единиц [6], а также особенности их функционирования в наивном сознании русских информантов [11].

На материале французского языка изучалось формирование и эволюция наименований одежды в средневековый период [19], в частности, формирование категории французских наименований женской одежды [13], формирование и эволюция французской лексики мужской моды в эпоху барокко [18], анализировались семиотические свойства женского костюма в аспекте исторического развития французской моды [12].

Актуальным представляется затронутый в работах вопрос об активном проникновении в лексическую группу «одежда» в русском языке и освоение в нем заимствований, среди которых преобладают англицизмы [21], вопрос о семантических и прагматических особенностях адаптации англицизмов в русском и французском языках [2]. Изучались также тенденции кодификации англицизмов, употребляющихся в женских модных журналах и в различных словарях испанского языка [15].

За последние десять лет наименования одежды в английском языке рассматривались с семиотической точки зрения – как знаки разных типов, уточнялась их роль в становлении и развитии английской лексики, номинирующей одежду [8]. Кроме того, в русле лингвокультурологии и когнитивной лингвистики рассматривались вопросы, связанные с концептом моды и типом дискурса, в котором наиболее часто функционируют наименования одежды, – дискурсом моды. Например, изучались средства вербализации концепта «мода» в русском и китайском языках [23], когнитивно-прагматические особенности дискурса моды, представленного текстами англоязычных глянцевого журналов [20], национальная специфика концептосферы моды на ма-

териале текстов глянцевого журналов Германии и США [5] и некоторые другие вопросы.

Несмотря на теоретическую значимость упомянутых выше исследований наименований одежды, проведенных на материале разных языков, приходится, однако, констатировать, что такие важные вопросы употребления данных наименований, как частотность их использования в тексте и дискурсе, насыщенность текстов данной лексикой (*saturation сатурация* в терминологии Герэртса) и некоторые другие, не нашли пока должного освещения, что свидетельствует об актуальности настоящего исследования.

Извлечение контекстов из лингвистического корпуса

Для решения задачи получения контекстов употребления предметов одежды из корпуса текстов CNN нами был инициирован ряд поисковых запросов в корпусном менеджере, разработанном в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» [9].

Характер запросов вытекает из характера базы данных лингвистического корпуса, которая имеет ряд особенностей. Она состоит из таблицы токенов и предложений, поэтому в качестве результата запроса оператор корпусного менеджера может получить данные как о первых, так и о вторых [10]. Производя поиск по лемме, мы получали набор предложений, в которых употребляется эта лемма в одной из словоформ своей парадигмы, причем корпусный менеджер также маркировал каждое предложение числовым атрибутом – номером предложения в корпусе. В случае если лемма потенциально могла привести к различным частям речи (например, для *dress* – существительное или глагол), устанавливался дополнительный параметр поиска «существительное».

В результате было получено 276 предложений, которые распределились следующим образом: *shoes* – 74, *dress* – 57, *clothes* – 45, *shirt* – 25, *clothing* – 23, *boots* – 18, *T-shirt* – 11, *skirt* – 9, *trousers* – 8, *socks* – 5, *sandals* – 1.

Анализ контекстных значений наименований одежды

Полученные контексты (предложения) были далее сгруппированы по характеру значений, к которым преимущественно можно отнести тот или иной предмет одежды. Приведем примеры контекстов употребления первых трех наиболее часто употребляемых в материале исследования наименований одежды – *shoes*, *dress*, *clothes*. Оговоримся, что, во-первых, наименования групп даны нами условно и ситуативно в контексте данной статьи, во-вторых, сами примеры на английском языке являются стандартизированным выводом (*англ. output*), полученным в результате осуществления запроса к текстовому материалу посредством корпусного менеджера, в-третьих, мы исключаем из рассмотрения фразеологиче-

ские значения, в-четвертых, перевод примеров выполнен нами (Г. Б., А. Г.).

1. shoes

1.1. родовое понятие (обувь как разновидность одежды)

2421 : “The same way that we choose our shoes, we choose our jewelry, and I felt like that’s been missed (in marketing),” said Strachan / «Точно так же, как мы выбираем обувь, мы выбираем украшения, и мне казалось, что этого не хватает (в маркетинге)», – сказал Строчан.

1.2. обувь определенного бренда

9699 : It was a ground-breaking victory not only for the Assefa, but also for Adidas – the company responsible for the sleek, platformed shoes on her feet / Это была революционная победа не только для фирмы Assefa, но и для Adidas – компании, создавшей гладкие туфли на платформе, которые были на ее ногах.

1.3. объект (предмет) преступления

6954 : Alexis Dougé became entangled in her own viral nightmare, after a man she met on Tinder stole a pair of \$1,000 designer shoes from her apartment / Алексис Дуге запуталась в своем собственном вирусном кошмаре после того, как мужчина, которого она встретила на сайте знакомств Tinder, украл из ее квартиры пару дизайнерских туфель за 1000 долларов.

1.4. объект дискуссии/спора/конфликта

9752 : Thompson has other reservations about super shoes / У Томпсона есть и другие сомнения по поводу суперобуви.

1.5. специальная обувь / обувь с определенными характеристиками

9717 : Assefa attributed her world record to “hard work over the past year,” but prior to the race had hailed her shoes as “the lightest racing shoe I have ever worn” / Ассефа объяснила свой мировой рекорд «тяжелой работой за последний год», но перед гонкой назвала свои кроссовки «самыми легкими гоночными кроссовками, которые я когда-либо носила».

1.6. предмет продажи

9719 : Adidas told CNN that 521 pairs of the shoe were released to coincide with the Berlin Marathon and “sold out in a matter of minutes” / Adidas сообщил CNN, что 521 пара обуви была выпущена к Берлинскому марафону и «распродана за считанные минуты».

1.7. предмет комфорта

24181 : If you have a trip coming up to a dream destination or romantic resort, you might want to enhance your experience with a perfect little weekend bag or super-comfy new shoes / Если вам предстоит поездка в место мечты или на романтический курорт, возможно, вы захотите улучшить свои впечатления с помощью идеальной маленькой сумки для выходных или суперудобной новой обуви.

1.8. обувь определенного человека

32276 : Ah, she’s wearing those bizarre brown shoes / Ах, на ней эти странные коричневые туфли.

1.9. изделие производства

27366 : Handcrafted in Italy, the brand’s shoes created not only in leather but using crystal, feathers and even velvet studded with silver strass (similar to rhinestone) / Обувь бренда, изготовленная вручную в Италии, выполнена не только из кожи, но и с использованием кристаллов, перьев и даже бархата, украшенного серебряными стразами (похожими на горный хрусталь).

1.10. компонент имиджа

27376 : Just like the glass slipper (from Cinderella) makes people dream, I try to make my shoes create the same effect, to allow you to be whatever character you dream to be / Точно так же, как хрустальная туфелька (из «Золушки») заставляет людей мечтать, я стараюсь, чтобы мои туфли создавали тот же эффект, чтобы позволить вам стать тем персонажем, которым вы мечтаете стать.

1.11. атрибут моды

27388 : In 2011, men’s footwear burst onto the scene too, bringing the red-bottomed shoes to a whole new (but still financially well-heeled) demographic / В 2011 году на сцену вышла и мужская обувь, принесла ботинки с красной подошвой совершенно новой (но все еще финансово обеспеченной) группе населения.

1.12. обувь для определенного мероприятия (спортивного)

9732 : It would be hard to argue that super shoes haven’t made the world’s fastest marathon runners even faster / Трудно поспорить с тем, что суперобувь не сделала самых быстрых марафонцев в мире еще быстрее.

2. dress

2.1. в значении «одежда»

2.1.1. часть культуры

21741 : Many of the women, Khalid said, appeared to have been trafficked from further north in Sudan – where women’s style of dress can display relative affluence, and where the tribal and racial mix is typified by generally lighter complexions / По словам Халида, многие из женщин были вывезены с севера Судана, где стиль одежды женщин может свидетельствовать об относительном достатке, а племенная и расовая принадлежность характеризуется более светлым цветом лица.

2.1.2. символ (разлада)

10589 : Dress is one of the first ways we see the cracks in Priscilla and Elvis’ relationship, too / Одежда – одно из первых свидетельств, помогающих нам увидеть трещины в отношениях Присциллы и Элвиса.

2.2. в значении «платье»

2.2.1. один из типов одежды (т. е. как базовое наименование одежды)

29238 : “It’s as simple as being a woman picking a dress you like and having a night, and not really thinking about anything else,” she told The Huffington Post the next month / «Это так же просто, как быть женщиной, которая выбирает

понравившееся платье и идет провести вечер, не думая ни о чем другом», – рассказала она *The Huffington Post* в следующем месяце.

2.2.2. платье определенного человека

2518 : In one image, she sits on a sofa wearing a black and white turtleneck dress, with a small, pleated, burgundy Loewe Paseo handbag / На одном из снимков она сидит на диване в черно-белом платье-водолазке и с маленькой бордовой сумочкой от Loewe Paseo с плиссировкой.

2.2.3. атрибут моды

12945 : In 1957, Swarovski created a vivid gem inspired by the shimmering iridescence of the northern lights – these stones became the centerpiece to an iconic black Dior cocktail dress that is still in its archives today / В 1957 году компания Swarovski создала яркий драгоценный камень, вдохновленный мерцающими переливами северного сияния. Эти камни стали центральным элементом культового черного коктейльного платья от Dior, которое до сих пор находится в его архивах.

2.2.4. элемент комфорта

29239 : Some years later, at the premiere of 2019's "Maleficent: Mistress of Evil," Jolie added that the dress had been chosen with comfort in mind / Несколько лет спустя, на премьере фильма «Малефисента: Хозяйка зла» в 2019 году, Джоли добавила, что платье было выбрано с учетом комфорта.

2.2.5. платье определенного фасона / специальная одежда

33187 : The blouse, which is complete with a satin ribbon tied in a bow underneath the collar, was designed by Elizabeth and David Emanuel, who famously went on to design Diana's wedding dress / Блуза, дополненная атласной лентой, завязанной бантом под воротником, была разработана Элизабет и Дэвидом Эмануэль, которые, как известно, создали свадебное платье Дианы.

2.2.6. предмет для продажи

33192 : Another of Diana's outfits, an evening dress she wore in public twice, is expected to sell for up to \$200,000 at the same auction / Ожидается, что еще один наряд Дианы, вечернее платье, которое она дважды носила на публике, будет продан на том же аукционе за 200 000 долларов.

2.2.7. компонент имиджа

10472 : We always had fancy clothes with us, like a little black dress / У нас всегда была с собой модная одежда, например, маленькое черное платье.

2.2.8. платье, связанное с известным мероприятием / событием

NOUN : dress : 2436 : A tag on the coat led to the brand's Instagram account, which has since added photos of other faux-leather pieces, including a strapless mini-dress Jenner had earlier debuted at Kim Kardashian's birthday bash last week / Ярлык на пальто привел на Instagram-аккаунт бренда, где с тех пор появились фотографии и других изделий из искусственной кожи, включая мини-

платье без бретелек, в котором Дженнер дебютировала на прошлой неделе на вечеринке по случаю дня рождения Ким Кардашьян.

2.2.9. платье определенного бренда

34689 : Featured in an episode from the show's third season, in which Fran goes on a date with a mobster, the bag was paired with a black Hervé Leger mini dress, an outfit that might be considered plain compared to her typical, more colorful looks / Сумка, показанная в эпизоде третьего сезона шоу, в котором Фрэн идет на свидание с гангстером, была дополнена черным мини-платьем от Hervé Leger, нарядом, который можно было бы назвать простым по сравнению с ее типичными, более яркими образами.

3. clothes

3.1. родовое понятие (одежда как таковая)

785 : A Barcelona museum opened its doors to nudists on Saturday, holding a special tour during which visitors could ditch their clothes / В субботу музей Барселоны открыл свои двери для нудистов, проводя специальную экскурсию, во время которой посетители могли сбросить одежду.

3.2. жизненная необходимость

26575 : Winter is coming and we don't have enough clothes / Приближается зима, а нам не хватает одежды.

3.3. атрибут моды

1227 : This ethos was particularly apparent in the show notes – show notes, a common fixture at fashion shows, whether poetic missives or detailed explanations of a designer's inspirations and intent behind their clothes – that accompanied Lim's collection / Этот идеал был особенно очевиден в заметках о показах – заметках о показах, обычном атрибуте показов мод, будь то поэтические послания или подробные объяснения источников вдохновения и намерений дизайнера, лежащих в основе их одежды, – которые сопровождали коллекцию Лима.

3.4. компонент имиджа

10472 : "We always had fancy clothes with us, like a little black dress" / У нас всегда была с собой модная одежда, например, маленькое черное платье.

3.5. часть культуры

29988 : But many Gazans say they need to use this pause in fighting to return home, where memories, belongings, money, clothes and even some of their loved ones remain – dead or alive / Но многие жители Газы говорят, что им нужно использовать эту паузу, чтобы вернуться домой, где остались их воспоминания, вещи, деньги, одежда и даже некоторые из их близких – мертвые или живые.

3.6. изделие производства

36962 : Bureo is developing a line of NetPlus products such as clothes made for the Seychelles market from the Seychelles recycled nets, according to Manuel Sigren, global sourcing manager for Bureo / По словам Мануэля Сигрена, менеджера по глобальному снабжению компании Bureo,

Bureo разрабатывает линейку продуктов NetPlus, таких, например, как одежда, изготовленная для рынка Сейшельских островов из переработанных сетей.

3.7. предмет торговли

25871 : The clothes were very expensive anyway, or not available / Одежда в любом случае была очень дорогой или отсутствовала.

3.8. одежда определенного человека

33191 : It was displayed at Kensington Palace from 2017 to 2019 as part of an exhibition of the princess' clothes / Он экспонировался в Кенсингтонском дворце с 2017 по 2019 гг. в рамках выставки одежды принцессы.

3.9. часть повседневной жизни человека

25804 : We wash our clothes with our hands / Мы стираем одежду руками.

3.10. одежда для мероприятия (маскарада):

2346 : As well as meticulously copying the clothes Jackson wore in the video, the costume also incorporated prosthetics, so Klum's werewolf face moved with her own features / Помимо тщательного копирования одежды, которую Джексон носил в видео, костюм включал в себя также протезы, поэтому лицо оборотня Клум двигалось вместе с движениями ее собственного лица.

3.11. одежда, связанная с преступлением

4209 : He recalled hiding for hours that day but was discovered by a man he recalled as being a Palestinian dressed in civilian clothes who tried to cut his throat with a kitchen knife, after he "refused to surrender" / Он вспомнил, как в тот день прятался несколько часов, но был обнаружен человеком, который, по его воспоминаниям, был палестинцем, одетым в гражданскую одежду, который пытался перерезать ему горло кухонным ножом после того, как он «отказался сдать».

3.12. объект спора/конфликта

17135 : I was basically fighting for socks to wear at training for some of the players and at times we had to wash our own clothes, so we've definitely come a long way / Я в основном боролся за то, чтобы некоторые игроки могли носить носки на тренировках, и иногда нам приходилось стирать одежду самостоятельно, так что мы определенно прошли долгий путь.

3.13. одежда, связанная с научным исследованием/экспериментом

21227 : Genetic analysis of clothes or body lice, which are one of three lice to live on humans, revealed that humans likely began wearing some

form of clothing at least 83,000 years ago, according to a paper published in 2010 / Согласно статье, опубликованной в 2010 году, генетический анализ платяных вшей, которые являются одной из трех разновидностей вшей, живущих на людях, показал, что люди, вероятно, начали носить одежду по крайней мере 83 000 лет назад.

3.14. одежда, связанная с экологической ситуацией

16796 : With larger policy control out of the picture, I find myself grasping for any miniscule way to assuage my climate anxiety – finding green travel alternatives, reusing plastic bottles until they fall apart, buying locally sourced food and repurposing any clothes or unwanted items. Поскольку более строгий контроль за ситуацией исключен, я ловлю себя на том, что хватаюсь за любой самый незначительный способ успокоить свою тревогу по поводу климата: нахожу экологически чистые альтернативы путешествиям, повторно использую пластиковые бутылки, пока они не развалятся, покупаю продукты местного производства и перепрофилирую любую одежду или ненужные предметы.

Результаты. Проведенный нами анализ функционирования английских наименований одежды в репрезентативном корпусе новостных текстов CNN, осуществленный с использованием авторской методики извлечения контекстов употребления лексем посредством корпусного менеджера, позволяет сделать ряд выводов. Например, вывод о том, что основные наименования одежды обладают довольно высокой частотностью употребления в языковой практике, что, в свою очередь, свидетельствует о социальной значимости изучаемой лексической категории и о ее значении для языковой картины мира носителей американского варианта английского языка. При этом, как показали результаты анализа основных контекстных значений отобранных существительных, наименования одежды, традиционно используемые авторами произведений художественной литературы для характеристики героев, важны в этом плане и для новостного дискурса – они используются в основном в семиотически маркированных ситуациях (создание имиджа личности; соответствие/несоответствие определенной ситуации ношения и др.). Практическая ценность исследования заключается в том, что полученные данные, а также разработанная методика анализа могут быть использованы при изучении иных категорий предметных имен в английском и других языках.

Литература

1. Абрамова И. Ю. К вопросу о лексикографическом описании номинаций одежды в русском языке XXI века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2020. Т. 17. № 3. С. 65–70.
2. Алюнина Ю. М. Семантико-прагматические функции англицизмов в русских и французских блогах о моде: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 378 с.
3. Ашинова И. В. Гламурный дискурс: лингвокультурологические и прагматические аспекты (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2015. 334 с.
4. Баженова Т. Е. Наименования одежды и обуви в самарских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. Вып. 1. С. 5–13. <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2018-1-5-13>

5. Банщикова М. А., Подобед К. А. Национальная специфика концептосферы моды (на примере текстов глянцевого журналов Германии и Соединенных Штатов Америки) // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 9–21.
6. Барсукова-Сергеева О. М. Номинации одежды: перенос значений // Русская речь. 2018. № 6. С. 67–71. <https://doi.org/10.31857/S013161170003009-8>
7. Бондарчук Г. Г. Когнитивно-семиотические основания развития категории предметных имен в английском языке (на материале английских наименований одежды): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 324 с.
8. Бондарчук Г. Г. Роль языковых знаков разных типов в становлении и развитии английских наименований одежды // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 9 (781). С. 11–20.
9. Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Степанова Д. В. Обработка естественного языка и художественный текст: база для корпусного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 195–210. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210>
10. Горожанов А. И. Экспериментальное моделирование базы данных сбалансированного лингвистического корпуса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3382–3386. <https://doi.org/10.30853/phil20220563>
11. Исакова А. М. Семантика и функционирование лексем тематической группы «Одежда» // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. Вып. 9. С. 86–93.
12. Кальщикова А. А. Семиотика женской французской моды: от Средневековья до современности // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 37–42.
13. Кальщикова А. А. Формирование категории французских наименований одежды (на материале женской одежды в средневековый период) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 87–97.
14. Кубрякова Е. С. В генезисе языка, или размышления об абстрактных именах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. С. 5–14.
15. Кузнецова Н. А. Испанская лексикографическая традиция кодификации англицизмов и медиатексты о моде // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016. № 2. С. 50–56.
16. Пташникова О. И. Специфика пополнения модного словаря последних лет // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Vol. 5. Issue 1. P. 36–38.
17. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: А Темп, 2013. 447 с.
18. Седова Д. А. Формирование и эволюция лексики мужской моды французского языка в эпоху барокко // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 5 (795). С. 127–136.
19. Седова Д. А. Формирование и эволюция номинаций одежды во французском языке в средневековый период: зарождение моды // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 4 (772). С. 105–114.
20. Ткаченко К. А. Когнитивно-прагматические особенности дискурса моды: на примере англоязычных фэшн-текстов: дис.... канд. филол. наук. М., 2018. 171 с.
21. Чабаненко Т. С. «Модные» слова не в моде, или Об освоении заимствований лексической группы «одежда» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Том 5 (71). № 2. С. 142–161.
22. Чжан Линь. Язык моды: тематическая группа «Наименования предметов одежды» в семантико-структурном и социокультурном аспектах: дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2016. 196 с.
23. Ягафарова Л. Т., Глушкова С. Ю. Концепт мода в русском и китайском языках // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 8. С. 58–61.
24. Rosch J. et al. Basic objects in natural categories // Cognitive psychology. 1976. No 7. P. 573–605.
25. Rosch J. Human categorization. In: N. Warren (ed.), Studies in cross-cultural psychology. Vol. 1. London; N. Y.: Academic Press, 1977. P. 1–49.

References

1. Abramova IYu. On lexicographic description of clothing nominations in the Russian language of the 21st century. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Lingvistika"*. 2020;17(3):65-70. (In Russ.).
2. Alyunina YuM. Semantic and pragmatic functions of Anglicisms in Russian and French fashion blogs: thesis. Moscow; 2021. 378 p. (In Russ.).
3. Ashinova IV. Glamorous discourse: linguistic, cultural and pragmatic aspects (based on the material of the Russian and French languages): thesis. Makhachkala; 2015. 334 p. (In Russ.).
4. Bazhenova TE. Names of clothes and shoes in Samara dialects. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija*.. 2018;10(1):5-13. <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2018-1-5-13>. (In Russ.).
5. Bانشchikova MA, Podobed KA. National Specifics of Fashion Conceptual Sphere (by Example of Germany and USA Glossy Magazines Texts). *Nauchnyi dialog – Scientific Dialogue*. 2016;5(53):9-21. (In Russ.).
6. Barsukova-Sergeyeva OM. Nominations of clothing: transfer of meaning. *Russkaja rech'*. 2021;6:67-71. <https://doi.org/10.31857/S013161170003009-8>. (In Russ.).
7. Bondarchuk GG. Cognitive-semiotic foundations of the development of the category of subject names in the English language (based on the material of English clothing names): thesis. Moscow; 2011. 324 p. (In Russ.).
8. Bondarchuk GG. The role of different types of language signs in the formation and development of English dress names. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 2017;9(781):11-20. (In Russ.).
9. Gorozhanov AI, Guseynova IA, Stepanova DV. Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*. 2024;15(1):195-210. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210>
10. Gorozhanov AI. Experimental Database Modelling of a Balanced Linguistic Corpus. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2022;15(10):3382-3386. <https://doi.org/10.30853/phil20220563>. (In Russ.).
11. Isakova AM. Semantics and functioning of the lexemes of the "Clothes" thematic group. *Socio i psiholingvisticheskie issledo-vanija*. 2021;9:86-93. (In Russ.).

12. Kalshchikova AA. Semiotics of French women's fashion: from the Middle Ages to the present. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 2023;13(881):37-42. (In Russ.).
13. Kalshchikova AA. Category formation of French clothes names (based on women's clothing in the Medieval period). *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 2021;13(855):87-97. (In Russ.).
14. Kubryakova YeS. In the genesis of language, or reflections on abstract names. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2006;3:5-14. (In Russ.).
15. Kuznetsova NA. Spanish lexicographical traditions of codification of Anglicisms and media texts about fashion. *Vestnik RUDN. Serija Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija*. 2016;(2):50-56. (In Russ.).
16. Ptashnikova OI. The specifics of enriching the fashion dictionary of recent years. *Bjulleten' medicinskih internet-konferencij*. 2015;5(1):36-38. (In Russ.).
17. Rakhilina YeV. Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility. 2nd ed. Moscow: A Temp; 2013. 447 p. (In Russ.).
18. Sedova DA. Formation and evolution of French names of men's clothes in the Baroque epoch. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 2018;5(795):127-136. (In Russ.).
19. Sedova DA. Formation and evolution of clothes names in the Medieval French: The beginnings of fashion. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 2017;4(772):105-114. (In Russ.).
20. Tkachenok KA. Cognitive-pragmatic features of fashion discourse: based on English-language fashion texts: thesis. Moscow; 2018. 171 p. (In Russ.).
21. Chabanenko TS. "Fashion" word is not in vogue, or About the adoption of loan words of lexical group "Clothes". *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 2019;5(71(2)):142-161. (In Russ.).
22. Chzhan Lin'. The language of fashion: the thematic group "Names of clothing" in semantic, structural and socio-cultural aspects: thesis. Saint Petersburg; 2016. 196 p. (In Russ.).
23. Iagafarova LT, Glushkova SY. Fashion concept in Russian and Chinese languages. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017;(8):58-61. (In Russ.).
24. Rosch J. et al. Basic objects in natural categories. *Cognitive psychology*. 1976;(7):573-605. (In Russ.).
25. Rosch J. Human categorization. In: N. Warren (ed.), *Studies in cross-cultural psychology*. 1977;1:1-49. (In Russ.).



Научная статья

УДК 81`42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.23>

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ, МАКРОСТРУКТУРНЫЕ И ПРЕСУППОЗИЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СГЕНЕРИРОВАННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НЕЙРОСЕТЯХ GIGACHAT, CHATGPT МАРТИ И ЯНДЕКС АЛИСА

Сергей Викторович Гусаренко^{1*}, Марина Константиновна Гусаренко²

^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор филологических наук, профессор
sgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9245-2255>

² Кандидат филологических наук, доцент
mkgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9312-8621>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Цель статьи состоит в определении и сопоставлении лингвистических характеристик коротких русскоязычных текстов разных жанров, сгенерированных в языковых нейросетях GigaChat, ChatGPT Марти и Яндекс Алиса. Актуальность исследования состоит в том, что изучение лингвистических характеристик сгенерированных текстов позволило сделать выводы о таких характеристиках названных языковых нейросетей, как способность к построению микротестов по заданным в промпте семантическим параметрам, способность избирать контекстуально релевантные значения слов в тематическом наборе дефиниций, способность к построению текста критической интерпретации высказывания. **Материалы и методы.** В качестве материала исследования избраны порожденные названными выше нейросетями языковые выражения и короткие тексты разной функциональной принадлежности – от предложения и семантической дефиниции слова до текста-обоснования собственного ответа нейросети. В качестве основных использовались метод макроструктурного анализа, метод лексико-семантического анализа, метод грамматического анализа, метод стилистического анализа, метод семантико-прагматического анализа. **Анализ.** Исследование проводилось по следующему плану: 1) анализ сгенерированных дефиниций слов и предложений, построенных нейросетями из этих дефиниций, 2) анализ сгенерированных контекстуальных дефиниций, 3) анализ сгенерированных коротких текстов на предмет их функционально-семантической адекватности. **Результаты.** Работа с тематически связанными дефинициями, сгенерированными названными нейросетями, позволила установить, что данные языковые модели в состоянии согласовывать определения слов с контекстом, не являющимся собственно текстом, то есть могут без специального задания в промпте, но исходя из перечня слов в нём, определять тему и давать дефиниции по этой теме. В ходе изучения способности языковых нейросетей давать оценку категориальной и референциальной достоверности высказы-

званий установлено, что все три нейросети оказались в состоянии дать правильные мотивированные ответы, за одним исключением, когда нейросеть указала нехватку информации. В ходе изучения текстов, сгенерированных названными языковыми нейросетями, были выявлены пять основных типов нарушений (дефектов) в них, которые могут квалифицироваться как типичные для этих нейросетей: 1) нарушения логико-семантических связей в тексте, выполнение ложных семантических операций; 2) нарушения бытийных прагматических presuppositions (знания о мире, о свойствах предметов); 3) нарушения коммуникативно-прагматических правил речевого поведения; 4) грамматические отклонения в управлении и согласовании; 5) макроструктурные нарушения.

Ключевые слова: текст, генеративный, языковая нейросеть, семантический, прагматический, дефект, галлюцинация

Для цитирования: Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. Функционально-семантические, макроструктурные и presuppositional-pragmatic parameters of generated Russian-language texts in the linguistic neural networks GigaChat, ChatGPT Marty and Yandex Alice. 2024. Т. 11. № 4. С. 788–800. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.23>

Конфликт интересов: один из авторов статьи – доктор филологических наук, профессор Гусаренко Сергей Викторович является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2024.

Статья принята к публикации: 25.07.2024.

Research article

FUNCTIONAL-SEMANTIC, MACROSTRUCTURAL AND PRESUPPOSITIONAL-PRAGMATIC PARAMETERS OF GENERATED RUSSIAN-LANGUAGE TEXTS IN THE LINGUISTIC NEURAL NETWORKS GIGACHAT, CHATGPT MARTY AND YANDEX ALICE

Sergey V. Gusarenko^{1*}, Marina K. Gusarenko²

^{1, 2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (Philology), Professor
sgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9245-2255>

² Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
mkgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9312-8621>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The purpose of the article is to determine and compare the linguistic characteristics of short Russian-language texts of different genres generated in the language neural networks GigaChat, ChatGPT Marty and Yandex Alice. The relevance of the study is that the study of the linguistic characteristics of the generated texts allowed us to draw conclusions

about such characteristics of the named language neural networks as the ability to build microtests based on the semantic parameters specified in the prompt, the ability to select contextually relevant meanings of words in a thematic set of definitions and the ability to build a text of critical interpretation of the statement. **Materials and Methods.** The material for the study was

© Гусаренко С. В., Гусаренко М. К., 2004

linguistic expressions and short texts of different functional affiliation generated by the above-mentioned neural networks – from a sentence and a semantic definition of a word to a text produced by the neural network itself. The following methods were used as the main ones: macrostructural analysis, lexical-semantic analysis, grammatical analysis, stylistic analysis and semantic-pragmatic analysis. **Analysis.** The study was conducted according to the following plan: 1) analysis of generated definitions of words and sentences constructed by neural networks from these definitions, 2) analysis of generated contextual definitions, 3) analysis of generated texts for their functional-semantic adequacy. **Results.** Working with thematically related definitions generated by the above-mentioned neural networks made it possible to establish that these language models are able to coordinate definitions of words with a context that is not the text itself, that is, they can, without a special assignment in the prompt, but based on the list of words in it, determine the topic and give definitions on this topic. In the course of studying the ability of language neural networks to assess the categorical and referential reliability of statements, it was found that all three neural networks were able to give correct motivated answers, with one exception, when the neural network indicated a lack of information. In the course of studying the texts generated by the named language neural networks, five main types of violations (defects) were identified in them, which can be qualified as typical for these neural networks:

Введение. Цель статьи состоит в определении и сопоставлении лингвистических характеристик коротких русскоязычных текстов разных жанров, сгенерированных в языковых нейросетях GigaChat [9], ChatGPT Марти [8] и Яндекс Алиса [7]. В ходе исследования рассматривались такие характеристики текстов, как пропозициональная правильность предложений [1], общая функционально-семантическая и макроструктурная адекватность текстов [4], пресуппозиционально-прагматическая адекватность [5]. Изучение этих параметров позволило сделать выводы о таких лингвистических характеристиках названных языковых нейросетей, как способность к построению микротестов по жестко заданным в промпте семантическим параметрам, способность избирать контекстуально релевантные значения слов в тематическом наборе дефиниций, способность к построению текста критической интерпретации высказывания, стилистические возможности БЛМ. Исследование не имело целью выявить какие-либо преимущества одних нейросетей перед другими.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена прежде всего тем, что в настоящее время для генерации текстов самых разных жанров, свойств и объемов потребителями используется целый ряд наиболее распространенных и доступных языковых нейросетей (Large Language Model, или LLM; Большие лингвистические модели, или БЛМ), и такое положение дел вызывает необходимость изучения лингвистических свойств порождаемых текстов, напрямую зависящих от генеративных возможностей применяемых языковых моделей. Как оказалось, тексты одной жанровой принадлежности, но сгенерированные разными языковыми моделями, существенно различаются как по общим лингвистическим параметрам, так и по своим дефектам [3]. Поэтому анализу подвергались как указанные лингвистические параметры текстов, так и выяв-

1) violations of logical-semantic connections in the text, the implementation of false semantic operations; 2) violations of existential pragmatic presuppositions (knowledge about the world, about the properties of objects); 3) violations of communicative-pragmatic rules of speech behavior; 4) grammatical deviations; 5) macrostructural violations.

Keywords: text, generative, language neural network, semantic, pragmatic, defect, hallucination

For citation: Gusarenko SV, Gusarenko MK. Functional-semantic, macrostructural and presuppositional-pragmatic parameters of generated Russian-language texts in the linguistic neural networks GigaChat, ChatGPT Marty and Yandex Alice. Humanities and law research. 2024;11(4):788-800. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.23>

Conflict of interest: one of the authors of article – Sergey V. Gusarenko, Dr. Sc. (Philology), Professor, is a member of Editorial Board of journal “Humanities and law research”. The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this manuscript.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 14.03.2024.

The article was approved after reviewing: 18.05.2024.

The article was accepted for publication: 25.07.2024.

ленные в них дефекты, поскольку изучение дефектов также может дать важную информацию о возможностях той или иной языковой модели.

Материалы и методы. В качестве материала исследования избраны порожденные нейросетями GigaChat, ChatGPT Марти и Яндекс Алиса языковые выражения и короткие тексты разной функциональной принадлежности – от предложения и семантической дефиниции слова до текста-обоснования собственного ответа нейросети. Такая шкала возрастающей структурной и семантической сложности позволяет более системно подходить к исследованию текстов, сгенерированных языковыми моделями, и текстопорождающих (лингвистических) возможностей этих моделей. Короткие тексты могут рассматриваться как архетипические структуры, лежащие в основе текстов других функциональных типов (сценарии, рекламные тексты, рассказы).

Проводился анализ на предмет способности генерировать пропозициональные структуры предложений из заданного набора лексических единиц, в том числе с целью выявления способности соблюдать правила лексической сочетаемости. Исследовались возможности нейросетей генерировать контекстуально обусловленные дефиниции слов по заданной тематике. Анализировались тексты ответов-интерпретаций на вопросы о категориальной достоверности высказываний, поскольку важной является способность языковых нейросетей определять пресуппозиционально адекватные и неадекватные высказывания, именно эта способность может оказаться необходимой для текущего контроля генерируемых текстов во избежание галлюцинаций.

В качестве основных использовались метод макроструктурного анализа, метод лексико-семантического анализа, метод грамматического анализа, метод стилистического анализа, метод семантико-прагматического анализа. Основанное на этих видах анализа комплексное описание

параметров сгенерированных текстов позволит составить представление о том, как устроены тексты этого типа с точки зрения стандартной языковой семантики, включая макроструктурную и синтаксическую семантику.

Тексты, сгенерированные языковыми нейросетями, неизбежно становятся объектами тщательного изучения, но при этом в большинстве статей внимание уделяется преимущественно следующим аспектам: совершенствование больших языковых моделей для генерирования текстов [11; 18], устранение так называемых галлюцинаций в текстах [12; 15; 16; 19], распознавание текстов, созданных нейросетями или с их помощью [17]. Все выявленные дефекты и несовершенства полученных текстов интерпретируются, как правило, в русле этих направлений. Между тем, как уже говорилось выше, внимания заслуживают сами по себе лингвистические характеристики сгенерированных нейросетями текстов – и в первую очередь потому, что тексты эти уже стали языковой реальностью, частью нашей коммуникативной среды и культуры.

Так, Ruixiang Tang, Yu-Neng Chuang, Xia Hu, исследуя пути распознавания сгенерированных нейросетями текстов, в статье «The Science of Detecting LLM-Generated Texts» [17] выделяют следующие их общие семантические характеристики: тексты, созданные нейролингвистическими моделями, «менее эмоциональны и объективны по сравнению с текстами, созданными человеком, которые часто используют пунктуацию и грамматику для передачи субъективных ощущений» [17, р. 19]. Как пример, авторы указывают, что если люди довольно часто используют восклицательные знаки, вопросительные знаки, многоточия в экспрессивных целях, то LLM, как правило, не прибегают к таким средствам. Авторы также отмечают, что на уровне предложений тексты, написанные человеком, обладают более высокой степенью связности, чем сгенерированные тексты.

Здесь мы особо отметим, что данная статья опубликована в июне 2023 г., поэтому, с учётом невероятных темпов развития БЛМ, некоторые из описанных авторами особенностей текстов могут уже проявиться менее значительно.

Из более поздних работ (январь 2024) следует назвать статью Oluwaseyi J., Odu A. «Exploring models that learn the structure and semantics of language to generate coherent text» [14], в которой авторы, анализируя текстопорождающие возможности языковых нейросетей, отмечают, что такие модели, как очень популярная GPT, в частности GPT-3, демонстрируют высокие возможности в создании связного и контекстуально релевантного текста, они хороши в создании текста, сходного с созданным человеком, путём обучения нейросетей на больших текстовых данных. Авторы подчеркивают, что качественные БЛМ демонстрируют способность понимать и воспроизводить тонкие языковые структуры.

Oluwaseyi J. и Odu A., в частности, отмечают, что внедрение внешних источников данных в БЛМ имеет следствием более широкое понимание концепций и сущностей, помогает генерировать более достоверные и последовательные тексты. Применение конкретных подсказок или контекста обеспечивает семантическую согласованность и контекстуальную значимость сгенерированного текста.

При этом в статье «Exploring models that learn the structure and semantics of language to generate coherent text» подчеркивается, что БЛМ, обученные на основе искаженных наборов данных, могут воссоздавать эти искажения в сгенерированных текстах, из чего следует, что при обучении БЛМ крайне необходимы анализ и контроль наборов данных, точная настройка моделей и тщательный анализ источников входных данных.

Отмечается также, что языковые нейросети испытывают трудности при интерпретации языковых выражений, содержащих имплицитур: метафоры, сарказм, юмор, контекстуально под-разумеваемая информация и т.п.

Цвигун Т.В. и Черняков А.Н. в статье «Хармс vs НейроХармс: нейросеть как лаборатория нарратива» [6] рассматривают нарративы, сгенерированные по образцу текстов Д. Хармса трансформерной нейросетью «Порфирьевич», как произведения, наделенные определённой художественной ценностью. Авторы делают вывод, что такого рода тексты могут использоваться для изучения закономерностей текстопорождения. Авторы отмечают такое явление, как достраивание нарратива причинно-следственными операторами («поэтому», «так что», «вот и», «действительно» и т.п.), что устраняет «нарушения» в оригинальном тексте-источнике. Исследуемая авторами нейросеть развивает формальную связность нарратива посредством замены выражения «хорошие люди» в тексте-источнике на местоимение «они», а также при помощи грамматических средств, к примеру сказуемыми-глаголами в форме множественного числа в соответствии с формой эллиптического подлежащего.

Авторы называют эту особенность текстопостроения нарративной стратегией нейросети, хотя, на наш взгляд, такое именование вызвано неоправданной антропоморфизацией языковых нейросетей. Здесь мы всего лишь можем говорить, что в текстах, на которых обучалась модель, статистически преобладают указанные автором способы создания формальной связности нарратива, а не о нарративной стратегии. Если бы нейросеть обучалась на официально-деловых текстах, то «хорошие люди» заменялись бы выражениями типа «указанные выше лица», а если бы на текстах программы «Спокойной ночи малыши», то субститутами оказались бы «добрые дядечки и тёточки».

Марголина А. и Колмогорова А. в статье «Exploring Evaluation Techniques in Controlled Text Generation: A Comparative Study of Semantics and Sentiment in ruGPT3large-Generated and Human-Written Movie Reviews» [14] приводят результаты сравнения кинокритик, написанных реальными людьми, с рецензиями, сгенерированными нейросетями. Авторы отмечают, что рецензии, написанные человеком, лучше оценивают технические аспекты производства фильма, в то время как рецензии, созданные нейросетями, лучше отражают особенности сюжета и персонажей.

Как видим, при всем многообразии подходов и изучаемых объектов, макроструктурные, функционально-семантические и коммуникативно-прагматические свойства текстов, сгенерированных языковыми нейросетями, все ещё остаются недостаточно изученными.

Анализ. Исследование проводилось по следующему плану:

1. Анализ сгенерированных дефиниций слов и предложений, построенных нейросетями из этих дефиниций.

2. Анализ сгенерированных контекстуальных дефиниций.

3. Анализ сгенерированных текстов на предмет их функционально-семантической адекватности.

1. Анализ сгенерированных дефиниций слов и предложений, построенных нейросетями из этих дефиниций. Способ построения и содержание определения (дефиниции) слова и предложения может предоставить информацию о том, какими структурообразующими и функционально-семантическими возможностями обладает языковая нейросеть. Первое задание было призвано выявить возможности БЛМ в области построения сложных синтаксических структур на уровне предложения по заданным лексическим параметрам. Языковым моделям GigaChat, ChatGPT Марти и Яндекс Алиса было дано довольно сложное задание: необходимо было сначала дать определение одиннадцати тематически связанным словам: *топка*, *пар*, *труба*, *макотетр*, *дрова*, *котёл*, *давление*, *колосник*, *клапан*, *истопник*, *котельная* – затем составить предложение, в котором должны быть использованы два слова из всех этих определений – *топка* и *пар*. Такое задание даёт возможность не только получить данные о способности БЛМ создавать сложные структуры на уровне предложения, но и об их способностях учитывать контекст, предшествующий заданию создать предложение. Нейросети дали адекватные определения (которые мы не приводим здесь ввиду их большого объёма) и построили грамматически правильные предложения, результаты представлены на рис. 1.

Как видим, все три нейросети построили сложноподчиненные предложения, грамматически правильные, но разного уровня сложности. БЛМ ChatGPT Марти построила сложное пред-

ложение с последовательным подчинением трёх уровней, оно состоит из четырех атомарных простых предложений и причастного оборота в последнем из них. Нейросеть GigaChat построила сложное предложение с последовательным подчинением двух уровней, оно включает три атомарных простых предложения, последнее из которых осложнено распространенным приложением. Нейросеть Яндекс Алиса сгенерировала сложноподчиненное предложение с одним причастным, которое также включает распространенное приложение.



Рисунок 1. Генерация сложных предложений / Figure 1. Generation of complex sentences

Сразу следует отметить, что только ChatGPT Марти обратилась к предыдущему контексту и составила предложение, в котором, помимо дефиниций лексем *топка* и *пар*, использованы еще шесть из одиннадцати слов, дефиниции которых нейросеть дала в предыдущем задании, в то время как GigaChat и Яндекс Алиса использовали только слова из своих определений лексем *топка* и *пар*, которые присутствовали в задании составить предложение.

В результате ряда трансформаций нейросеть ChatGPT Марти из именных конструкций в дефинициях сформировала четыре грамматиче-

ские основы с глагольным сказуемым: *истопник загружает, сжигание происходит, пар образуется, который (пар) выходит и контролируется* – и оформила их в виде правильного сложноподчинённого предложения, при этом каждое из его простых предложений распространено обстоятельствами и дополнениями. GigaChat и Яндекс Алиса ограничились соединением двух дефиниций в одно сложноподчинённое предложение, преобразовав по одной именной конструкции в грамматические основы с полужаменными связками и именными частями: *топка предназначена для сжигания и которая (топка) является камерой*. Определения слова *пар* GigaChat и Яндекс Алиса включили в состав сложного предложения, при этом Яндекс Алиса упростила конструкцию, преобразовав причастный оборот в предложно-падежную обстоятельственную конструкцию со значением условия.

При всей грамматической правильности все три сгенерированных предложения содержат семантические дефекты, а именно несоответствие семантики предложений прагматическим presupпозициям – в нашем случае общеизвестным данным о мире. Так, в предложении, сгенерированном нейросетью ChatGPT Марти, содержится семантически anomальная пропозиция *Манометр измеряет давление в котельной*, не соответствующая прагматической presupпозиции *Манометр измеряет давление в котле*. В предложении нейросети Яндекс Алиса содержится пропозиция *Дымовые газы преобразуются в пар*, которая не соответствует действительности. Предложение, созданное нейросетью GigaChat, содержит пропозицию *В топке образуется пар*, также не соответствующую действительности.

2. Анализ сгенерированных контекстуальных дефиниций. Здесь необходимо сказать о способности учитывать контекст и об особенностях исследуемых языковых моделей при составлении ими тематических дефиниций. В промпте, который был составлен для нейросетей ChatGPT Марти, GigaChat и Яндекс Алиса, содержалось задание дать определения одиннадцати словам, объединённых темой КОТЕЛЬНАЯ, однако сама тема как таковая не указывалась. При этом только два слова из одиннадцати *истопник* и *котельная* имеют тематически связанные значения, остальные девять либо имеют свободные общезыковые значения (*труба*), либо могут быть отнесены к другим тематическим группам (к примеру, слово *топка* может принадлежать теме БАНЯ). ChatGPT Марти и GigaChat только в определении слова *труба* специфицировали значение в соответствии с контекстом, не выводя компонент значения для *проводки жидкостей: канал для отвода дыма или газов от топки или котла наружу* (ChatGPT Марти) и *вертикальная конструкция в виде полого цилиндра, служащая для отвода продуктов сгорания* (GigaChat). Яндекс Алиса дала общезыко-

вое значение слова *труба* – *канал, предназначенный для перемещения жидкостей или газов*.

При выполнении других заданий исследуемые языковые модели специфицировали в соответствии с контекстом не все определяемые слова с несвязанными значениями. Так, в ходе генерации определений слов тематической группы БАНЯ (12 слов) из семи слов с несвязанными значениями ChatGPT Марти специфицировала четыре – *вода, горячий, жар, веник*, введя в дефиниции тематическое слово *баня*, нейросеть GigaChat специфицировала два слова – *топка* и *веник*, Яндекс Алиса специфицировала одно слово – *вода*. Можно также отметить, что двумя нейросетями была выполнена неполная тематическая спецификация слов: нейросеть GigaChat дала приближенные к теме определения слов *вода (жидкость, которая используется для мытья тела)* и *жар (тепло, которое образуется при сжигании дров)*, Яндекс Алиса сгенерировала частично включенную в тему дефиницию слова *веник (связка веток с листьями, используемая для массажа и улучшения кровообращения)*. Определение слова *веник* вызывает особый интерес, поскольку больше нигде, кроме бани, веник не используется для массажа и улучшения кровообращения, тем не менее в дефиницию тематическое слово *баня* не попало.

Скомпилированная нейросетью GigaChat дефиниция *Веник — это связка прутьев или веток, которой бьют тело в бане* содержит семантически anomальную пропозицию-утверждение *Веником из прутьев бьют тело в бане*, поскольку веником из прутьев в бане не пользуются. Следует также отметить, что выражение *бьют тело в бане* является, вероятно, «авторским» творением нейросети, поскольку ни в одной из словарных дефиниций оно не встречается как описание применения веника в бане. Других anomалий в сгенерированных нейросетями дефинициях обнаружено не было.

3. Анализ сгенерированных текстов на предмет их функционально-семантической и адекватности. Одним из наиболее важных качеств БЛМ является их способность генерировать тексты – интерпретации языковых выражений. В сущности, это едва ли не главное их качество как систем обработки текстов на естественном языке. Прежде всего необходимо было изучить способность языковых нейросетей определять категориальную достоверность высказываний. Под категориальной достоверностью мы будем понимать самую принципиальную возможность описываемого в высказывании события, действия, состояния. В этом смысле категориальная достоверность противопоставляется событийной, или референциальной, предполагающей соответствие описания факту действительности. Категориальная достоверность основывается на соответствии высказывания общим знаниям о мире, а именно знаниям о свойствах предметов и сущностей и возможностях их взаимодействия, об их взаимных зависимостях – все те

знания, которые в когнитивной лингвистике относят к прагматическим пресуппозициям [5], описывающим мир. В языке категориальная достоверность находит выражение в лексической и синтаксической сочетаемости, что отображается в моделях в синтаксической семантике. Референциальная (событийная) достоверность основывается на соответствии сообщаемого общеизвестным фактам действительности – физической или ментальной.

Языковые выражения, отвечающие категориальной достоверности, интересны в контексте нашего исследования тем, что они, как правило, не имеют эксплицитного представления в каких-либо текстах вообще, поскольку вряд ли в доступных в интернете текстах найдется достоверное высказывание типа *Собаки не умеют рисовать*, и даже если найдется такое, то нейросеть может его не учесть, поскольку строит высказывание по статистической, наиболее вероятной сочетаемости лексических единиц. Из сказанного с большой долей вероятности следует, что заключения о категориальной достоверности высказываний, выполненные языковой нейросетью, будут с подавляющей вероятностью порождением этой сети, а не компиляцией из уже существующих утверждений о категориальной достоверности высказываний.

Языковым нейросетям ChatGPT Марти, GigaChat и Яндекс Алиса был сформулирован следующий промпт: *Напиши, насколько достоверно следующее высказывание: Стюардесса летела над Черным морем.* Высказывание *Стюардесса летела над Черным морем* содержит метонимический перенос и может считаться категориально достоверным только с учётом метонимии. Такое задание, с одной стороны, позволяет определить, насколько точно нейросеть определяет метонимию, с другой стороны – позволяет выяснить, сможет ли нейросеть адекватно интерпретировать метонимическое выражение.

Нейросеть ChatGPT Марти дала развёрнутый мотивированный ответ, однако не смогла распознать метонимию и создать адекватный текст-интерпретацию (рис. 2).



Рисунок 2. Оценка категориальной достоверности правильного высказывания нейросетью ChatGPT Марти / Figure 2. Assessment of the categorical reliability of a correct statement by the ChatGPT neural network Marty

Как видно из представленного на рис. 2 снимка экрана, нейросеть ChatGPT Марти правильно определила категориальную достоверность высказывания, сделав заключение: *Стюардессы сами по себе не могут летать*, однако оказалась не в состоянии распознать и истолковать метонимический перенос. Порожденный нейросетью ответ представляет собой четко выстроенный, структурно организованный текст, имеющий трёхчастное функциональное членение: (1) прямой мотивированный ответ с пояснением, (2) рекомендация двух правильных вариантов высказывания, (3) вывод, включающий теоретическую рекомендацию по составлению достоверного высказывания и повтор пояснения из (1). Такая структура типична для консультативно-справочных сервисов, например, для лингвистических сайтов, таких, как интернет-портал *граммота.ру* [<https://gramota.ru/spravka>].

Промпт не содержал задания по разработке рекомендаций, тем не менее нейросеть включила их в свой текст-интерпретацию. Представляется очевидным, что такую интерпретацию нейросеть сгенерировала не в соответствии с заложенными в неё правилами, поскольку вряд ли разработчики ставили целью научить языковую модель составлять именно такие тексты-интерпретации, но в соответствии с данными, полученными из обучающих текстов или текстов, к которым она имела доступ. Обращают на себя внимание кавычки, выделяющие инфинитив *лететь* и имеющие явно метатекстовый характер, поскольку указывают на принадлежность слова *лететь* не автору текста-интерпретации, а изучаемому высказыванию, такой приём распространён в научных, публицистических, деловых текстах. Возможен также вариант, что нейросеть взяла в кавычки слово *лететь* по модели из текстов, в которых кавычки указывают на нарушение норм лексической сочетаемости (категориальной достоверности), поскольку *стюардессы сами по себе не могут летать*, но в этом случае обучаться нейросеть должна была бы на большом количестве филологических (лингвистических) текстов, что едва ли соответствует действительности.

Нейросеть GigaChat сгенерировала наиболее адекватный текст-интерпретацию, распознав метонимию и правильно оценив категориальную достоверность высказывания (рис. 3).

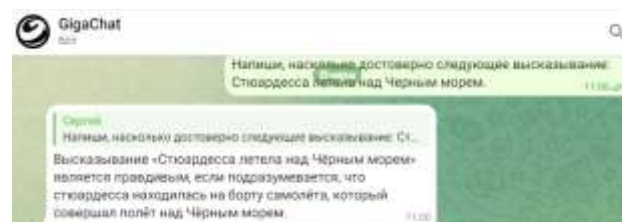


Рисунок 3. Оценка категориальной достоверности правильного высказывания нейросетью GigaChat / Figure 3. Assessment of the categorical reliability of a correct statement by the GigaChat neural network

В композиционном отношении сгенерированный нейросетью GigaChat текст-интерпретация представляет собой правильный ответ на поставленный вопрос и условие, при котором этот ответ следует считать правильным. В структурно-семантическом отношении ответ представляет собой сложноподчинённое предложение в тремя последовательными придаточными – придаточным условия (*если*), придаточным изъяснительным (*что*) и придаточным определительным (*который*). Если рассматривать структуру этого высказывания-интерпретации как последовательность когнитивных действий (что далеко от действительности), то выстраивается гипотетическая модель процедуры составления ответа: языковая нейросеть распознала нарушение постулата качества по Г.П. Грайсу [2] (*Стюардесса летела* – не соответствует действительности, поскольку *Стюардессы не могут летать*), что послужило сигналом для интерпретации второго уровня, в ходе которой было получено интегрирующее высказывание *Стюардесса находилась на борту самолета, который совершал полет над Чёрным морем* (включает пропозицию *Стюардесса летела над Чёрным морем*) с последующим его присоединением к прямому ответу посредством оператора условия *если*.

Обращает на себя внимание замена нейросетью термина *достоверность* на общеязыковое *правдивость* в тесте-интерпретации, поскольку это действие сугубо стилистического характера: правило избегать лексических повторов свойственно текстам художественным и публицистическим.

Сгенерированный нейросетью GigaChat текст-интерпретация в функционально-семантическом отношении существенно отличается от ответа нейросети ChatGPT Марти (рис. 2): первая дает прямой ответ и условие, при котором ответ верен (главный логический оператор – союз *если*), вторая дает прямой ответ и пояснение (союз *так как*) в комплексе с рекомендациями.

Нейросеть Яндекс Алиса не выполнила поставленного задания (рис. 4).

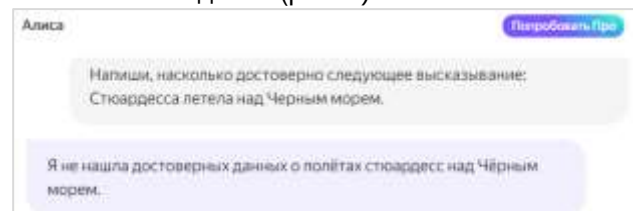


Рисунок 4. Оценка категориальной достоверности правильного высказывания нейросетью Яндекс Алиса / Figure 4. Assessment of the categorical reliability of a correct statement by the Yandex Alice neural network

Из содержания ответа нейросети Яндекс Алиса следует, что она выполняла поиск языковых структур, содержащих утверждения, подобные высказыванию в промпте. Такой вывод требует проверки, поскольку сам принцип формирования высказывания языковой нейросетью стро-

ится на иных принципах, нежели только лишь полнотекстовый поиск аналогичных языковых структур.

Далее языковым нейросетям ChatGPT Марти, GigaChat и Яндекс Алиса было дано задание определить категориальную достоверность высказывания явно недостоверного и не содержащего косвенных (вторичных) именованных: *Лошадь едет на велосипеде*. Промпт был сформулирован следующим образом: *Напиши, насколько достоверно следующее высказывание: Лошадь едет на велосипеде*.

Все три языковые модели дали правильные ответы, однако эти ответы различаются между собой по объёму, структуре, характеру излагаемых причин, см. рис. 5.



Рисунок 5. Оценка категориальной достоверности правильного высказывания нейросетью ChatGPT Марти / Figure 5. Assessment of the categorical reliability of a correct statement by the ChatGPT neural network Marty

Языковая модель ChatGPT Марти сгенерировала самый объёмный текст-интерпретацию, повторяющий свой предыдущий текст (рис. 2) в композиционно-семантическом аспекте: (1) прямой мотивированный ответ с пояснением, (2) рекомендация двух правильных вариантов высказывания, (3) вывод, включающий теоретическую рекомендацию по составлению достоверного высказывания и перефразировка пояснения из (1). Между тем в отличие от первого второй текст-интерпретация (рисунок 5) в логико-семантическом отношении содержит макроструктурные семантические аномалии:

1. В части практических рекомендаций семантический оператор *Более точным и достоверным высказыванием было бы* предполагает, что высказывания из рекомендаций *Человек едет на велосипеде, а лошадь идет рядом* и *Лошадь идет по дороге, а человек едет на велосипеде рядом с ней* выступают в качестве уточнения по отношению к высказыванию *Лошадь едет на велосипеде*, что не

соответствует реальному соотношению пропозиций высказываний.

2. В выводе-заключении, открывающемся совершенно адекватно применённым логическим оператором *Таким образом*, содержится описание лингвистических действий и семантических структур, якобы необходимых для того, чтобы сделать достоверным высказывание *Лошадь едет на велосипеде*, что явно не соответствует действительности по указанным выше причинам.

Ещё раз обратим внимание: промпт не содержит задания приводить развернутые причины категориальной недостоверности и давать рекомендации, тем не менее языковая нейросеть ChatGPT Марти снова генерирует развернутый ответ и в выводе-заключении настойчиво рекомендует меры, как *сделать это высказывание достоверным*.

В тексте-интерпретации нейросети ChatGPT Марти (рисунок 5) отмечено грамматическое нарушение: глагол *управлять* имеет другое грамматическое управление, нежели глагол *передвигаться*, тем не менее в ответе присутствует грамматически anomальное словосочетание *управлять и передвигаться на велосипеде*, наделяющее глагол *управлять* ложной формой дополнения (*управлять на велосипеде*, а не *велосипедом*).

Ответ нейросети GigaChat (рис. 6) в три с половиной раза короче ответа ChatGPT Марти: включает прямой ответ и объяснение причин такого ответа. Причем, как и в предыдущем случае, нейросеть GigaChat выполнила лексическую замену: вместо предиката *достоверно* (*высказывание*) из промпта применила в своем ответе предикат *маловероятно*.



Рисунок 6. Оценка категориальной достоверности правильного высказывания нейросетью GigaChat / Figure 6. Assessment of the categorical reliability of a correct statement by the GigaChat neural network

Назвать замену чисто стилистической нельзя, поскольку, строго говоря, предикат *достоверно* характеризует высказывание по основанию истинности, предикат же *маловероятно* характеризует высказывание по основанию вероятности его произнесения в связи с его несоответствием условию истинности. Недостоверность высказывания *Лошадь едет на велосипеде* нейросеть GigaChat объясняет отсутствием физических возможностей у лошадей, в то время как ChatGPT Марти первой причиной выдвигает предназначение велосипеда для человека, а не для животных, и далее сообщает о неспособности лошадей самостоятельно управлять этим транспортным средством.

Языковая нейросеть Яндекс Алиса дает адекватный ответ, но приводит неадекватную

причину недостоверности высказывания: *так как лошади и велосипеды являются разными видами транспорта*, рис. 7.

Напиши, насколько достоверно следующее высказывание: Лошадь едет на велосипеде.

Высказывание «Лошадь едет на велосипеде» не является достоверным, так как лошади и велосипеды являются разными видами транспорта.

Рисунок 7. Оценка категориальной достоверности правильного высказывания нейросетью Яндекс Алиса / Figure 7. Assessment of the categorical reliability of a correct statement by the Yandex Alice neural network

То есть если бы такую причину привел человек, то её когнитивным основанием было бы абсурдное предположение, что *один вид транспорта управляет другим видом транспорта*, но такое предположение исключено, поскольку нейросеть в силу своих операциональных особенностей не делает подобных предположений. В то же время рематическое расположение словосочетания *разные виды транспорта* при стандартной интерпретации делает причиной тот факт, что они *разные* (следовательно, если бы виды транспорта были одинаковыми, высказывание было бы достоверным).

В ходе изучения возможностей оценки нейросетями референциальной достоверности высказываний, а именно для анализа текстов – ответов языковых нейросетей на вопросы о соответствии высказываний фактам исторической действительности, задавались соответствующие вопросы, среди которых был вопрос об авторстве высказывания *Veni, vidi, vici*, на который, как и на другие подобные вопросы, нейросети ответили правильно, хотя и давали ответы разного объема и содержания. Также для этих же целей нейросетям предлагалось оценить достоверные с исторической точки зрения высказывания, из которых одно было дано в следующем промпте: *Напиши, насколько достоверно следующее высказывание: Никола Тесла внедрил в эксплуатацию электросети с переменным током*. Высказывание интересно тем, что содержит в себе метонимическое расширение: Никола Тесла теоретически обосновал и запатентовал своё открытие, внедрением в эксплуатацию занимались промышленные фирмы.

Нейросети и в этом случае дали совершенно адекватные ответы, и нейросеть ChatGPT Марти снова сгенерировала самый объёмный и самый сложный по структуре текст-интерпретацию, рис. 8.

Как и в предыдущих случаях, текст языковой нейросети ChatGPT Марти имеет три функциональные части: (1) ответ с пояснением, (2) уточняющие данные, (3) вывод. В части (1) наблюдаем замену метонимического *внедрил* из промпта на более корректное *внёс значительный вклад*. Часть (2), открывающаяся вводом *Вот более подробная информация*, имеет три пронумерованных раздела, содержание каждого из которых

представляет разные аспекты представления факта действительности и строго соответствует названию раздела. Часть (3) представляет собой вывод-заключение, который открывается метатекстовой вводной конструкцией *Таким образом* и далее включает прямой ответ, в котором видим модальный оценочный предикат *можно считать достоверным*, который по степени категоричности соответствует предикату *внёс значительный вклад* из части (1), за ответом следует изложение причины по основаниям историчности и признания в научном сообществе заслуг Н. Теслы.

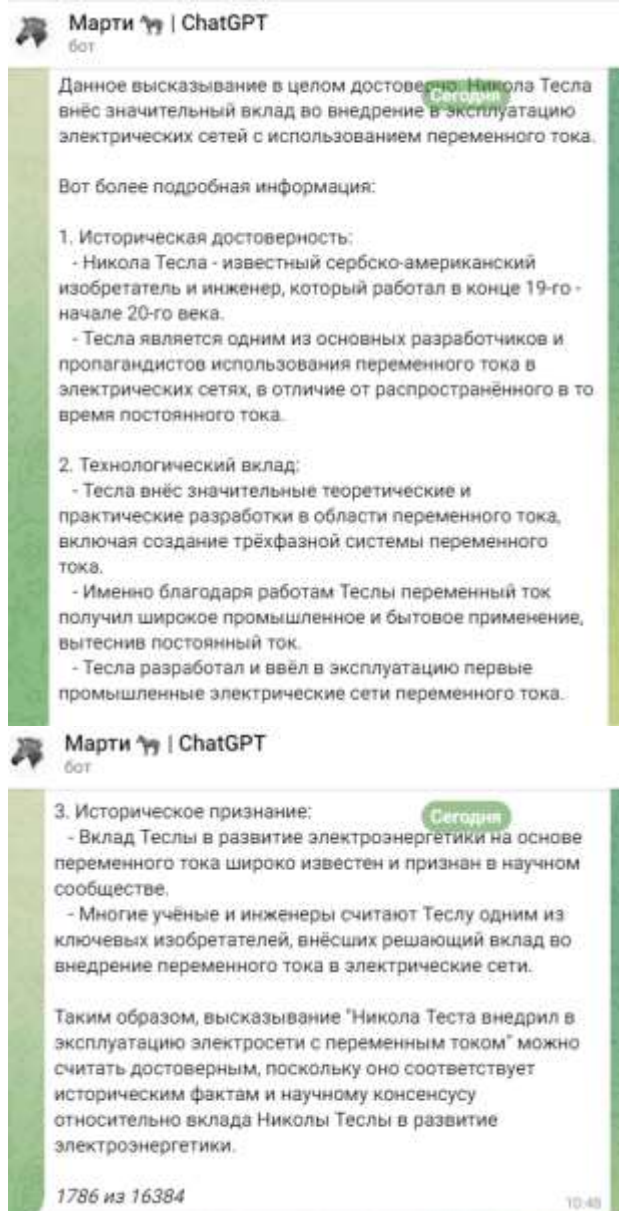


Рисунок 8. Оценка референциальной достоверности правильного высказывания нейросетью ChatGPT Марти / Figure 8. Evaluation of referential reliability of a correct statement by the ChatGPT neural network Marty

В тексте-интерпретации нейросети ChatGPT Марти отмечено одно нарушение лексической сочетаемости: в выражении *Тесла внёс значительные теоретические и практические раз-*

работки в области переменного тока следовало бы применить предикат *выполнил (разработку)*, а не *внёс*.

Текст-интерпретация нейросети GigaChat имеет почти втрое меньший объём и более простую макроструктуру, рис. 9.

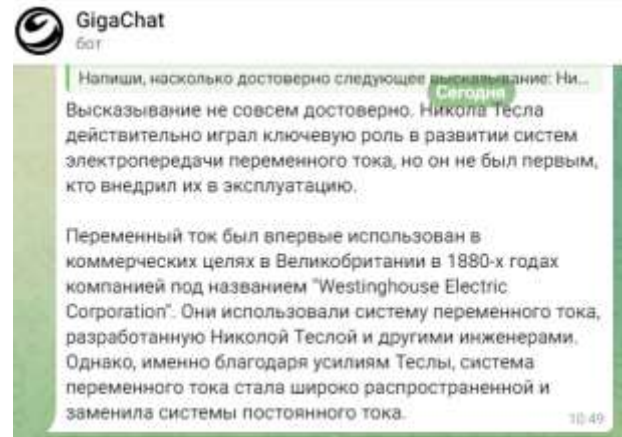


Рисунок 9. Оценка референциальной достоверности правильного высказывания нейросетью GigaChat / Figure 9. Evaluation of the referential reliability of a correct statement by the GigaChat neural network

Как видим, текст включает две функциональные части: (1) прямой ответ с мотивировкой, (2) уточняющие данные с последующей более корректной формулировкой. В части (1) в непосредственном ответе на поставленный вопрос наблюдаем ослабление семантики предиката из промпта *достоверно* посредством отрицательной конструкции *не совсем*, далее следует пояснение в общих терминах без детализаций. В части (2) приводятся данные исторического характера с указанием временного периода и конкретного имени — названия компании (в отличие от текста нейросети ChatGPT Марти), далее следует более корректная, чем в промпте, формулировка заслуг Н. Теслы: *благодаря усилиям Теслы*.

Отметим, что при адекватной референциальной оценке высказывания о роли Николы Теслы во внедрении переменного тока нейросеть GigaChat допускает другую референциальную ошибку: первое коммерческое использование переменного тока внедрено компанией Westinghouse Electric Corporation в США (а не в Великобритании).

Не менее качественный текст-интерпретацию сгенерировала нейросеть Яндекс Алиса, рис. 10.

При этом ответ нейросети Яндекс Алиса существенно отличается от ответов нейросетей ChatGPT Марти и GigaChat: если в них на первом месте расположен прямой ответ на промпт (*высказывание в целом достоверно, не совсем достоверно*), то в тексте нейросети Яндекс Алиса вообще нет прямого ответа, то есть мы наблюдаем косвенное указание на достоверность высказывания из промпта: Яндекс Алиса приводит факт изобретения Н. Теслой системы переменного тока, поясняет её высокое технологическое

значение, но не квалифицирует интерпретируемое высказывание по основанию достоверности.

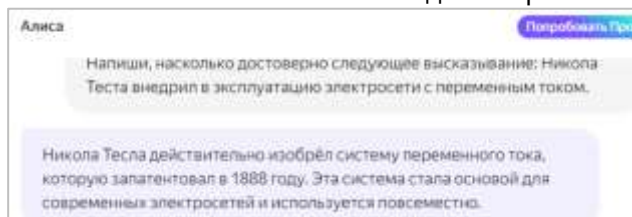


Рисунок 10. Оценка референциальной достоверности правильного высказывания нейросетью Яндекс Алиса / Figure 10. Evaluation of the referential reliability of a correct statement by the Yandex Alice neural network

Далее языковым нейросетям ChatGPT Марти, GigaChat и Яндекс Алиса было предложено оценить достоверность референциально недостоверного высказывания, промпт был сформулирован следующим образом: *Напиши, насколько достоверно следующее высказывание: Исаак Ньютон в 1492 году открыл Америку.*

Наиболее объёмный и сложный по семантической структуре текст-интерпретацию сгенерировала нейросеть ChatGPT Марти, рисунок 11.

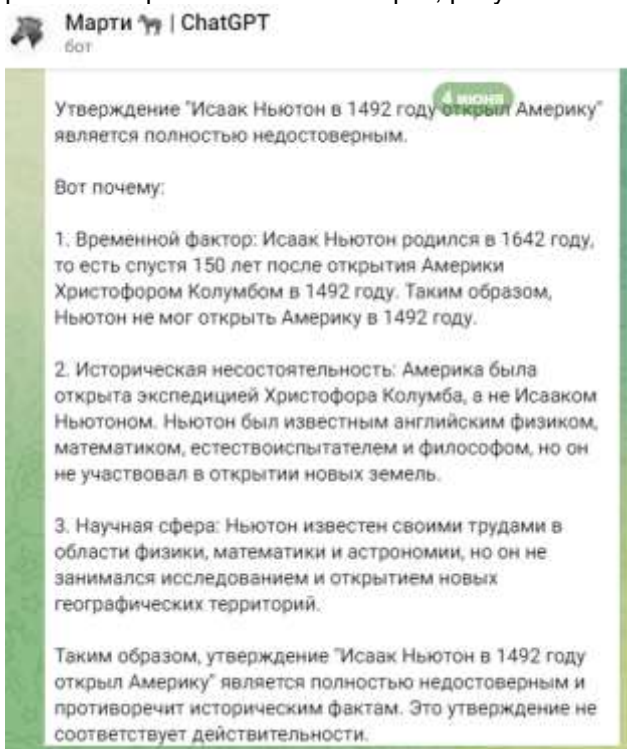


Рисунок 11. Оценка референциальной достоверности высказывания нейросетью ChatGPT Марти / Figure 11. Evaluation of referential reliability of a statement by Marty's ChatGPT neural network

Текст ответа языковой нейросети ChatGPT Марти имеет, уже можно сказать, традиционную трёхчастную структуру: (1) прямой ответ на задание, (2) пояснение из трех пунктов, (3) вывод заключение. В отличие от предыдущих случаев (рис. 2, 5, 8) здесь нейросеть ChatGPT Марти в части (1) не дополнила ответ кратким пояснением; часть (2) включает кратко изложенные хронологический, исторический и научный аргумен-

ты в пользу своего утверждение в части (1); часть (3) повторяет по семантической структуре третьей части в текстах на рис. 2, 5, 8.

Часть (2) содержит макроструктурное нарушение, которое можно определить как отсутствие категориального единообразия в едином ряду именовании пронумерованных разделов: название первого раздела *Временной фактор* представляет собой указание на категориальную отнесенность пояснения, между тем как название *Историческая несостоятельность* есть именование самой причины (должно быть *Исторический фактор*, если по образцу первого раздела); название третьего раздела *Научная сфера* представляет собой указание области деятельности И. Ньютона, при том что более уместной была бы метатекстовая квалификация третьей части как одного из доводов в пользу сформулированного выше ответа, как именование первого раздела, к примеру. Такое стилистическое и макроструктурное отклонение вполне объяснимо, если предположить, что языковая нейросеть компилировала названия разделов на основе только содержания этих разделов или содержания текстов этих тематических областей. Иными словами, категориальное единство основания лексического ряда (названий разделов), вероятно, не было задано контекстом.

Нейросеть для формулировки полноценного довода в пользу своего ответа посчитала, на сколько лет позже открытия Америки родился Исаак Ньютон. По статистическим соображениям вряд ли можно однозначно утверждать, что нейросеть где-то позаимствовала в готовом виде такое подкрепление своего довода, из чего следует, что нейросеть самостоятельно приняла решение сделать такой подсчёт. В этом случае мы имеем дело с семантическим ходом, так сказать, второго порядка.

Ответ, сгенерированный нейросетью GigaChat, меньше описанного выше в три с половиной раза и содержит три предложения: предложение (1) представляет собой прямой и точный ответ, предложение (2) содержит уточнение, кто именно открыл Америку, предложение (3) указывает год открытия И. Ньютона и кратко описывает области его научной деятельности, рис. 12.



Рисунок 12. Оценка референциальной достоверности высказывания нейросетью GigaChat / Figure 12. Evaluation of the referential reliability of a statement by the GigaChat neural network

То есть доводы-пояснения, на которые нейросети ChatGPT Марти потребовалось три

абзаца, нейросеть GigaChat уместила в двух предложениях. Расхождения в дате рождения И. Ньютона отражают разные мнения на этот счет в разных источниках.

Языковая нейросеть Яндекс Алиса дала ответ в разговорном стиле, см. рис. 13.

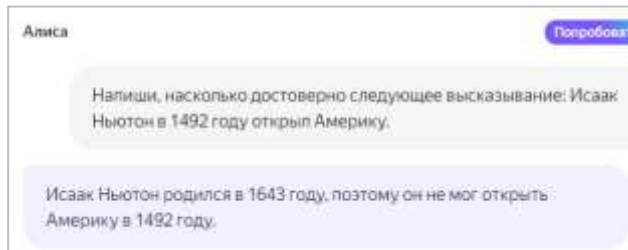


Рисунок 13. Оценка референциальной достоверности высказывания нейросетью Яндекс Алиса / Figure 13. Evaluation of the referential reliability of a statement by the Yandex Alice neural network

Как видим ответ нейросети Яндекс Алиса представляет собой сложноподчинённое предложение, в главной части которого в качестве довода указывается год рождения Исаака Ньютона, в придаточном следствия дано отрицание пропозиции высказывания из промпта. Прямой ответ вообще отсутствует, и, если бы мы имели дело с текстом, написанным человеком, можно было бы говорить об имплицатуре, заложенной в высказывание его автором, однако в нашем случае автор автор-человек отсутствует, тем не менее имплицатура *предложение недостоверно* ясно прочитывается благодаря безупречно правильному построению ответа нейросети.

Результаты. Работа с тематически связанными дефинициями, сгенерированными названными нейросетями ChatGPT Марти, GigaChat и Яндекс Алиса, показала, что данные языковые модели оказываются в состоянии согласовывать определения слов с контекстом, не являющимся собственно текстом, то есть могут без специального задания в промте, но исходя из перечня слов в нём, определять тему и давать дефиниции по заданной теме. Отмечено, что нейросеть самостоятельно, без специального указания, специфицирует больше дефиниций, если в промте список слов, которым надо дать определения, открывается тематическим словом. Как представляется, описанные в данном разделе нашей работы свойства языковых нейросетей могут оказаться полезными при создании систем автоматизированного фреймирования текста, что остаётся актуальной задачей прикладной лингвистики.

В ходе изучения способности языковых нейросетей давать категориальную оценку достоверности высказываний установлено, что все три нейросети оказались в состоянии дать правильные мотивированные ответы: сначала следует заключение о недостоверности и затем причина недостоверности. В терминах речевой прагматики приведенные причины достоверности или недостоверности высказываний следует считать прагмати-

ческими пресуппозициями, которые в нашем случае либо формулируются самой нейросетью, либо в готовом виде извлекаются из баз данных.

Если нейросети ChatGPT Марти и GigaChat генерировали тексты-интерпретации с абсолютно прозрачной семантикой и четко обусловленной макроструктурой, что свойственно текстам научным, юридическим, деловым и техническим, то нейросеть Яндекс Алиса давала ответы, отклоняющийся от параметров таких текстов, но тем не менее совершенно приемлемые в семантико-прагматическом отношении. Представляется, что в данном случае мы имеем дело с прямым следствием того, что нейросеть Яндекс Алиса обучалась большей частью на художественных текстах, в то время как нейросети ChatGPT Марти и GigaChat обучались большей частью на текстах строгих институциональных дискурсов.

Нейросеть Яндекс Алиса проявила способность генерировать текст, в котором отсутствует прямой ответ на вопрос, но явно прочитывается имплицатура – правильный ответ (*Исаак Ньютон родился в 1643 году, поэтому он не мог открыть Америку в 1492 году*, имплицатура: *высказывание недостоверно*). Естественно, говорить об имплицатуре в полном смысле слова в данном случае нельзя, поскольку нет субъекта речи, который внедрил бы эту имплицатуру, тем не менее квази-имплицатура *предложение недостоверно* ясно прочитывается благодаря изоморфности текста, сгенерированного нейросетью, тексту, созданному человеком. Такой результат позволяет с большой вероятностью предположить, что косвенные ответы нейросети Яндекс Алиса могут быть результатом обучения на художественных текстах, в которых модель косвенного ответа (как и косвенного речевого акта) в диалоге не менее частотна, чем ответ прямой, но остаётся другой вопрос: почему отдано предпочтение косвенному ответу с имплицатурой?

Что касается оценки нейросетями референциальной достоверности высказываний, то здесь следует сказать, что все три изучаемые нейросети показали адекватную оценку высказываний на предмет их соответствия фактам исторической действительности.

Порожденные названными нейросетями речевые произведения представляет собой четко выстроенные, грамматически организованные тексты. Так, нейросеть ChatGPT Марти генерирует тексты, имеющие трёхчастное функциональное членение: (1) прямой мотивированный ответ с пояснением, (2) рекомендация двух правильных вариантов высказывания, (3) вывод, включающий теоретическую рекомендацию по составлению достоверного высказывания и повтор пояснения из пункта (1). Такая структура типична для консультативно-справочных сервисов, например для лингвистических сайтов, таких, как интернет-портал грамота.ру [https://gramota.ru/spravka]. Тексты языковых нейросетей GigaChat и Яндекс Алиса намного короче (в 3-4 раза) и проще по структуре: прямой ответ – мотиви-

ровка, но также грамматически правильные, как правило, а в некоторых случаях и более адекватные, чем развернутые ответы нейросети ChatGPT Марти.

Следует отметить, что при генерации текстов изучаемые языковые нейросети проявили способность к синонимическим заменам как на грамматическом уровне (преобразование причастного оборота в предложно-падежную обстоятельственную конструкцию со значением условия), так и на лексическом уровне.

Самые непредсказуемые результаты (то есть выходящие далеко за рамки задачи в промпте) продемонстрировала языковая нейросеть ChatGPT Марти: в случае с вопросом по повести Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» эта нейросеть сгенерировала развернутый ответ несуществующего субъекта речи, который, не имея точных данных о содержании текста, выдвигает ряд весьма правдоподобных предположений; при построении ответа ChatGPT Марти выполнила операцию обобщения семантических данных из собственных абзацев-аргументаций, что можно объяснить преобладанием научных и официально-деловых текстов в обучающих материалах, поскольку именно в таких текстах, как правило, присутствуют обобщения сказанного выше; в случае с оценкой категориальной достоверности ChatGPT Марти приводит категориально «правильные» пропозиции (*Человек едет на велосипеде, а лошадь идет рядом*), что трудно (если не невозможно) объяснить только лишь векторно-весовым принципом построения текстов языковыми нейросетями.

В ходе изучения текстов, сгенерированных языковыми нейросетями ChatGPT Марти, GigaChat и Яндекс Алиса, были выявлены пять основных типов нарушений (дефектов) в них, которые могут квалифицироваться как типичные для этих нейросетей: 1) нарушения логико-семантических связей в тексте, выполнение ложных семантических операций, нарушение элементарных причин-

но-следственных и временных связей (*Путешественники собирались в поход, поэтому на их одежде могли остаться следы природы*); 2) нарушения бытийных прагматических пресуппозиций, знаний о мире, о свойствах предметов (утверждение *Манометр измеряет давление в котельной* или предположение, что котёнок и пара носков прилипли к брюкам, что при прочих нормальных условиях невозможно); 3) нарушения коммуникативно-прагматических правил речевого поведения, например, выдвижение гипотез о содержании художественного текста в виде текста из формализованного дискурса, что совершенно бессмысленно (то есть не существует такой реальной ситуации общения, где мог бы быть уместен такой текст); 4) грамматические отклонения (например, *управлять на велосипеде*); 5) макроструктурные нарушения, например отсутствие категориального единообразия именовании одного функционально-семантического ряда.

Перспективы исследования видятся в первую очередь в более подробном изучении возможностей языковых нейросетей в области генерации текстов и функционально-семантической обработки выражений естественного языка: 1) дальнейшее изучение возможностей нейросетей давать категориальную (пресуппозиционно-прагматическую) и референциальную оценку достоверности высказываний; 2) изучение возможностей генерации текстов по заданным фреймовым структурам; 3) изучение способности языковых нейросетей строить модели фреймов по данным текстов; 4) изучение возможностей адекватной интерпретации языковых выражений, содержащих имплицатуры (метафоры, намёки, аллюзии и т.п.). Изучение этих аспектов позволит получить более чёткие представления о положении дел в области генерации текстов языковыми нейросетями, о дальнейших направлениях работы и лингвистических исследований в этой области, о степени функциональной пригодности генерируемых текстов.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы: монография. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
3. Гусаренко С. В. Дефекты когнитивно-семантических структур как причина высокой энтропии актуального дискурса // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2009. №2. С. 68–74.
4. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. 1988. Вып. XXIII. С. 153–211.
5. Столнейкер Р. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. 1985. С. 419–438.
6. Цвигун Т. В., Черняков А. Н. Хармс vs НейроХармс: нейросеть как лаборатория нарратива // Новый филологический вестник. 2023. № 4. С. 80–92.
7. Яндекс Алиса. URL: <https://a.ya.ru/> (дата обращения: 15.02.2024).
8. ChatGPT Марти. URL: <https://web.telegram.org/a/#6139209801> (accessed: 15.02.2024).
9. GigaChat. URL: <https://web.telegram.org/a/#6218783903> (accessed: 15.02.2024).
10. Luo J., Xiao C., Ma F. Zero-Resource Hallucination Prevention for Large Language Models. URL: https://www.researchgate.net/publication/373715030_Zero-Resource_Hallucination_Prevention_for_Large_Language_Models. (accessed: 26.02.2024).
11. Lipkin B., Wong L., Grand G., Tenenbaum J. B. Evaluating statistical language models as pragmatic reasoners. URL: https://www.researchgate.net/publication/370469496_Evaluating_statistical_language_models_as_pragmatic_reasoners. (accessed: 26.02.2024)
12. McKenna N., Li T., Cheng L., Hosseini M.J., Johnson M., Steedman M. Sources of Hallucination by Large Language Models on Inference Tasks. URL: https://www.researchgate.net/publication/371009111_Sources_of_Hallucination_by_Large_Language_Models_on_Inference_Tasks. (accessed: 26.02.2024).

13. Margolina A., Kolmogorova A. Exploring Evaluation Techniques in Controlled Text Generation: A Comparative Study of Semantics and Sentiment in ruGPT3large-Generated and Human-Written Movie Reviews // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2023" (Moscow, June 14–17, 2023). URL: <https://www.dialog-21.ru/media/5874/margolinaapluskolmogorovaa052.pdf>. (accessed: 26.02.2024).
14. Oluwaseyi J, Odu A. Exploring models that learn the structure and semantics of language to generate coherent text. URL: https://www.researchgate.net/publication/377111766_Exploring_models_that_learn_the_structure_and_semantics_of_language_to_generate_coherent_text_Author. (accessed: 26.02.2024).
15. Rawte V., Priya P., Tonmoy S. M. T. Zaman S. M. M., Chadha A., Sheth A., Das A. "Sorry, Come Again?" Prompting - Enhancing Comprehension and Diminishing Hallucination with [PAUSE] -injected Optimal Paraphrasing. URL: https://www.researchgate.net/publication/379372849_Sorry_Come_Again_Prompting_-_Enhancing_Comprehension_and_Diminishing_Hallucination_with_PAUSE_injected_Optimal_Paraphrasing. (accessed: 26.02.2024).
16. Stoyanova Berbatova M., Salambashev Y., Evaluating Hallucinations in Large Language Models for Bulgarian Language. URL: https://www.researchgate.net/publication/373894930_Evaluating_Hallucinations_in_Large_Language_Models_for_Bulgarian_Language. (accessed: 26.02.2024).
17. Tang R., Chuang Y.N., Hu X. The Science of Detecting LLM-Generated Texts. URL: https://www.researchgate.net/publication/368684822_The_Science_of_Detecting_LLM-Generated_Texts. (accessed: 26.02.2024).
18. Turganbay R., Surkov V., Evseev D., Drobyshevskiy M. Generative Question Answering Systems over Knowledge Graphs and Text. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/5878/turganbayrplusetal043.pdf>. (accessed: 26.02.2024).
19. Zhang Y., Li Y., Cui L., Cai D. Siren's Song in the AI Ocean: A Survey on Hallucination in Large Language Models. URL: https://www.researchgate.net/publication/373686208_Siren's_Song_in_the_AI_Ocean_A_Survey_on_Hallucination_in_Large_Language_Models. (accessed: 26.02.2024).

References

1. Arutyunova ND. The sentence and its meaning: logical-semantic problems. Moscow: Nauka; 1976. 383 p. (In Russ.).
2. Grice GP. Logics and conversation in New in foreign linguistics: Linguistic pragmatics. Issue XVI. Moscow: Progress; 1985. P. 217-237.
3. Gusarenko SV. Defects of cognitive-semantic structures as a cause of high entropy of current discourse. *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2009;(2):68-74. (In Russ.).
4. Deik TA van, Kinch V. Strategies for understanding a coherent text. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Kognitivnye aspekty yazyka*. 1988;XXIII:153-211. (In Russ.).
5. Stolneiker R. Pragmatics. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike: Lingvisticheskaya pragmatika*. 1985;XVI:419-438. (In Russ.).
6. Tsvigun TV, Chernyakov AN. Harms vs. NeuroHarms: neural network as a narrative laboratory. *Novyj filologicheskij vestnik*. 2023;(4):80-92. (In Russ.).
7. Yandex Alice. URL: <https://a.ya.ru/> (accessed: 15.02.2024).
8. ChatGPT. URL: <https://web.telegram.org/a/#6139209801> (accessed: 15.02.2024).
9. GigaChatPro. URL: <https://web.telegram.org/a/#6218783903> (accessed: 15.02.2024).
10. Luo J, Xiao C, Ma F. Zero-Resource Hallucination Prevention for Large Language Models. URL: https://www.researchgate.net/publication/373715030_Zero-Resource_Hallucination_Prevention_for_Large_Language_Models (accessed: 26.02.2024).
11. Lipkin B, Wong L, Grand G, Tenenbaum JB. Evaluating statistical language models as pragmatic reasoners. URL: https://www.researchgate.net/publication/370469496_Evaluating_statistical_language_models_as_pragmatic_reasoners (accessed: 26.02.2024).
12. McKenna N, Li T, Cheng L, Hosseini MJ, Johnson M, Steedman M. Sources of Hallucination by Large Language Models on Inference Tasks. URL: https://www.researchgate.net/publication/371009111_Sources_of_Hallucination_by_Large_Language_Models_on_Inference_Tasks (accessed: 26.02.2024).
13. Margolina A, Kolmogorova A. Exploring Evaluation Techniques in Controlled Text Generation: A Comparative Study of Semantics and Sentiment in ruGPT3large-Generated and Human-Written Movie Reviews. Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2023" (Moscow, June 14–17, 2023). URL: <https://www.dialog-21.ru/media/5874/margolinaapluskolmogorovaa052.pdf> (accessed: 26.02.2024).
14. Oluwaseyi J, Odu A. Exploring models that learn the structure and semantics of language to generate coherent text. URL: https://www.researchgate.net/publication/377111766_Exploring_models_that_learn_the_structure_and_semantics_of_language_to_generate_coherent_text_Author (accessed: 26.02.2024).
15. Rawte V, Priya P, Tonmoy SMT, Zaman SMM, Chadha A, Sheth A, Das A. "Sorry, Come Again?" Prompting -Enhancing Comprehension and Diminishing Hallucination with [PAUSE] -injected Optimal Paraphrasing. URL: https://www.researchgate.net/publication/379372849_Sorry_Come_Again_Prompting_-_Enhancing_Comprehension_and_Diminishing_Hallucination_with_PAUSE_injected_Optimal_Paraphrasing (accessed: 26.02.2024).
16. Stoyanova Berbatova M, Salambashev Y, Evaluating Hallucinations in Large Language Models for Bulgarian Language Оценка галлюцинаций в больших языковых моделях для болгарского языка. URL: https://www.researchgate.net/publication/373894930_Evaluating_Hallucinations_in_Large_Language_Models_for_Bulgarian_Language (accessed: 26.02.2024).
17. Tang R, Chuang YN, Hu X. The Science of Detecting LLM-Generated Texts. URL: https://www.researchgate.net/publication/368684822_The_Science_of_Detecting_LLM-Generated_Texts (accessed: 26.02.2024).
18. Turganbay R, Surkov V, Evseev D, Drobyshevskiy M. Generative Question Answering Systems over Knowledge Graphs and Text. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/5878/turganbayrplusetal043.pdf> (accessed: 26.02.2024).
19. Zhang Y, Li Y, Cui L, Cai D. Siren's Song in the AI Ocean: A Survey on Hallucination in Large Language Models. URL: https://www.researchgate.net/publication/373686208_Siren's_Song_in_the_AI_Ocean_A_Survey_on_Hallucination_in_Large_Language_Models (accessed: 15.02.2024).



Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.24>

СТРАТЕГИЯ АПЕЛЛЯЦИИ К СМУЩЕНИЮ / ЧУВСТВУ ВИНЫ

Ирина Валерьевна Смирнова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (д. 82, стр. 1, пр-кт Вернадского, Москва, 119571, Российская Федерация)

Эксперт научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия»

Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко (д. 12, стр. 1, ул. Воронцово поле, Москва, 105064, Российская Федерация)

Сотрудник отдела «Российский музей медицины»

lula@narod.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7394-3155>

Аннотация. Введение. Статья посвящена комплексному анализу одной из наиболее эффективных стратегий технически опосредованного мошенничества, а именно Стратегии апелляции к смущению/чувству вины. Актуальность исследования основана на отсутствии научных работ, дающих комплексное представление о механизмах и коммуникативных инструментах, используемых в процессе осуществления манипулятивного воздействия и создания у жертвы мошенничества различных эмоциональных состояний. Целью исследования является описание этапов воздействия на жертву и подробное раскрытие характеристик каждого этапа в цепочке формируемых мошенником эмоций. **Материалы и методы.** Проанализированы сообщения, размещаемые пользователями социальных сетей, тематических форумов, сайтов развлекательного характера, публикации пресс-служб ведомств на их официальных сайтах, тексты расшифровок видео по тематике мошенничества и комментарии к данным видео, размещенные на популярных видеохостингах, а также эмпирический материал, извлеченный из баз данных. В ходе проведения исследования использовались следующие методы анализа: сплошная выборка, обобщение, интерпретация, анализ и сравнение данных. **Анализ.** Изучены особенности формирования специфического психологического состояния жертвы в ходе осуществления де-

структивного коммуникативного воздействия. Систематизированы средства, используемые злоумышленником для создания соответствующего состояния, выявлены используемые темпоральные факторы, лексическая специфика, риторические приемы. **Результаты.** Исследование позволило установить, как эксплуатация традиционных ценностей влияет на эффективность реализации данной стратегии в рамках мошеннического дискурса. Рассмотрены общие характеристики стратегии, выделены коммуникативные средства, специфичные для нее.

Ключевые слова: мошенничество, дискурс, мошеннический дискурс, лингвобезопасность, речевые манипуляции, коммуникативные стратегии, смущение, стыд, воздействие на адресата, традиционные ценности, семья, дружба

Для цитирования: Смирнова И. В. Стратегия апелляции к смущению / чувству вины // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 801–807. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.24>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2024.

Статья принята к публикации: 25.07.2024.

Research article

THE FRAUDULENT DISCOURSE: STRATEGY OF APPEAL TO CONFUSION / GUILT

Irina V. Smirnova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, building 1, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation)

Expert of the scientific research laboratory "Linguistic security and psychology of information impact"

N.A. Semashko National Research Institute of Public Health (12, building 1, Vorontsovo Pole St., Moscow, 105064, Russian Federation)

Exhibitor at Russian medical museum

lula@narod.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7394-3155>

Abstract. Introduction. The article is devoted to a comprehensive analysis of one of the most effective strategies of technically mediated fraud, namely the strategy of appeal to confusion / guilt. The relevance of the study is based on the lack of scientific articles that provide a comprehensive understanding of the mechanisms and communication tools used in the process of manipulative influence and creation of various emotional states in the victim of fraud. The purpose of the study is to describe the stages of influence on the victim and to provide a detailed disclosure of the characteristics of each stage in the chain of emotions formed by the fraudster. **Materials and Methods.** Data: messages posted by users of social networks, thematic forums, entertainment sites, publications of press departments of public service agencies on their official websites, transcripts of videos on the topic of fraud and user comments to these videos posted on popular video hosting sites, as well as empirical material extracted from databases. The following methods of analysis were used in the study: continuous sampling, generalization, interpretation, analysis and comparison of data. **Analysis.** The features of the formation of a specific psychological state of the victim during the implementation of destructive communicative influence are stud-

ied. The means used by the fraudster to create the corresponding state are systematized, the temporal factors used, lexical specifics, and rhetorical techniques are identified. **Results.** The study allowed us to establish how the exploitation of traditional values affects the effectiveness of the implementation of this strategy within the framework of fraudulent discourse. The general characteristics of the strategy are considered, and the communicative means specific to it are identified.

Keywords: fraud, discourse, fraudulent discourse, linguistic safety, speech manipulation, communication strategies, confusion, shame, impact on the addressee, traditional values, family, friendship

For citation: Smirnova IV. The fraudulent discourse: strategy of appeal to confusion / guilt. Humanities and law research. 2024;11(4):801-807. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.24>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.03.2024.

The article was approved after reviewing: 18.05.2024.

The article was accepted for publication: 25.07.2024.

Введение. Семья, коллективизм, взаимопомощь, гуманизм и милосердие входят в число важнейших традиционных ценностей российского социума. Данный перечень закреплён в ряде нормативных правовых актов Российской Федерации. Так, ст. 38 Конституции РФ устанавливает положение о том, что семья находится под защитой государства [5]. В Указе Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» семья выделена в отдельный национальный проект [16]. В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809) также устанавливается приоритет традиционных семейных ценностей [15]. Глава вторая Указа Президента (№ 809) отмечает риски деструктивного идеологического и психологического воздействия, среди которых «культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности» и других явлений чуждых традиционной российской культуре [15]. Концепты «семья» [9], «дружба» [2: с. 72] являются одними из важнейших концептов российской лингвокультуры.

В современном мире идея семьи как многопоколенной структуры, когда под одной крышей могут проживать представители старшего поколения, родители, их братья и сестры со своими семьями, дети, их супруги и младшее поколение, несколько видоизменилась. Ранее необходимость поддерживать подобный жизненный уклад была связана с устройством правоотношений и правовой структурой распределения населения и ресурсов, поскольку ведение совместного быта и хозяйства было необходимостью, а не выбором. Миграция внутри страны была затруднена, как и выбор деятельности, в которой могли быть заняты члены одной семьи [13: с. 29]. Это также способствовало повышению концентрации внимания членов семьи на внутренних событиях группы и более активной внутренней коммуникации. В текущих реалиях такое устройство семейных отношений не является распространённым, но традиция общения, когда в семье помнят обо всех дальних родственниках, стараются поддерживать с ними связь, и по-прежнему считают их близкими, сохраняется. Также в понятие «семья» часто включают друзей и иных субъектов, с которыми кто-то из родственников в данный момент поддерживает тесные отношения.

Ещё одной важной ценностью отечественной культуры является забота о близких. Русский язык фиксирует данные реалии в пословицах и поговорках, раскрывающих тему поддержки семьи и друзей, например: «Любовь братская крепче каменных стен», «Семье, где помогают друг другу, беды не страшны», «Свой дом - не чужой: из него не уйдёшь», «Спаси товарища – себя спаси» и т.п. [7: с. 12]. То есть взаимопомощь и поддержка являют-

ся социально одобряемыми явлениями и всячески поощряются, а эгоистическое поведение по отношению к близким, порицается социумом. В связи с чем концепт «жадность» также находит свое отражение в российской лингвокультуре и относится «к универсальным константам-пейоративам» [4].

В современной России семьи редко проживают компактно в одном населённом пункте, как это встречалось ранее. При наличии большого количества родственников у старших членов семьи, не всегда можно отслеживать, где и кто находится или проживает в данный момент, а при отсутствии регулярных контактов, связь между разрозненными частями семейного дерева может прерываться. Однако в обществе продолжает сохраняться отношение к семье не как элементу хозяйственной системы, а как к общности людей, объединённых чувствами, общими устремлениями, идеями и видением мира [6]. Таким образом общественное одобрение также вызывает ситуация, когда даже дальние родственники и друзья сохраняют связь, а разрушение этой связи, наоборот, не приветствуется. При этом поддержание постоянной коммуникации со всеми родственниками и знакомыми не всегда возможно. Жизненные цели и устремления коммуникантов со временем могут меняться, соответственно поводов для общения и точек соприкосновения становится меньше, регулярные контакты постепенно угасают. В таких случаях взаимодействие и коммуникативные неудачи в процессе общения могут вызывать ситуативный дискомфорт, выраженный в ощущении неловкости и смущения, которые в результате могут трансформироваться в чувство стыда и вины.

Материалы и методы. Эмоции, используемые в мошеннической коммуникации, весьма разнообразны, смущение, стыд и чувство вины также являются объектом активной эксплуатации злоумышленников. В предыдущих публикациях по данной тематике нами были подробно рассмотрены общие характеристики мошеннического дискурса [12], Стратегия апелляция к страху [12], Стратегия апелляция к удаче [11], Стратегия апелляция к жалости [10]. В данной работе ключевыми понятиями будут являться смущение и стыд. Подробно рассматривается Стратегия апелляции к смущению / чувству вины, то есть комплексное манипулятивное воздействие на жертву через поэтапное усиление ощущения неловкости. Воздействие осуществляется с использованием цепочки эмоций, формируемых злоумышленником в следующей последовательности: смущение → чувство вины → стыд¹.

Данная работа подготовлена на материале текстов сообщений, опубликованных пользователями социальных сетей (ВК), тематических форумов (Дром, Vladmata), сайтов развлекательного характера (ЯПЛАКАЛ, Пикабу), публикаций пресс-

¹ Подробный обзор исследования стыда и чувства вины в российской лингвистике см. Волошина, Толстова, 2020. [3]

служб правоохранительных органов (медиа МВД), расшифровок видео по тематике мошенничества, размещенных на популярных видеохостингах, а также эмпирического материала баз данных [8].

Анализ. Ю.Д. Апресян описывает смущение и стыд как синонимы и дефинирует эти явления следующим образом – смущаться/стыдиться *‘испытывать чувство, какое бывает, когда субъект считает, что имеет отношение к чему-то плохому или отклоняющемуся от нормы, из-за чего другие люди будут хуже о нем думать’* [1: с.1122]. Также автор отмечает, что эти понятия отличаются по смысловым признакам. Смущение – менее интенсивная эмоция, которая только сопровождает переход субъекта в иное, более негативное состояние. В то время как стыд может ощущаться субъектом и после разрешения негативной ситуации [1]. Атмосфера диалога, создаваемая злоумышленником в ходе реализации описываемой стратегии, направлена на создание у жертвы ощущения, что она нарушает общепринятую норму, поскольку не может отличить «своего», родственника, пусть даже и неблизкого, и знакомого от «чужого», то есть постороннего человека.

Одним из компонентов сценария является коммуникативная игра, где в ходе обмена репликами жертве предлагается угадать имя звонящего. Основной задачей мошенника является создание чувства смущения, связанного с тем, что она, жертва, не сразу узнает голос родственника или друга, которым далее представляется звонящий. В последующем звонке злоумышленник старается трансформировать данное чувство в стыд и ощущение вины. Намеренно создается взаимосвязь между фактом неузнавания и необходимостью оказать финансовую поддержку, поскольку отказ в ней после первой коммуникативной неудачи адресата будет выглядеть как акт неуважительного, недружественного и постыдного поведения.

В данной стратегии реализуется единственный сценарий, его структура варьируется незначительно. Используется следующая последовательность коммуникативных действий, состоящая из трех этапов: «представление адресанта» → «передача сообщения адресату» → «обоснование необходимости совершения адресатом определенных действий» (см. табл.1).

Таблица 1 / Table 1

Инвариантная структура коммуникации в рамках Стратегии апелляции к смущению / чувству вины /
Invariant communication structure within the framework of the Embarrassment/Guilt Appeal Strategy

Компонент сценария	Содержание и основные параметры компонента сценария
Представление адресанта	Самоидентификация ложная. Мошенник действует в одиночку, принимает на себя роль дальнего родственника, друга или знакомого жертвы ¹ .
Сообщение	- в ходе звонка предлагает угадать, кем он является; - задает вопросы, которые помогают его идентифицировать; - сообщает о том, что направляется к адресату; - сообщает о возникновении проблемы по дороге.
Обоснование необходимости предпринять определенные действия	Адресант просит оказать ему финансовую помощь, апеллируя к родственной связи, дружбе или знакомству с адресатом и эксплуатируя возникшее у адресата чувство неловкости.

Рассмотрим подробно каждый этап.

Этап 1. Представление адресанта.

Мошенник не идентифицирует себя эксплицитно. Диалог, обычно начинается с вопроса адресанта о том, смог ли адресат его узнать. Далее следуют несколько наводящих вопросов, которые ведут жертву в нужном мошеннику направлении: *«Привет, Дорогая! Не узнаешь? Кого ты давно не видела? По кому скучала? Кто к тебе может из Московской области приехать?»* (комментарий к видео на Youtube, 2016)². Присутствует элемент игры. Жертва вовлекается в диалог и демонстрирует реакции в виде пауз хезитации между репликами: *«Мммм, нет. А кто это?», «Ээээ, много с кем не виделась»* (расшифровка видео с сайта mvdmedia.ru, 2021), *«Привет - Привет, а это кто? - не узнала? – нет - как так, родственников не узнаешь – эммм - это я, твой брат – чеее»* (сообщение на сайте Пикабу, 2017). В результате жертва всегда «угадывает», кто ей звонит: *«Привет! Узнаешь? – Нет. А кто это? – Как же ты не узнал меня? Ну, давай, думай!... Голос вроде был*

похож на голос моего двоюродного брата Сашу... Незнакомец тут же подхватил: – Конечно, Сашка! Кто же еще? Ну, ты, дружище, даешь! Я уж думал, не вспомнишь!» (материал на сайте Информационно-развлекательного портала Yagazeta.com, 2020), *«Алло-алло. Пропущенный, кто это? / Ты не поймешь, с кем ты разговариваешь? / Подожди, Сань, ты? / Ну, я, ну а кто?»* (комментарий к видео на Youtube, 2020). Злоумышленник убеждается в том, что адресат, вступив в диалог, соотнес его с кем-то, кого он действительно знает: *«Человек - Привет, ты дома, я еду в Воронеж, скоро буду, встретимся? Я номер поменял./ Я - (не могу узнать голос, он хриплый) – кто это? /Человек – Ты что родственников уже не узнаешь? (А у меня есть родственник с похожим басом и в другом городе, да ещё и телефоны часто новые появляются, разных операторов, меняет) я болею, охрип просто...Олег. Встретимся? я скоро буду. (У меня есть родственник с таким именем в другом городе)»* (сообщение на форуме Пикабу, 2017).

¹ В единичных случаях привлекается второй мошенник для подтверждения факта совершения правонарушения.

² Здесь и далее примеры и цитаты авторов сообщений приводятся с сохранением орфографии и пунктуации.

В ходе коммуникации адресат осуществляет неумышленную передачу адресанту персональных данных или важной информации личного характера (прежде всего имена реально существующих родственников или друзей). Жертва не осознает, что звонящий является мошенником и продолжает диалог, соответственно, не контролирует объем и содержание передаваемой информации: *«Самая большая ошибка у меня была в начале, я понял это когда переслушивал, что я сам назвал имя друга своего!»* (комментарий на Youtube к ролику от 08.03.2016), *«Когда мы начали все раскладывать по полкам, стало понятно, что они не знали ни наших имен, ничего. Мама сама все рассказала, но ведь и они сначала ничего не просили»* (материал на сайте ЯПЛАКАЛ, 2013).

На первом этапе мошеннику важно создать атмосферу неловкости и одновременно удерживать внимание жертвы: *«Этот, так называемый родственник, очень мне рад, но его голос мне совсем чужой.. думаю, ну может телефон так передает или человек устал с дороги или уж не знаю что... хочется человеку задать проверочные вопросы.. но, честно говоря неудобно.. человек к нам едет, а я его допрашиваю»* (комментарий на форуме Vladmama, 2014), *«и мне сегодня звонил "родственник Саша" в 9 утра. Типа, едет во Владик, всем сказал, а его не встречают.. Обиделся и выставил меня виноватой в этом и что не узнаю его...»* (комментарий на форуме Vladmama, 2014).

Этап 2. Передача сообщения адресату.

После установления контакта мошенник переходит к реализации основной цели. Воздействие, в зависимости от сценария, может происходить в ходе одного или двух последовательных звонков.

В случае использования единственного звонка мошенник сразу после установления контакта сообщает о наличии проблемы и немедленно запрашивает денежную помощь: *«Я на заправке, у меня проблема небольшая. Масло не могу заправить... Ты меня не можешь выручить?»* (расшифровка видео с сайта mvdmedia.ru, 2021), *«Машина в дороге поломалась, никому не могу дозвониться, связь теряется, деньги заканчиваются. Закинь мне денег на телефон, приеду-отдам»* (сообщение на форуме Vladmama, 2014). В данном случае сумма запрашиваемой помощи будет совсем незначительной, поскольку иначе вызовет подозрение у жертвы. Также присутствует обещание, что при встрече денежные средства будут возвращены.

В случае использования двух последовательных звонков после окончания коммуникативной игры и ложной идентификации адресанта следует второй звонок, в ходе которого говорящий сообщает, что по дороге к адресату с ним случилась неприятность и просит поучаствовать в решении проблемы: *«Да, говорю, походу не доеду я...ну чо у меня с гаишниками проблема, остано-*

вили, хотят права забрать и машину на штрафстоянку поставить...он увидел, по телефону разговариваю, выбежал, тормознул...черт дернул кружку пива выпить» (расшифровка видео на видеохостинге Youtube, 2016), *«P1: Саня, я выезжаю, так что часа через два буду. Блин, гаишник меня тормозит! Я перезвоню позже. Перезванивает. P1: Саня, тут такое дело, меня гаишник тормознул за то, что по телефону разговаривал, а я в г.Пыть-Яхе бутылку пива сдуру выпил. Он заставил в трубку дунуть и он показал, что я пьяный. Сейчас грозят, что прав лишат и машину на штрафную стоянку. Деньги из рук не берёт. Не знаю, что делать»* (сообщение на форуме Drom, 2015). В данном случае звонящий намекает, что разговор с адресатом косвенно повлиял на решение представителя правоохранительных органов о его остановке и проверке. Эти действия злоумышленника направлены на создание, а затем усугубление чувства вины у жертвы.

При реализации различных вариантов сценария, где фигурируют сотрудники ДПС (Дорожно-патрульной службы), сумма запрашиваемой денежной помощи существенно возрастает.

Особенностью данной стратегии является то, что коммуникация с мошенником может быть как непрерывной, так и дискретной. Злоумышленник может запросить финансовую помощь как в ходе первого и единственного звонка, так и в ходе нескольких последовательных звонков. Развитие ситуации зависит от используемой вариации сценария.

Этап 3. Обоснование необходимости предпринять определенные действия.

Мошенник эксплицирует необходимость осуществления жертвой денежного перевода для разрешения создавшейся у него проблемной ситуации и ускорения встречи, о которой шла речь в диалоге ранее: *«- Ты мне можешь до завтра занять денег? - Саня, много? - Тыщу, тыщу двести. - До завтра получается или на сколько тебе? А шо случилось, Сань?- Ну, потом, не по телефону»* (расшифровка видео на видеохостинге Youtube, 2020), *«Перезванивает и говорит, что его остановили, заставили дышать, а он до этого пообедал где-то на трассе и выпил немного пива, думал, что уже все выветрилось давно, но не тут то было! У них естественно показало, что он выпивший. Говорит, что дает взятку 30000 руб, а они не берут деньги... Капитан в свою очередь говорит, что Сергей ему деньги предлагает, но у них там камеры везде и он брать боится. Поэтому... барабанная дробь.. переведите ему на телефон 20000 руб. в течение часа и он отпустит нашего бедного родственника доехать до нас»* (сообщение на сайте ЯПЛАКАЛ, 2013).

В случае возникновения ситуации, не связанной с правонарушением, размер денежной помощи, которую запрашивает мошенник, не

слишком значителен для жертвы: «старый друг просит выручить полторашкой», «три с половиной до завтра до девяти», «Сань, а много? Тыщу, тыщу двести». Отказ родственнику или другу в подобной сумме в нашей лингвокультуре будет расцениваться как постыдный.

Злоумышленник может апеллировать к причинно-следственной связи между звонком жертве и возникшей затруднительной ситуацией: «меня гаишник тормознул за то, что по телефону разговаривал», «он увидел, по телефону разговариваю, выбежал, тормознул». Это средство воздействия характерно для вариации сценария с остановкой сотрудником ДПС и используется для усиления чувства вины жертвы. Запрашиваемая сумма финансовой помощи при этом будет значительно выше.

В данной стратегии используется весьма сложный коммуникативный сценарий. Звонящий позиционирует себя в качестве родственника или друга жертвы, при этом до начала коммуникации у него нет никаких ее данных, кроме номера телефона. Информация, которой обладает и может оперировать мошенник, ограничена диалогом, происходящим в реальном времени, и данными, которые жертва неосознанно разглашает в процессе общения. Соответственно, отклонение от сценария и дополнительные вопросы могут снизить эффективность манипулятивного воздействия. Используются следующие коммуникативные средства:

- полемический прием «атака вопросами»: «Привет, узнала? Как дела? Как здоровье? Подсказку дать? С кем давно не виделась? С двоюродными?», «Привет! Узнаешь? Как же ты не узнал меня? Ну, давай, думай!». Данный прием используется для удержания внимания адресата, создания интриги и вовлечения его в дальнейший диалог. Звонящий вызывает у жертвы ощущение смущения и тем самым мешает критично осмыслить ситуацию и задать уточняющие вопросы. В случаях попыток жертвы верифицировать личность звонящего, коммуникация обрывается: «Брат оказался менее щепетильным, после моих сомнений опять набрал этого петю и задал ему вопрос для проверки.. Петя не ответил, засмеялся и разговор закончился...» (сообщение на форуме Vladmama, 2014), «мама, которая начала подозревать что-то, спрашивает: "Сергея, это точно ты? Как зовут твою тетюшку?". На этом помолчали, трубку положили и "Сергей" нам больше не звонил» (сообщение на форуме ЯПЛАКАЛ, 2013), «Я: Слушай, д.Саша, а ты вообще чей родственник? Р1: Сань, ты чего? Твой я родственник! Я: По чьей линии-то? Р1: По папиной. Я: Хорошо. У папы как отчество? Р1: (долго думает) Андреевич... Дальше идут нецензурные выражения с моей стороны с указанием дальнейшего направления его движения, т.к. отчество он НЕ УГАДАЛ!» (сообщение на форуме Drom, 2015);

- присутствует апелляция к семейным ценностям или дружбе. Звонящий представляется родственником, знакомым, использует личные местоимения, обращения: «Дорогая!», «Братишка! ²», «ты меня ждешь», «я к тебе еду». Активно используется лексика семантических полей «семья» и «дружба»: брат, двоюродный брат, сестра, родственник, друг, друзья;

- эксплуатируется фактор темпоральности. Через сообщения о том, что лжесродственник и лжедруг придет к жертве в ближайшее время, формируется предвкушение скорой встречи: «Я к тебе еду», «Ты на работе до сколько? Хотел увидеться, мимо ехать», «Едет в командировку во Владивосток на машине и скоро будет у нас. Он спрашивает, что купить, как будем отмечать приезд, ведь давно не виделись. И давайте ждите», «неожиданно приехал в наш город по работе... все так неожиданно.. и тп.. говорит, что хочет с нами всеми увидеться»;

- осуждение звонящим адресата, поскольку для него принадлежность адресанта к категории "свой" не является очевидной: «своих не узнаешь?», «ну а кто еще?», «родственников не узнаешь?». Использование данного инструмента воздействия призвано сформировать у жертвы чувство стыда за свое неодобряемое в социуме поведение.

Результаты.

1. Данная стратегия базируется на следующих традиционных российских ценностях: семья, дружба, взаимопомощь.

2. Эмоциональное состояние жертвы формируется последовательно, строится трехчленная эмоциональная цепочка: смущение – чувство вины – стыд:

1) у жертвы создается чувство смущения («не узнал близкого») для того, чтобы получить необходимую для дальнейшего воздействия информацию (имя родственника или друга);

2) провоцируется чувство вины («близкий попал в сложную ситуацию из-за того, что говорил со мной»);

3) создается ситуация, в которой отказ предоставить помощь будет выглядеть постыдным, то есть нарушающим общепринятые ценности.

Последовательное формирование указанных эмоциональных состояний позволяет достичь основной цели мошеннического дискурса – получить денежные средства жертвы.

3. Реализация стратегии базируется на использовании следующих коммуникативных средств: полемический прием «атака вопросами», эксплуатация фактора темпоральности, построение речевого акта в жанре осуждения, употребление лексики семантических полей семья и дружба.

² БРАТИШКА, -и, м. 1. Малолетний брат (в 1 знач.) (разг.), а также вообще брат (в 1 знач.) (прост.). 2. Фамильярное и дружеское обращение к нестарому мужчине (прост.).[14: 111]

Литература

- Апресян Ю. Д. Стыдиться, стесняться 1, смущаться 1, конфузиться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 1488.
- Ару А. Языковая репрезентация концепта "дружба" в русской речи: дисс... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2022. 213 с.
- Волошина С. В. Репрезентация концепта "стыд" в женском автобиографическом дискурсе (на материале диалектной коммуникации) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 30–37. <https://doi.org/10.17223/15617793/461/4>.
- Карачина О. Е. Ассоциативно-когнитивная семантика жадности в русских и английских поговорках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6-2(36). С. 77–79.
- Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=liq05shtol959907829 (дата обращения: 15.05.2024)
- Лебедев П. А. Семейное воспитание: Хрестоматия. Учебное пособие для пед. вузов. М.: Академия, 2001. 408 с.
- Пословицы и поговорки / сост. В. Д. Сысоев; ил. В. Г. Челака. М.: АСТ: Астрель, 2011. 191 с.
- Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024620441 Российская Федерация. Лингвоюридическая база данных «Мошеннический дискурс»: № 2024620074: заявл. 16.01.2024: опублик. 29.01.2024 / Г. Г. Слышкин, И. В. Смирнова.
- Слышкин Г. Г. Неологизмы тематической группы «Брачные отношения» как проявление кризиса традиционных семейных ценностей в англоязычной лингвокультуре // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем: Сборник научных статей. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2024. С. 165–170.
- Смирнова И. В. Мошеннический дискурс: стратегия апелляции к жалости // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2024. № 4. С. 63–72. <https://doi.org/10.5281/zenodo.13997579>
- Смирнова И. В. Мошеннический дискурс: Стратегия апелляции к удаче // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2024. Т. 13, № 3. С. 15–22. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2024-13-3-15-22>.
- Смирнова И. В. Дискурс технически опосредованного мошенничества: жанр «развод» / «разводилово» и его стратегии // Жанры речи. 2024. Т. 19. № 1(41). С. 90–103. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-90-103>.
- Столяров И. Я. Записки русского крестьянина = Recit d'un paysan russe Paris: Institut D'Etudes Slaves, 1986 (Bialec). 205 с.
- Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: Азъ, 1994. 907 с.
- Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/. (дата обращения: 15.05.2024)
- Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/?ysclid=lzrfau1rws411719701 (дата обращения: 15.05.2024)

References

- Apresyan YD. To be ashamed, to be embarrassed 1, to be confused 1, to be embarrassed in New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. 2nd ed. Under the general direction of academician Yu. D. Apresyan. Moscow: Shkola "Yaziky slavyanskoy kultury"; 2003. 1488 p. (In Russ.).
- Aru A. Linguistic representation of the concept "friendship" in Russian speech: thesis. N. Novgorod, 2022. 213 p. (In Russ.).
- Voloshina SV. Representation of the concept of "shame" in women's autobiographical discourse (based on dialectal communication). *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020;(461):30-37. <https://doi.org/10.17223/15617793/461/4> (In Russ.).
- Karachina OE. Associative-cognitive semantics of greed in Russian and English proverbs. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2014;6-2(36):77-79. (In Russ.).
- Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993. ConsultantPlus: reference and legal system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=liq05shtol959907829 (accessed: 15.05.2024). (In Russ.).
- Lebedev PA. Family education: Reader. Textbook for pedagogical universities. Moscow: Akademiya; 2001. 408 p.
- Proverbs and sayings / [compiled by VD Sysoev; ill. VG Chelaka]. Moscow: AST: Astrel'; 2011. 191 p.
- Certificate of state registration of the database No. 2024620441 Russian Federation. Linguistic and legal database "Fraudulent discourse": No. 2024620074: application. 16.01.2024: published. 29.01.2024 / G. G. Slyshkin, I. V. Smirnova. (In Russ.).
- Slyshkin GG. Neologisms of the thematic group "Marital relations" as a manifestation of the crisis of traditional family values in the English-speaking linguaculture in Isomorphic and allomorphic features of language systems: Collection of scientific articles. Stavropol: NCFU publ.; 2024. p. 165-170. (In Russ.).
- Smirnova IV. Fraudulent discourse: strategy of appeal to pity *Vestnik Donetskogo natsionalnogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psihologiya*. 2024;4:63-72. (In Russ.). <https://doi.org/10.5281/zenodo.13997579>
- Smirnova IV. Fraudulent discourse: Strategy of appeal to luck. *Nauchnie isledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*. 2024;(3):15-22. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2024-13-3-15-22>. (In Russ.).
- Smirnova IV. The discourse of technically mediated fraud: the genre "razvod" / "razvodilovo" ("swindle" / "con game") and its strategies. *Zhanyr rechi*. 2024;1(41):90-103. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-90-103>. (In Russ.).
- Stolyarov IYa. Notes of a Russian Peasant = Recit d'un paysan russe Paris: Institut D'Etudes Slaves; 1986 (Bialec). 205 p. (In Russ.).

14. Explanatory dictionary of the Russian language: 72,500 words and 7,500 phraseological expressions. Moscow: Az; 1994. 907 p.
15. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values" in ConsultantPlus: reference and legal system: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (accessed: 15.05.2024). (In Russ.).
16. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" in ConsultantPlus: reference and legal system: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/?ysclid=lzrfau1rws411719701 (accessed: 15.05.2024). (In Russ.).

РЕЦЕНЗИИ / REVIEW



Рецензия

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.25>

Иванов А.Г. Мюнхенское соглашение – 1938 г.: анатомия предательства: монография / А.Г. Иванов; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. 154 с. 500 экз.

Ирина Александровна Коробкина^{1*}, Арушан Арушанович Вартумян²

^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Кандидат исторических наук, доцент
irynkor@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0005-1658-202X>

² Доктор политических наук, профессор
pragpu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2295-5436>

* Автор, ответственный за переписку

Для цитирования: Коробкина И. А., Вартумян А. А. Иванов А. Г. Мюнхенское соглашение – 1938 г.: анатомия предательства: монография / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. Краснодар: Кубанский гос. Ун-т, 2023. 154 с. 500 экз. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 808–810. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.25>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.06.2024.

Статья принята к публикации: 25.07.2024.

Research article

Ivanov AG. Munich Agreement – 1938: Anatomy of Betrayal: monograph / A.G. Ivanov; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Kuban State University. Krasnodar: Kuban State University, 2023. 154 p. 500 copies.

Irina A. Korobkina^{1*}, Arushan A. Vartumyan²

^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017, Stavropol, Russian Federation)

¹ Cand. Sc. (History), Associate Professor
irynkor@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0005-1658-202X>

² Dr. Sc. (Political Science), Professor
pragpu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2295-5436>

* Corresponding author

For citation: Korobkina IA, Vartumyan AA. Ivanov A.G. Munich Agreement – 1938: Anatomy of Betrayal: monograph; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Kuban State University. Krasnodar: Kuban State University, 2023. 154 p. 500 copies. Humanities and law research. 2024;11(4):808-810. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.25>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 17.03.2024.

The article was approved after reviewing: 18.06.2024.

The article was accepted for publication: 25.07.2024.

В 2023 г. в издательстве Кубанского государственного университета вышла в свет новая монография А.Г. Иванова «Мюнхенское соглашение – 1938 г.: анатомия предательства», ставшая заметным явлением в отечественной историографии международных отношений 30-х гг. XX столетия. Ее автор – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, известный историк, Действительный член Международной академии наук высшей школы, Заслуженный деятель науки Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

В монографии подводится промежуточный итог многолетней работы автора по исследованию предвоенных международных отношений. В ранее

опубликованных работах А.Г. Иванова исследована специфика «политики умиротворения» и международного политического кризиса 1939 г. [1], проанализированы германо-итальяно-британские отношения в процессе подготовки и заключения Мюнхенского соглашения 1938 г. [2], а также сложный комплекс англо-германских отношений накануне Второй мировой войны [3].

Тема исследования, несомненно, актуальна. Соглашение, подписанное в Мюнхене 30 сентября 1938 г., в отечественной историографии его называют «Мюнхенским сговором» и апогеем «политики умиротворения» нацистской Германии, не только привело к разделу суверенной Чехословакии и фактически разрушило систему европейской безопасности 30-х гг. XX столетия, но и фактически привело к началу Второй мировой войны.

Структура монографии представляется вполне логичной. Рецензируемая работа состоит из предисловия, трёх глав, заключения и примечаний. Общий объём – 154 с.

В Предисловии [4, с.3 – 12], автор чётко сформулировал актуальность темы, цели и задачи работы. Приведён достаточно квалифицированный историографический обзор отечественной и зарубежной, преимущественно британской, исторической литературы. Основное внимание уделено различным оценкам политики умиротворения 30-х гг. XX столетия, факторам, повлиявшим на генезис умиротворения [4, с. 5], аншлюса Австрии [4, с. 7], позиции СССР в условиях чехословацкого кризиса [4, с. 9]. В предисловии также содержится характеристика источников. Наиболее ценными явились документы и материалы из фондов Национального архива Великобритании. В исследовании были использованы как опубликованные документы и материалы (в основном это дипломатическая переписка), так и оригинальные (протоколы заседаний британского кабинета Н. Чемберлена, меморандумы ведущих сотрудников внешнеполитического ведомства Великобритании, руководителей военных структур Форин-офис, памятные записки британских дипломатов, агентурные данные о состоянии и развитии вооружений и вооружённых сил стран Европы [4, с. 9].

В первой главе «Аннексия Австрии Третьим рейхом» [4, с. 12-54], автор подробно рассмотрел причины и последствия аншлюса Австрии 12-13 марта 1938 г. Аннексия Австрии, с одной стороны, привела к увеличению территории нацистской Германии на 18%, населения на 10%, военного потенциала, экономического потенциала, расширило продовольственную и сырьевую базу. С другой стороны – аншлюс Австрии уверовал нацистов в безнаказанности их действий, имел трагические последствия для безопасности и мира в Европе и фактически «открыл» дорогу к Мюнхенскому «сговору» [4, с. 53].

Интересной представляется реакция европейских государств на аннексию Австрии. Для Италии Австрия рассматривалась как «сфера влияния». И если в 1934 г. Муссолини выступил против попытки аншлюса, то в 1938 г. фактически смирился с его неизбежностью [4, с. 49]. Реакция Великобритании, как и ожидалось, была мягкой. Чемберлен в беседе с Риббентропом заявил, что Германия может рассчитывать на понимание и добавил, что британское правительство относится к событиям в Центральной Европе реалистично, но оно «не приемлет силовые методы» [4, с. 50-51]. Внешняя политика Франции следовала в фарватере британской политики и всячески стремилась избежать участия в военных действиях, тем более из-за Австрии [4, с. 47, 50]. СССР аншлюс Австрии осудил, призвал Лигу Наций немедленно приступить к обсуждению аннексии. Текст заявления был отправлен правительствам США, Великобритании, Франции и Че-

хословакии. Советские предложения были отклонены (Великобритания, Франция) либо ответа не последовало (США, Чехословакия) [4, с. 5].

Во второй главе «Чехословацкий кризис. Дорога к Мюнхену» [4, с. 54-98], автор рассмотрел политико-дипломатическую ситуацию в и вокруг Чехословакии после аншлюса Австрии до подписания Мюнхенского соглашения. «Чехословацкий кризис» был связан с Судетской проблемой – отделение Судетской области от Чехословакии. Для отторжения Судет нацисты использовали заведомо неприемлемые требования Судетской немецкой партии во главе с К. Гейнлейном [4, с. 54]. Опираясь на оригинальные документы и материалы Национального архива Великобритании, автор совершенно справедливо делает вывод о поддержке британскими дипломатами германского варианта разрешения Судетской проблемы [4, с. 61]. Франция, в силу своей зависимости от Великобритании, от своих обязательств (франко-чехословацкий договор 1924 г., франко-чехословацкий гарантийный пакт, подписанный в 1925 г. в Локарно) перед Чехословакией отказывалась [4, с. 62]. Ссылаясь на документы, автор подчёркивает, что Советский Союз подтверждал неоднократно свою готовность выполнить свои обязательства по чехословацко-советскому договору о взаимопомощи 1935 г., при этом отмечает «не ясно, готов ли был Сталин выполнить их...учитывая неблагоприятный для Москвы расклад сил» [4, с. 70]. Именно Чехословакия настояла на зависимости выполнения взаимных обязательств Чехословакии и СССР от позиции французской стороны. Проблематичность оказания помощи была также связана и с отсутствием совместной границы СССР с Чехословакией [4, с. 71]. Далее во второй главе также были рассмотрены и проанализированы различные программы мирного урегулирования «Чехословацкого кризиса» [4, с. 79, 86], возможность военного разрешения Судетской проблемы [4, с. 87], нейтрализация Чехословакии и проведение плебисцита в Судетской области [4, с. 85]. Касаясь посреднической миссии Ренсима, автор делает вывод о её безрезультатном завершении [4, с. 97].

Третья глава «Мюнхенское соглашение – кульминация политики умиротворения» [4, с. 98-139], посвящена военно-политической и дипломатической предыстории накануне Мюнхенской конференции, подписанию Мюнхенского соглашения и его последствий. Особое внимание автор уделит позиции британской дипломатии в процессе подготовки конференции в Мюнхене. Анализируя итоги совещания в Лондоне 19 сентября 1938 г., на котором было принято обращение к Э. Бенешу с рекомендацией передать Судеты Германии, учредить международную наблюдательную комиссию при британских гарантиях чехословацких границ, автор справедливо заключает, что решение руководителей Великобритании и Франции в Лондоне, «было первым шагом к катастрофе» [4, с. 107]. Как итог, под нажимом западных

держав, правительство Чехословакии ультиматум Германии приняло [4, с. 109].

Таким образом, Великобритания и Франция поддерживали германский вариант разрешения «чехословацкого кризиса» [4, с. 113]. Союзники Франции и Чехословакии – Румыния и Югославия, предпочитали придерживаться нейтралитета и изолировались от германо-чехословацкого конфликта [4, с. 114]. Польша и Венгрия поддерживали Германию и рассчитывали на территориальные приобретения [4, с. 114]. США официально придерживались нейтралитета [4, с. 115]. Мюнхенскую конференцию автор называет «водоразделом между миром и войной» [4, с. 132].

В историографии при оценке Мюнхенского соглашения существуют диаметрально противоположные мнения: от концепции сговора руководителей стран Запада с нацистской Германией до «трагической необходимости» [4, с. 125]. По мнению автора монографии, Мюнхенское соглашение однозначно не являлось «трагической необходимостью» [4, с. 131]. И далее А.Г. Иванов констатирует, что Мюнхен явился трагедией не только для Чехословакии, но и для всей Европы. Опираясь на факты и архивные документы, автор заявляет, что никакой необходимости в заключении Мюнхенского соглашения не было. Соглашение в Мюнхене, по его мнению, явилось циничным расчётом «умиротворителей» в Лондоне и Париже принести в жертву агрессору Чехословакию, как незадолго до этого, Австрию, в надежде «(пустой, как оказалось), что это обеспечит мир и согласие западных держав с Германией» [4, с. 132].

В Заключении [4, с. 139 – 143], автор подвел итоги своему исследованию, сделал аргументированные выводы, отражающие особенности материала и корректность анализа. Аншлюс Австрии и отторжение Судетской области автор рассматривал в контексте кризиса Версальской системы международных отношений, формирования блока агрессивных держав и политики умиротворения нацистской Германии западными странами. Главные выводы автора заключается в том, что аншлюс Австрии явился актом прямой агрессии нацистской Германии против суверенной страны и, по сути стал промежуточным этапом на

пути сначала к отторжению Судетской области от Чехословакии, а затем и к захвату Чехословакии с последующей экспансией на юго-восток и восток Европы [4, с. 140]. Главную роль в умиротворении нацистской Германии сыграла Великобритания. Именно правительство Н. Чемберлена инициировало все варианты разрешения Судетской проблемы: нейтрализация Чехословакии и отказ от договорных обязательств, проведение плебисцита в Судетской области, посредническая миссия лорда Ренсимена на переговорах между представителями чехословацкого правительства и Судетской немецкой партии, Мюнхенская конференция 29-30 сентября 1938 г. [4, с. 140]. Первые три варианта не были реализованы. Мюнхенское соглашение, резюмирует автор, по праву считается апогеем политики умиротворения нацистской Германии. Политика умиротворения привела не только к ликвидации суверенитета Австрии и Чехословакии, но и фактически разрушила хрупкую систему европейской безопасности: Версальский порядок и политику коллективной безопасности. Мюнхенская политика ускорила начало Второй мировой войны [4, с. 142].

Монография выполнена на основе широкого круга исторических источников – архивные материалы (АВП РФ, Национальный архив Великобритании), опубликованные сборники документов и материалов по истории Мюнхенского соглашения, внешней политике СССР, документы и материалы кануна Второй мировой войны. Значительная часть оригинальных источников вводится в научный оборот впервые (Национальный архив Великобритании).

Несомненно, данная монография является важным этапом в изучении истории международных отношений в 30-е гг. XX столетия и истории Второй мировой войны. Работа написана хорошим литературным языком, легко и с интересом читается. Исследование предназначено как для преподавателей, аспирантов, студентов по направлениям «История» и «Международные отношения», а также и для всех, кто интересуется историей, дипломатией и международными отношениями. Полагаем, что данное издание бесспорно будет востребовано.

Литература

1. Иванов А.Г. Европейский кризис 1939 г. и начало Второй мировой войны. М.: МГОУ, 2013. 152 с.
2. Иванов А.Г. Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М.: Наука, 1993. 207 с.
3. Иванов А.Г. Великобритания и Третий рейх накануне Второй мировой войны. М.: МАМИ, 2014. 371 с.
4. Иванов А.Г. Мюнхенское соглашение – 1938 г.: анатомия предательства. Краснодар: Кубанский гос. Ун-т, 2023. 154 с.

References

1. Ivanov A.G. The European Crisis of 1939 and the Beginning of World War II. Moscow: MSOU publ.; 2013. 152 p. (In Russ.).
2. Ivanov A.G. Aggressors and Appeasers. Hitler, Mussolini, and British Diplomacy. Moscow: Nauka; 1993. 207 p. (In Russ.).
3. Ivanov A.G. Great Britain and the Third Reich on the Eve of World War II. Moscow: MAMI; 2014. 371 p. (In Russ.).
4. Ivanov A.G. The Munich Agreement of 1938: The Anatomy of Betrayal. Krasnodar: Kuban State University; 2023. 154 p. (In Russ.).

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ / SCIENTIFIC REVIEW



Обзорная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.26>

Научно-практические мероприятия СКФУ 2023-2024 гг., приуроченные к юбилейным датам со дня подписания международных договоров как фактор сохранения исторической памяти у учащейся молодежи

Александр Абакарович Кудрявцев^{1*}, Николай Дмитриевич Судавцов²

^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, профессор
kaa0210@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5647-4092>

² Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
nsudavtcov@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0008-2199-6122>

* Автор, ответственный за переписку

Для цитирования: Кудрявцев А. А., Судавцов Н. Д. Научно-практические мероприятия СКФУ 2023-2024 гг., приуроченные к юбилейным датам со дня подписания международных договоров, как фактор сохранения исторической памяти у учащейся молодежи // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 811–813. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.26>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 18.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 21.06.2024.

Статья принята к публикации: 24.07.2024.

Review article

Scientific and practical events of NCFU 2023-2024, timed to the anniversaries of the signing of international treaties, as a factor in preserving historical memory among students

Alexander A. Kudryavtsev^{1*}, Nikolay D. Sudavtsov²

^{1, 2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St. Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (History), Professor
kaa0210@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5647-4092>

² Dr. Sc. (History), Leading Researcher
nsudavtcov@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0008-2199-6122>

* Corresponding author

For citation: Kudryavtsev AA, Sudavtsov ND. Scientific and practical events of NCFU 2023-2024, timed to the anniversaries of the signing of international treaties, as a factor in preserving historical memory among students. Humanities and law research. 2024;11(4):811-813. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.4.26>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 18.03.2024.

The article was approved after reviewing: 21.06.2024.

The article was accepted for publication: 24.07.2024.

Северо-Кавказский федеральный университет имеет многолетний опыт в проведении международных и всероссийских научно-практических мероприятий (в форме форумов, конференций и круглых столов), которые были приурочены к юбилеям знаковых исторических событий, повлиявших, а порою и изменивших ход отечественной и мировой истории.

Значительная часть этих мероприятий была проведена с участием учащейся молодежи школ и студентов, что в свою очередь способствовало сохранению исторической памяти у молодежи.

В качестве примеров такой системной работы ученых-историков университета рассмотрим научно-практические мероприятия, итогом которых

стала публикация двух сборников материалов, в которых нашли отражение доклады участников.

Основным лейтмотивом состоявшихся мероприятий стали рассмотрение и анализ двух договоров конца XVIII века – Георгиевского трактата 1783 г. и Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., юбилеи которых пришлось на 2023 и 2024 гг., соответственно.

Именно юбилейные даты со дня заключения этих договоров инициировали участие ученых университета в подготовке конкурсных заявок на реализацию целого цикла мероприятий по привлечению внимания экспертов и широкой общественности к причинам и результатам подписания этих международных документов. Значительное вни-

мание при этом было отведено и содержанию рассматриваемых нами договоров.

Проектом, итогом которого стало издание сборника материалов «Россия и Закавказье в историческом измерении и пространстве (к 240-летию подписания Георгиевского трактата)» [3], было государственное задание Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Организационно-техническое и ресурсное обеспечение проведения общественно-значимых мероприятий по тематике “Георгиевский трактат в событиях и документах” на 2023 год» (паспорт проекта № 4610-23).

В рамках реализации этого проекта Гуманитарным институтом Северо-Кавказского федерального университета были организованы и проведены:

- 16 июня 2023 г. – Международный круглый стол «Россия и Грузия: 240 лет Георгиевскому трактату» с участием грузинских, армянских и российских экспертов;

- 3-7 июля 2023 г. – Международная молодежная летняя школа «Большой Кавказ: пространство межкультурного диалога и сотрудничества» с участием 30 обучающихся из Грузии, Армении и России (с привлечением сверх этой цифры к работе молодежной школы помимо российских еще и 3 зарубежных экспертов);

- 10-11 ноября 2023 г. – Международный круглый стол «Россия и Закавказье в историческом измерении и пространстве (к 240-летию подписания Георгиевского трактата)» с более 80 участниками из Грузии, Армении, Абхазии и России, 60 из которых стали авторами опубликованного научного сборника.

Примечательно, что география российских участников Летней школы была представлена 19 аспирантами и студентами из Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Махачкалы, Владикавказа, Нальчика и Ставрополя.

В ходе содержательной работы международного круглого стола были сформулированы и прозвучали суждения об общих страницах нашей истории и позитивный взгляд в будущее наших дружественных государств и народов, которые нашли отражение в вышедшем научном издании. Говоря более предметно о 60 авторах сборника, подчеркнем, что среди них были 17 докторов наук, 24 кандидата наук, 1 докторант, 1 аспирант, 3 студента и другие категории участников (учителя, общественные деятели, сотрудники организаций).

Особо стоит отметить, что сборник стал не единственным изданием, осуществленным в рамках выполнения государственного задания. Наряду с ним итогом экспертной научно-исследовательской работы российских и грузинских ученых стала публикация учебно-методического пособия «Георгиевский трактат в событиях и документах (к 240-летию подписания)» на русском и грузинских языках [1]. Данное издание было рассчитано, прежде всего, на учащихся Республики Грузия, чтобы

познакомить их с историей взаимоотношений народов 2-х государств в разные периоды истории.

Юбилейной дате было посвящено проведение университетом 24 июля 2023 г. торжественных мероприятий в месте подписания договора – в г. Георгиевске (международного научно-практического круглого стола и праздничного концерта с выступлениями коллективов краевого центра и Ставропольского края). Наряду с этим ГТРК «Ставрополье» подготовило и осуществило съемку документального фильма «Георгиевский трактат: Кавказ в геополитике», в создании которого активное участие приняли и ученые-историки СКФУ. Оба мероприятия были проведены в рамках реализации проекта «Ставрополье – мост российско-грузинской дружбы (к 240-летию Георгиевского трактата)» Автономной некоммерческой организации «Кавказский исследовательский центр «Стратегикон» при поддержке Правительства Ставропольского края и Фонда президентских грантов.

В 2024 г. университет реализовал новые проекты, проведя серию мероприятий посвященных 250-летию Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

В рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Научно-методическое и ресурсное обеспечение системы образования» на тему «Сопровождение и обеспечение проектов со странами Закавказья, Ближнего Востока и Северной Африки» на 2024 год (проект 5564-24), университетом были проведены и мероприятия, посвященные юбилею подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора:

- 1-5 июля 2024 г. – II Международная молодежная Летняя школа «Россия и народы Южного Кавказа: историческая память и вызовы глобализации» с участием грузинских, армянских и российских слушателей;

- 14-15 ноября 2024 г. – Международный молодежный научно-практический форум «Цивилизационно-культурный диалог на Кавказе».

Среди участников молодежных школы и форума были ученые и общественные деятели из стран Ближнего Зарубежья и России, которые собрались для обсуждения с учащейся молодежью вопросов прошлого наших народов и современности, сохранения исторической памяти и противодействия фальсификации истории.

В настоящее время завершается подготовка и издание сборника документов «Россия и народы Закавказья (конец XVIII – начало XX века): модернизационные процессы и межкультурный диалог (к 250-летию Кючук-Кайнарджийского мирного договора)», в котором также как и в 2023 г. авторами стал российско-грузинский коллектив ученых.

НО «Кавказский исследовательский центр «Стратегикон» при поддержке Правительства Ставропольского края и Фонда президентских грантов в 2024 г. со своей стороны в рамках проекта «Ставрополье – центр межкультурного диалога в

цивилизационном пространстве России (к 250-летию подписания Кючук-Кайнарджийского договора)» совместно с учеными университета реализовали ряд мероприятий, одним из которых стала Международная научно-практическая конференция «Роль империй нового времени в истории и судьбах народов Кавказа (к 250-летию Кючук-Кайнарджийского мирного договора)», завершившаяся подготовкой и изданием сборника материалов [2].

Среди 41 автора сборника были 13 докторов наук, 18 кандидатов наук, 2 преподавателя, 5 аспирантов, 1 соискатель, 1 студент и 1 общественный деятель.

В декабре 2024 г. ожидается презентация и выход на телеэкраны еще одного документального

фильма, посвященного подписанию Кючук-Кайнарджийского мирного договора, снятого ГТРК «Ставрополье». В его подготовке вновь приняли активное участие и ученые-историки СКФУ.

В завершении краткого экскурса реализованных Северо-Кавказским федеральным университетом в 2023-2024 гг. мероприятий, посвященных юбилеям подписания международных договоров конца XVIII века, отметим, что всем им были присущи одни и те же общие цели и задачи – укрепление и развитие межнациональных отношений и упрочение добрососедских связей с государствами и народами Большого Кавказа.

Литература

1. История взаимоотношений России и Грузии в X – первой половине XIX вв. Учебное пособие. Ставрополь: Изд-во ИП Еремин С.В., 2023. 400 с.
2. Роль империй нового времени в истории и судьбах народов Кавказа (к 250-летию Кючук-Кайнарджийского мирного договора): материалы международной научно-практической конференции (г. Ставрополь, 26-27 сентября 2024 г.). Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф», 2024. 288 с.
3. Россия и Закавказье в историческом измерении и пространстве (к 240-летию подписания Георгиевского трактата): сборник материалов Международного круглого стола (10–11 ноября 2023 г.). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2023. 336 с.

References

1. The history of relations between Russia and Georgia in the X – first half of the XIX centuries. A study guide. Stavropol: Publishing house of IP Eremin SV; 2023. 400 p. (In Russ.).
2. The role of the empires of modern times in the history and destinies of the peoples of the Caucasus (on the 250th anniversary of the Kucuk-Kaynardzhi Peace Treaty): materials of the international scientific and practical conference (Stavropol, September 26-27, 2024). Stavropol: Stavropol publishing house "Paragraph"; 2024. 288 p. (In Russ.).
3. Russia and Transcaucasia in historical dimension and space (to mark the 240th anniversary of the signing of the St. George's Treatise): collection of materials of the international round table (November 10-11, 2023). Stavropol: Publishing House of NCFU; 2023. 336 p. (In Russ.).

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2024. Том 11. № 4

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал / гл. ред. И. В. Крючков.
2024. Т. 11. № 4. 206 с.

— Свободная цена —

Ответственный секретарь К. Р. Амбарцумян

Технический редактор, компьютерная верстка М. И. Толмачев
Дизайн обложки С. Томицкая

Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная

Подписано к печати 28.11.2024

Усл. п. л. 23,95
Заказ 71

Дата выхода в свет 27.12.2024

Уч.-изд. л. 22,49
Тираж 500 экз.

Отпечатано в дизайн-бюро Высшей школы креативных индустрий
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2